

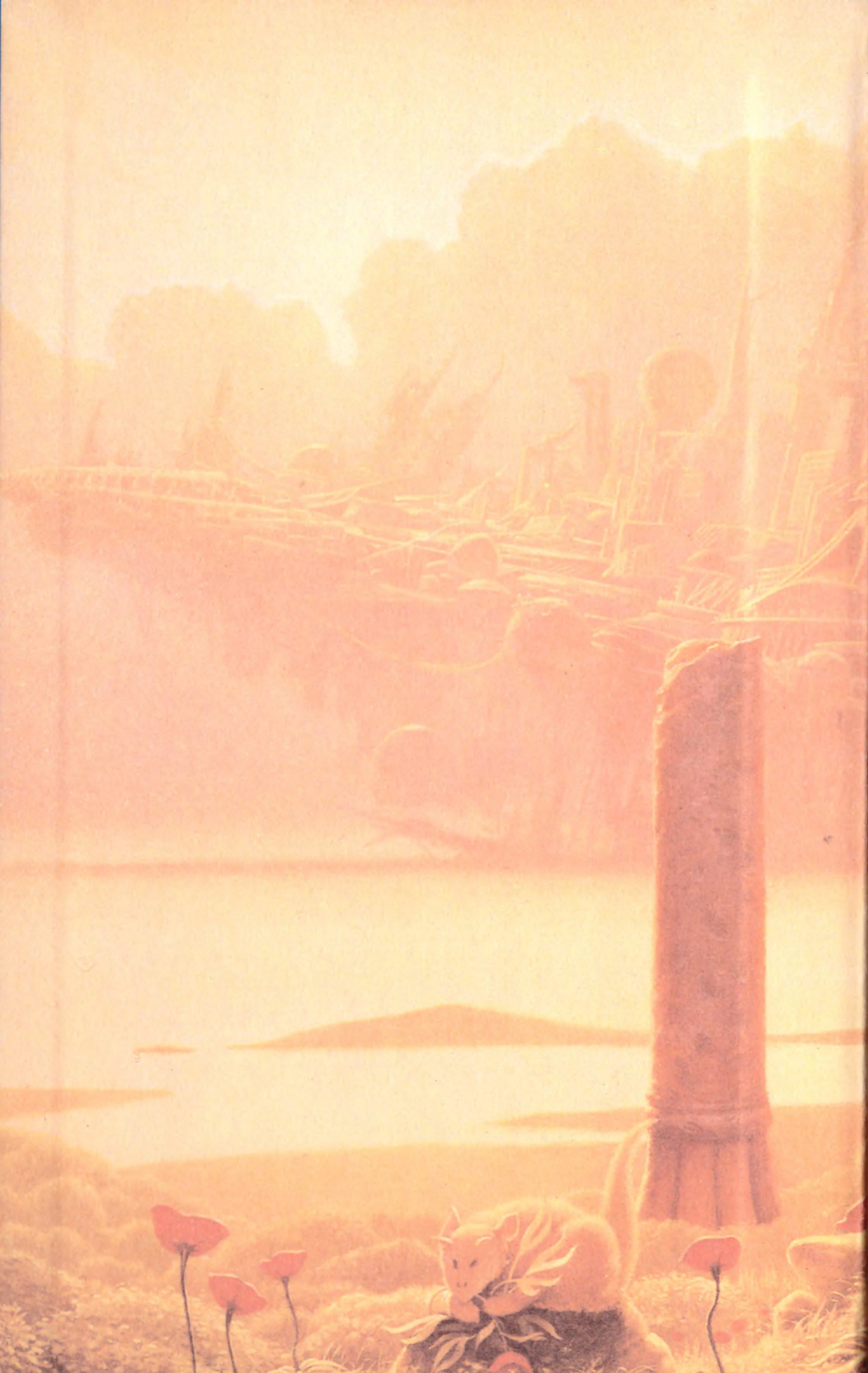
ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

ГОРОД
ИЛЛЮЗИЙ

УРСУЛА ЛЕ ГУИН

WORLDS OF URSULA LE GUIN

HAINISH CYCLE

ROCANNON'S WORLD

PLANET OF EXILE

CITY OF ILLUSIONS

**«POLARIS» PUBLISHERS
1997**

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

ХАЙНСКИЙ ЦИКЛ

РОКАННОН

ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1997**

*Издание подготовлено
при участии АО «Титул»*

**Миры Урсулы ле Гуин. Город иллюзий / Пер. с англ. —
Полярис, 1997. — 383 с.**

В эту книгу вошли три романа из цикла о мирах, засеянных в далеком прошлом разумной жизнью учеными с планеты Хайн, — «Роканнон», «Планета изгнания» и «Город иллюзий».

**Произведения, включенные в данное издание, охраняются
законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и
всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и
переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с письменного разрешения издателя.**

*Иллюстрации на обложку и форзац печатаются с разрешения
художника Michael Whelan и его агентов: Glass Onion Ltd.
(США) и Александра Корженевского (Россия).*

Rocannon's World
Copyright © 1966 by Ursula K. Le Guin

Planet of Exile
Copyright © 1966 by Ursula K. Le Guin

City of Illusions
Copyright © 1967 by Ursula K. Le Guin

Роканнон
© И. Тогосва, перевод, 1997

Планета изгнания
© И. Гурова, перевод, 1974

Город иллюзий
© С. Славгородский, перевод, 1997

© Издательство «Полярис», оформление,
составление, название серии, 1997

ISBN 5-88132-312-2

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Э тот том составили три небольших романа из так называемого «Хайнского цикла» — наиболее многоликого и обширного из творений Урсулы ле Гуин.

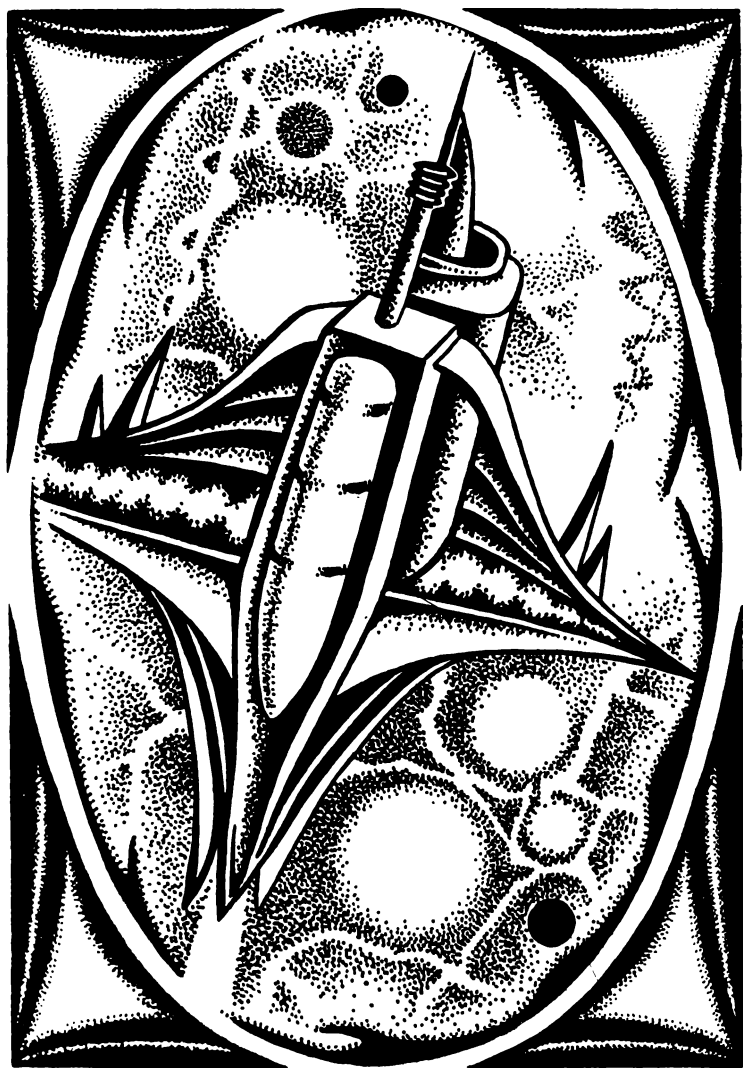
Романы «Роканнон», «Планета изгнания» и «Город иллюзий» вышли в свет почти один за другим в 1966—1967 годах, в самом начале карьеры писательницы, послужив как бы введением во вселенную Хайна. Тысячи лет назад обитатели планеты Хайн, называемой землянами также Давенант, заселили гуманоидной жизнью множество миров, изменяя собственные гены в соответствии с условиями на той или иной планете. Потом культура Хайна надолго угасла, и экспериментальные колонии оказались предоставлены своей судьбе, пока на разных мирах почти одновременно не был создан двигатель для межзвездных перелетов, позволяющий преодолевать десятки световых лет «за одну долгую ночь». Долгую — потому что в несколько часов корабельного времени укладываются годы времени внешнего. Единственным средством мгновенной межзвездной связи служит ансамбль, историю создания которого Урсула ле Гуин опишет позже, в романе «Обездоленные».

Действие романа «Роканнон» происходит уже после создания ансамбля, в годы перед распадом и гибелью Лиги Всех Миров. Восстание на Фарадее, ставшее поворотной точкой событий, описанных в романе, станет прелюдией к появлению Врага. И вновь колонии на далеких мирах окажутся отрезаны от метрополии, как это случилось с колонией на планете Верель в системе звезды Эльтанин.

Истории взаимоотношений землян и туземцев на Вереле и посвящен роман «Планета изгнания». Год там длится человеческую жизнь — тридцать земных лет зима, и столько же лето. Десять верельских лет существует город «дальнерожденных», чужой

этому миру и отторгаемый им. Но когда наступает очередная зима, землянам и туземцам приходится действовать вместе против общего врага. И, словно покоренная силой любви туземки Ролери и землянина Джакоба Агата, планета приносит им неожиданный дар...

А «Город иллюзий» является почти продолжением предыдущего романа. Прошло еще несколько веков. Ставшие единым народом верелиане посылают экспедицию на Землю, чтобы узнать, какой враг, каким оружием сумел подорвать мощь Лиги. Но единственный оставшийся в живых, потерявший память член экспедиции, прозванный Фальком, узнает лишь имя Врагов — Синги, и природу их зловещего дара — мысленной лжи. Но чтобы сообщить об этом на родину, он должен вначале прийти в Эс Тох — Город иллюзий, и найти в нем себя самого, вернуть потерянную память навигатора Агада Рамаррена.

РОКАННОН

ПРОЛОГ: Ожерелье

Как в мире, невероятно далеком от нашего, отличить сказку от реальности? Ведь мы не знаем даже названий многих планет, обитатели которых говорят просто: «Это наш мир». И в мире этом еще нет науки Истории, здесь прошлое — лишь объект мифа, здесь инопланетный исследователь, вернувшись через несколько лет, обнаруживает, что успел стать для местных жителей богом. Здесь разум еще спит, и когда мы, явившись на своих невероятно быстрых космических кораблях, пытаемся принести сюда свет знаний наших миров, в неверном еще свете этом начинают бурно расти, точно сорняки в поле, сумеречные суеверия и разнообразные преувеличения.

Пытаясь рассказать историю одного ученого из Лиги Миров, отправившегося в такой вот безымянный и мало еще исследованный мир, чувствуешь себя археологом среди древних руин: то приходится с трудом продирааться сквозь сплетения веток, листьев и лиан, поглотивших развалины; то тебе вдруг попадаете идеальное, с точки зрения геометрии, колесо или до блеска отполированный угловой камень дивного строения; то мелькнет перед тобой раскрытая дверь, а за ней, в полутьме, — теплое мерцание очага, блеск драгоценного камня, едва заметный взмах женской руки...

Как отличить действительность от мифа, как отличить одну истину от другой?

Вся жизнь Роканнона озарена была мимолетной вспышкой синего огня, заключенного в старинном ожерелье. Что ж, с этого мы, пожалуй, и начнем:

Восьмой галактический сектор, планета № 62, система Фомальгаут-II.

Обнаружены Формы Высокоразвитого Интеллекта (ФВИ). Контакт состоялся со следующими представителями:

1. а) Гдемьяр (единственное число — гдема): интеллект высоко развит; гуманоиды, ведущие ночной образ жизни; троглодиты, обитают в пещерах; рост 120—135 см, кожа светлая, волосы темные. Социальное устройство: в момент Контакта их общество имело жесткую олигархическую структуру; гдемьяр проживают главным образом в городских общинах, скрепленных частичной телепатией (в пределах данной конгломерации). Культура: начало Железного века, ориентация на технологическое развитие. В 252—254 гг. Лига искусственно подняла уровень их развития до Индустриального-С. В 254 г. олигархам Кириенского побережья был подарен автоматически пилотируемый корабль, способный совершать полеты Фомальгаут—Новая Южная Джорджия и обратно. Статус С-прим.

б) Фийя (единственное число — фийян): интеллект высоко развит; гуманоиды; ведут обычный, дневной образ жизни; средний рост 130 см, волосы чаще всего светлые, кожа тоже светлая. Насколько можно судить по беглым наблюдениям во время Контакта, живут сельскими и кочевыми общинами, внутри которых отмечена частичная телепатическая связь. Также вполне возможна некоторая способность к телекинезу. К технологическому развитию, по всей видимости, не склонны; избегают контактов, внешние признаки культурного развития удалось выявить недостаточно. В настоящее время обложение фийя налогами представляется невозможным. Предположительно Статус Е.

2. Лийяр (единственное число — лиу): интеллект высоко развит; гуманоиды; дневной образ жизни; средний рост более 170 см; классовое феодальное общество, устроенное по принципу «замок-деревня»; культура — Бронзовый век (без тенденции к дальнейшему развитию), героический эпос. Примечание: два «горизонтальных» псевдо-подвида: а) ольгьяр (единственное число — ольгья), или «низкорослые» — светлокожие и темноволосые; б) ангьяр (единственное число — ангья), или «повелители» — очень высокие, темнокожие и светловолосые...

— Вот она, — сказал Роканнон, заглянув в карманный «Краткий словарь ФВИ», и указал на очень высокую темнокожую женщину с золотистыми волосами, уложенными короной надо лбом. Застыв посреди длинного зала, она неотрывно смотрела на какой-то экспонат под стеклом, а возле нее неловко переминались с ноги на ногу четыре карлика, довольно-таки неприятные на вид.

— Вот уж не знал, что в системе Фомальгаут-II кроме тех троглодитов есть еще какие-то народы, — откликнулся Кето, хранитель музея.

— Я тоже не знал. А там, оказывается, есть еще и много таких, чье существование, как гласит словарь, «пока не подтверждено».

Их пока никто из исследователей даже не видел. Пора, пора заняться этой планетой повнимательней! Что ж, теперь мы по крайней мере знаем, откуда она.

— Хорошо б еще узнать, кто она такая!..

Она была из старинного королевского рода, потомок первых правителей ангьяр, однако семья ее обеднела, и в наследство Семли досталось лишь золото прекрасных волос, сиявших ясным немеркнувшим светом. Маленькие фийя почтительно склонялись перед ней, когда она босиком носилась по полям — легконогое дитя народа ангьяр с пышной и яркой, точно комета, гривой светлых волос, развевавшихся на ветру Кириена.

Она была еще совсем девочкой, когда Дурхал Халланский увидел ее, влюбился, сделал своей женой и увез из полуразрушенного замка, где гуляли сквозняки, к себе в Халлан. Впрочем, в Халлане, построенном высоко на горе, тоже было не слишком уютно. Семли с детства привыкла к тому, что окна в замке без стекол, каменные полы не застелены коврами, а зимой по утрам под каждым окном наматывает полоску снега. Юная жена Дурхала бесстрашно ступала босыми узенькими ступнями на ледяной пол и, со смехом поглядывая в серебряное зеркало на мужа, принималась заплетать и укладывать в сложную прическу пламень своих волос. Зеркало это, висевшее на стене спальни, да свадебное платье матери Дурхала, расшитое тысячами крошечных прозрачных бисеринок, составляли все их богатство. Хотя даже среди обитателей замка кое у кого из родичей Дурхала, куда менее знатных, чем он, сундуки были полны богато расшитой одеждой, имелась и позолоченная мебель, и серебряная упряжь, и прекрасные доспехи, и мечи в серебряных ножнах, и множество драгоценностей — все это не слишком нравилось жене молодого Дурхала, хотя она с завистью поглядывала на усыпанную самоцветами диадему или золотую брошь, если владелица их почтительно уступала ей дорогу, склоняя голову перед благородством и величием ее рода и рода ее супруга.

Четвертыми от трона правителя Халлана сидели во время трапез Дурхал и жена его Семли — так близко от старика, что он нередко сам наливал Семли вино, беседуя со своим племянником и наследником Дурхалом об охоте; старый Хозяин Халлана поглядывал на юную пару любовно, хотя и мрачно: самому ему уже надеяться было не на что. Впрочем, многие обитатели Халлана, да и Западных Земель вообще, почти перестали уповать на будущее — с тех пор, как в их мире появились Властелины Звезд со своими странными летающими домами, испускавшими столбы огня, и со своим ужасным оружием, что в один миг сравнивало с землею холмы. Властелины Звезд нарушили все древние военные законы, не соблюдали установленного перемирия и опозорили ангьяр данью — пусть небольшой! — обязав их платить ее во имя

какой-то войны с неведомым врагом, притаившимся якобы между звезд, на дальнем конце времен. «Это будет и ваша война», — твердили ангяр Властелины Звезд, однако уже много лет ангяр не вели вообще никаких военных действий, не производили набегов, а проводили время в праздности, сидя в парадных залах своих замков и глядя, как ржавеют их мечи; и сыновья их вырастали, так и не нанеся порой ни одного удара врагу, а дочери вынуждены были выходить замуж за бедняков, даже за «низкорослых», ибо у них не было достойного приданого, добытого их отцами и братьями в геройском бою. Печально глядел старый правитель Халлана на золотоволосую пару, слушая, как Семли и Дурхал шутят и смеются, прихлебывая горьковатое вино в холодном, величественном, однако сильно уже обветшавшем парадном зале замка, издавна принадлежавшем их роду.

Семли мрачнела лишь тогда, когда видела сидевших на куда менее почетных, чем у нее, местах всяких «полукровок» и «низкорослых», в темных волосах и на белой коже которых сверкали драгоценные камни. Сама она в приданое не получила даже серебряной заколки для волос. А расшитое бисером платье — подарок матери Дурхала — сразу после свадьбы спрятала в сундук: подарит дочери, если у нее когда-нибудь родится девочка.

И у них действительно родилась дочь, и они назвали ее Хальдре, и вскоре золотистый пушок на темнокожей голове малышки превратился в роскошь золотых кудрей — иным золотом Хальдре владеть, видно, было уже не суждено...

Семли не рассказывала мужу о своих страданиях. Дурхал был с нею очень нежен и мягок, однако в гордости своей испытывал лишь презрение к зависти и суетным, тщеславным желаниям, и Семли боялась, что он ее осудит. Зато она могла поговорить об этом с Дуроссой, сестрой Дурхала.

— Когда-то у нас в семье из поколения в поколение передавалось дивное сокровище, — сказала она. — Золотое ожерелье с огромным синим самоцветом — по-моему, это был сапфир.

Дуросса только плечами пожала и улыбнулась. Она тоже плохо разбиралась в драгоценных камнях. Стояло теплое лето, точнее, конец того периода, который северные ангяр называют летом — самая приятная часть долгого, восьмисотдневного года, начало которого отмечалось во время равноденствия. Семли такое летосчисление казалось чуждым; она считала, что его выдумали здешние «низкорослые». На ней ее род кончался; родственники тоже не имели наследников мужского пола, однако Семли знала, что происходит из куда более благородной семьи, чем любая из здешних; жители этих заболоченных равнин слишком часто вступали в браки с «низкорослыми», и Семли их осуждала. Она сидела сейчас рядом с Дуроссой на залитой солнцем широкой скамье перед окном. Покои Дуроссы находились в Большой Башне, высоко над землей. Дуросса овдовела совсем молодой, детей у нее не было, и ее выдали замуж

второй раз — за собственного дядю, брата ее отца, бывшего правителем Халлана. Поскольку брак был родственным и вторым для обеих сторон, Дуросса не получила титула Хозяйки Халлана, который в будущем должна была получить Семли. Но на троне сидела рядом с мужем и вместе с ним управляла его владениями. Дурхал был ее младшим братом, и она без памяти любила его молодую жену и их очаровательную светловолосую дочурку.

— За это ожерелье заплатили всем, что получил мой предок Лейнен, когда завоевал Южные Владения, — мечтательно продолжала Семли. — Огромную сумму — стоимость целого королевства! — за одно украшение. Ты только подумай! Ах, оно несомненно затмило бы блеск всех украшений за столом Халлана! Даже те красивые камешки, похожие на яйца птиц кооб, которые носит твоя двоюродная сестра, рядом с ним померкли бы. Оно было так прекрасно, что даже имя получило — «Око моря». Моя прабабушка еще успела его поносить....

— А ты никогда его не видела? — спросила Дуросса, лениво поглядывая на раскинувшиеся внизу зеленые склоны гор, овеваемые жаркими беспокойными ветрами долгого, долгого лета. Ветры бродили по зеленым лесам, а потом, по белым дорогам туманов, уносились к далеким морским берегам.

— Нет. Оно пропало еще до моего рождения. Хотя нет, не пропало. Отец говорил, что его украли — еще до того, как в нашем мире появились эти Властелины Звезд. Вообще-то он говорить об этом не любил, но у нас в замке была одна старуха из «низкорослых», у которой голова была битком набита всяческими историями, так вот она мне всегда твердила, что фийя-то уж точно знают, где это ожерелье.

— Хотелось бы мне на этих фийя поглядеть! — воскликнула Дуросса. — О них столько песен и всяких легенд сложено! Интересно, почему они никогда не появляются в Западных Землях?

— Наверное, здесь слишком высоко, да и холодновато для них, особенно зимой. А они очень любят солнце — вот и живут в южных долинах.

— А на «глиняных» они похожи?

— Я «глиняных» сама ни разу не видала; у нас, на юге, они стараются держаться подальше от ангьяр. По-моему, они похожи на ольгьяр — такие же светлокожие — только куда безобразней. А фийя светловолосые и похожи на детей, только еще меньше и тоньше, но куда мудрее. Интересно, а вдруг они и правда знают, где это ожерелье и кто его украл? Ты только представь, Дуросса: я вхожу в парадный зал Халлана и сажусь рядом со своим мужем, а на шее у меня прекрасное ожерелье, стоимостью в целое королевство! Да я бы всех женщин сразу затмила, как мой супруг затмевает всех других мужчин!

Но Дуросса, склонившись к малышке, что сидела на звериной шкуре у ног матери и тетки и внимательно изучала собственные

ножонки с крохотными пальчиками, лишь вполголоса пробормотала, словно обращаясь к девочке:

— Семли у нас совсем глупенькая, верно? Краса ее сверкает, точно падающая звезда, и мужу никакого золота не нужно, кроме золотых ее волос...

Но Семли, скользя взглядом по зеленым, нагретым летним солнцем склонам гор и в мечтах уносясь к морю, возражать ей не стала.

Миновала еще одна зима, и снова явились Властелины Звезд, собирать дань для своей непонятной бесконечной войны — на этот раз они привели с собой в качестве переводчиков двух отвратительного вида «глиняных», и ангъяр, чувствуя себя бесконечно униженными, были настолько этим возмущены, что чуть не восстали. Потом снова настало лето, и прошло, и Хальдре подросла и стала прелестной маленькой болтушкой, и однажды утром Семли принесла девочку в залитые солнцем покои Дуроссы в Большой Башне и сказала:

— Присмотри, пожалуйста, за Хальдре, Дуросса. — Она была одета в старенький синий плащ, а золотые волосы ее скрывал капюшон. Говорила и двигалась она, пожалуй, чересчур торопливо, но лицо ее было спокойно. — Меня всего несколько дней не будет. Присмотришь? Я на юг собралась, в Кириен.

— К отцу?

— Нет, хочу отыскать свое наследство. Двоюродные братья Дурхала насмеются над ним. Даже этот полукровка Парна из Харгета считает, что имеет на это право! А все потому, что у его жены есть атласное покрывало и бриллиантовая сережка в ухе, да нарядных платьев целых три штуки, хотя физиономия у этой черноволосой потаскухи точно из сырого теста! Тогда как жене благородного Дурхала приходится на свое единственное платье заплатки ставить...

— Разве Дурхалу важно, что надето на его жене, которой он так гордится?

Но Семли будто не слышала:

— Правители Халлана выглядят теперь беднее собственных гостей! Нет, я непременно принесу своему мужу и повелителю такое приданое, какое подобает женщине из моего рода!

— Опомнись, Семли! А брат мой знает, куда ты собралась?

— Скажи ему только, что я скоро вернусь и все будет хорошо, — сказала, смеясь, юная Семли, быстро наклонилась, поцеловала дочь и, прежде чем Дуросса успела еще что-то сказать, повернулась и полетела прочь по залитым солнцем каменным плитам.

Замужние женщины ангъяр ездили верхом лишь при необходимости, и Семли, выйдя замуж, так ни разу и не покидала замка Халлан; так что теперь, сядя в высокое седло, она вновь почувствовала себя девчонкой с буйным нравом, носившейся некогда вместе с северными ветрами над полями Кириена верхом на полу-

диких крылатых хищниках. Тот Крылатый, что сейчас уносил ее с высот Халлана, был породистым, могучим зверем с полосатой лоснящейся шкурой и зелеными глазами, жмурившимися от сильного ветра. Его широкие легкие крылья то закрывали, то снова приоткрывали перед Семли раскинувшиеся внизу холмы и облака над ними.

На третье утро она добралась до Кириена. Вновь перед ней были знакомые полуразрушенные стены, и отец ее, пивший всю ночь, как всегда злился, что солнце, пробиваясь сквозь дыры в кровле, мешает ему спать; при виде дочери он рассердился еще больше.

— Ты зачем это сюда явилась? — прорычал он, стараясь спрятать опухшие от пьянства глаза. Когда-то золотистые, а теперь отвратительно седые, тусклые пряди его волос стояли на черепе дыбом. — Разве этот юнец из Халлана — не муж тебе, что ты домогаешься притащиться?

— Дурхал — мне муж, и пришла я за своим приданым, отец.

Пьяница только пробурчал что-то, но она так весело и необидно рассмеялась, глядя на него, что он и сам невольно скривил рот в улыбку и поднял на нее глаза.

— Скажи, отец, это правда, что ожерелье «Око моря» украли фийя?

— Мне-то откуда знать? Сказки все это. А эта штукавина исчезла еще до того, как я родился. Впрочем, лучше б мне и вовсе не родиться! А ты, коли хочешь, самих фийя спроси. Ступай, ступай к ним. Или к мужу возвращайся. Только меня в покое оставь. Тут, в Кириене не место для девиц, для золотых украшений и прочей чепухи. Кириену теперь конец; здесь и так одни развалины остались, в парадном зале ветер гуляет. Все сыновья Лейнена мертвы, все их сокровища пропали, все, все прахом пошло... Ступай своей дорогой, девочка.

Седой, опухший, похожий на тех пауков, что селятся в заброшенных жилищах, он потащился к подвалу, где, видно, прятался от света дня.

Ведя за собой крылатого зверя, вышла Семли из старого своего дома и побрела вниз по крутому склону холма, мимо деревни ольгяр, которые, хоть и поглядывали на нее сердито, но кланялись довольно почтительно. На пастбище паслись полудикие Крылатые с подрезанными крыльями. Семли спустилась в веселую, точно расписная миска, долину, до краев наполненную солнечным светом. Деревня фийя была на самом дне этой «миски», и маленькие хрупкие фийя уже выбегали из домов и садов навстречу Семли, осторожно ведущей в поводу своего зверя; фийя смеялись и радостно приветствовали ее тоненькими, еле слышными голосами:

— Рады видеть тебя, супруга молодого Дурхала, наследница Халлана, правительница Кириена! Здравствуй, Семли Золотоволоса! Здравствуй, Оседлавшая Ураган!

Они называли Семли всякими ласковыми прозвищами, и ей это было приятно, и ее совсем не раздражал их бесконечный смех, потому что смеялись они надо всем, в том числе и над собой. Она и сама была похожа на них — такая же веселая и смешливая. Только сейчас она высилась посреди их деревни в своем синем плаще, а фийя скакали вокруг, образуя маленькие водовороты, точно ручей у запруды.

— Приветствую вас, Солнечный Народ! Здравствуйте, фийя, друзья мои!

Они повели ее в один из своих воздушных домиков; множество крохотных ребятишек бежало следом. Возраст взрослого фийяна определить невозможно. Порой трудно даже сразу отличить одного от другого — так быстро они мелькают вокруг, точно мотыльки, собравшиеся на огонек свечи. Семли даже казалось, что она разговаривает со всеми разом, а не с кем-то одним, хотя это было совсем не так. Видимо, разговаривал с ней все же кто-то один, а остальные кормили и ласкали ее Крылатого, тащили ей фрукты из своих садов и холодную родниковую воду и вообще всячески старались ей угодить.

— Никогда! — воскликнул тот фийян, которому она задала свой вопрос. — Никогда не крали фийя ожерелья, принадлежавшего правителям Кириена! Да и что фийя стали бы делать с золотым украшением, госпожа моя? Летом у нас есть золото солнца, а зимой — воспоминания о нем. А еще у нас есть золотые плоды и золотая листва, когда лето сменяется зимой, и золотистые волосы нашей госпожи Семли из Кириена. Разве нужно нам что-то еще?

— Так, может, его «низкорослые» украли?

Долго звенел после этих ее слов легкий смех фийя:

— Да разве они осмелятся? О, правительница Кириена! Никто не знает, как пропало знаменитое ожерелье — ни ангяр, ни ольгяр, ни фийя, ни один из Семи Народов. Лишь мертвые могут помнить, как это случилось в давние времена, когда Кирли Гордый, прадед нашей Семли, гулял в одиночестве по берегу моря близ пещер... Но может, оно и найдется еще у Тех, Кто Ненавидит Солнце.

— У «глиняных»?

Снова зазвенел смех фийя, только на сей раз какой-то нервный.

— Сядь с нами, Семли, солнцеволосая, вернувшаяся к нам с севера, поешь! — И она села с ними за стол, и ей было приятно их легкое гостеприимство, а они радовались ее искренней приветливости, но стоило ей снова заговорить о том, что если ожерелье у «глиняных» в пещерах, то она пойдет к ним и заберет свое наследство, как смех фийя начал стихать, а сами они, один за другим, стали как-то незаметно исчезать из-за стола, пока рядом с Семли не остался только один — тот, с кем она говорила до начала этого веселого застолья.

— Не ходи к «глиняным», Семли, — сказал он, и на мгновение сердце у нее будто остановилось, а вокруг все потемнело — это фийян в ужасе медленно прикрыл глаза своею тонкою рукою. И сразу яркие сочные плоды на деревянном блюде показались ей серыми, будто пепельными, а родниковая вода исчезла из всех сосудов.

— Далеко-далеко, в горах разошлись некогда наши пути, — продолжал хрупкий собеседник Семли. — Да, фийя и гдемьяр давно расстались, хотя были вместе куда дольше. Ведь в гдемьяр есть то, чего нет в нас, фийя. А то, что есть в нас, им совершенно несвойственно. Подумай о солнечном свете, о зеленой траве, о дающих плоды деревьях, Семли. Подумай, что не все дороги, что ведут вниз, могут привести и наверх.

И фийян поклонился ей, чуть усмехнувшись.

За околицей деревни Семли вновь оседлала своего Крылатого и, громко крикнув «Прощайте!» провожавшим ее фийя, полетела, гонимая полуденным ветром к скалистым берегам Кириенского моря, где жили в своих пещерах «глиняные».

Ее мучил страх — вдруг придется самой идти в глубь этих пещер, потому что гдемьяр не захотят выходить к ней? Говорят, они боятся не только солнечного света, но даже и лунного, даже свет Большой Звезды им неприятен... Путь ее был долог; лишь раз опустила она на землю Крылатого, чтобы зверь поохотился на древесных крыс. Сама же Семли довольствовалась куском хлеба из седельной сумы. Хлеб совсем зачерствел и пахнул кожей, но вкус у него пока еще был хлебный, домашний, и она, сидя в одиночестве на лесной поляне, вдруг будто снова оказалась в зале Халлана, услышала негромкий спокойный голос Дурхала, увидела перед собой его лицо, освещенное горящими свечами, и так живо вспомнила она его, такого решительного, живого и молодого, что сразу представила себе, как вернется домой с ожерельем на шее, цена которому — целое королевство, и скажет: «Господин мой, я хотела преподнести тебе такой дар, который был бы тебя достоин...» И сразу же вскочила, заторопилась, позвала Крылатого и вновь устремилась в путь, но, когда она достигла наконец морского побережья, солнце уже село, и в небе зажглась Большая Звезда. С запада подул неприятный ветерок, холодный, порывистый, а Крылатый уже и без того смертельно устал, так что Семли позволила зверю опуститься на песок, и он сразу сложил крылья и свернулся клубком, поджав под себя свои пушистые, покрытые светлой шерстью лапы, довольно урча. Семли стояла рядом, одной рукой придерживая у горла плащ, а другой — нежно поглаживая крылатого кота, так что он прижал уши и замурлыкал, точно домашняя кошка. Прикосновение к теплой шерсти зверя успокаивало, однако вокруг было лишь серое, покрытое клочьями облаков небо да серое море, вдоль которого тянулась темная полоска берега. Потом она разглядела, что по этой темной полоске скользнуло какое-то почти сливающееся по цвету с песком

невысокое существо... потом еще одно... потом сразу несколько. Существа перебегали с места на место, то и дело останавливаясь и присаживаясь на корточки.

Семли громко окликнула их. Ей показалось сперва, что они ее не расслышали, однако через минуту они уже окружали ее плотным кольцом, хотя от Крылатого старались держаться подальше. Зверь, впрочем, тоже перестал мурлыкать, и Семли почувствовала, как под ее рукой шерсть у него на загривке встала дыбом. Она взяла его под уздцы — приятно было чувствовать, что у нее есть такой могучий защитник, но она опасалась, что свирепый зверь может разнервничаться, и тогда его не удержишь. Станные существа вокруг точно вросли в песок — стояли, не шевелясь, и молча ее разглядывали. Ноги у них были короткие, толстые. Нет, она не ошиблась: это были они, «глиняные» — одного роста с фийя, да и во всем остальном чем-то их напоминающие, как напоминает порой человека его неуклюжая черная тень. Семли вспомнила звонкие голоса и смех легконогих хрупких фийя... Эти же коротышки были какие-то квадратные, совсем нагие, малоподвижные, с прямыми черными волосами и отвратительной, влажной и ноздреватой кожей — похожие на жирных личинок. Глаза у них были застывшие, как камни.

— Это вы — «глиняные»?

— Мы народ гдемьяр, мы жители царства Ночи. — Из тьмы вместе с ветром и запахами моря до нее донесся неожиданно звучный и низкий голос; но, как и в деревне фийя, Семли не сразу поняла, кто именно сказал это.

— Приветствую вас, Хозяева Ночи. Я Семли из Кириена, жена Дурхала из Халлана. А к вам явилась в поисках своего наследства — ожерелья «Око моря», которое давным-давно кто-то похитил.

— Так почему же ты ищешь его здесь, женщина из народа ангьяр? Здесь ты найдешь только ночь, да песок, да соль морскую.

— А потому, — отвечала Семли, готовая к словесному поединку, — что вещи порой заваливаются в разные трещины и ямки, да и золото, как известно, частенько стремится снова вернуться в землю, из которой пришло. А еще говорят, что созданное всегда ищет своего создателя. — Она не слишком надеялась на удачу, однако ее уловка сработала.

— Ты права; мы знаем об «Оке моря». Это ожерелье когда-то сделано было в наших пещерах. Но потом мы продали его ангьяр. И синий камень добыт тоже гдемьяр — на востоке наших владений. Но только все это было очень, очень давно, ангья. И этих историй почти никто не помнит.

— Нельзя ли мне поговорить с теми, кто еще помнит их?

Коротышки примолкли, будто в сомнении. Ветер затягивал серой мглой песчаный берег и Большую Звезду в небесах; море звучало то громче, то тише. Снова послышался тот же надменный звучный голос:

— Да, госпожа моя. Ты можешь войти в наши подземные дворцы. Пойдем. — В голосе отчего-то появились странные вкрадчивые нотки, но Семли решила об этом не задумываться и смело пошла следом за «глиняными», ведя на короткой сворке крылатого зверя с острыми когтями.

Вход в пещеру зиял, точно беззубый рот зевнувшего старца; оттуда тянуло затхлым запахом жилья. Кто-то из гдемьяр сказал Семли:

— А летающего кота, госпожа моя, оставь здесь.

— Нет, он пойдет со мной, — возразила она.

— Нельзя! — хором сказали «глиняные».

— Можно. Здесь я его не оставляю. Не могу я его оставить — он не мой. И вас он не тронет, я ведь крепко его держу.

— Нельзя! — снова прогудели «глиняные»; потом кто-то из них сказал: — Ну ладно, как пожелаешь, — и гдемьяр снова двинулся в глубь пещеры.

Казалось, пещера захлопнула свою пасть у них за спиной — так темно вдруг стало под этими каменными сводами. Семли шла последней, замыкая длинную веренищу гдемьяр, которые вели ее куда-то по длинному и узкому туннелю.

Наконец впереди забрезжил свет, и она увидела, что с потолка свисает белый, слабо светящийся шар, а дальше еще один, и еще, и между ними, извиваясь, точно черви, протянулись длинные черные шнуры. Чем дальше они шли, тем короче становились расстояния между светящимися шарами, и наконец весь туннель оказался залит белым холодным сиянием.

Провожатые Семли остановились на перекрестке трех туннелей, в конце каждого из которых виднелась дверь, сделанная, похоже, из железа.

— Здесь нужно подождать, ангя, — сказали «глиняные», и с ней остались восемь из них, а трое отперли одну из дверей и вошли внутрь. Дверь с лязгом захлопнулась за ними.

Прямая и неподвижная, стояла дочь народа ангяр в белом слепящем сиянии ламп; Крылатый прилег у ее ног, раздраженно подрагивая хвостом и сложенными крыльями: ему явно хотелось поскорее убраться отсюда, и он с трудом подавлял это желание. «Глиняные», присев на корточки у Семли за спиной, о чем-то тихо переговаривались на своем языке.

Но вот отворилась центральная из трех дверей, и оттуда донесся совсем иной голос, звучавший хвастливо-торжественно:

— Пусть эта ангя войдет в царство Ночи!

На пороге появился какой-то гдема, такой же низенький, жирный и серый, но все же прикрывший свою наготу неким подобием одежды. Он поманил Семли к себе:

— Войди же. Полюбуйся чудесами царства Ночи — нашими *рукотворными* чудесами, ибо все это плоды усилий народа гдемьяр!

Семли пригнула голову, крепко держа Крылатого за повод, и последовала за гдема в низенький дверной проем, рассчитанный явно на этих карликов. Перед ней открылся очередной длинный туннель, залитый белым светом, отражавшимся от его влажных стен. По полу тянулись, насколько мог видеть глаз, какие-то длинные металлические полосы, на которых стояло нечто вроде повозки с металлическими же колесами. Повинуясь своему новому провожатому и ни секунды не колеблясь, Семли с невозмутимым лицом шагнула в повозку, заставив Крылатого улечься в ногах. Гдема тоже сел в повозку напротив нее и стал трогать какие-то ручки и колеса, потом послышался громкий лязг и скрежет металла по металлу, и стены туннеля качнулись и стали уплывать назад. Все быстрее и быстрее мелькали стены по обе стороны от повозки, светящиеся шары над головой слились в одну сплошную полосу, вонючий застойный воздух взметнулся вихрем, сдувая с головы Семли капюшон.

Наконец повозка остановилась. Провожатый, а за ним и Семли, поднялись по базальтовой лестнице в широкий вестибюль, а затем прошли в огромный зал, стены которого были высечены в толще скал то ли подземными водами за долгие годы, то ли бесчисленными поколениями гдемьяр. Эти стены никогда не знали солнечного света; тьму здесь разгоняли сияющие холодным белым светом шары. За вделанными в стены решетками вращались огромные лопасти, перемешивая затхлый воздух. Все пространство огромного зала, казалось, заполнено было каким-то гулом и скрежетом — громкими голосами «глиняных», визгом вращающихся за решетками лопастей, рокотом каких-то колес, бесконечными отзвуками, разносящимися по замкнутому пространству и пересекающимися друг с другом. В этом зале все гдемьяр были одеты, причем одежда их очень напоминала одежду Властелинов Звезд: штаны, мягкие башмаки и куртки с капюшонами. А вот женщины, как заметила Семли, оставались совершенно нагими и суетливо, точно рабыни, пробежали мимо, стараясь поскорее убраться с глаз долой. Среди мужчин многие явно были воинами — на поясе они носили нечто, похожее на то ужасное оружие Властелинов Звезд, что изрыгало молнии; потом только Семли догадалась, что оружие это не настоящее — из цельного куска железа, вроде детских игрушек. Все это она умудрилась разглядеть, даже головы не повернув. Потом ее снова куда-то повели, но и тогда она по сторонам не смотрела — шла, гордо вздернув подбородок, куда ведут. Наконец она увидела прямо перед собой нескольких гдемьяр с железными обручами на черноволосых головах. Ее провожатый резко остановился, поклонился им и зычно провозгласил:

— Их Величества Правители народа гдемьяр!

Правителей было семеро, и они с таким высокомерием воззрились на Семли, что она чуть не рассмеялась. Однако, сдержав-

нишь, сказала сурово, глядя в их серые, похожие на комковатое тесто физиономии:

— Я пришла к вам, о повелители царства Тьмы, в поисках пропавшей драгоценности, принадлежащей нашему семейству. А ищу я приобретенное еще моим предком Лейненом ожерелье «Око моря». — Голос ее звучал совсем слабо под этими каменными сводами.

— Так нам и сказали гонцы, госпожа Семли. — На этот раз она сразу поняла, кто говорит с ней: он был еще ниже остальных и макушкой едва доставал гостье до груди, но белое лицо его было исключительно властным и свирепым. — Но у нас нет того, что ты ищешь.

— Говорят, когда-то оно здесь было.

— Мало ли что говорят там, наверху, под слепящим солнцем.

— И слова эти сразу уносит ветер, поскольку там, наверху, всегда дуют ветры, так? Я же не спрашиваю, как именно это ожерелье было украдено у нас и возвращено вам, его создателям. Все это старые сказки, старые обиды. Я всего лишь хочу знать, где оно сейчас. У вас его сейчас нет, хорошо. Но может быть, вы все-таки знаете, где оно?

— Здесь его нет.

— Значит, оно в другом месте?

— Туда тебе не добратся. Никогда. Если только мы тебе не поможем.

— Ну так помогите мне. Прошу вас — ведь я ваша гостья.

— Недаром говорят: «Ангьяр отбирают, фийя отдают, а гдемьяр — и то и другое делают одновременно». Если мы поможем тебе, чем ты с нами рассчитаешься?

— Я от всей души поблагодарю вас, повелители Ночи.

Она стояла среди них, высокая, светловолосая, и гдемьяр глядели на нее с мрачным изумлением, с тяжким глухим желанием.

— Послушай, ангья, ты просишь о великой милости. Ты даже представить себе не можешь, насколько велика эта милость! Этого тебе не понять. Твой народ только и умеет, что беспечно носиться по ветру да зерно выращивать, ну и еще на мечях драться и шуметь. Но скажи, кто сделал мечи ангьяр из светлой стали? Мы, гдемьяр! Правители ангьяр приходят к нашим пещерам и покупают у нас мечи, и уходят прочь, не оглядываясь, ничего не понимая. Но ты, раз уж ты здесь, смотри и постарайся как следует рассмотреть хотя бы некоторые из наших бесчисленных чудес — видишь эти огни, что горят вечно, видишь эти повозки, что ездят сами собой? А посмотри на те машины, что сами изготавливают для нас платье, и готовят нам еду, и освещают воздух в наших дворцах, и дают нам все, что мы пожелаем! Конечно же, все это выше твоего понимания. Но знай одно: мы, гдемьяр, друзья тех, кого вы называете Властелинами Звезд! Это мы приходим с ними в Халлан, в Реохан, в Хул-Оррен — во все ваши замки, чтобы

помочь вам понять их речь. Вы, гордые ангьяр, платите Властелинам Звезд дань, а мы — их друзья. И мы оказываем им не меньшие услуги, чем они нам! Понимаешь теперь, сколь мало значит для нас твоя благодарность?

— Вот сам и решай. А мне на твой вопрос отвечать нечего, — гордо сказала Семли. — Я еще на свой ответа не получила. Я жду, господин мой.

Семеро правителей принялись совещаться — то молча глядя друг на друга, то принимаясь что-то бормотать вполголоса. Порой они посматривали в ее сторону и тут же отводили глаза, злобно что-то бубнили и снова замирали, уставившись друг другу в лицо. Вокруг них стала собираться толпа; гдемьяр подходили один за другим, медленно, молча, и вскоре вокруг Семли качалось целое море черных, будто прилизанных голов; огромный зал наполнился гулом их голосов, под ногами не было видно пола — лишь небольшое пространство совсем рядом с нею оставалось еще свободным. Крылатый жался к ней, дрожа от страха и раздражения; ему пришлось слишком долго сдерживать себя, и даже радужки его всегда ярких глаз побледнели, как бывает у этих зверей, если их заставить летать ночью. Семли погладила его по мохнатой теплой голове, шепча:

— Тихо, тихо, успокойся, мой храбрый, мой прекрасный, мой бысролетный...

— Хорошо, ангья, мы доставим тебя туда, где находится твое ожерелье. — Гдема с белым свирепым лицом снова повернулся к ней. — Более мы ничего не можем для тебя сделать. Ты должна отправиться с нами и сама предъявить свои права там, где теперь твое сокровище, и тем, кто им теперь владеет. Но твой летающий кот отправиться с тобой не сможет, учти это.

— Далеко ли до тех мест, господин мой?

— Очень далеко, госпожа. — Гдема отвратительно ухмыльнулся. — И все же путь туда не займет более одной ночи. Долгой ночи!

— Благодарю вас, о гдемьяр. Позаботитесь ли вы, пока меня не будет, о моем Крылатом? С ним ничего плохого не случится?

— Он будет спать, пока ты не вернешься. А сама полетишь на другом Крылатом, куда больше этого! Что ж ты не спросишь, куда мы намерены тебя доставить?

— Нельзя ли поскорее отправиться в путь? — словно не слыша его вопроса, воскликнула Семли. — Я спешу вернуться домой.

— Да-да. Скоро полетим, скоро. — И снова серые губы раздвинулись в усмешке, когда он взглянул в ее взволнованное лицо.

Семли не сумела бы рассказать, что именно произошло с нею за эти несколько часов — так быстро, непонятно, неожиданно все происходило. И этот шум! Сперва она крепко держала Крылатого, а какой-то «глиняный» вонзил в его золотисто-полосатую заднюю лапу длинную иглу. Она чуть не вскрикнула от ужаса, но ее зверь

лишь дернулся и тут же, довольно замурлыкав, уснул. Потом его унесли «глиняные», которым явно было страшно прикоснуться к пушистой шерсти спящего зверя. Еще через несколько минут она увидела, как в ее собственную руку тоже вонзается игла — потом решила, что гдемьяр просто испытывали ее мужество, ибо сна вроде бы не было ни в одном глазу (впрочем, она не была в этом так уж уверена). Потом они куда-то долго ехали, пересаживаясь из одной самодвижущейся повозки на другую, по бесконечным пещерам, по уходящим во тьму туннелям, и почему-то тьма эта была наполнена крылатыми зверями, она слышала их ворчание, их призывное хриплое мяуканье, порой даже видела их в промельках белых фонарей, и тогда понимала, что все они лишены крыльев и все слепы. И, увидев это, она зажмурилась от отвращения. Но езда по туннелям все продолжалась, мимо пролетали пещеры, серые тестообразные фигуры гдемьяр, их свирепые лица, слышались их гудящие голоса, и вдруг наконец они вывели ее на свежий воздух. Стояла ночь. Семли радостно подняла глаза к звездам и увидела в небе лишь одну луну — маленькую Хелики, всходящую на западе. Но «глиняные» по-прежнему были рядом, и они заставили ее снова вскарабкаться куда-то — то ли войти в пещеру, то ли сесть в очередную повозку, она толком не поняла. Там было темно, кругом мелькали, точно крохотные свечки, какие-то огоньки, показавшиеся ей странно яркими после бесчисленного множества огромных темных пещер и бескрайнего звездного неба. Потом ей снова вонзили в руку иглу и сказали, что сейчас ее привяжут к странному плоскому и длинному креслу за ноги и за руки.

— Ни за что! — сказала Семли.

Но тут увидела, что те четверо «глиняных», что были ее проводниками, спокойно позволили привязать себя к таким же креслам. И подчинилась. Потом все остальные ушли. Послышался страшный рев, сменившийся полной тишиной, и на грудь Семли будто навалилась тяжелая плита. Потом вдруг стало легко дышать, и все исчезло.

— Я умерла? — спросила Семли.

— Нет, госпожа моя, — произнес знакомый ей неприятный голос, и, открыв глаза, она увидела то самое белое лицо и растянутые в усмешке губы. И глаза — точно два холодных камешка. Путы с нее сняли, и она тут же вскочила. Веса своего она не чувствовала, не чувствовала и самого тела — только страх, только дыхание ветра, вздымавшее ее как пушинку.

— Мы не причиним тебе зла, — сказал тот же высокомерный голос, точно умножаясь у нее в ушах. — Дай только коснуться тебя, госпожа, нам бы так хотелось коснуться твоих волос. Позволь нам...

Странная округлая повозка, в которой все они находились, чуть подрагивала. Снаружи, за ее окном, была темная ночь, а

может туман, а может — пустота? Одна долгая ночь — так ведь они сказали? Да, но какая долгая! Семли сидела без движения, с трудом сдерживаясь, а их тяжелые серые ладони касались ее рук, ступней, плеч и даже горла — и тут она не выдержала, стиснула зубы, чтобы не закричать, и встала. Они мигом отпрянули.

— Мы ведь не сделали тебе ничего плохого, госпожа, — забормотали они. Она только головой покачала.

Потом они весьма почтительно попросили ее снова лечь в кресло, которое само связало ей руки путами, и когда за окном мелькнул золотистый свет, она бы, наверное, заплакала, если б не потеряла сознание.

— Что ж, — сказал Роканнон, — по крайней мере, мы знаем, откуда она.

— Хорошо бы еще узнать, кто она, — пробормотал хранитель музея. — Эти троглодиты говорят, она явилась за каким-то нашим экспонатом, так вроде?

— Слушай, не называл бы ты их троглодитами, а? — Будучи специалистом в области форм высокоразвитого интеллекта, этнологом до глубины души, он такого пренебрежительного отношения к разумным существам не выносил. — Они, конечно, не красавицы, но они наши союзники, и обладают Статусом С... Не понимаю, правда, почему Комиссия все силы бросила именно на них? Причем, даже не исследовав все тамошние ФВИ? Пари держу, первые исследователи Фомальгаута были из созвездия Центавра — там питают слабость к обитателям пещер, да еще ведущим ночной образ жизни. Мне-то больше нравятся представители второй группы — такие, как она.

— А эти троглодиты, похоже, перед ней робеют.

— А ты нет?

Кето снова взглянул на высокую женщину, потом покраснел и рассмеялся:

— Пожалуй, да! Я такой красивой инопланетянки ни разу не встречал за все восемнадцать лет, что на Новой Южной Джорджии живу. Честно говоря, я и в жизни такой красавицы никогда не видел. Прямо богиня! — И он побагровел буквально до корней волос. Кето был чрезвычайно застенчив, громких высказываний и преувеличений не любил. Впрочем, Роканнон был полностью согласен с его оценкой и лишь задумчиво покивал.

— Вот бы поговорить с ней без этих тро... гдемьяр в качестве переводчиков. — Роканнон подошел к гостье и, когда она повернула к нему свое прекрасное лицо, низко-низко ей поклонился и преклонил перед ней колено, зажмурившись от полного восхищения. Этот изящный жест он называл «всегалактическим поклоном». Снова выпрямившись, он увидел, что удивительная красавица улыбается и готова к разговору.

— Она говорит: «Я приветствую тебя, Властелин Звезд», — пробурчал один из ее коротышек-телохранителей на ломаном межгалактическом.

— Приветствую тебя, госпожа моя ангя, — ответил Роканнон. — Чем мы, сотрудники музея, можем тебе помочь?

Серебристый звонкий голос прозвучал, точно дыхание чистого ветерка, перекрывая гудение голосов гдемьяр.

— Она говорит: «Пожалуйста, отдай ей ее ожерелье с драгоценным камнем, оно давно-давно принадлежало ее кровным родственникам, ее семье».

— Какое ожерелье? — спросил Роканнон, и Семли, догадавшись, о чем он ее спрашивает, показала на центральную витрину: там лежала удивительной красоты и отменно тонкой работы вещь — цепь из светлого золота, довольно массивная и, тем не менее, изящная, с подвеской, в которую вделан был один-единственный крупный сапфир дивной красоты, похожий на синее пламя. Брови Роканнона поползли вверх, и Кето прошептал:

— Ничего себе! Вкус у нее недурной. Это же знаменитое «ожерелье Фомальгаута»!

Она улыбнулась им и снова что-то сказала, так ни разу и не взглянув на свою свиту.

— Она говорит, — забормотали гдемьяр, — о высокочтимые Властелины Звезд, старший хранитель Сокровищницы и его младший брат, что это ожерелье принадлежит ее семье с давних, давних времен.

— Слушай, Кето, откуда оно у нас, а?

— погоди-ка, сейчас посмотрю. Ага, нашел. Вот: «поступило от гдемьяр...», в общем, от этих троглодитов или троллей, как тебе больше нравится, «...одержимых страстью к торговым сделкам». Видимо, так они расплатились за тот корабль, AD-4, на котором прилетели сюда. Когда-то гдемьяр действительно делали подобные украшения.

— И я спорить готов, что больше они ничего подобного не делают — разучились, ведь мы их по «индустриальному пути» направили, — покивал Роканнон.

— Но они вроде бы согласны с тем, что эта вещь принадлежит ей, а не им и не нам. Должно быть, тут что-то есть, Роканнон, иначе к чему им было лететь с ней в такую даль?

— Да уж, несколько лет, как минимум, они потеряли. — Будучи специалистом по ФВИ, Роканнон не раз совершал подобные «прыжки» во времени и пространстве. — Но, в общем, это не так уж и далеко. Ладно, ясно, что ни мой любимый словарик, ни твой каталог нам не помогут. По-моему, эти два народа — фийя и гдемьяр — вообще крайне плохо описаны и совсем не изучены. Возможно, эти коротышки просто обязаны проявлять к ангяру почтение. А что, если именно этот проклятый сапфир послужит причиной галактической войны? Или эти типы настолько покорны

желаниям красавицы, потому что страдают жутким комплексом неполноценности? Тоже возможно. А возможно, и наоборот — она их пленница, и они хотят использовать ее как наживку, чтобы поймать нас на крючок... Откуда нам знать? Слушай, а вообще-то разрешается передавать экспонаты их прежним владельцам?

— Конечно! Считается, что все эти экзотические штучки у нас во временном пользовании и нам не принадлежат, так что стоит только прежнему хозяину предъявить на что-либо свои права... Мы редко спорим. Мир дороже. Не дай Бог, еще действительно война начнется...

— Тогда я бы отдал ожерелье этой красотке.

— Ну, такой подарок преподнести всякому приятно, — улыбнулся Кето. — Сочту за честь. — Он отпер витрину и вынул оттуда тяжелую золотую цепь. Потом вдруг засмутился и протянул ожерелье Роканнону: — Знаешь, лучше ты сам отдай.

Так синий сапфир впервые коснулся ладони Роканнона.

Но думал он не о нем; держа в ладони драгоценный самоцвет, синим пламенем сиявший среди золотых колец цепи, он повернулся к прекрасной инопланетянке, и она не стала протягивать руку, чтобы взять ожерелье, а просто наклонила голову, и он, чуть коснувшись золотых волос, надел его ей на шею. На смуглой коже золотая цепь вспыхнула, точно бикфордов шнур. Семли посмотрела на камень и подняла глаза на Роканнона: во взгляде ее плеснулась такая гордость, такой восторг и такая благодарность, что Роканнон так и не смог ничего сказать, а его приятель, маленький Кето, хранитель музея, пробормотал на своем родном языке:

— Да-да, мы очень рады, очень-очень рады.

Она величественно кивнула своей золотистой головой ему и Роканнону в знак благодарности и прощания, повернулась к своим квадратным коротконогим стражам — а может, пленителям? — и, накинув на плечи поношенный синий плащ, неторопливо прошла через огромный зал и исчезла за дверью. Кето и Роканнон долго смотрели ей вслед.

— А знаешь... — начал было Роканнон.

— Да? — не сразу откликнулся Кето, почему-то охрипнув.

— Знаешь, порой мне кажется, что... особенно когда я встречаюсь с обитателями этих практически неведомых нам миров... что я случайно попал прямо в сказку или в какой-то исполненный трагизма миф, смысл которого мне разгадать не дано...

— Да, пожалуй, — помолчав, согласился Кето и откашлялся. — А интересно... интересно, как все-таки ее зовут?

Семли Светлокудрая, Семли Золотая, Хозяйка Ожерелья. «Глиняные» были покорны ее воле, и даже Властелины Звезд склонились перед нею — в том страшном месте, куда ее доставили «глиняные», в городе, что расположен по ту сторону Ночи. Да, они

почтительно кланялись ей и охотно вернули ей ожерелье, что лежало среди их собственных сокровищ!

Однако в душе ее еще не улегся ужас тех подземелий, тех толстенных каменных сводов, где сливались все звуки, где невозможно разобрать, кто именно с тобой говорит, чьи отвратительные серые руки тянутся к тебе... Нет, с нее довольно! Она дорого заплатила за это ожерелье. Что ж, теперь оно принадлежит ей. А прошлое... пусть остается в прошлом!

Ее Крылатого гдემьяр держали в каком-то огромном странном сундуке, из которого зверь выполз весь в сосульках, с затянутыми мутной пленкой глазами. А когда они вышли наконец из пещер, Крылатый ни за что не хотел взлетать. Впрочем, потом он, вроде бы пришел в себя, и теперь они летели, подгоняемые легким южным ветерком, назад, в Халлан.

— Скорей, скорей! — подгоняла Крылатого Семли и смеялась, потому что ветер словно унес прочь тот мрак, что наполнял ее душу. — Я так соскучилась! Скорее бы увидеть Дурхала, скорее бы...

И они летели все быстрее и быстрее и уже к вечеру второго дня прибыли в Халлан. Теперь пещеры «глиняных» казались Семли давнишним страшным сном. Крылатый пронес ее над длинной, в тысячу ступеней, лестницей замка, мелькнул над подъемным мостом, перекинутым через пропасть, на дне которой виднелись поросшие лесом скалы, и опустился в золотых закатных лучах на специальную площадку во дворе. Семли спешилась и поднялась по последнему пролету лестницы, где в нишах застыли каменные изваяния героев, мимо двух стражников, которые кланялись ей, глаз не сводя с синего камня у нее на груди, горевшего нестерпимо ярким огнем.

В вестибюле она остановила пробежавшую мимо девушку, очень хорошенькую и, видимо, родственницу Дурхала — очень уж она была на него похожа. Вот только имени ее Семли почему-то никак не могла вспомнить.

— Знаешь, кто я, девочка? — спросила она. — Я Семли, жена Дурхала. Прошу тебя, сбегай к госпоже Дуроссе и скажи ей, что я вернулась.

Почему-то Семли боялась, что встретит Дурхала; боялась остаться с ним наедине. Ей требовалась поддержка доброй Дуроссы.

Девушка посмотрела на нее как-то странно, однако промолвила:

— Хорошо, госпожа моя, — и стрелой бросилась по лестнице, ведущей в Большую Башню.

Семли осталась ждать в зале, где от старости со стен осыпалась позолота. Но никто не появлялся. Неужели все собрались за столом в парадном зале? Тишина тяготила ее. Еще несколько минут — и Семли поспешила к лестнице, но тут навстречу ей выбежала какая-то седая старуха, которая, спотыкаясь на каменных плитах пола, с плачем протягивала к ней руки:

— Ах, Семли! Неужели это ты, Семли?

Она никогда раньше не видела этой старухи и отпрянула:

— Но госпожа моя, кто ты?

— Я же Дуросса, Семли!

Семли молчала; она застыла, как каменная, пока Дуросса обнимала ее, плакала и спрашивала, правда ли, что ее взяли в плен «глиняные», заколдовали и все это время прятали у себя в пещерах? А может, это фийя приворожили ее своим колдовством? Потом наконец Дуросса отпустила ее, отошла чуть-чуть в сторону и перестала плакать:

— А ты все такая же молодая, Семли! В точности как в тот день, когда уходила отсюда. Ох, и на шее у тебя то самое ожерелье!..

— Да. Я принесла его в дар своему мужу Дурхалу. Где он?

— Дурхал умер.

Семли онемела.

— Твой муж и мой брат Дурхал, правитель Халлана, убит в бою семь лет назад. Тебя ведь не было так долго, Семли! И Властелины Звезд больше здесь не появлялись. А потом мы начали воевать с Восточными Замками, с лесными ангьяр и с правителями Хул-Оррена. Дурхала убил копьем какой-то «низкорослый» — ведь доспехов у моего брата почти не было, а душа его ослабела в разлуке с тобой. Он похоронен в полях, над Болотами Оррена.

Семли отвернулась. Помолчала, коснулась рукой золотой цепи, от тяжести которой голова ее клонилась на грудь:

— Тогда я пойду к нему. И принесу ему этот дар.

— погоди, Семли! Посмотри на свою дочь, дочь Дурхала! Это ведь она перед тобой, Хальдре Прекрасная.

Перед ней стояла та самая девушка, с которой она заговорила в вестибюле и попросила позвать Дуроссу. На вид ей было лет девятнадцать, а глаза — темно-синие, как у Дурхала. Она не мигая смотрела на Семли — незнакомую женщину, которая оказалась ее матерью, хоть и выглядела почти ровесницей самой Хальдре. И волосы у обеих были одинаково золотые, и обе были прекрасны, только Семли чуть выше, да синий камень горел у нее на груди.

— Возьми же его, возьми! Для Дурхала и моей Хальдре я принесла его с того конца долгой-предолгой ночи! — воскликнула Семли, срывая с шеи тяжелую золотую цепь. Ожерелье выскользнуло у нее из рук и холодно зазвенело, ударившись о каменные плиты. — О, возьми его, Хальдре! — вскрикнула, точно от боли, Семли и, разрыдавшись, бросилась прочь из Халлана, по мосту и вниз по длинной широкой лестнице — стрелой, точно дикий зверь спасающийся от преследования, пронеслась она по лесистому восточному склону горы и скрылась в чаще.

ВЛАСТЕЛИН ЗВЕЗД

1

Таково начало этой легенды, и оно вполне соответствует действительности. Приведем несколько дополнительных фактов, помогающих прояснить картину. Факты эти взяты из знаменитого справочника, составленного Лигой Миров. Откроем страницы, посвященные восьмому галактическому сектору. Итак:

№ 62: Фомальгаут-II.

Тип АЕ — органическая жизнь на основе углерода. Планета с железным ядром; диаметр 6600 миль; атмосфера плотная, богатая кислородом. Период обращения (год) — 800 земных суток 8 часов 11 минут 42 секунды. Сутки равны 29 земным часам 51 минуте 02 секундам. Среднее расстояние от солнца — 3,2 а.е., эксцентриситет орбиты незначителен. Наклон к плоскости эклиптики 27 градусов 20 минут 20 секунд, что вызывает ярко выраженную смену времен года. Сила тяжести 0,86 нормы.

Четыре основных континента — Северо-западный, Юго-западный, Восточный и Антарктический — занимают 38% поверхности планеты.

Четыре спутника (типа Пернера, Локлика, Р-2 и Фобоса).

Ближайшая планета системы Фомальгаута наблюдается в небе как сверхяркая звезда.

Ближайшая планета Лиги Миров: Новая Южная Джорджия со столицей Керселен (расстояние 7,88 светового года).

История исследований: первая карта планеты составлена экспедицией Илсона в 202 г., пробы грунта и воздуха взяты роботами в 218 г.

Первая географическая экспедиция — 235—236 гг. Руководитель — Дж. Кьолаф. Произведена аэрофотосъемка основных массивов суши (см. карты 3114-а, в; 3115-а, в). Высадка, геологическое и биологическое обследования окружающей среды, а также контакты с представителями ФВИ производились только на Восточном и на Северо-западном континентах (см. также описание ФВИ).

Высадка миссионеров с целью ускорения развития технологии у ФВИ I-A под руководством Дж. Кьолафа произведена в 252—254 гг. (только на Северо-западном континенте).

Восьмым галактическим сектором с центром в Кергелене, Новая Южная Джорджия, организованы высылки миссионеров с целью контроля и сбора галактического налога с представителей ФВИ I-A и II в 254, 258, 262, 266, 270 гг.; в 275 г. планета была закрыта для посещения Всегалактическим Центром По Инопланетным Контактам — до получения результатов более тщательного исследования местных ФВИ.

Первая этнографическая экспедиция состоялась в 321 г. под руководством Г. Роканнона.

За Южным хребтом прямо в небо взлетел совершенно бесшумно ослепительно белый столб — точно ствол гигантского дерева. На башнях закричали, зазвонили в бронзовые колокола стражники, но их крики и звон тут же потонули в оглушительном реве и грохоте, в порывах вдруг налетевшего ветра, в столах склонившихся до земли деревьев на склонах гор.

Могийен из Халлана нагнал своего гостя, Властелина Звезд, уже на дорожке, ведущей к площадке для Крылатых.

— Не твой ли это корабль был там, за Южным хребтом, господин мой? — осторожно спросил он.

— Мой, — как всегда спокойно ответил Роканнон, бледный как мел.

— Садись. — Могийен помог гостю сесть на заднее седло. Крылатый был уже готов к полету, и стоило им усесться, как он сорвался с места и, покружив подобно серому листу, сорванному ветром, над мраморной лестницей в тысячу ступеней, над мостом, над лесистыми склонами гор Халлана, полетел за Южный хребет.

И сразу всадники увидели голубоватый дымок, что поднимался сквозь ливень золотых стрел утреннего солнца. По берегам лесного ручья, в сырых холодных зарослях шипел, угасая, лесной пожар.

На холме зиял страшный черный колодец, точно разверстый зев, над которым все еще летала черная гарь. По краям оставшейся от взрыва воронки аккуратно лежали широким кругом дотла сгоревшие деревья — точно черные черточки, нарисованные сажей на земле.

Молодой правитель Халлана придержал своего Крылатого, мощного серого зверя, в потоке воздуха, поднимавшегося над изуродованной долиной, и молча посмотрел вниз. Немало старых сказок сохранилось со времен его деда и прадеда о том, как впервые появились в их мире Властелины Звезд, как они с помощью своего страшного оружия сжигали холмы и заставляли моря кипеть; и как вынудили всех правителей гордых ангьяр принести им клятву верности и каждый год платить дань. В первый раз сегодня Могиен поверил этим сказкам. На мгновение у него даже дыхание перехватило:

— Так это твой корабль...

— Да. Сегодня я должен был встретиться здесь с остальными. Со своими товарищами. Теперь, господин мой, твои подданные пусть пока здесь не ходят. Запрети им это — не навсегда, конечно. Но пусть сперва пройдут зимние дожди.

— Колдовство?

— Нет, яд. Дожди его смоят. — Голос Властелина Звезд по-прежнему был спокоен, но головы он так и не поднял и на Могиена не смотрел, а все что-то пытался увидеть в черном провале под ними, теперь уже освещенном широкими полосами лившегося с неба света. Внезапно он снова заговорил, только Могиен не понимал ни слова — говорил Роканнон на своем языке, языке Властелинов Звезд, а среди ангьяр, да и во всем их мире, наверное, не было ни одного человека, который понимал бы этот язык.

Молодой ангья тем временем постарался успокоить Крылатого, который уже начинал нервничать. За спиной у него Властелин Звезд умолк, глубоко вздохнул и промолвил:

— Вернемся в Халлан. Здесь нам делать нечего...

Крылатый плавно развернулся и полетел назад.

— Господин мой, Роканнон, если тебе и твоим людям нужна помощь в вашей звездной войне, только скажи! Я готов привести к твоим ногам все войско Халлана!

— Благодарю тебя, господин мой. — Роканнон прижимался к спине Крылатого, склоняя под порывами бешеного ветра свою седеющую голову.

Вот и закончился этот длинный день. Ночной ветер, налетая порывами, заставлял пламя в большом очаге то и дело ярко вспыхивать. Зима подходила к концу, уже чувствовались в воздухе тревожащие ароматы наступающей весны. Роканнон сидел в своих покоях в башне замка Халлан. Подняв голову навстречу залетавшему в зарешеченные окна ветру, он вдыхал свежий ночной воздух, в котором чувствовался все же приятный, чуть сладковатый запах давно высохших травяных циновок на стенах его комнаты. Снова и снова он повторял в микрофон радиопередатчика: «Вызывает Роканнон. Это Роканнон. Отзовитесь!» И слушал, слушал тишину в наушниках, а потом снова настраивал передатчик и повторял: «Вызывает Роканнон...» Вдруг заметив, что говорит чуть

ли не шепотом, он выключил передатчик. Сомнений нет: они погибли, все четырнадцать, его спутники, его друзья. Вместе с ним они пробыли на Фомальгауте-II половину долгого здешнего года, пора было собраться, сопоставить результаты исследований, посоветоваться. Смейт со своей группой прибыл сюда с Восточного континента, по дороге прихватив и арктическую группу. Здесь они должны были встретиться с Роканноном, руководителем Первой этнографической экспедиции, с тем человеком, который всех их сюда притащил. И вот теперь все они были мертвы, и вся их работа — дневники, зарисовки, магнитофонные записи, то, что могло бы хоть как-то оправдать их гибель, — пошла прахом, превратилась в черную сажу...

Роканнон снова включил передатчик, настроившись на аварийную частоту; но сигналов не последовало. А вызывать на этой частоте самому — значит просто объявить врагу: вот он я, здесь! Он замер и долго сидел в оцепенении, а когда в дверь гулко постучали, сказал на здешнем странном языке, пользоваться которым он теперь был обречен всю оставшуюся жизнь:

— Войдите!

В комнату влетел юный Могиен, правитель Халлана и лучший информант Роканнона в области культуры и местных нравов. От этого человека теперь зависела его судьба. Могиен был очень высоким, как и все ангьяр, светловолосым и смуглым, с несколько застывшим, как то и подобало Хозяину замка, выражением на красивом лице. Впрочем, лицо это частенько вспышками молний освещали самые различные эмоции — гнев, радость, азарт. Следом за Могиеном в комнату вошел его слуга Рахо, из «низкорослых». Рахо поставил на сундук желтую оплетенную бутылку с узким горлом и две деревянные чаши, наполнил чаши до краев и вышел. Только тогда наследный правитель Халлана произнес:

— Мне бы хотелось выпить с тобой, Властелин Звезд.

— И мне с тобой, и моим сыновьям — с твоими сыновьями, и моему народу — с твоим народом, господин мой, — откликнулся знакомой формулой вежливости Роканнон, недаром ведь он был этнологом и подолгу жил на девяти различных и весьма экзотических планетах, чтобы научиться вести себя, как подобает в таких случаях. Они подняли свои оплетенные в серебро деревянные чаши и выпили.

— Эта твоя говорящая штукавина теперь всегда молчит? — спросил Могиен, глядя на радиопередатчик.

— Да, голосов моих друзей в ней уже не услышишь.

Орехово-смуглое лицо Могиена не дрогнуло, однако он сказал:

— Представить не могу, что за оружие должно было быть у них!

— Лига Миров пользуется порой и более грозным оружием. Но не против своих.

— Так что же, началась война?

— Не думаю. Помнишь Яддама? Он все время оставался на корабле и, уж конечно, все знал бы благодаря ансамблю. Если б война действительно началась, нас бы непременно предупредили. Скорее всего просто какая-то планета взбунтовалась. Когда я улетал из Кергелена, то есть девять лет назад, на Фарадее как раз назревал мятеж...

— А с помощью этой штуковины ты с Кергеленом поговорить не можешь?

— Нет. Да если б и мог, то слова мои летели бы туда долгие восемь лет, а потом я бы еще восемь лет ждал ответа. — Роканнон как всегда говорил несколько сурово, но просто и вежливо, хотя сейчас, пожалуй, в голосе его звучала усталость. — Помнишь, я показывал тебе на корабле ансамбль? Такую большую машину, которая сразу может вести разговор с разными планетами, и не нужно тратить столько времени на посылку вопросов и ответов? Так вот, это за ансамблем они охотились. Мне кажется, было простым совпадением, что все мои товарищи оказались тогда на борту. Без ансамбля я не могу бороться с таким врагом.

— Но если твой народ... твои друзья из города Кергелена, станут звать тебя с помощью своего ансамбля, а ты не ответишь, разве они не прилетят?.. — Могиен не договорил, прочитав ответ на лице Роканнона:

— Прилетят. Через восемь лет...

На корабле, показывая Могиену ансамбль, средство для моментальной связи со всеми мирами Лиги, Роканнон рассказывал ему и о новых кораблях, которые способны перемещаться с одной планеты на другую почти мгновенно.

— Это был новый корабль? Тот, что убил твоих товарищей? Сверхбыстрый? — спросил ангя.

— Нет. Самый обычный. Управляемый людьми. И теперь здесь, в этом мире, где-то прячутся враги.

Могиен знал: эти новые корабли, что летят быстрее света, никогда не имеют людей на борту; они несут лишь смертоносное оружие, способное нанести страшный, разрушительный удар. Налетят, все уничтожат вокруг и исчезнут. Об этом Роканнон много рассказывал ему, но вот ведь что странно (хотя Могиен и понимал, что друг его ему не солгал): такие корабли, какой был у Роканнона, добираются от одной звезды до другой долгие годы, а вот люди на них совсем не меняются, не стареют, словно для них проходит всего несколько часов, а не лет. Где-то там, на звезде Форросуль, в городе Кергелене полсотни лет назад Роканнон встретился с Семли из Халлана и передал ей ожерелье «Око моря». Это была та самая Семли, что за одну ночь прожила шестнадцать лет и давно уже умерла; теперь и ее дочь Хальдре стала старухой, а ее внук Могиен — правителем Халлана, однако все тот же Роканнон сидит сегодня перед ним, Могиеном, и совсем не выглядит старым! Все эти годы промелькнули для него незаметно, пока он

путешествовал среди звезд. Очень, очень странно! Впрочем, в сказках еще и не такое бывает.

— Когда мать моей матери, Семли, отправилась на тот берег ночи... — начал было Могиен и умолк.

— Не было на свете женщины красивее ее, — сказал Властелин Звезд, и лицо его чуть посветлело.

— Господин мой, ты стал ее другом, будь теперь другом и всем в ее доме, — быстро откликнулся Могиен, — но я-то хотел спросить вот о чем: на каком корабле летала Семли? Его ведь так и не отобрали у «глиняных»? Может, на нем есть ансамбль? Тогда ты смог бы поговорить со своим народом и сообщить о враге.

Рассудительность Могиена явно потрясла Роканнона, однако он быстро взял себя в руки и спокойно ответил:

— Нет, ансамбля там нет. Корабль этот подарили «глиняным» семьдесят лет назад, тогда еще никаких ансамблей не было. И его могли бы установить лишь в самое последнее время, а ваш мир был закрыт для инопланетных контактов целых сорок пять лет. Между прочим, благодаря мне. Это я вмешался. Встретившись с госпожой Семли, я тут же пошел к нашим правителям и сказал: «Мы же ничего не знаем об этом мире! Разве можно было пытаться как-то воздействовать на его развитие? Зачем мы собираем с этой планеты налог? Зачем притесняем ее обитателей? Разве у нас есть на это право?» Впрочем, если б я тогда не вмешался, сюда по крайней мере каждые два года прилетали бы наблюдатели, да и вы не остались бы один на один с этими захватчиками...

— А что все-таки этим захватчиком от нас нужно? — спросил Могиен, но не испуганно, а с любопытством.

— Им нужна ваша планета, по всей видимости. Ваш мир. Ваша земля и, возможно, вы сами. В качестве рабов. А Впрочем, не знаю.

— Но если тот корабль все еще у «глиняных», Роканнон, и если он способен отнести тебя в твой город, то ты мог бы улететь и воссоединиться со своим народом.

Властелин Звезд быстро на него глянул.

— Ну, предположим, мог бы, — сказал он. Голос его снова звучал печально. Он долго молчал, а когда снова заговорил, то Могиен услышал в его голосе искреннее волнение: — Ведь это из-за меня ваш народ оказался беззащитным перед лицом внешнего врага! Это из-за меня сюда прилетели мои товарищи и погибли здесь! Я не собираюсь бежать в будущее и лет через восемь-десять узнать, что здесь произошло без меня! Послушай, Могиен, если бы ты помог мне добраться до пещер «глиняных», я, наверное, сумел бы как-то воспользоваться тем кораблем здесь, на этой планете — скажем, вести разведку с его помощью или, по крайней мере — если не удастся переключить автоматическое управление на ручное — можно было бы послать с ним в Кергелен письмо. Но сам я останусь здесь.

— По преданиям Семли нашла корабль в пещерах гдемьяр на побережье Кириенского моря.

— Не одолжишь ли ты мне одного из своих Крылатых, господин мой Могиен?

— Я бы и сам полетел с тобой, если ты этого захочешь.

— Захочу и буду очень тебе благодарен!

— «Глиняные» одиноких гостей не любят, — сказал Могиен. Он был страшно доволен. Два длинных меча у него на поясе прямо-таки подскакивали от нетерпения, и даже черная дыра на склоне горы, о которой он не забывал ни на минуту, не могла подействовать на него устрашающе. Давненько не участвовал он в набегах!

— Да сгинет наш враг, не оставив наследников! — торжественно провозгласил Могиен, вновь поднимая полную чашу.

Роканнон, чьи друзья были убиты без предупреждения, на мирном, беззащитном исследовательском корабле, не медлил ни секунды.

— Пусть сгинут они все, не оставив наследников! — отозвался он и вместе с ангья осушил свою чашу, озаряемый светом двух лун и желтых свечей, горевших в высокой башне замка Халлан.

К 2

К вечеру второго дня пути у Роканнона свело все тело, а лицо и руки были обожжены ветром, зато он научился отлично держаться в высоком седле и даже вполне сносно править огромным крылатым зверем, которого одолжил ему правитель Халлана. Солнце медленно садилось, и вокруг Роканнона в прозрачном чистом воздухе разливалось розовое сияние, окутывая его со всех сторон. Чтобы как можно дольше оставаться освещенными солнцем, Крылатые летели очень высоко, ловя его последние лучи. Как и обыкновенные кошки, они очень любили тепло. Могиен верхом на черном летучем хищнике — интересно, подумал Роканнон, можно ли ездить верхом на коте и можно ли этого крылатого зверя называть котом? — посматривал вниз, подыскивая место для стоянки. Двое ольгьяр летели за ними следом на Крылатых несколько меньшего размера и белых, крылья которых казались ярко-розовыми в великолепии заката.

— Смотри-ка туда, Властелин Звезд!

Роканнон еле удержал своего Крылатого, который заворчал и завыл, увидев то, на что указывал Могиен: впереди в розовом небе виднелся небольшой черный предмет, который будто ташил за собой шлейф негромкого гудения. Роканнон махнул рукой, приказывая всем немедленно сесть на землю. На лесной поляне, куда они опустились, Могиен тут же спросил:

— Это такой же корабль, как твой, Властелин Звезд?

— Нет. Этому кораблю далеко от земли не улететь. Он называется «вертолет». А вот привезти его сюда могли только на космическом корабле, причем куда большем, чем был у меня — на грузовике или на лайнере. Да, они явно прилетели сюда с дурными намерениями. И вылетели безусловно до того, как сюда отправилась моя экспедиция. Интересно, что все-таки они намерены делать, вооруженные бомбами и боевыми вертолетами?.. Они, между прочим, запросто могли нас подстрелить прямо в воздухе. Ничего не поделаешь, господин мой Могийен, придется переждать.

— Тот корабль прилетел со стороны пещер гдемьяр, — сказал правитель Халлана. — Надеюсь, враги нас не опередили.

Роканнон лишь молча кивнул — он просто кипел от гнева, глядя на черную кляксу на фоне чистого заката над нетронутым миром. Кто бы ни были эти люди, бросившие бомбу в безоружный исследовательский корабль, лишь увидев его издали, ясно одно: они намерены сами обследовать эту планету и захватить ее, превратив либо в свою колонию, либо в военную базу. А на «Формы Высокоразвитого Интеллекта» — которых на этой планете по крайней мере три, причем все три находятся на низком уровне технического развития — им наплевать; они их превратят в своих рабов или просто уничтожат. Ведь для подобных захватчиков главное — уровень технической развитости автохтонного населения, остальное значения не имеет.

«Вот оно!» — подумал Роканнон, глядя, как «низкорослые» расседлывают Крылатых и отпускают их на ночную охоту. Вот в чем слабость и самой Лиги Миров! Для нее тоже всегда важнее всего был уровень технического развития. Две миссии, посланные на эту планету в прошлом веке, начали с того, что стали подталкивать один из видов здешних ФВИ к уровню технологии атома, даже не заглянув предварительно на соседние континенты, не обследовав их даже бегло, не установив контакта со всеми обитающими на планете ФВИ. Ему удалось прекратить это, а потом и добиться посылки этнографической экспедиции на Фомальгаут-II, чтобы узнать об этой планете поподробнее, однако он прекрасно понимал, что все труды экспедиции в конечном итоге послужат информационным базисом для выбора того вида ФВИ и такой культуры, которые в Лиге сочтут наиболее перспективными. Так Лига готовилась к войне со своим последним врагом. Уже были обучены и вооружены сто миров, и еще тысяча миров проходила успешную подготовку — их обитатели учились пользоваться железом и сталью, познавали колесо, трактор, атомный реактор... Но Роканнон, знаток ФВИ и сам интеллектual, предпочитал, в полном соответствии со своей профессией, учиться, а не учить. Прожив немалую часть своей жизни на весьма отсталых планетах, он сомневался, что так уж мудро делать ставку исключительно на

умение применять современное оружие и пользоваться высоко-развитой техникой. Лигой Миров всегда заправляли представители агрессивных предприимчивых цивилизаций из созвездия Кентавра, с Земли, с тау Кита, которым, по большому счету, было наплевать на иные, чем у них самих, способности, возможности и умения.

На эту планету, которую до сих пор даже и не называли никак, она так и числится под «вторым номером» — Фомальгаут-II — пожалуй, никогда особого внимания и не обратят, потому что до появления здесь представителей Лиги ни один из здешних народов не превзошел уровня рычага и кузнечного горна. Некоторые народы — на других планетах — в техническом отношении развивать было легко; они вполне могли стать союзниками Лиги, когда вернется ее давний межгалактический враг. А он вернется, в том сомнений у Лиги не было. Роканнон вспомнил, как Могиеи предложил ему свою помощь — мечи Халлана против суперсветовых бомбардировщиков. Но что, если окажется, что и сами суперсветовики — просто детские игрушки по сравнению с тем оружием, которым обладает Враг? Что, если он обладает способностью убивать мысленно, телепатически? Разве не стоит побольше разузнать о телепатических способностях существ, населяющих хотя бы этот вот мир? Нет, политика Лиги чересчур узколоба; из-за нее было упущено слишком многое, а теперь, по всей видимости, она же привела к бунту на одной из планет. Если на Фарадее все-таки разразилась та буря, что назревала десять лет назад, то это означает одно: один из молодых членов Лиги, быстроенько научившись воевать с помощью подаренного новой планете оружия, оперился и вылетел из гнезда, чтобы создать среди звезд свою собственную империю.

Роканнон, Могиеи и двое темноволосых слуг поужинали вкусными сухарями, которые отлично умеют печь в Халлане, выпили по чаше доброго желтого васкана из кожаного бурдюка и улеглись спать. Высоченные деревья со всех сторон обступали их маленький костерок; на ветках покачивались гладкие, остроносые, темные шишки. Ночью над лесом послышался шелест холодного несильного дождя. Роканнон натянул пушистое меховое одеяло на голову и снова крепко заснул под неумолчный шепот дождевых капель. На рассвете вернулись Крылатые, и не успело взойти солнце, как маленький отряд снова пустился в путь, направляясь на крыльях ветра к берегам залива, где в своих пещерах глубоко под землей обитали гдемьяры.

Где-то в полдень они опустились на землю — точнее, на плоское глинистое поле. Казалось, вокруг нет ничего, кроме глины. Роканнон и двое слуг, Рахо и Яхан, изумленно озирались, пытаясь обнаружить хоть что-то живое. Но Могиеи заявил со свойственной ангьяр уверенностью:

— Ничего, придут.

И они пришли. Квадратные коротышки, каких Роканнон видел тогда, много лет назад, в музее. Их было шестеро. Все едва доставали головой Роканнону до груди, а Могиену и вовсе были по пояс. Одежды они не носили; обнаженные тела их были того же светло-серого цвета, что и глинистые поля вокруг — вот уж действительно «глиняные», подумал Роканнон. Определить, кто из шестерых говорит, было совершенно невозможно — вроде бы все сразу, но почему-то одним, довольно-таки неприятным, резким и низким голосом. «Частичная телепатия в пределах данной конгломерации», — вспомнил Роканнон и с куда большим уважением посмотрел на безобразных карликов, владевших столь редким даром. Трое его рослых спутников явно никакого особого уважения по отношению к «глиняным» не испытывали. И смотрели весьма сурово.

— Что народу ангьяр и их слугам нужно в полях повелителей Ночи? — спросил один из гдемьяр (а может, и все разом?) на «общем» языке, одним из диалектов ангьяр.

— Я правитель Халлана, — сказал Могиен с высоты своего невероятного роста. — Рядом со мной Роканнон, Властелин Звезд и того пространства, что лежит меж ними; он служит Лиге Миров и является гостем и другом Халлана. Отнеситесь к нему с наивысшим почтением, гдемьяр! И отведите нас к тем, кто способен вести серьезные переговоры. Нам есть о чем поговорить, ибо скоро наступят такие времена, когда летом будет идти снег, ветры станут дуть в обратную сторону, а деревья — расти вверх корнями! — Одно удовольствие было слушать, как говорит этот ангья! Хотя Роканнону показалось, что Могиен все же недостаточно вежлив.

Гдемьяр продолжали стоять, явно сомневаясь в правдивости этих слов. «Да неужели?» — наконец вымолвил (или подумал?) кто-то один из них (а может, и все разом).

— Именно так. И море застынет, как деревянное блюдо, а у камней вырастут ноги со ступнями и пальцами! А ну-ка быстрее ведите нас к своим повелителям! Может, хоть они знают, как надо вести себя с Властелином Звезд! Нечего зря слова тратить!

«Глиняные» снова примолкли. Стоя среди коротконогих троглодитов, Роканнон все время ощущал неприятное трепетание возле ушей, будто там собрались и машут крылышками бесчисленные мотыльки: это гдемьяр мысленно согласовывали решение.

— Пошли, — сказал наконец один из них (а может, и все разом), и они двинулись прямо по липучей глине к какому-то клочку сухой земли, где «глиняные» наклонились, выпрямились — и Роканнон увидел в земле круглую дыру, из которой торчала лестница: это был вход в царство Ночи.

Ольгья и Крылатые остались наверху, а Могиен и Роканнон полезли по лестнице вниз, в мир бесконечных пещер и разветвленных переkreшивающихся туннелей, прорытых в глине; стены в туннелях были бетонные, всюду горели электрические фонари,

но пахло отвратительно — прокисшей едой и потом. Неслышно ступая своими серыми плоскими лапами, стражники привели их в темноватую, похожую на пузырь пещеру с каменными сводами и оставили одних.

Пришлось ждать. И довольно долго.

Интересно, какого черта Первая исследовательская эспедиция рекомендовала Лиге обратить особое внимание именно на этих уродов? У Роканнона на сей счет было только одно и, возможно, не самое лучшее объяснение: первые экспедиции сюда организовали центаврийцы, привыкшие к холоду, так что им больше всего, видимо, пришлось по душе пещеры гдемьяр, где можно было укрыться от слепящих потоков солнечного света и ужасной, с точки зрения обитателей альфы Центавра, жары. На планете, входящей в систему столь огромного солнца, как считали, видимо, эти исследователи, разумные существа могли жить только под землей. Самому же Роканнону очень нравились и здешнее жаркое белое солнце, и ясные ночи, полные света четырех лун, и бурные перемены погоды, и непрестанно дующие ветры, и богатый кислородом воздух, и даже несколько меньшая сила тяжести, благодаря чему в этом мире было так много летающих тварей. Однако именно по этой причине, одернул он себя, он куда меньше знает, чем те же центаврийцы, об этих троглодитах. Они явно неглупы. К тому же телепаты — а этот дар встречается очень редко и изучен куда меньше, чем электричество, — однако телепатические способности гдемьяр не вызвали у первых исследователей ни малейшего интереса. Зато они подарили подземным жителям генератор и космический корабль-автомат, а также осчастливили их кое-какими математическими познаниями. Потом дружески похлопали по плечу и убралась восвояси. Интересно, чем с тех пор занимались эти гномы? Он стал расспрашивать об этом Могиена.

Молодой повелитель Халлана, который почти наверняка ни разу в жизни не видел, чтобы помещение освещалось чем-то иным, кроме свечей или факелов, без малейшего интереса глянул на электрическую лампочку над головой.

— Мастерили-то они всегда хорошо, — промолвил он пренебрежительно.

— А что нового они смастерили за последнее время?

— Мы всегда покупали у «глиняных» мечи; их кузнецы умели обрабатывать сталь еще во времена моего деда. А вот что было до этого, я не знаю. Мой народ давно живет бок о бок с «глиняными», они роют свои туннели даже на границах наших земель, а мы покупаем у них мечи и платим им серебром. Говорят, они очень богатые, но совершать на них набеги строго запрещено. Ничего хорошего войны между двумя соседними народами не приносят — ты и сам знаешь. Даже когда мой дед Дурхал искал здесь свою жену Семли, думая, что «глиняные» ее похитили, он этого запрета не нарушил и не стал силой заставлять их сказать

правду. Да они все равно никогда не лгут, хотя и правды тоже, по возможности, стараются не говорить. У нас их не любят, да и они нас недолюбливают; наверное, не забыли старых времен, когда запрета на набеги еще не существовало... К тому же они порядочные трусы.

Вдруг за спинами у них прогремело:

— Склонитесь перед повелителями Ночи!

Роканнон тут же схватился за лазерный пистолет, а Могиен — за ручки обоих мечей. Но стоило им обернуться, как Роканнон тут же заметил встроенный в свод туннеля динамик и шепнул Могиену:

— Не отвечай!

— Говорите, о чужеземцы, явившиеся в обитель Ночи! — от рева, доносившегося из динамика, действительно можно было растеряться, однако Могиен выразил лишь незначительное раздражение, лениво приподняв роскошную бровь. А потом обратился как ни в чем не бывало к Роканнону:

— Ну что ж, господин мой, теперь ты всласть полетал на Крылатом и скажи, как тебе это понравилось?

— Говорите же, — снова загремело в динамике, — вас слушают!

— Очень понравилось! — подхватил игру Роканнон. — Мой полосатый удивительно легкокрыл — летит, точно западный ветерок в летнюю пору. — Этот поэтический комплимент он как-то слышал за столом в парадном зале Халлана.

— Он отличных кровей.

— Говорите же! Вас слушают!

Не обращая ни малейшего внимания на вопли из динамика, они принялись обсуждать родословные Крылатых и проблемы их разведения в неволе. Вскоре в туннеле откуда-то появились двое «глиняных» и мрачно буркнули:

— Идемте.

По лабиринту переплетающихся бетонных коридоров они вышли к аккуратному, почти игрушечному автоматическому электрокару, на котором проехали несколько миль с довольно приличной скоростью куда-то вглубь, где вскоре, видимо, кончился глинистый слой и пошли известняки. Кар остановился у входа в ярко освещенный зал, в дальнем конце которого на возвышении стояли трое пещерных жителей. Сперва Роканнону даже стало стыдно: он, этнолог, не мог отличить одного гдема от другого! Такими в давние времена голландцам показались китайцы, а центаврийцам — русские... Позор! Понемногу он понял, чем отличается от других тот гдема, что стоял в центре: у него было белое властное лицо, все испещренное морщинами, и железная корона на голове.

— Что угодно Властелину Звезд в пещерах Могушественных?

Невыразительность «общего» языка была Роканнону только на руку. Он ответил столь же официально:

— Я надеялся быть гостем в пещерах гдемьяр, узнать обычаи повелителей Ночи, увидеть чудеса, ими сотворенные. Пока этой надежды я не утратил. Но сейчас в вашем мире творится неладное, и я поспешил сюда, сильно обеспокоенный. Поскольку я являюсь полномочным представителем Лиги Миров, то прошу вас отвести меня к звездному кораблю, который Лига преподнесла вам в знак своего доверия.

Ни один из троих и глазом не моргнул. Благодаря тому, что они стояли на возвышении, их широкие, как бы лишенные признаков возраста лица и неподвижные, каменные глаза были сейчас на одном уровне с лицом Роканнона. Зрелище было не из приятных. В конце концов тот, что стоял слева, заговорил на исковерканном межгалактическом, и эта «обстриженная», полудетская речь забавно контрастировала с его мрачно-торжественным каменным лицом:

— Корабля нет.

— А где же он?

Гдема подумал минутку и уклончиво повторил:

— Корабля нет.

— Говори лучше на «общем» языке, — предложил ему Роканнон. — Я прошу вашей помощи, гдемьяр. В этом мире появились враги. Не только Лиги, но и ваши. И если вы допустите, чтобы они здесь остались, ваш мир вскоре будет принадлежать им.

— Корабля нет, — еще раз повторил гдема. Остальные двое стояли рядом молча, как сталагмиты.

— Ну что ж, в таком случае я должен буду передать Лиге, что народ гдемьяр не оправдал ее доверия и недостоин участия в великой Войне.

Ответом ему было молчание.

— Доверие должны проявлять обе стороны. Иначе доверия быть не может, — сказал гдема с железной короной на голове, воспользовавшись все же «общим» языком.

— Разве я обратился бы к вам с просьбой о помощи, если б не доверял? — удивился Роканнон. — Хорошо, прошу вас лишь об одном: пошлите свой корабль в Кергелен — только с моим посланием, никого из людей посылать не нужно — он долетит и сам.

Снова повисло молчание.

— Корабля нет, — снова повторил тот, что слева.

— Пойдем отсюда, Могиен, — сказал Роканнон и повернулся к «глиняным» спиной.

— Те, кто предает Властелинов Звезд, предают и древние обычаи нашего мира, — неторопливо и отчетливо произнес Могиен. — Вы издавна ковали для нас мечи, жители глиняного царства. И мечи эти еще не заржавели. — И, не прибавив больше ни слова, он вместе с Роканноном последовал за серыми тенями стражников к

электрокару, который повез их обратно по путанице пустых, ярко освещенных коридоров к выходу в мир солнечного света.

Сперва, желая стряхнуть с себя тягостные впечатления, они пролетели несколько миль к западу и только тогда приземлились на берегу лесной речки и стали решать, что делать дальше.

Могиеи чувствовал себя виноватым; он, привыкший быть гостеприимным, не оправдал надежд своего гостя! Даже обычное самообладание ему несколько изменило.

— Земляные черви! — возмущался он. — Жалкие трусливые личинки! И никогда ведь прямо не скажут, что у них на уме! Все маленькие народцы такие, даже фийя. Хотя фийя-то как раз доверять можно. Как ты думаешь, «глиняные» не могли отдать корабль врагу?

— Откуда нам знать.

— Мне ясно только одно: корабль они отдали бы только тому, кто заплатит за него двойную цену. Вещи, вещи, вещи, богатство — только и думают, как бы побольше к рукам прибрать! Интересно, что имел в виду тот старик, когда сказал, что доверие должны проявлять обе стороны?

— Мне кажется, гдемьяр считают, что мы — то есть Лига — их обманули, предали. Сперва мы их всячески поддерживали, а потом вдруг бросили на целых сорок пять лет, и даже весточки ни разу не послали, и к себе больше не приглашали — велели самим о себе заботиться. А все я со своими идеями! Хотя гдемьяр-то об этом не знают. Да и с какой стати им оказывать мне одолжение? Сомневаюсь, правда, чтобы они вступили в сговор с врагами. Но даже если они и договорились продать им корабль, все равно эти враги смогут сделать с его помощью не больше, а может и меньше, чем я. — Роканнон, устало опустив плечи, смотрел на сверкающую ленту реки.

— Роканнон, — окликнул его Могиеи, впервые обратившись к нему как к представителю своего племени, — тут недалеко, за лесом, живут в неприступном замке Кьодор мои родственники — тридцать сильных ангьяр, вооруженных мечами. И замку принадлежат три деревни ольгьяр — «низкорослые» тоже пригодятся, если мы решим наказать этих «глиняных» наглецов...

— Нет, — отрезал Роканнон. — Скажи своим, чтобы присматривали за «глиняными», это не повредит; враги вполне могут их подкупить. Но запретов мы нарушать не станем, и никаких войн между народами вашего мира развязывать тоже не будем. Это было бы совершенно бессмысленно. В такие времена, как сейчас, дорогой мой Могиеи, судьба одного-единственного человека не имеет значения.

— А что же тогда имеет? — Могиеи удивленно вскинул глаза.

— Господин мой, — обратился к нему молодой стройный ольгья Яхан, — там, среди деревьев, кто-то прячется. — И он указал

на тот берег реки, где среди темных лап хвойных деревьев мелькало что-то яркое, пестрое.

— Это же фийя! — воскликнул Могиен. — Ты только на Крылатых посмотри! — Все четыре громадных зверя тоже устались туда, насторожив уши.

— Могиен, правитель Халлана, всегда приходит к народу фийя с миром! — загремел над неглубокой шумливой речкой могучий голос Могиена, и сразу же в сплетении теней на противоположном берегу возникла маленькая фигурка. Казалось, человечек приплясывает среди прыгающих солнечных зайчиков, все время меняя свой облик, пропадая из виду и снова становясь видимым, а когда фийян наконец двинулся к ним, Роканнону показалось, что он идет по реке, «аки по суху» — так легко ступало это хрупкое существо по просвеченному солнцем мелководью. Полосатый кот тут же поднялся и, мягко ступая могучими лапами, подошел к самой кромке воды. Когда фийян вышел на берег, Крылатый склонил к нему огромную мохнатую голову, и крошечный человечек ласково почесал его за ушами. Потом подошел к людям.

— Приветствую тебя, наследный правитель Халлана, солнце-волосый носитель мечей! — голосок был нежный, слабый, как у ребенка, да и обликом своим фийян напоминал ребенка, вот только лицо его, на котором светились странные, большие и светлые, глаза, было исполнено мудрости и печали. Глаза эти на мгновение остановились на Роканноне: — Приветствую тебя, гость Халлана, Властелин Звезд и Странник!

— Фийя знают все имена и все новости, — улыбнулся Могиен, но маленький фийян не улыбнулся в ответ. Это прямо-таки поразило Роканнона. Он не раз бывал в деревнях фийя, хотя и не оставался там надолго. Это был исключительно веселый народ.

— О, Властелин Звезд, — вновь зазвучал нежный негромкий голос незнакомца, — кто направляет те корабли, что приносят смерть?

— Приносят смерть? Кому? Фийя?

— Погибла вся моя деревня, — сказал крошечный человечек. — Я в это время был со стадом высоко в горах и там услышал их мысленный зов. Я поспешил к ним... Я увидел, как горят наши дома и люди вместе с домами... Они кричали, звали на помощь... А над деревней висели два корабля с вращающимися крыльями и плевались огнем. Теперь я остался один и вынужден всегда говорить вслух. Там, где в душе моей жили раньше голоса сородичей, теперь ревет пламя и ничьих голосов больше не слышать! Зачем они убили их, господа мои?

Он переводил взгляд с Роканнона на Могиена, но оба молчали, и фийян вдруг согнулся, точно его смертельно ранили, присел на корточки и закрыл руками лицо.

Могиен возвышался над ним — обе руки на рукоятях мечей, вне себя от гнева.

— Клянусь, что отомщу тем, кто уничтожил маленьких фийя! Скажи, Роканнон, разве это возможно? У фийя нет даже мечей, чтобы защитить себя! Нет у них и богатств. И никогда не было врагов. И вот перебита целая деревня! Сожжена! Мертвы все те, с кем этот бедняга мог поговорить без слов! Всем известно, что ни один фийян не может жить без своих соплеменников. Оставшись одни, они умирают! Зачем они уничтожили всю его деревню?

— Чтобы все знали, как они сильны, — хрипло буркнул Роканнон. — Давай возьмем его с собой, Могиен.

Правитель Халлана опустился на колени перед маленьким скрючившимся на земле фийяном:

— Друг мой, садись со мной в седло. Я не умею говорить без слов, как твой близкий, но и сказанные вслух слова тоже кое-что значат порой.

Молча уселись они на Крылатых — маленький фийян, словно ребенок, сидел перед Могиеном — и четыре огромных зверя снова взмыли в небеса. Влажный южный ветер, приносящий дожди, был для них попутным, и уже к вечеру следующего дня за бьющими в воздухе крыльями летучего кота Роканнон увидел мраморную лестницу, выходящую по лесистому склону горы, знакомый мост над пропастью и высокие башни замка Халлан, залитые закатными лучами и отбрасывавшие длинные тени.

Обитатели замка, светловолосые хозяева и темноволосые слуги, мгновенно собрались во дворе вокруг путешественников и поспешили сообщить, что неподалеку сожжен замок Реохан и все его обитатели перебиты. Как выяснил Роканнон, и туда прилетали вертолеты с вооруженными лазерным оружием людьми; воины и земледельцы замка Реохан не успели даже мечами взмахнуть — их перебили мгновенно. Жители Халлана были вне себя от горя и отчаяния, однако, увидев в седле Могиена маленького фийяна и узнав, почему он прилетел в их замок, многие из них почувствовали, как возмущение в их душах сменяется страхом. Многие из них, будучи жителями самого северного из замков ангяр, никогда фийя не видели, но знали, что этот народец всегда воспевался в сказках и легендах и что нападать на фийя всегда было строжайшим образом запрещено. Если уничтожение — страшное, кровавое — обитателей одного из замков ангяр все же как-то еще можно было объяснить с позиций их философии воителей, то нападение на беззащитных фийя они воспринимали как святотатство. Страх и гнев в их душах слились воедино. Поздно вечером Роканнон, уже поднявшись в свои покои, слышал, как в парадном зале обитатели замка Халлан все еще продолжают громогласно клясться в том, что изгонят и уничтожат проклятого врага, и извергать потоки сложных метафор и гром гипербол. Ангяр вообще были довольно хвастливы, не говоря уж об их мстительности, зазнайстве и упрямстве — недаром в их бесписьменном

языке отсутствовала форма «не могу»! Не было у этого народа также никаких богов — только герои.

И вдруг сквозь доносившийся снизу шум Роканнон услышал совсем рядом чей-то голос; от неожиданности он снова чуть не сбил настройку радиопередатчика — так сильно дернулась его рука. Наконец-то ему удалось поймать частоту, на которой переговаривались эти бандиты! Голос продолжал звучать, однако язык был Роканнону не известен. Что ж, было бы слишком большой удачей, если бы враги еще и пользовались межгалактическим. Жители входивших в Лигу миров разговаривали на сотнях тысяч различных языков и диалектов, а языки присоединенных планет, вроде этой, были еще практически не изучены. Голос явно читал какой-то список — Роканнон различил знакомые числительные; числительные в межгалактическом языке принадлежали планете тау Кита, математические достижения которой оказали огромное влияние на все входящие в Лигу миры; многие из них также использовали в своих языках эти числительные. Роканнон напряженно вслушивался в незнакомую речь, однако ничего, кроме череды цифр, различить в ней не мог.

Вдруг голос смолк; в передатчике слышалось лишь легкое шипение.

Роканнон посмотрел на маленького фийяна, который, скрестив ноги, молча сидел на полу у зарешеченного окна башни. Он сам попросил у Роканнона разрешения остаться в его комнате.

— Это голос врагов, Кьо.

Лицо человечка не дрогнуло.

Ангьяр обычно называли фийя по названиям их деревень, поскольку считалось, что у этих маленьких существ, возможно, вообще нет собственных, так сказать индивидуальных, имен.

— А если ты очень постараться, Кьо, то не сможешь ли разобрать мысли наших врагов? — спросил Роканнон, почти ни на что не надеясь. Он знал по своим кратким посещениям деревень фийя, что этот народ редко отвечает на заданные вопросы прямо, предпочитая улыбаться и отвечать весьма уклончиво. Однако Кьо ответил ему сразу — видно, фийяну было трудно ориентироваться в чуждой ему стихии устной речи.

— Я не смогу, Властелин Звезд, — печально сказал он.

— А с обитателями других деревень фийя ты без слов говорить можешь? — снова спросил Роканнон.

— Немножко. Если бы я среди них жил, тогда, может быть... Фийя иногда живут в чужих деревнях. Говорят даже, что когда-то фийя и гдемьяр могли разговаривать друг с другом без слов, как один народ, но только все это было очень, очень давно. А еще говорят... — Он вдруг умолк.

— Твой народ и «глиняные» действительно были когда-то едины, — сказал Роканнон, — хотя теперь вы совсем друг на друга не похожи. Ну, что еще говорят, Кьо?

— Говорят, что давным-давно на юге, высоко в горах, среди серых мхов и камней жили те, кто мог разговаривать без слов со всеми обитателями нашего мира. Они слышали мысли всех живых существ, эти Древние... Но мы-то давно спустились с горных вершин и живем — кто в долинах, кто в пещерах. Мы забыли о трудной жизни в горах.

Роканнон задумался. Он и не знал, что к югу от Халлана есть какие-то горы! Он даже взял было карманный галактический справочник, но тут шипение в передатчике прекратилось и тот же голос зазвучал вновь, только чуть слабее и временами прерываясь из-за помех; теперь голос взывал на межгалактическом:

— Вызываю номер шестой. Вызываю номер шестой. Отзовитесь. Вызывает Фуайе. Отзовитесь. Номер шестой... — голос еще долго бубнил, на несколько секунд замолкая и начиная снова монотонно вызывать на связь некий «номер шестой». — Вызывает Фрайди... Нет-нет, это Фрайди говорит... Вызывает Фуайе, номер шестой, вы на месте? Суперсветовые прибывают завтра, мне необходим полный отчет о состоянии «семь-шесть» и о сетях. Номер шестой, вы меня слышите? Оставьте свой великолепный план восточному подразделению, пусть они его выполняют. Вы слышите меня? Завтра состоится сеанс связи по ансамблю с Базой, так что мне необходима ваша информация о состоянии «семь-шесть» немедленно. И совершенно необязательно... — Какие-то помехи помешали Роканнону расслышать продолжение этой фразы, а когда голос возник вновь, то слышны были лишь отдельные слова. Потом вдруг послышался новый голос, похоже более близкий. Говорили на неизвестном Роканнону языке. Он внимательно вслушивался; рука его так и застыла на справочнике. Неподвижный фийян еле виднелся в темном углу напротив. Голос произнес две пары чисел, потом Роканнон уловил еще одно знакомое слово — «градусы». Он быстро записал числа, а потом, все еще внимательно вслушиваясь в чужую речь, открыл справочник на странице, где была карта Фомальгаута-II.

Так, записал он числа 28, 28 — 121, 40. Возможно, градусов. Если предположить, что это координаты... Он шарил глазами по карте. Потом отметил найденную точку карандашом — сперва она оказалась прямо посреди океана. Но потом, когда он попробовал цифры 121—28, то карандаш его уперся в южные отроги горной гряды, примерно посередине Юго-западного континента. Он молча усталился на карту. Голос в передатчике смолк.

— Что случилось, Властелин Звезд?

— По-моему, я понял, где их база. Может быть... И там у них точно есть ансамбль. — Он невидящим взором посмотрел на Кью, потом снова на карту. — Если они действительно там... если бы я сумел туда добраться и расстроить их планы... если бы мне удалось передать Лиге всего одну фразу с помощью их ансамбля... если бы я сумел...

Юго-западный континент описан только с помощью аэрофото-съемки, и на картах отмечены лишь самые крупные горы и реки, да линия побережья. А это значит — сотни квадратных километров неизведанной территории! Да к тому же он всего лишь догадывается, что враг там...

— Но не могу же я сидеть сложа руки! — взорвался Роканнон. Он поднял голову и снова встретился с ясными глазами ничего не понимавшего фийяна.

Вскочив, Роканнон принялся мерить шагами каменный пол. Радио снова зашипело, послышался совсем тихий голос.

Преимущество у него одно: враг никак его не ждет. Они ведь считают, что планета полностью принадлежит им. Но, к сожалению, никаких иных преимуществ у него нет.

— Ох, как мне хочется ударить по ним их же оружием! — вырвалось у него. — Пожалуй, я все-таки попробую их найти. Там, в этих южных землях... Знаешь, Кьо, ведь и моих товарищей убили эти чужаки. Мы с тобой оба осиротели и оба говорим на чуждом нам языке. Мне бы очень не хотелось расставаться с тобой.

Он и сам не понял, почему вдруг сказал эти слова.

Тень улыбки скользнула по лицу фийяна. Он поднял руки и широко раскинул их, словно раскрывая объятия. Пламя свечей в подсвечниках колебалось, по стенам метались тени.

— Да, так было предсказано: Странник сам выберет себе друзей, — сказал фийян. — Правда, на время.

— Странник? — переспросил Роканнон, но на этот его вопрос Кьо не ответил.

Х

3

Хозяйка замка медленно пересекла высокий зал, пышные юбки шуршали по каменному полу. Смуглая кожа ее с годами потемнела, точно на старой иконе; светлые волосы стали белыми. Но все же она была еще хороша — все женщины ее рода отличались необычайной красотой. Роканнон поклонился и приветствовал Хальдре в соответствии с обычаями ангьяр:

— Приветствую тебя, Хозяйка Халлана, дочь Дурхала, Хальдре Золотоволосая!

— Приветствую тебя, Роканнон, гость мой, — откликнулась она, спокойно на него глядя. Как практически все мужчины ангьяр, да и многие женщины, Хальдре была значительно выше его ростом. — Скажи, зачем ты направляешься на юг? — Она снова медленно пошла через зал, и Роканнон шел с нею рядом. В зале было темновато: темные камни стен, темные ковры на высоких стенах, холодный свет раннего утра, едва пробивающийся в узкие, похожие на бойницы окна, полуприкрытые черными ставнями.

— Хочу отыскать своих врагов, госпожа моя.

— А когда найдешь?..

— Когда найду, то... попробую проникнуть в их замок и воспользоваться их... у них есть такая машина, с помощью которой я мог бы послать Лиге послание, предупредить, что они здесь, в вашем мире. Они неплохо спрятались — вряд ли кто-нибудь смог бы их здесь отыскать: ведь во Вселенной миров столько же, сколько песчинок на морском берегу. Но отыскать их нужно непременно! Они уже причинили немало зла здешним народам, а вскоре причинят и куда более страшное зло.

Хальдре понимающе склонила голову:

— А это правда, что ты пойдешь налегке, взяв с собой всего несколько человек?

— Да, госпожа. Путь туда далек, нужно переплыть море. Да и в борьбе с врагом я надеюсь победить скорее умением, а не силой.

— Тебе понадобится не только умение, Властелин Звезд, — сказала старая Хальдре. — Что ж, пусть с тобой отправятся четверо верных наших слуг. Хватит ли тебе четверых? А еще я дам тебе двух Крылатых под поклажу и шесть под седло, да прибавлю парочку серебряных слитков — на тот случай, если тамошние варвары потребуют плату за то, что приютят тебя и моего сына Могиена.

— Так Могиен едет со мной? Этот твой дар для меня дороже всех остальных, Хозяйка Халлана!

Некоторое время Хальдре смотрела на него — печально, но ясно и твердо:

— Я рада, что доставила тебе удовольствие, Властелин Звезд. — Она снова начала прохаживаться по залу, и Роканнон шел с нею рядом. — Могиен только и думает, что об этом походе: он любит тебя и мечтает о приключениях. А ты, великий Властелин, идя навстречу грозной опасности, хотел бы, чтобы мой сын отправился с тобою. Что ж, по-моему, вы должны пойти вместе. Но вот что я скажу тебе — здесь, сейчас, в этом зале — а ты запомни и не бойся моих упреков, когда вернешься: вряд ли сыну моему суждено вернуться с тобой вместе.

— Но госпожа моя, он ведь наследник Халлана!

Хальдре не ответила; прошла через весь зал, развернулась у стены, завешанной потемневшими от времени гобеленами, на которых изображены были крылатые великаны, сражающиеся со светловолосыми людьми, и пошла обратно. Потом наконец заговорила снова:

— Ничего, Халлан найдет себе другого наследника. — Голос ее звучал спокойно и горько. — Снова среди нас появляются вы, Властелины Звезд, и приносите новые обычаи и новые войны. Замок Реохан обращен в прах. Сколько стоять Халлану? Наш мир теперь кажется мне всего лишь песчинкой на берегу Ночи. Все меняется, но в одном я по-прежнему уверена: проклятие тяготеет

над моим родом. Мать моя, которую ты знал когда-то, сошла с ума и заблудилась в лесу; отец мой погиб в бою, мой муж стал жертвой предательства, а когда я носила под сердцем своего сына, то не могла подавить горьких предчувствий, понимая, что жизнь его будет короткой. Сам он не печалится об этом — ведь он ангья, у него два меча. Ну а моя роль по воле недоброй судьбы сводится к тому, чтобы в одиночестве править этим ветшающим замком и жить, жить, жить, пережить всех... — Она вдруг умолкла и не сразу заговорила снова: — Тебе, возможно, понадобится куда больше денег, чем есть у меня, чтобы — кто знает? — выкупить, может статься, свою жизнь. Возьми это. Я отдаю его тебе, Роканнон, — не своему сыну Могиену. Зло, связанное с этим ожерельем, не должно тебя коснуться. Да и разве не тебе оно принадлежало в городе, что лежит по ту сторону Ночи? Нам это сокровище ничего не дало, кроме тяжкого бремени и темных теней. Я возвращаю его тебе, Властелин Звезд; используй его, как найдешь нужным — как выкуп или как дар. — И она расстегнула золотую цепь и сняла со своей груди великолепное ожерелье с синим сверкающим камнем, которое стоило ее матери жизни, и протянула его на ладони Роканнону. Он взял ожерелье, и у него мурашки по спине побежали от тихого шуршания золотой цепи. Когда он поднял глаза на Хальдре, она смотрела прямо на него, и ее ясные синие очи в полумраке зала казались черными. — Все, Властелин Звезд. Бери с собой моего сына и ступайте своим путем. И пусть сгинут враги твои, не оставив наследников!

Чадящее пламя факелов, мечущиеся по стенам замка тени, рычание Крылатых, голоса людей — все осталось далеко внизу, стоило полосатому зверю несколько раз взмахнуть крыльями. Халлан светлячком светился на темном крутом склоне горы; кругом стояла тишина, лишь едва слышно вздымались и опускались крылья, да в лицо Роканнону с легким свистом бил поток встречного воздуха. Восточный край неба у них за спиной уже начинал светлеть, и Большая звезда горела ярко, предвещая рассвет, хотя до восхода было еще далеко. На этой планете, где сутки длились целых тридцать часов, все происходило неторопливо — закаты и восходы, долгие ночи и ясные дни. И времена года тоже сменяли друг друга без излишней поспешности, горделиво приходя каждое в свой черед; сейчас как раз наступало весеннее равноденствие — впереди были четыреста дней весны и лета.

— О нас еще сложат песни и будут петь их в высоких замках, — сказал Кью, сидевший у Роканнона за спиной. — И в песнях этих будет говориться о том, как Странник с товарищами взлетели в небо и понесли на крыльях весеннего ветра в предутренней мгле... — Он даже засмеялся. Внизу под ними точно великолепно расписанные серые шелка расстилались холмы и плодородные долины владений ангьяр; земля начинала понемногу светлеть,

постепенно проступали яркие краски, четкие тени — это солнце, величественно поднимаясь над горами, высвечивало все своими лучами.

Они летели к морю вдоль русла реки и в полдень спустились немного отдохнуть на ее берегу. А к вечеру увидели небольшой замок на вершине холма, очень похожий на все остальные замки ангьяр, где и решили переночевать. Замок стоял в излучине той же реки, и его владелец радушно принял гостей. Обитатели замка с трудом сдерживали любопытство, вызванное появлением столь странного отряда. Прежде всего их интересовали фийян и странный человек, одетый, как правитель замка, но без мечей и со светлой, как у ольгьяр, кожей. Да и говорил он с каким-то странным акцентом. Однако и фийян и странный незнакомец путешествовали вместе с правителем Халлана и его четырьмя слугами. Честно говоря, смешанные браки и адюльтеры были весьма распространены между ангьяр и ольгьяр, просто высокородным владельцам замков не хотелось в этом признаваться. Сплошь и рядом можно было встретить светлокочих воинов в сопровождении золотоволосых слуг. Но прибывший вместе с правителем Халлана Странник был какой-то другой породы. Роканнон ничего о себе рассказывать не стал, не желая распространения известий о своем прибытии в эти края, а хозяин замка расспрашивать о нем наследника Халлана и его товарищей так и не решился. Если он когда-либо и узнал о том, кто были его загадочные гости, то лишь из легенды, которую сложили бродячие певцы и артисты много лет спустя.

Весь следующий день провели семь путешественников в полете над сказочно прекрасными землями, а переночевали в деревушке ольгьяр на берегу реки. На третий день они очутились в таких местах, которые не были знакомы даже Могиену. Река здесь поворачивала к югу, образуя обширную дельту, состоявшую из множества рукавов; в излучинах блестели болотца и озера. Холмы постепенно сглаживались, уступая место просторным равнинам, а в небе у самого горизонта виднелось бледное сияние — отраженный свет моря, которое они и увидели к концу дня, когда вылетели на простор побережья, где среди серых песчаных дюн виднелись глубоко врезавшиеся в сушу заливы и бухты. На вершине белого утеса они заметили одинокий замок и решили спуститься.

Спешившись, усталый, с затекшей спиной и ватными ногами, оглохший от долгого полета и сильного ветра, Роканнон глядел на этот замок и думал, что в жизни не видел столь жалкого строения; к замку жались деревенские домишки, похожие на выводок цыплят под крылом у квочки. Улочки в деревне были кривые; из каждой щели на путников смотрели глаза бледных и каких-то особенно низкорослых и коренастых ольгьяр.

— Похоже, тут «глиняные» немало своей крови добавили, — заметил Могиен. — А вот и ворота. Это, должно быть, Толен, если нас не снесло ветром в сторону. Эй! Правители Толена! Гости стоят у ворот вашего замка!

Но из замка не донеслось ни звука.

— Качает ветер ворота эти, — сказал Кьо, и они заметили, что ворота и в самом деле не заперты; их провисшие створки из окованного бронзой дерева отсырели и болтались на ржавых петлях, поскрипывая на холодном морском ветру, насквозь продувавшем селение. Могиен ткнул в дерево острием ножа — ворота отворились, и изнутри пахло сыростью. Там было темно, слышалось подозрительное шуршание и хлопанье крыльев.

— Ну что ж, правители Толена, видно, не дождались своих гостей, — сказал Могиен. — Яхан, поговори-ка с этими уродами да постарайся найти нам место для ночлега.

Юноша подошел к собравшимся кучкой на дальнем краю двора деревенским жителям, которые продолжали пялить глаза на путников. Наконец один из них решил и, без конца кланяясь и извиваясь, точно морская водоросль, с униженным видом стал что-то объяснять Яхану на диалекте ольгяр. Роканнон немного понимал его речь и догадался, что этот старик пытается уверить Яхана, что их деревня — неподходящее место для столь высоких гостей. Для «педанаров», так он сказал. Интересно, подумал Роканнон, что это значит? Высокий ольгяр Рахо тоже подошел к ним и что-то сказал местным довольно сердито, но старик только приседал и кланялся, продолжая бормотать свое, пока наконец в переговоры не вступил Могиен. По законам ангяр ему не полагалось разговаривать с подданными другого правителя, однако он настолько красноречиво обнажил один из своих мечей и взмахнул им, так что клинок засверкал в холодном, отражавшемся от морской воды свете небес, что деревенские сразу примолкли. Могиен с мечом в руке двинулся по окутанной уже сумерками узкой улочке; остальные путешественники пошли за ним, ведя на поводу своих Крылатых. Сложенные крылья огромных зверей то и дело задевали крыши низеньких крытых тростником хижин.

— Кьо, что значит «педанар»? — спросил Роканнон.

Но фийан только улыбнулся в ответ. Пришлось обратиться к Яхану.

— Видите ли, господин мой, педан — это... тот, кто странствует среди людей, — ответил тот неуверенно.

Роканнон кивнул, пока было достаточно и этого объяснения. Раньше, когда он еще только начинал исследовать нравы и обычаи этого народа, не превратившись еще в их прямого союзника и защитника, он все пытался обнаружить у них хоть какие-нибудь зачатки религии. Похоже, никаких религиозных представлений у лийяр не было вовсе. Но в то же время они были чрезвычайно доверчивы и впечатлительны. Они воспринимали всякие заклания и

проклятия, колдовство и таинственные силы как нечто само собой разумеющееся, да и вообще их отношение к природе было абсолютно анимистическим — одушевляли они все подряд, но богов у них не было. Слово «педан», похоже, отчасти имело оттенок чего-то сверхъестественного. Хотя в этот момент Роканнону даже в голову не пришло, что сверхъестественным эти люди могут считать его самого.

Понадобились три жалких хижины, чтобы как-то разместить семерых путников, а Крылатые вообще ни в один из домов не влезали, так что их пришлось привязать снаружи. Звери сбились в кучку и распушили шерсть, стараясь согреться на пронизывающем морском ветру. Крылатый Роканнона принялся даже царапать стену хижины, жалобно подвывая, так что Кьо вышел и стал чесать ему за ушами.

— Бедняги, что-то еще ждет их впереди, — сказал Могиен, посмотрев на Крылатых, и уселся рядом с Роканноном у примитивного земляного очага, который немного согревал холодное помещение. — Знаешь, они ведь очень воды боятся, просто ненавидят ее.

— Да, ты еще в Халлане говорил, что через море Крылатые не полетят, а в этой деревне вряд ли найдется лодка, которая выдержала бы их вес. Как же мы переберемся через пролив?

— У тебя с собой тот рисунок, на котором изображена наша страна? — спросил Могиен. Географических карт ангяр не знали, и Могиен пришел в восторг, увидев в карманном справочнике Роканнона карты различных районов своего мира. Роканнон вытащил справочник из старой кожаной сумки, верной своей спутницы во время всех странствий по иным мирам. В сумке были самые необходимые вещи из числа тех, что были у него при себе, в Халлане, когда разбомбили их корабль — галактический справочник, дневники, кое-какая одежда, оружие, аптечка, радиопередатчик, миниатюрные земные шахматы и потрепанный томик хайнской поэзии. Сперва он положил в сумку и сапфировое ожерелье, но прошлой ночью, вспомнив вдруг, какую цену заплатили за это сокровище, он сделал из мягкой замши мешочек, положил в него ожерелье и повесил на шею, под рубашку, чтобы выглядело как амулет. Теперь ожерелье Семли могло потеряться только вместе с его собственной головой.

Длинным загрубелым пальцем Могиен обвел контуры двух западных континентов в том месте, где они были как бы повернуты друг к другу лицом: самую южную часть владений ангяр с двумя глубокими заливами и далеко выдающимся в море полуостровом, а через пролив — самую северную оконечность Юго-западного континента, который сам Могиен называл Фьерн.

— Вот, сейчас мы здесь, — сказал Роканнон и положил рыбий позвонок, оставшийся после ужина, на самый конец полуострова.

— А здесь, если верить этим деревенским дурням, которые кроме рыбы ничего в жизни не пробовали, должен быть замок

Пленот. — Могиен положил второй позвонок примерно в сантиметре от первого, чуть выше, и полюбовался им. — Здорово похоже на башню замка, когда сверху смотришь, правда? Вот вернемся в Халлан, и я pošлю сотню человек верхом на Крылатых, чтобы они все эти земли зарисовали, а потом прикажу высечь на каменной плите такую картину — все владения ангяр. В этом Пленоте, по-моему, должны быть большие лодки, а может, и корабли. Возможно, это правитель Пленота захватил суда Толена. Эти два небогатых правителя всегда спорили из-за своих территорий, вот почему Толен ныне стоит пустой и в нем только ветер гуляет да кроется тьма. По крайней мере, так сказал Яхану тот старикашка.

— А правитель Пленота одолжит нам лодки?

— Ничего он нам не одолжит! Мы его считаем заблудшим.

То есть, по законам ангяр, правитель считался изгоем, если ему неведомы были традиционные понятия гостеприимства, благодарности и возмездия.

— У него всего два Крылатых, — презрительно сказал Могиен, снимая меч. — А замок, говорят, и вовсе из дерева.

Наутро, когда они подлетали к деревянному замку Пленот, стража на башне сразу заметила их, и в воздух поднялись оба тамошних Крылатых, начав описывать над башней круги, а из бойниц высунулись лучники, готовые стрелять. Хозяин замка явно не желал принимать гостей. Только теперь Роканнон понял, почему на всех замках ангяр крыши так сильно нависают над стенами, образуя козырьки, отчего внутри всегда темно, точно в пещере: так обитатели замков защищаются от нападений с воздуха. Замок Пленот оказался совсем небольшим и еще более жалким, чем Толен; при нем не было даже деревушки ольгяр, и он, нахохлившись, торчал на черной скале над самым морем. Роканнон все же сомневался, что они вшестером сумеют взять этот замок, если им будет оказано сопротивление. Он проверил, крепко ли пристегнуты седельные ремни, которыми крепятся ноги всадника у бедра, перехватил поудобнее длинное боевое копье, которым его снабдил Могиен, и послал сам себя к черту, надеясь на удачный исход боя. Все-таки для подобных передрыг он, пожалуй, уже не годился: сорок три стукнуло.

Могиен, летевший далеко впереди на своем черном звере, поднял копье и издал боевой клич. Полосатый тут же опустил огромную голову и быстрее замахал своими огромными черно-серыми крыльями, похожими на огромные опахала; длинное, покрытое пушистой шерстью легкое тело его было напряжено; Роканнон чувствовал, как бьется могучее сердце зверя. Ветер свистел у него в ушах, ему казалось, что и эта башня, крытая тростником, и ревущие грифоны над нею тоже несутся ему навстречу. Взяв копье наизготовку, Роканнон прильнул к спине Крылатого. Упоение битвой, какой-то первобытный восторг переполнял его; он

даже слегка засмеялся, опьянев от ветра. Все ближе, ближе маячила башня с кружащими над ней крылатыми стражами, и вдруг, издав пронзительный вопль, Могиен метнул свое копье, серебристой молнией мелькнувшее в воздухе. Копье попало точнехонько в грудь одному из всадников, и тот, не удержавшись в седле, вылетел через круп своего Крылатого, порвав пристяжные ремни, и стал падать с высоты три сотни футов прямо в кремовые волны прибоя, набегавшие, казалось, почти беззвучно на прибрежные скалы. Могиен пролетел мимо оставшегося без всадника Крылатого и вступил в схватку со вторым стражем, пытаясь поразить его мечом; тот отбивал удары копьём, которое почему-то не метнул раньше, а держал наперевес. Слуги-ольгьяр кружили чуть поодаль, но в поединок не вмешивались, хотя и были готовы в любой момент прийти на помощь своему господину. Их Крылатые, похожие на жутких голубей, кружили довольно высоко от земли, чтобы стрелы лучников, притаившихся на стенах замка, не могли пробить кожаные подбрюшники. Но вдруг все четверо слуг, издав леденящий душу вопль, резко бросили своих зверей вниз и присоединились к Могиену. Какое-то время Роканнон не видел ничего, кроме мелькания белых крыльев и сверкания клинков. Потом из этой мешанины выпала человеческая фигура, которая, словно пытаясь повиснуть в воздухе и полететь, нелепо дергала руками и ногами, но падение продолжалось, и вскоре несчастный ударился о крышу замка и соскользнул на камни вниз.

Только теперь Роканнону стало ясно, почему ольгьяр вмешались в поединок: стражник, нарушив все правила, ударил копьём не всадника, а Крылатого. Черный зверь, на крыле которого расплывалось багровое пятно, устремился в дюны. Оставшиеся без седоков Крылатые из замка понеслись в сторону Роканнона, надеясь, совершив круг, спуститься и укрыться за стенами замка. Ольгьяр гнали за ними, и Роканнон бросился на подмогу, оказавшись прямо над тростниковыми крышами замка. Он видел, как Рахо, ловко метнув веревку, поймал одного из беглецов; в ту же минуту он почувствовал, как что-то ужалило его в ногу. Он так и подпрыгнул в седле, отчего Крылатый под ним взволновался еще больше и, несмотря на туго натянутые поводья, выгнул спину дугой, а потом, впервые послушавшись седока, встал на дыбы. Кругом, точно рой диких пчел, жужжали и пели стрелы. Мимо Роканнона с дикими криками и смехом пронеслись халланские ольгьяр и Могиен верхом на желтом с дикими глазами Крылатом из числа захваченных. Полосатый зверь Роканнона сразу выпрямил спину и полетел за ними.

— Лови, Властелин Звезд! — пронзительно крикнул ему Яхан, и Роканнон увидел летящую прямо на него комету с черным хвостом. Он поймал ее — скорее из чувства самозащиты — и обнаружил, что это зажженный факел. Держа его в руке, он присо-

единился к остальным, которые кружили над башней, намереваясь поджечь ее тростниковую крышу и деревянные балки.

— У тебя из левой ноги стрела торчит! — крикнул ему Могиен, пролетая мимо. Роканнон только рассмеялся в ответ каким-то безумным смехом и ловко зашвырнул свой факел прямо в бойницу, из которой высовывался лучник. — Вот это бросок! — воскликнул Могиен, резко бросил своего Крылатого вниз, коснулся крыши и снова взлетел. Вслед ему взметнулись языки пламени.

Потом Роканнон увидел Яхана и Рахо, прижимавших к груди целые охапки горящих факелов, которые бросали всюду, где виднелась тростниковая кровля или деревянные постройки. Башня пылала, вверх взлетали снопы искр; Крылатые, устав от бесконечного осаживания, раздраженные жалящими даже сквозь густой ворс искрами, со злобным, леденящим душу ревом бросались на крыши замка. Фонтан стрел снизу иссяк; во двор из замка выбежал человек, прикрывавший голову чем-то вроде большой деревянной миски. В руках он держал нечто, показавшееся Роканнону сперва зеркалом, но потом выяснилось, что это еще одна миска, полная воды. Дергая за повод желтого Крылатого, который все норовил спуститься в родное стойло, Могиен подлетел к человеку поближе и крикнул:

— Эй, говори быстрее! Мои люди уже новую порцию факелов поджигают!

— Откуда ты, господин мой?

— Из Халлана!

— Я, правитель Пленота, прошу позволить мне потушить пожар.

— Ладно! Но ты вернешь мне похищенное тобой добро из замка Толен, а также вернешь и его обитателей. Живыми!

— Да будет так! — Человек, так и не вылив воду из миски, бросился назад в замок.

Нападающие отлетели к дюнам и оттуда смотрели, как обитатели замка, выстроившись цепочкой до моря, передают полные ведра и заливают пламя. Башня успела выгореть дотла, но стены и основное строение уцелели. Людей в замке было не больше двадцати пяти человек, включая женщин. Когда огонь был потушен, небольшая их группа осторожно приблизилась к дюнам. Впереди шел высокий худой человек с кожей темно-орехового оттенка и светлой рыжеватой шевелюрой типичного ангя. Следом за ним шли два воина в деревянных шлемах — в точности таких, как тот, который Роканнон принял за миску. Еще дальше тащились человек шесть мужчин и женщин с удивительно покорным, точно у овец, выражением лица. Высокий человек обеими руками поднял глиняную чашу с водой и сказал:

— Я Огорен из Пленота, хозяин этих владений.

— Я Могиен, наследник Халлана.

— Жизни обитателей Толена теперь в твоей власти, господин мой. — Огорен кивнул в сторону шестерых оборванцев. — А вот богатств там не было никаких.

— Там были две длинные лодки, заблудший.

— Ну да, ну да, еще бы! Когда дракон прилетает с севера, он все видит! — Вид у Огорена был довольно кислый. — Суда, принадлежавшие Толену, теперь твои, господин мой.

— Ладно уж, — смягчился Могиен, — отведи суда к пристани Толена и получишь назад своих Крылатых.

— А кто второй, кто этот благородный ангя, что оказал мне честь быть побежденным в бою с вами? — спросил Огорен, поглядывая на Роканнона, который предстал перед ним во всем великолепии бронзовых доспехов истинного воина-ангя, однако без мечей. Могиен посмотрел на друга в замешательстве, и тот выпалил первое, что пришло в голову: имя, которым назвал его Кью: Странник, Ольхор.

Огорен изумленно посмотрел на него, потом отвесил каждому из странных ангяров поклон и промолвил:

— Чаша полна.

— Да не прольется ни капли воды, да не нарушится наш договор! — откликнулся Могиен.

Огорен тут же повернулся и устремился вместе со своей стражей к дымящемуся замку, даже не взглянув на освобожденных пленников, сгрудившихся на вершине одной из дюн. Могиен бросил:

— Отведите в деревню моего Крылатого, у него ранено крыло.

И, оседлав желтого зверя, тут же полетел прочь. Роканнон за ним. Взлетев, он обернулся: несчастные обитатели замка Толена понуро брели к границе своих жалких владений.

К тому времени, когда он добрался до Толена, боевой задор в нем несколько поостыл, и он снова начал ругать себя. Дело в том, что, спустившись на вершину дюны, он обнаружил, что стрела действительно попала в ногу, но боли особой не чувствовал, пока он не дернул за нее как следует, даже не посмотрев, нет ли на ее наконечнике зазубрин. Однако они там оказались. Он знал наверняка, что ангяры ядами не пользуются, и все же опасность заражения крови была вполне реальной. Забыв об осторожности при виде доблести и отваги, которую проявляли в бою его спутники, Роканнон постеснялся надеть свой защитный костюм, который был практически невидим глазу, хотя костюм этот был неуязвим даже для лазерного пистолета. И вот теперь он запросто мог умереть в какой-то жалкой дыре из-за паршивой царапины! Болван! А еще собирался спасти целую планету, хотя о собственной шкуре как следует позаботиться не может!

Старший из слуг-ольгяров, спокойный полный парень по имени Иот, вошел в его хижину и, не говоря ни слова, быстро опустился на колени, ловко промыл и перевязал рану. За ним вошел

Могиеи, все еще одетый в латы. В шлеме с высоченной эгидой он был, казалось, чуть ли не трехметрового роста, а нагрудник лат под плащом делал плечи невероятно широкими, точно он прятал там сложенные крылья. Следом протиснулся Кьо, похожий на притихшего ребенка среди свирепых воинов. Потом пришли Яхан и Рахо, а потом и юный Биен, так что хижина чуть не рухнула, когда все они осторожно присели на корточки у очага. Яхан наполнил семь чаш, деревянных в серебряной оправе, и Могиеи торжественно передал каждому его чашу. Выпили. И Роканнон сразу почувствовал себя лучше. Могиеи стал участливо расспрашивать его о ране, и ему стало совсем хорошо. Они пили васкан, а в дверь то и дело заглядывали и исчезали бледные лица перепуганных и восхищенных деревенских жителей. Роканнон пребывал в исключительно благодушном настроении; ему уже казалось, что он вел себя действительно как герой. Они поели, потом еще выпили, а потом Яхан встал и прямо здесь, в этой душевной хижине, провонявшей дымом, жареной рыбой, смазкой для упряжи, запел, аккомпанируя себе на бронзовой лире. Он пел о Дурхольде из Халлана, который освободил пленников Корхальта среди болот Борна в те далекие дни, когда владениями ангъяр правил Красный король. Пропев под конец родословную каждого из героев, участвовавших в той славной битве, он без перехода запел об освобождении плененных обитателей Толена и о сожжении башни Пленота — тем самым факелом, который Странник бросил, не убоившись града стрел; воспел он и меткий, необычайной силы удар копьем, который нанес наследник Халлана — Могиеи, уподобившийся славному своему предку, не знавшему промахов метателю копий Хендину. Роканнон был уже совершенно пьян и страшно доволен собой. Песня несла его, точно полноводная река, и он чувствовал себя полностью принадлежащим этому миру, ради которого пролил кровь и в который явился когда-то как чужой, переплыв через океан Ночи. Вот только порой, ощущая присутствие тихого улыбчивого фийяна с собою рядом, он осознавал вдруг, что все же мир этот для него не родной.

4

Перед ними простиралось серое море, вздымалось пенными волнами в пелене серого дождя. В мире как бы совсем не осталось красок. Двое Крылатых со связанными крыльями, посаженные на цепь на корме, плакали и жаловались на судьбу, и с соседнего суденышка доносились точно такие же жалобные звуки.

Они провели в Толене довольно много дней, ожидая, пока заживет нога Роканнона и черный Крылатый снова сможет летать. Хотя причины для задержки были вполне уважительные, на

самом деле Могиену явно и самому не хотелось пускаться в опасное плавание, хотя он прекрасно понимал, что море это нужно переплыть. Он в одиночестве бродил по серому песку между заливами вдаль от замка Толен, стараясь побороть те же мрачные предчувствия, что владели и его матерью Хальдре. Роканнону он сказал только, что вид моря и шум морских волн нагоняют на него тоску. Когда же наконец его Крылатый совсем поправился, он вдруг решил отослать его назад в Халлан под присмотром Биена, словно желая спасти хоть что-то от неминуемой опасности. Они также решили оставить двух Крылатых и большую часть поклажи у престарелого правителя Толена и его племянников, тщетно пытавшихся как-то привести в порядок свою развалюху, именуемую «замком». И вот теперь на двух больших лодках, носы которых были украшены головами драконов, они вшестером вышли в море под морозящим дождем.

Лодкой, в которой плыл Роканнон, правили два мрачных и тощих толенских рыбака. Яхан пытался успокоить сидевших на цепи несчастных Крылатых какой-то тягучей песней о давно умершем правителе Халлана; Роканнон и Кьо, закутавшись в плащи и натянув поглубже капюшоны, устроились на носу.

— Кьо, ты как-то рассказывал мне о южных горах... — вдруг промолвил Роканнон.

— Да, и что? — фийян быстро оглянулся на север, туда, где за пеленой дождя уже скрылись земли ангъяр.

— А ты знаешь, что за люди живут в тех краях, которые ты называешь Фьерн?

От его любимого справочника толку было мало; в конце концов, именно он, руководитель этнографической экспедиции, должен был бы заполнить оставшиеся в нем пустые страницы. В справочнике были указаны пять форм высокоразвитого интеллекта, существующие на этой планете, однако описаны только три: лийяр (т. е. ангъяр/ольгъяр), фийя и гдемъяр. И еще негуманоиды, обнаруженные на огромном Восточном континенте в другом полушарии. Информация географов по поводу Юго-западного континента скорее напоминала слухи: «Существование неподтвержденной формы ВИ, возможно, вид 4. По непроверенной информации это крупные гуманоиды, проживающие в обширных городах (?). Имеются также непроверенные данные о существовании еще одного вида ФВИ, возможно пятого (?): крылатые сумчатые существа». В общем, он все это знал и так, а Кьо, точно ребенок, считал, что Роканнону вообще известны ответы на все вопросы, поэтому ответил ему вопросом на вопрос:

— Там ведь Древние живут, верно?

Роканнону пришлось удовлетвориться этим, и он все вглядывался в серый туман, за которым скрывалась неведомая, загадочная земля, а огромные крылатые кошки на корме все выли и

жаловались на судьбу, и холодный дождь струйками стекал ему за ворот, стоило на минутку откинуть капюшон.

Один раз за время плавания ему показалось, что он слышит над головой стрекот вертолета; хорошо, что такой туман, подумал он. Потом пожал плечами: а собственно, чего прятаться? Вряд ли у этих воинственных захватчиков, которые устроили на планете военную базу, вызовут беспокойство два утлых суденышка с десятью «рыбаками» и какими-то странными кошками-переростками...

Так они и плыли по нескончаемым волнам, сквозь непрерывающийся дождь, пока над водой не повисла ночная тьма. Ночь всем показалась страшно холодной и чересчур долгой. Потом забрезжил рассвет, и взорам их вновь предстали те же серые волны, туман, дождь... Потом вдруг толенские мрачные рыбаки зашевелились, задвигались и стали с беспокойством вглядываться вдаль. И вдруг прямо над лодками навис утес, полускрытый клочьями тумана. Пока они подплывали к берегу, огибая прибрежные скалы, стали видны и низкорослые деревья, росшие по уступам утеса.

Яхан стал расспрашивать одного из рыбаков, а потом рассказал остальным:

— Он говорит, что мы сейчас входим в устье большой реки, и на ее дальнем берегу — единственное место, где можно причалить.

Нависавшие над лодкой скалы между тем уже уплывали назад, скрываясь в тумане, а лодку окутывал еще более плотный туман; днище ее поскрипывало под напором нового сильного течения. Голова ухмыляющегося дракона на носу показывалась, и казалось, что дракон вот-вот обернется к ним. Воздух вокруг был белый и мутный. По обе стороны лодки бурлила вода, тоже мутная и красноватая. Рыбаки что-то кричали друг другу и перекликались со своими земляками на другой лодке.

— Тут был сильный паводок, — пояснил Яхан. — Они пытаются повернуть... Эй, держитесь! — Роканнон успел схватить Кью за плечо, и лодка, черпнув воды, стала заваливаться набок, закрутилась в каком-то бешеном танце, подхваченная бурным течением; рыбаки тщетно пытались придать ей былую устойчивость, но слепящий туман скрывал от взора речные берега и даже саму реку, и лодку раскачивало так, что Крылатые на корме рычали от страха и все пытались взлететь.

Потом наконец драконья голова на носу выровнялась и величественно поплыла над рекой. Но тут налетел неожиданный порыв ветра, принесшее очередное облако непроницаемого тумана, и неустойчивое суденышко снова качнулось, черпануло воды, задев волну сразу обвисшим парусом, и в лицо Роканнону полетели брызги. Красноватая теплая вода попала в рот, залила глаза; он за что-то схватился, пытаясь отряхнуть воду с лица и глотнуть воздуха. Потом оказалось, что он по-прежнему сжимает плечо Кью и

оба они уже довольно далеко от перевернувшейся лодки, а красная как кровь морская вода несет их в открытое море, покачивает, подбрасывает, точно играя. Роканнон громко позвал на помощь, но густой туман, повисший над самой водой, поглотил его голос. Где же берег? В той стороне, в этой? Как далеко до него? Он поплыл к тающему в тумане силуэту лодки. Кью цеплялся за него.

— Роканнон!

Из белых ключев тумана вынырнула голова веселого дракона. Могиен тут же прыгнул за борт и, решительно борясь с течением, поплыл к ним, быстро обвязал Кью веревкой, которую держал в руках, и велел Роканнону тоже держаться за нее. Роканнон отчётливо видел лицо Могиена, дугой изогнутые брови и потемневшие от воды соломенные волосы. Их быстро подтащили к лодке; Могиен влез последним.

Вскоре подобрали и Яхана, а также одного из рыбаков. Второй рыбак и оба Крылатых утонули. Их затащило под лодку. Здесь, довольно далеко от берега, речное течение и дующий с суши ветер чувствовались слабее. Тяжело нагруженная промокшими насквозь людьми, лодка покачивалась на красных волнах в туманной мгле.

— Роканнон, как это, интересно, ты умудрился остаться сухим? — видимо, этот вопрос мучил Могиена уже давно.

Все еще не совсем пришедший в себя, Роканнон оглядел свое насквозь промокшее платье и не понял вопроса. Но Кью, улыбаясь и дрожа от холода, ответил:

— Странник надел вторую кожу.

Он имел в виду его защитный костюм. Роканнон действительно натянул его прошлой ночью, чтобы согреться, оставив обнаженными только руки и голову. Так, значит, костюм все еще при нем, и «Око моря» по-прежнему висит в своем замшевом мешочке у него на груди, но вот радиопередатчик, карты, оружие и прочие вещи, связывавшие его с родной цивилизацией, пропали.

— Яхан, ты вернешься домой.

Слуга и господин стояли лицом к лицу на берегу этих южных земель, окутанных туманом. Прибой шипел у их ног. Яхан не отвечал.

На шестерых у них осталось только три Крылатых. Кью мог, конечно, лететь с кем-то из «низкорослых», как и Роканнон, но Могиен был слишком тяжел, чтобы садиться с кем-то вдвоем на одного Крылатого. Чтобы пощадить летучих котов, третьему ольгья приходилось отправляться на уцелевшей лодке в Толен. Могиен решил, что это будет самый младший из них, Яхан.

— Я же не наказываю тебя за какой-то проступок, Яхан. Ну ладно... отправляйся... рыбаки ждут.

Но его верный слуга даже не пошевелился. У него за спиной рыбаки затапывали костер, возле которого они только что ели и

сушили одежду. Бледные искры взлетали и тут же гасли, задушенные туманом.

— Господин мой, — прошептал Яхан, — отправь лучше Иота. Лицо Могиена потемнело, он схватился за меч:

— Отправляйся немедленно, Яхан!

— Я не уйду, господин мой.

Меч со свистом вылетел из ножен, и Яхан с воплем отчаяния отскочил, повернулся и исчез в тумане.

— Подождите его немного, — сказал Могиен рыбакам с самым невозмутимым видом. — Если не придет, отчаливайте. А мы пойдем дальше. Кьо, господин мой, не сядешь ли на моего Крылатого, пока мы не взлетели?

Кьо сидел, весь съехившись, словно никак не мог согреться; он совсем ничего не ел и ни слова не произнес с тех пор, как они высадились на берег Фьерна. Могиен посадил его на высокое седло и повел своего Крылатого под уздцы, двигаясь во главе их маленького отряда, направлявшегося в глубь континента. Роканнон все время оглядывался, надеясь заметить Яхана и удивляясь тому, какой он все-таки странный, его друг Могиен — чуть не убил человека в приступе холодной ярости и сразу же заговорил с маленьким фийяном на удивление мягко и ласково. Надменный, но верный, безжалостный и одновременно добрый — таков был Могиен, достойный правитель Халлана.

Рыбаки сказали, что в восточной стороне есть какое-то селение, и путешественники пошли на восток. Над головой и вокруг по-прежнему высились бледные непроницаемые стены тумана. Верхом на Крылатых они, конечно, могли бы взлететь над этим влажным, окутавшим землю одеялом, но огромные звери, совершенно измученные да еще два дня пробывшие на привязи в ненавистой лодке, лететь не желали. Могиен, Иот и Рахо шли впереди, Роканнон тащился сзади, нарочно отставая и все время высматривая в тумане Яхана, которому чрезвычайно симпатизировал. Он так и не снял свой защитный костюм, и ему было в нем довольно тепло, хотя на голову все же натягивать его не стал, чтобы не чувствовать себя полностью изолированным от окружающего мира. Но даже и в защитном костюме он чувствовал себя неуютно в слепящем тумане, на незнакомом берегу, и внимательно смотрел под ноги, на серый песок, надеясь подобрать что-нибудь вроде посоха или палки. Наконец между бороздками, которые оставляли свисавшие до земли крылья летучих котов, среди водорослей и соляных наростов, он увидел то, что нужно — побелевшую от морской воды палку, выброшенную на берег волнами. Он очистил ее от соляного налета и сразу почувствовал себя увереннее. Однако эта незначительная задержка привела к тому, что он отстал от своих, и поспешно бросился вдогонку, высматривая на песке их следы. Вдруг справа от него выросла высокая человеческая фигура. Он сразу понял, что это кто-то чужой, и замахнулся

своим оружием, но его тут же обхватили сзади и повалили на землю. В рот сунули кляп — что-то мокрое, холодное, кожаное. Он попытался освободиться и тут же получил по голове такой удар, что потерял сознание.

Довольно быстро очнувшись, хотя и чувствуя сильную боль в голове, он понял, что лежит на спине на песчаном берегу. Над ним высились в тумане две огромные фигуры. Чьи-то голоса неторопливо спорили насчет того, как с ним быть, но он понимал этих людей лишь частично: они говорили на каком-то незнакомом ему диалекте ольгяр.

— Да брось ты его прямо здесь, — сказал один, а другой ответил что-то вроде:

— Лучше его прямо здесь убить, все равно у него ничего нет.

Тут Роканнон настолько пришел в себя, что даже сумел приподняться и натянуть защитный костюм на голову и лицо. Один из великанов повернулся и стал внимательно вглядываться в лицо Роканнона, и тот понял, что никакой это не великан, а самый обыкновенный ольгя, просто одетый в неуклюжие шкуры.

— Давай отведем его к Згаме, может, он Згаме на что-нибудь сгодится, — предложил второй.

Они еще немного поспорили, потом подхватили Роканнона под мышки и поволокли по песку, да так быстро, что ему пришлось бежать. Он пытался вырваться, но голова по-прежнему кружилась. Краем глаза он заметил, что туман вроде бы стал темнее, потом услышал голоса, увидел край глинобитной стены, в которой был укреплен пылавший факел, и угол кровли. В темноте разговаривало множество людей. Наконец он очнулся полностью и понял, что лежит ничком на каменном полу. Он осторожно приподнял голову и огляделся.

Рядом с ним в очаге пылал огонь. Очаг был размером с небольшую хижину. Бесчисленные голые ноги и обтрепанные края грубых меховых одеяний отделяли его от огня. Он поднял голову повыше и увидел перед собой человеческое лицо: это был ольгя, белокожий, черноволосый, с очень густой бородой, одетый в полосатую черно-зеленую пушистую шкуру; на голове у него красовалась здоровенная меховая шапка.

— Ты кто? — спросил он густым басом, глядя на Роканнона сверху вниз.

— Я... я прошу принять меня в вашем замке как гостя, — проормотал Роканнон формулу вежливого приветствия и медленно поднялся на колени. Встать он в данный момент был не в состоянии.

— Так мы тебя уже приняли, — хмыкнул бородатый, глядя, как Роканнон ощупывает шишку на голове. — Еще хочешь? — Вокруг задвигались, переминаясь, грязные ноги, торчавшие из-под оборванных шкур; незнакомцы с ухмылкой посматривали на Роканнона своими темными глазами.

Роканнону все-таки удалось встать на ноги; он выпрямился, но не говорил ни слова и старался не двигаться, пока не пройдет головокружение и не утихнет пульсирующая боль в голове. Потом поднял голову и посмотрел прямо в яркие черные глаза своего пленителя.

— Ты Згама, — сказал он уверенно.

Бородатый даже отступил на шаг от изумления, так что Роканнон, которого не раз испытывали подобным образом в разных мирах, решил закрепить достигнутый успех:

— Ну а я Ольхор-Странник. И пришел с севера, с моря, из той страны, где встает солнце. Я пришел с миром и с миром уйду. Уйду на юг, мимо дворца Згамы. И никто меня не остановит!

— Ого! — выдохнули разом все глотки. Бледнолицые ольгьяр усталились на Роканнона. Однако сам он не отрываясь смотрел на Згаму.

— Тут я распоряжаюсь! — рявкнул тот, хотя и не слишком уверенно. — Никто тут без моего разрешения ходить не будет!

Роканнон молчал, он и бровью не повел.

Згама, видно, чувствовал, что игру «в гляделки» он проигрывает: все его подданные круглыми от изумления глазами по-прежнему смотрели только на незнакомца.

— Прекрати на меня пялиться! — взревел он, но Роканнон остался неподвижен. Он уже понял, что Згама так просто не сдастся, но предпринимать что-либо другое было уже поздно. — Я же сказал, прекрати пялиться! — Згама был вне себя; он со свистом рассек воздух мечом, который вытащил откуда-то из-под надетых на него шкур, потом замахнулся посильнее и ударил Роканнона по голове.

Однако голова загадочного чужака осталась на месте! Он, правда, пошатнулся, и все же меч Згамы отскочил от его головы, как от скалы. Собравшиеся вокруг костра дружно вздохнули: «Ах-х-х!» Незнакомец перевел дух и снова застыл в неподвижности, не сводя глаз со Згамы.

Згама колебался; он уже почти готов был отступить и дать этому загадочному Страннику пройти. Однако врожденное упрямство пересилило осторожность и страх.

— Взять его! — рявкнул он. — Руки ему скрутить! — Однако люди не двинулись с места, и он сам схватил Роканнона за плечо и заломил ему руку за спину. Только тогда остальные опомнились и бросились на чужака, но тот и не сопротивлялся. Костюм отлично защищал практически от любых вредных воздействий извне — от температурных колебаний, от радиации, от поражения электрическим током, от ударов острыми предметами, мечом например, от пули и даже от лазерного луча, но вот помочь Роканнону освободиться от хватки полутора десятков человек костюм, разумеется, не мог.

— Никто просто так не пройдет мимо дворца Згама, Властелина Большого Залива! — теперь Згама по-настоящему дал волю своему гневу, когда его «смелые» головорезы наконец схватили Роканнона. — Ты же шпион! Шпион желтоголовых ангъяр! Я тебя знаю! Явился сюда со своими наглými речами, колдовством и прочими штучками, а следом за тобой приплывут большие лодки с драконами. Нет уж, залива им не видать! Я здесь хозяин, у нас тут закон не писан! Так что пусть эти желтоголовые со своими рабами-подхалимами только сунутся сюда — уж мы дадим им по-пробовать нашей бронзы! А ты, значит, выполз из моря, чтобы погреться у моего очага? Ну ты у меня погреешься, шпион! Привязать его вон к тому столбу! — Его наглая, грубая речь словно взбудрила остальных бандитов, и они бросились исполнять приказание. Вскоре Роканнон был привязан к одному из столбов, поддерживавших над гигантским очагом громадные вертела. У его ног быстро выросла куча дров.

Потом все смолкли. Згама встал — огромный в своих шкурах, свирепый, крепкий, он выглядел весьма внушительно. Выхватив из очага пылающий сук, он ткнул им Роканнону чуть ли не в лицо и поджег дрова. Сухой плавник вспыхнул сразу, в мгновение ока сгорела одежда Роканнона и его коричневый теплый плащ, подарок Могиена; огонь плясал у самого лица.

— Ах! — снова выдохнула толпа, и вдруг один воскликнул: — Смотрите! — Когда чуть опали языки пламени, ольгъяр стала хорошо видна по-прежнему неподвижная фигура Странника у столба, хотя пламя уже вовсю лизало ему ноги. Странник смотрел Згаме прямо в глаза, на его обнаженной груди сиял огромный прекрасный камень, оправленный в золото — точно открытый глаз.

— Педан, педан, — завизжали женщины и разбежались по темным углам.

Панику остановил своим зычным голосом Згама:

— Да сгорит он! Пусть себе горит! Эй, Дехо, подбрось-ка дровишек. Этого шпиона, видать, так просто не зажаришь! — Згама вытащил в круг, освещенный пламенем костра, какого-то мальчишку и заставил его подбрасывать дрова. — Что, у нас уж и поест нечего? Эй, женщины, где еда? Несите! Вот уж ты, Странник, полюбуйся, какие мы гостеприимные, посмотришь, как сладко мы едим! — И он схватил с подноса, который услужливо поднесла ему одна из женщин, огромный оковалок мяса. Стоя перед Роканноном, Згама впился в жареное мясо зубами; сок стекал по бороде. Его приспешники, подражая ему, тоже стали рвать зубами мясо, но старались все же держаться подальше от костра. Большая же часть ольгъяр вообще не осмелилась подойти к очагу; однако Згама всех заставил есть, пить и громко кричать, а кое-кто из мальчишек даже обнаглел настолько, что подбирался к самому костру и подбрасывал в огонь палку-другую. Но человек у столба

по-прежнему стоял совершенно спокойно, будто онемев, а огонь плясал и лизал его странно светившуюся красноватую кожу.

Наконец шум стих, языки пламени опали. Мужчины и женщины улеглись спать тут же, на полу или прямо на теплой золе, завернувшись в свои шкуры. Дозорных осталось всего двое, да и те держали мечи на коленях и не выпускали из рук чаши с вином.

Роканнон устало прикрыл глаза. Одним легким движением скрещенных пальцев высвободил из-под костюма лицо и вдохнул свежего воздуха. Ночь как всегда тянулась удивительно долго и наконец сменилась не менее долгим рассветом. В серых сумерках из завесы тумана, проплывавшего за окном, появился Згама. Оskalываясь на жирных пятнах, оставшихся на полу после пиршества и перешагивая через спящих и похрапывающих своих подданных, он подошел к своему пленнику и уставился на него. Тот тоже глаз не отвел, смотрел сурово и не мигая, не обращая ни малейшего внимания на бессильную ярость своего пленителя.

— Ну гори же, гори! — прорычал Згама и, стремительно повернувшись, выбежал вон.

Снаружи Роканнон услышал знакомое сиплое мяуканье летучего кота — это были одомашненные звери, тучные, с очень густой шерстью; их повсеместно выращивали на мясо как ангьяр, так и ольгьяр, подрезав им крылья. Здесь этот своеобразный «скот» пасся, по всей вероятности, на прибрежных скалах. Дворцовый зал постепенно опустел, остались лишь несколько женщин с младенцами, старавшиеся держаться от Роканнона подальше, даже когда пришло время жарить на очаге мясо для близящегося ужина.

К этому времени Роканнон уже простоял, привязанный к столбу, часов тридцать и страдал не только от болей в затекшем теле, но и от жажды. Ему всегда было трудно обходиться без воды. Он мог очень долго ничего не есть, и в цепях, возможно, продержался бы не меньше, хотя голова у него уже начинала кружиться от усталости; но вот без воды он, пожалуй, выдержит еще, самое большее, один здешний долгий день.

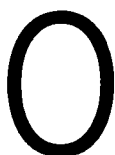
Он был совершенно беспомощен; не мог даже ничего сказать этому Згаме, пригрозить ему или польстить — похоже, любые его слова теперь только подлили бы масла в огонь.

С наступлением темноты, когда языки пламени снова заплясали у него перед глазами и снова сквозь них замаячила бородатая белокожая физиономия озверевшего Згама, Роканнон постарался мысленно представить себе совсем другое лицо — светловолосого и темнокожего Могиена, которого любил как самого близкого друга, даже, пожалуй, как сына. Ночь все тянулась, костер жарко пылал, и Роканнон стал вспоминать крошку Кьо, маленького фийяна, бесхитростного и хрупкого, как ребенок, странным образом привязавшегося к нему — отчего это так получилось,

Роканнон даже и не пытался понять. Он вспомнил Яхана, воспевающего древних героев Халлана, Иота и Рахо, то ссорившихся, то мирившихся друг с другом, их веселый смех, когда они обихаживали громадных Крылатых; и еще он вспомнил Хальдре — как она расстегнула тогда на шее золотое ожерелье и подала ему. Но ничего из всех своих сорока предшествующих лет жизни, проведенных в самых различных мирах, не вспоминал он, хотя столько всего узнал за эти долгие годы, столько всего сделал. Нет, теперь все это сторело, навсегда унесено прочь тем взрывом и этим костром. Ему почудилось вдруг, что он стоит посреди парадного зала в замке Халлан, где на стенах висят гобелены с изображением дерущихся с крылатыми великанами светловолосых людей, а Яхан подносит ему чашу с водой...

— Выпей, Властелин Звезд. Пей же!

И он стал пить.

5

Отражение двух сестер-лун — Фени и Фели — плясало на поверхности налитой в чашу воды; Яхан снова наполнил чашу и подал Роканнону. Тот выпил. Костер почти догорел, лишь несколько угольев поблескивали во тьме. Огромный зал был погружен во мрак; кое-где на полу лежали пятна лунного света; стояла тишина, только слышалось сопение и храп множества спящих людей.

Яхан осторожно ослабил цепи, опутывавшие Роканнона, и тот всем телом отклонился назад, прислонившись к столбу — ноги совершенно онемели, он даже стоять без поддержки не мог.

— Внешние ворота всю ночь сторожат, — прошептал ему на ухо Яхан. — И там стража не спит. Но вот утром, когда погонят стадо на пастбище...

— Нет, в лучшем случае завтра вечером. Я не могу бежать, Яхан. Ничего, блефовать я умею. Прицепи-ка цепь так, чтобы я мог на нее опереться, а потом сам смог ее отцепить. Вот здесь цепляй, поближе. — Один из спящих проснулся, сел и зевнул. Яхан ухмыльнулся, сверкнув зубами, и мгновенно пропал из виду, точно растворился во тьме.

На рассвете Роканнон видел, как он вместе с другими пастухами вышел из дворца, одетый в такие же грязные рваные шкуры. Волосы у него были всклокочены и стояли дыбом. К Роканнону снова подошел Згама, снова злобно орал, и было ясно, что этот безумец охотно пожертвовал бы половиной своих стад и половиной своих бесчисленных жен, лишь бы отделаться от этого Странника, от проклятого колдуна, из-за которого попался в ловушку собственной жестокости: тюремщик, как известно, часто становится пленником собственных пленных. Згама явно спал прямо в

золе, вся его башка была перепачкана ею и пропахла гарью; скорее уж можно было предположить, что это его жгли на костре, а не Роканнона, белая кожа которого прямо-таки сияла чистотой. Вскоре Згама, спотыкаясь, побрел прочь, и снова большую часть дня огромный зал был пуст, хотя стражники не покидали дверного проема. Роканнон развлекался тем, что незаметно для других выполнял несложные физические упражнения, пытаясь размять затекшее тело. Когда проходящая мимо женщина заметила, как жертва у столба легонько потягивается — а Роканнон не только своих упражнений не прекратил, но даже запел тихонько, — несчастная испуганно вскрикнула и на четвереньках уползла за порог, повизгивая от страха.

В окнах опять закулбился вечерний туман; мрачные женщины варили мясную похлебку с морскими водорослями; слышно было, как возвращаются домой стада; вернулись и Згама со своими подручными; на бородах у них поблескивали капли тумана, меховые одежды тоже были влажными. Они расселись на полу и принялись за еду. В зале гулко раздавались голоса, воняло немытыми телами и мокрыми шкурами, над очагом стоял пар. Видно, хозяевам Роканнона уже поднадоело каждый вечер возвращаться к своему не желавшему гореть пленнику. Голоса их звучали угрюмо и злобно.

— Разведите-ка огонь да пожарче — пусть сгорит наконец, черт бы его побрал! — заорал Згама, вскакивая и подбрасывая в костер охапку сучьев. Но никто из его людей не пошевелился.

— Погоди, Странник, я еще съем твое сердце, когда оно как следует прожарится у тебя между ребрами! А кольцо с твоим камушком вдену в нос! — Згаму прямо-таки трясло от злости — ведь проклятый Странник продолжал смотреть на него своим немигающим взглядом уже две ночи! Згаме становилось невтерпеж. — Ну погоди, я тебя заставлю глазки-то закрыть! — завизжал он и, схватив с полу длинную палку, что было силы ударил Роканнона по голове и тут же отскочил, словно испугавшись содеянного. Палка упала одним концом в костер и сразу занялась.

Роканнон неторопливо протянул правую руку, сжал палку в кулаке и выдернул ее из костра. Конец ее пылал. Он поднял этот конец на высоту глаз Згамы, а потом, все так же неторопливо, стряхнул цепи и вышел из костра. Пламя взметнулось и тут же опало, рассыпая искры и угольки прямо на его босые ступни.

— Вон! — скомандовал он, наступая на Згаму, который попятился. — Никакой ты здесь не хозяин. Человек, который не признает человеческих законов, — самый обыкновенный раб и больше ничего. И жестокий человек — тоже раб. И глупец — тоже раб. Так что ты мой раб, и я стану гнать тебя, точно последнюю скотину. Пошел вон! — Згама обеими руками ухватился за дверной косяк, но горящий конец палки упорно приближался к его глазам, и в конце концов он согнулся и, скрючившись, отскочил и

сгинул где-то во тьме двора. Стражники застыли. Смоляные факелы, пылавшие на стенах, освещали окутанный туманом двор и внешние ворота; стояла полная тишина, только слышно было, как возится скот в стойлах да шипит море у прибрежных скал. Шаг за шагом Згама, видимый теперь в свете ярко горевших факелов, продолжал отступать, пока не остановился в воротах. Его белое лицо с черной бородой казалось ужасно застывшей маской. Горящий конец палки угрожающе приближался. Онемев от страха, Згама обхватил руками привратный столб, заполнив весь проем своим широкоплечим мясистым телом. Роканнон был совершенно измучен, однако горел жаждой мщения, так что, собрав последние силы, он толкнул Згаму горящим концом палки прямо в грудь, перешагнув через поверженного врага и скрылся за воротами в черноте ночи, в клочьях клубящегося тумана. Он не прошел и полусотни шагов — споткнулся, упал и не смог подняться.

Но никто его не преследовал. Никто даже не выглянул за ворота. Он в полуобморочном состоянии лежал на травянистом склоне какого-то холма. Через какое-то время погасли факелы — может быть, их кто-то специально погасил? — и Роканнона окутала непроницаемая тьма. В траве на разные голоса завывал ветер, далеко внизу шипел прибор.

Когда туман поредел, пропуская лунный свет, его отыскал Яхан. Оказалось, что он лежит на самом краю утеса. Яхан помог ему подняться, и они побрели прочь, пробираясь ощупью, спотыкаясь о камни, становясь на четвереньки там, где подъем был особенно крут. Шли они на юго-восток, в сторону от морского побережья. Пару раз они останавливались — передохнуть и перевести дыхание, и Роканнон засыпал мгновенно, стоило им замедлить ход. Яхан будил его и заставлял снова идти, пока они не спустились в какую-то лесную ложину; под деревьями, карабкавшимися по круто уходившему вверх склону горы, царила абсолютная чернота. Яхан и Роканнон вошли в эту черноту и двинулись по руслу ручья, который, собственно, и привел их сюда, но сумели пройти совсем немного: Роканнон внезапно остановился, сказал на своем родном языке: «Все, больше не могу!» — и сел на землю. Яхан отыскал узенькую полоску песка на берегу под обрывом, где их, по крайней мере, не было бы видно сверху, Роканнон заполз под этот нависающий козырек, точно зверь в логово, и заснул.

Проспал он часов пятнадцать и проснулся уже в сумерках. Рядом сидел Яхан, который принес ему поесть — зеленые побеги и съедобные корешки какого-то растения.

— Плодов-то еще никаких нет, — горестно объяснил он, — а лук у меня отобрали эти болваны, одетые в шкуры. Я поставил несколько силков, да только до ночи в них вряд ли кто попадет.

Роканнон с наслаждением съел зелень, напился из ручья, потянулся как следует, и в голове у него окончательно прояснилось:

— Яхан, а как ты, собственно, здесь оказался?

Молодой ольгья потупился, потом аккуратно закопал несколько оказавшихся несъедобными корешков в песок и смущенно пробормотал:

— Видишь ли, господин мой... я ведь своего хозяина послушался. Ну и потом решил, что придется мне к Вольным пристать.

— Ты что же, раньше о них слышал?

— Да болтали разное... о таких местах, где ольгьяр сами себе и хозяева, и слуги. Говорят ведь даже, что когда-то только мы, ольгьяр, жили на тех землях, что теперь ангьяр принадлежат; кормились охотой, и никто нами не командовал; а потом с юга пришли ангьяр, приплыли на длинных лодках с драконьими головами... В общем, я набрел на замок Згамы, а его люди приняли меня за беглого, отобрали у меня лук, заставили работать, но ни о чем не спрашивали. Ну а потом я обнаружил тебя. Но даже если б и не обнаружил, все равно бы убежал! Я б тут и правителем быть не согласился, среди болванов этих!

— А ты не знаешь, где теперь наши товарищи?

— Нет. А ты хочешь их разыскать, господин мой?

— Зови меня просто по имени, Яхан. Конечно, я хочу их разыскать! Если на это осталась хоть какая-то надежда. Вдвоем с тобой нам этот континент не пересечь, да еще пешком, без одежды, без оружия.

Яхан молчал; он разглаживал ладошкой песок и смотрел на темную чистую воду, что бежала под низко нависшими лапами похожих на ели деревьев.

— Ты со мной не согласен?

— Если мой господин Могиен меня найдет, то непременно убьет. Это его право.

По законам ангьяр это было действительно так; а уж Могиен-то законы своего племени соблюдал как должно.

— Ну а если ты найдешь себе нового хозяина? Старый ведь не сможет тебя наказывать, верно?

Юноша кивнул и прибавил:

— Да только кто захочет взять в слуги того, кто против прежнего хозяина взбунтовался?

— Ну, это как посмотреть. Если хочешь, можешь принести клятву верности мне, а я стану отвечать за тебя перед Могиеном — если мы его найдем. Не знаю только, какие слова вы произносите...

— Мы говорим, — Яхан почти шептал, — «Господину своему передаю я часы своей жизни и смысл своей смерти».

— А я принимаю твой дар. И вместе с ним еще один — собственную жизнь, которую ты мне вернул.

Шумно струился ручей, небо медленно и торжественно гасило свои огни. Когда стало достаточно темно, Роканнон выскользнул из защитного костюма, лег в холодную воду и позволил ей омыwać все тело, унося прочь застарелый пот и усталость, страх и память о том, как плясали у самых его глаз языки пламени.

Снятый костюм представлял собой нечто полупрозрачное, почти невидимое и легко умещавшееся в горсти — тончайшая ткань, трубочки не толще волоса, тоненькие проводочки и два прозрачных кубика величиной не больше ногтя. Яхан с тревогой смотрел на него, когда он снова натягивал свой костюм; никакой другой одежды у него все равно не было; самому же Яхану пришлось продать свой плащ ангя за пару грязных шкур.

— Господин мой, Странник... — наконец выдавил он из себя, — это же... это та самая кожа, которая не дала тебе сгореть в огне? И... сокровищу тоже?

Ожерелье теперь снова висело у Роканнона на шее в мешочке из-под амулета, одолженном Яханом. Роканнон ответил спокойно:

— Ну да, это, можно сказать, моя вторая кожа. И никакого колдовства. Она прочнее любых лат.

— А белый волшебный посох?

Роканнон глянул на выбеленный морем кусок плавника с сильно обгоревшим концом. Видно, вчера ночью Яхан подобрал палку на том утесе, в траве, как и Згама, считая, что посох — неотъемлемая часть самого Странника. Да и правда, что за волшебник без посоха?

— Ах да, посох, — задумчиво проговорил Роканнон. — Что ж, он довольно удобный, пригодится при ходьбе, если долго идти придется. — Он снова потянулся; есть все-таки очень хотелось; пришлось еще разок напиться как следует холодной темноватой воды из ручья.

Проснувшись он довольно поздно, но чувствовал себя полным сил и готов был съесть сейчас что угодно. Яхан куда-то ушел еще на рассвете — должно быть, проверять свои силки, да и потом, холодно было спать в этом сыром логове. Вернулся он с неважной добычей — горсточкой съедобных трав и весьма плохой новостью. Он прошел через весь лес до вершины горы, за которой они сейчас находились, и оттуда видел, что и дальше на юг тоже простирается море.

— Ну если эти жалкие рыбоеды высадили нас на остров! — прорычал он. От его обычного оптимизма и добродушия следа не осталось — все заглушили холод, голод и мучительные сомнения.

Роканнон попытался вспомнить, как выглядело побережье на картах, которые теперь покоились на дне морском. Там была какая-то река, текущая с запада и с устьем в северной части длинного гористого языка суши; горный хребет тянулся с запада на восток, а между тем полуостровом и материком был обширный залив, которого на карте просто невозможно было не заметить, так что он отлично запечатлелся в его памяти. Может быть, даже сотни две километров шириной...

— Ну, и широкий там залив? — спросил он Яхана.

— Очень широкий! — Яхан был мрачен. — Мне не переплыть, я ведь плавать-то толком не умею, господин мой.

— Можно обойти по суше. Эта горная гряда на западе выведет нас на материк. Скорее всего Могиен станет искать нас именно в той стороне. — Теперь ему предстояло все решать самому — Яхан и так сделал больше, чем мог. Но настроение у Роканнона было так себе, особенно при мысли о том, что придется долго идти по незнакомой и враждебной территории. Яхан сказал, что никого в лесу не встретил, но ему попадались хорошо утопанные тропы; ясно, что здесь полно охотников — дичи совсем нет, все зверье попряталось.

Оставалась, правда, какая-то слабая надежда, что Могиен их отыщет — если он вообще жив, на свободе и Крылатые при нем — так что нужно было непременно идти на юг и, по мере возможности, стремиться на открытое пространство. Могиен, конечно же, станет искать их именно в этом направлении — ведь все их путешествие задумано ради того, чтобы попасть на юг.

— Пошли, — решительно сказал Роканнон, и они двинулись в путь.

Вскоре после полудня с вершины горы их взору открылся широкий, раскинувшийся с востока на запад залив — сколько мог видеть глаз, всюду была свинцово-серая вода под низкими, мрачными тучами. На самом юге с трудом можно было различить лишь цепочку далеких туманных гор. Ледяной ветер пронизывал насквозь, воем своим заглушая все остальные звуки. Подгоняемые ветром, они спустились к воде и пошли по берегу на запад. Яхан посмотрел на тучи, поежился и похоронным тоном сообщил:

— Снег будет.

И действительно, скоро пошел снег — по-весеннему мокрые хлопья несло ветром, и они таяли, не успев коснуться земли или темной воды. В защитном костюме Роканнону было не холодно, но длительное напряжение и голод совершенно измотали его; Яхан тоже ужасно устал и замерз. Они тащились по берегу, поскольку все равно больше делать было нечего. Потом перешли вброд ручей и на его противоположном берегу, поросшем жесткой травой, которую уже засыпало мокрым снегом, нос к носу столкнулись с каким-то человеком.

— Ух ты! — воскликнул тот. Он был высокий, костистый, бородатый, с диковатым взглядом темных глаз; за плечами у него висел лук. — Вот так встреча! — говорил он на языке ольгьяр. — Вы же тут замерзнете!

— Мы должны были дальше плыть, да у нас лодка опрокинулась и затонула, — тут же нашелся Яхан. — Нет ли у тебя тут огонька, чтобы нам погреться, господин охотник?

— Выплыли через море с юга? — спросил незнакомец как-то встревоженно, и Яхан ответил, неопределенно махнув рукой:

— Мы-то сами с востока — приплыли за шкурами пельюнов, да только все наши вещи и деньги утонули вместе с лодкой.

— Хм, — сказал охотник, пребывая по-прежнему в сомнении, однако великодушные в его душе явно одержало верх над колебаниями. — Ладно, пошли. У меня найдется и очаг, и еда. — И он быстро пошел куда-то в сторону по снегу, успевшему уже лечь тонким слоем. Следом за ним они вышли к хижине, примостившейся на склоне холма, в лесу, с видом на залив. Как внутри, так и снаружи хижина выглядела как самое обычное жилище ольгяр, живущих в лесных и горных общинах, и Яхан тут же присел на корточки у очага со вздохом глубочайшего облегчения, словно пришел к себе домой. Такое поведение было для их хозяина лучшим подтверждением того, что они не враги. Их путаным смутным объяснениям он все-таки поверил явно не до конца.

— Давай-ка, парень, подбрось дровишек, — сказал он и протянул Роканнону домотканый плащ, чтобы тот прикрыл наготу.

Потом, раздевшись, он поставил на угли еще теплый глиняный горшок с тушеным мясом и тоже присел на корточки у огня рядом с путешественниками, поглядывая то на одного, то на другого своими диковатыми глазами:

— В это время здесь всегда снег идет. Вот погодите, еще и не так заметет. Ничего, места тут хватит; обычно-то мы втроем зимуем. Но остальные вернутся только сегодня к вечеру, а может, завтра. В общем, на днях. Все равно снегопад они в горах переждут — там, где охотятся. Мы на пельюнов охотимся. Ты, парень, небось уже догадался по моим свистулкам? — и он с улыбкой указал на целый набор разнообразных тростниковых свистулек и дудок, висевших у него на поясе. Вид у него был несколько простоватый, лицо широкое, глаза по-звериному посверкивали, но вел он себя исключительно гостеприимно. Накормив их мясным рагу, он предложил лечь спать, поскольку уже стемнело. Роканнон не заставил дважды просить себя. Тут же свернулся на вонючих шкурах в уголке и заснул сном младенца.

Утром снег все еще шел, земля стала совсем белой, и на ней не было видно ничьих следов. Товарищи их хозяина так и не вернулись.

— Должно быть, заночевали в Тимаше по ту сторону Спайна. Придут, как прояснится.

— Спайн — это так залив называется? — спросил Яхан.

— Нет. На том берегу залива никаких селений вообще нет и не было! Спайн — это горы, вон те, что прямо над нами. А все же, откуда вы сами-то? Ты, парень, говоришь на нашем языке, а вот дядя твой — по-другому!

Яхан виновато посмотрел на Роканнона, который все еще спал и не знал, что у него появился «племянничек»:

— А, так он с самого севера, они там по-другому и говорят. А море здешнее у нас тоже Заливом называют. Вот бы кого найти, чтобы на тот берег переплыть.

— Вы что же, дальше на юг собрались?

— А что? Все наше добро утонуло, мы теперь нищие. Придется как-то домой пробираться.

— Тут, чуть дальше по берегу, есть лодка. Потом, когда прояснится, сходим и посмотрим. Знаешь, парень, ты так спокойно говоришь, что вы на юг собрались, что у меня кровь в жилах стынет. Ведь между заливом и Большими горами ни одного человека не встретишь. Я, во всяком случае, ни разу не слышал, чтобы там люди жили, разве только те, о ком говорить не положено. Старые сказки, понятно. Кто его знает, есть ли там вообще какие-нибудь горы. Я-то бывал на том берегу — могу сказать, мало кого я там встретил, пока в горах охотился. А вот пельюнов там полно, особенно поближе к воде. Зато деревень совсем нет. И людей тоже. Никого. Я бы там даже ночевать не остался!

— Мы бы просто прошли по южному берегу на восток, — неуверенно пояснил Яхан, однако взгляд у него стал озабоченным; ему все труднее становилось врать — каждым своим новым вопросом охотник загонял его в тупик. Однако он безусловно поступил правильно, скрыв от гостеприимного хозяина истинную цель их пути.

— Хорошо хоть вы не с севера приплыли! — сказал охотник — звали его, между прочим, Пиаи — принимаясь точить о камень свой длинный и широкий нож с острым концом. — Если на юге люди вообще не живут, так на севере — только жалкие рабы этих желтоголовых! Вы что, ничего о них не знаете? За морем, в северных странах, живет такой народ с желтыми волосами. Правду говорю! Говорят, живут они в домах, что выше деревьев, и носят при себе серебряные мечи, а еще — летают верхом на крылатых хищниках. Вот уж сказки! Пока сам не увижу — ни за что не поверю! На побережье шкура такого зверя очень дорого стоит, все знают, как опасно на них охотиться, разве ж можно этих тварей приручить да еще и верхом на них ездить? Чего только люди не выдумают! Мне вот совсем неплохо живется: торгую себе шкурами пельюнов, любого приманить могу, даже если ему до меня день лететь! Послушай-ка! — и он, поднеся свои свистульки к губам, еле различимым в зарослях бороды, легонько подул. Раздался жалобный звук, который становился то тише, то громче, потом набрал силу, зазвучал подобно связной мелодии и вдруг оборвался диким звериным криком. У Роканнона по спине поползли мурашки. Такой крик он не раз слышал в лесах Халлана. Яхан, который был охотником довольно опытным, сразу заулыбался и, не выдержав, издал охотничий клич:

— Играй, играй, вон она, взлетает уже!

Остаток дня они с Пиаи рассказывали друг другу всякие завиральные охотничьи истории, а за окном все падал и падал снег, хотя ветер совершенно стих.

К рассвету небо совершенно очистилось. Точно зимой, белые холмы были залиты красноватым светом восходящего солнца и

блестели так ослепительно, что больно было смотреть. К полудню вернулись двое приятелей Пиай, по-звериному настороженно поглядывавшие на незнакомцев.

— Они называют мой народ рабами, — сказал Яхан Роканнону, когда остальные на минутку вышли из хижины. — Но уж лучше я буду человеком на службе у людей, чем зверем, который охотится на зверей. Вон как эти.

Роканнон жестом велел ему молчать, Яхан послушно умолк, и тут же в хижину вошел один из охотников, косо на них глянул, но ни слова не сказал.

— Давай-ка собираться, — тихонько сказал Роканнон на языке ольгьяр, к которому несколько по привычке за два последних дня. Зря они не ушли до возвращения приятелей Пиай! Яхан тоже явно чувствовал себя не в своей тарелке. Когда в дом вошел Пиай, Яхан сказал ему:

— Нам пора. Ясная погода, наверное, еще продержится, а мы пока обойдем залив по берегу. Но если б ты нас не приютил, мы бы точно от холода подошли. И еще знаешь что: в жизни я не слышал, чтобы так здорово играли песню пельюна! Пусть на охоте тебе всегда сопутствует удача!

Однако Пиай ему не ответил. Стоял молча, неподвижно, потом вдруг весь подобрался, сплюнул в огонь, повращал своими дикими глазами и прорычал:

— По берегу обойдете? А на лодке, значит, не хотите? Лодка-то есть. Мне принадлежит. Во всяком случае, пользуюсь ей я. Вот мы вас на тот берег и перевезем.

— А пешком вам целых шесть дней понадобится, — вставил один из его приятелей, коротышка Кармик.

— Ну да, не меньше шести, — подхватил Пиай. — А мы вас — на лодочке! Можем хоть сейчас в море выйти.

— Хорошо, — сказал Яхан, быстро глянув на Роканнона. Иного выхода у них все равно не было.

— Ну так пошли, — буркнул Пиай. И они сразу же, не взяв каких-либо припасов, вышли из хижины. Пиай шел впереди, его товарищи тащили весла. Снова дул пронзительный ветер, ярко светило солнце. В тени еще лежал снег, хотя повсюду он уже стоял, текли ручьи, сверкали под солнцем огромные лужи. Они довольно долго шли по берегу на запад; солнце уже садилось, когда они добрались до укрытия в скалах, где на подстилке из сухих водорослей лежала веселая лодка. Закат окрашивал воду и весь западный край неба багрянцем, и над этим красноватым сиянием уже видна была маленькая луна Хелики, на этот раз почти полная. Далеко на востоке всходила Большая звезда, далекая подруга их планеты, похожая на драгоценный опал. Под сверкающим великолепием небес и вод изрезанное горами побережье выглядело темным и мрачным.

— Вот она, лодка, — сказал Пиаи, останавливаясь и поворачиваясь к ним лицом, на котором играл багровый отсвет заката. Его приятели молча встали у Роканнона и Яхана за спиной.

— Вам же придется назад в темноте плыть, — сказал Яхан.

— Ничего, Большая звезда светит ярко, да и ночь будет звездная. А теперь, парень, надо бы нам заплатить за перевозку.

— Как? — не понял Яхан.

— Пиаи прекрасно знает, что у нас ничего нет. Даже плащ этот он мне подарил, — вмешался Роканнон, не обращая уже внимания на свой акцент: он сразу понял, откуда ветер дует.

— Мы всего лишь бедные охотники. Мы подарков не делаем, — сказал Кармик, который хоть и не рычал так, зато взгляд у него был злее и умнее, чем у Пиаи.

— У нас ничего нет, — повторил Роканнон. — Нечем нам платить. Оставьте нас здесь.

Яхан повторил то же самое, но более бойко, и Кармик оборвал его:

— А вот у тебя, чужак, на шее мешочек висит — что там, в нем, а?

— Моя душа, — нашелся Роканнон.

Все так и уставились на него, даже Яхан. Однако блеф не удался. Прервав всеобщее молчание, Кармик, положив руку на рукоять ножа, приблизился к Роканнону; Пиаи и второй тоже подошли ближе.

— Это ведь ты был у Згамы! — сказал Кармик. — В селении Тимаш только об этом и разговоров. Как голый человек стоял среди горящего костра, а потом обжег Згаму своим белым посохом и вышел из пламени невредимым. А на груди, говорят, у него был удивительный камень на золотой цепи — вроде бы волшебная штука, в которой вся сила этого колдуна. Вот дурни! Сам-то ты, может, и вправду в огне не горишь и в воде не тонешь, но вот этот... — он ловко схватил Яхана за волосы, оттянул ему голову назад и вбок, а к горлу приставил острие ножа. — А ну-ка, паренек, скажи своему Страннику, за которым ты следом таскаешься, чтобы он за постой заплатил... А ну быстро!

Роканнон так и застыл. Красные отблески заката на воде почти померкли, зато Большая звезда на востоке засияла ярче; вдоль берега подул резкий холодный ветер.

— Да ладно, — буркнул Пиаи, поморщившись, — ничего мы ему не сделаем. И вас перевезем, как я и обещал — только заплатите. Ты же не сказал мне, что у тебя золото есть. Ты сказал, что у вас все утонуло. А сам, небось, спал в моем доме! Давай сюда эту побрякушку, и мы вас тотчас перевезем.

— Хорошо. Я отдам... но только на том берегу, — сказал Роканнон, указывая через залив.

— Нет, — сказал Кармик.

Яхан, совершенно беспомощный, даже не дрогнул. Роканнон видел, как бьется пульс у него на шее — как раз в том месте, где к коже прикасалось лезвие ножа.

— Там, — мрачно и твердо повторил Роканнон и угрожающе выставил вперед свой «посох» с обгорелым концом — вдруг действует? — Перевезете нас, и я сразу отдам вам ожерелье. Это мое последнее слово. А если кто попробует что-нибудь с мальчиком сделать, пусть на себя пеняет! Умрет на месте. Это я вам тоже обещаю!

— Кармик, он ведь педан, — пробормотал Пиан. — Сделай как он велит. Все-таки они две ночи со мной под одной крышей ночевали. Отпусти мальчишку. Педан ведь сказал, что отдаст тебе эту штуку.

Кармик злобно посмотрел на него, потом на Роканнона и рывкнул:

— А ну-ка отбрось сперва свою белую палку подальше! Ладно, перевезем мы вас.

— Сперва отпусти мальчика, — стоял на своем Роканнон, а когда Кармик все-таки освободил Яхана, он рассмеялся ему в лицо и отшвырнул «посох» далеко в море.

Не выпуская из рук ножи, охотники погнали их с Яханом к лодке. Пришлось войти в воду и садиться со скользких скал, о которые разбивались невысокие мутно-красные волны. Пиан и третий охотник сели на весла, а Кармик с ножом в руке — напротив пассажиров.

— Неужели ты отдашь ему сокровище? — прошептал Яхан на ухо Роканнону, воспользовавшись «общим» языком, которого эти ольгяр не знали.

Роканнон кивнул.

Яхан сразу как-то охрип и снова зашептал ему на ухо:

— Лучше ты прыгни в воду и плыви, господин мой. Только не отдавай ожерелье Семли! Только не сейчас прыгай, а когда мы поближе к берегу подплывем. А меня они так и так отпустят — зачем я им, если камень от них уплывет?..

— Нет. Не отпустят они тебя; они тебя убьют. Тихо, сынок.

— Слушай, Кармик, что они там, заклинания бормочут? — спросил третий охотник. — Небось лодку утопить хотят?

— А ты греби быстрее, рыбе отродье! Сидите-ка смирно, — велел Кармик путешественникам, — не то я живо парнишке глотку перережу.

Роканнон и Яхан послушно затихли и стали смотреть на воду, которая постепенно из красной превращалась в туманно-серую. Берега позади и впереди уже скрывались в ночной мгле. «Их ножи не могут пробить защитный костюм, — думал Роканнон, — но вот Яхана я спасти не успею, если что». Ради ожерелья Семли он с радостью переплыл бы и весь этот залив, но Яхан плавать не

умеет. Выбора не оставалось. По крайней мере, подвезут их, и то хорошо.

Постепенно из темноты стали выступать холмы южного берега, становясь все массивнее, все выше. Легкие серые облачка сползли к западу, показались звезды. Большая звезда светила так ярко, что затмевала даже небольшую луну Хелики, которая, впрочем, сейчас убывала. Уже были слышны вздохи прибора.

— Суши весла, — скомандовал Кармик, а Роканнону велел: — А теперь отдавай камень!

— Сперва поближе к берегу подгребите, — потребовал Роканнон спокойно.

— Отсюда я доберусь, господин мой, — дрожащим голосом проормотал Яхан. — Вон уже тростники видны, так что...

Лодка еще немного проплыла и снова остановилась.

— Прыгай, когда я скажу, — сказал Яхану Роканнон, оба медленно поднялись и встали на корме. Роканнон, чуть освободив на шее защитный костюм, который теперь носил практически не снимая, разорвал кожаный ремешок, на котором висел мешочек с ожерельем, вытряхнул сапфировую подвеску на дно лодки, быстро застегнул костюм и в ту же секунду нырнул.

Минуты через две, уже стоя рядом с Яханом среди скал, он увидел, как лодка, казавшаяся черноватым не ясным пятном на серой воде, начала уменьшаться, отплывая все дальше.

— Да чтоб они заживо сгнили! Чтоб у них в кишках черви завелись! Чтоб кости их в слизь превратились! — Яхан вне себя даже заплакал. Он был ужасно напуган, но, как оказалось, гораздо труднее ему было сдержаться, когда Роканнон отдал каким-то подонкам сокровище ценой в целое королевство, спасая жизнь какого-то «низкорослого», его, Яхана, жизнь! Юноше казалось, что мир встал с ног на голову; на плечи его тяжким бременем легла невыносимая ответственность. — Неправильно это, господин мой! — вырвалось у него. — Неправильно!

— Что неправильно? То, что я выкупил твою жизнь с помощью какого-то камня? Успокойся, Яхан, возьми себя в руки. Ты же в сосульку превратишься, если мы немедленно костер не разожжем. Добудь-ка нам огонька. Ты, надеюсь, сноровки не утратил? А валежника тут полно. Давай-ка шевелись!

Вскоре им удалось развести костер, причем настолько большой, что ночь даже как будто отступила немного, но все равно было ужасно, пронизывающе холодно, и Роканнон отдал Яхану меховой плащ, подаренный ему Пиаи. Юноша завернулся в него и наконец заснул, а Роканнон остался сидеть, подбрасывая в огонь топливо; на душе у него было тревожно, спать совершенно не хотелось. Ему и самому тяжело было расставаться с ожерельем — не потому, что оно «стоило целое королевство», но потому, что некогда именно немеркнущая в его памяти красота Семли заставила его годы спустя все-таки прилететь в этот мир; и еще —

потому что ожерелье дала ему Хальдре, надеясь, что именно он сумеет с помощью сокровища отогнать нависшую над ее сыном тень ранней смерти. А может, не так уж и плохо, что прекрасного ожерелья больше у него нет? Ведь с ним вместе ушло и тяжкое бремя его опасной красоты. И может быть, в самом худшем случае Могиену так и не доведется узнать, что ожерелье пропало. Кто знает, вдруг Могиен их не найдет? Или... вдруг он уже мертв?..

Об этом Роканнон решил не думать. Конечно же, Могиен ищет их с Яханом! И только в этом направлении! Разве не планировали они все вместе идти на юг и только на юг? Ведь если догадки Роканнона окажутся правильными, они должны найти там врага. Что ж, суждено им встретиться с Могиеном или нет, а он, Роканнон, должен идти на юг.

Они вышли на заре, взбираясь по склону прибрежного холма еще в сумерках, но, когда добрались до вершины, взошедшее солнце уже осветило всю раскинувшуюся перед ними до самого горизонта равнину, совершенно пустую и исполосованную длинными тенями от кустарников. Пиаи все же был прав: видимо, к югу от залива действительно совсем нет людей. Ничего, зато Могиену легко будет увидеть их издали. И они решительно двинулись на юг.

Было холодно, но небо совсем расчистилось. Яхан надел на себя всю одежду, которая имелаась у них обоих, Роканнон остался в защитном костюме. Они переходили вброд ручьи, которые здесь поворачивали к югу и встречались достаточно часто, так что путники не испытывали жажды. Они шли весь день и следующий тоже, питаясь корнями растения, которое назвалось пейя. А еще Яхану удалось поймать парочку крылатых прыгунов, похожих на кроликов, которых он сшиб прямо в воздухе палкой и поджарил на костерке, сложенном из веток и былинки. Никаких других живых существ они не заметили. Прямо в небеса, казалось, уходил этот высокогорный поросший травой луг — ровный, лишенный деревьев, лишенный троп и дорог, погруженный в молчание.

Подавленные всем этим, оба путника присели у своего крошечного костерка в бескрайних сумерках, не говоря ни слова. Над головами у них через вполне определенные и довольно длительные промежутки времени биением пульса звучал в ночи чей-то негромкий крик — высоко-высоко в небесах. Это были огромные дикие летающие коты, двоюродные братья и сестры прирученных людьми Крылатых, совершавшие очередную весеннюю миграцию на север. До звезд, казалось, можно было достать рукой, лишь порой они скрывались за пролетавшей мимо стаей. Тот короткий клич испускало всегда только одно животное — остальные хранили молчание, влекомые ветром.

— С которой звезды прибыл ты к нам, Странник? — тихонько спросил Яхан, глядя в небо.

— Я родился в мире, который на языке моей матери называется Хайн, а на языке отца — Давенант. Вы называете солнце этого мира Зимней Короной. Но родную планету я покинул очень давно...

— Так, значит, у вас там не один народ? Ваш Звездный Мир состоит из многих народов?

— Да, из многих сотен других народов. По крови я полностью принадлежу к народу моей матери; а мой отец, который был землянином, меня усыновил. Таков обычай, когда люди разных гуманоидных видов, не способные зачать и родить ребенка, вступают в брак. Ну, как если бы кто-то из ольгьяр, например, женился на женщине фийя...

— Такого у нас не бывает, — сухо заметил Яхан.

— Я знаю. Но жители Земли и Давенанта очень похожи, как мы с тобой, например. Ведь очень редко на одной планете сосуществует столько разных видов гуманоидов, как у вас. Чаще всего на планете бывает один вид, и его представители, в общем, похожи на нас, а все остальное — бессловесные твари.

— Ты повидал много миров! — мечтательно сказал юноша, пытаясь как-то осознать услышанное.

— Слишком много, — возразил его старший товарищ. — Мне уже сорок, если считать по-вашему. Но на самом деле я родился сто сорок лет назад. И целых сто лет потерял зря! Практически и не жил по-настоящему, болтаясь где-то в пространстве, меж звезд. Если бы я сейчас вернулся на Давенант или на Землю, то все мужчины и женщины, которых я знал когда-то, были бы уже давно мертвы. Теперь мне дано идти только вперед. Или же остановиться и... Что это? — Ощущение чьего-то присутствия заглушило, казалось, даже шуршание ручья по травянистому руслу. Что-то шевельнулось на самом краю освещенного костром круга — чья-то большая тень, что-то темное... Роканнон напряженно привстал на одно колено; Яхан мгновенно отпрыгнул подальше от огня.

Но больше никакого движения они не заметили. Все так же свистел ветер в траве, и над горизонтом сияли ясным незамутненным светом звезды.

Они снова уселись у костра.

— Что это было? — спросил Роканнон.

Яхан только плечами пожал:

— Пиай что-то говорил... такое...

Спали они урывками, стараясь поскорее сменить друг друга у костра. Когда занялся неторопливый рассвет, оба чувствовали себя не отдохнувшими, а усталыми, и тут же принялись искать следы или еще какие-нибудь отметины там, где, как им казалось, высилась темная тень, но молодая трава даже примята не была. Они тщательно затоптали свой костерок и двинулись дальше на юг.

Пора было бы попасться очередному ручью, однако ручьи попадаться перестали — либо все они теперь изменили свое

направление, либо здесь вообще не было никаких ручьев. Эта равнина казалась бесконечной, они все шли и шли, а вокруг становилось все суше и суше, все глуше, серее становились краски, и за все утро им не попало ни одного кустика пейи, только жесткая серо-зеленая трава колыхалась на всем пространстве до самого горизонта.

В полдень Роканнон остановился.

— Что-то тут не то, Яхан, — сказал он.

Яхан потер шею, огляделся и поднял измученное, юное лицо к Роканнону:

— Если хочешь идти дальше, господин мой, то и я пойду с тобой.

— Мы не можем идти дальше без еды и воды. Придется, видно, украсть на побережье лодку и вернуться в Халлан. А здесь нам одним не справиться. Пошли.

Роканнон повернул на север. Яхан догнал его и пошел рядом. Высокое весеннее небо сияло нестерпимой синевой, ветер неумолчно свистел в бескрайних травяных просторах. Роканнон шел размеренно, чуть опустив плечи, шаг за шагом уходя все дальше — в вечную ссылку, в изгнание. Он обернулся только на крик вдруг остановившегося Яхана:

— Крылатые!

Взглянув вверх, Роканнон увидел их — три очень похожих на волшебных грифонов существа, круживших прямо над ними с растопыренными когтями; крылья их на фоне ярко-голубого пламени небес казались черными.

Часть 2

СТРАННИК

М⁶

огиен слетел с высокого седла еще до того, как лапы Крылатого коснулись земли. Он бросился к Роканнону и обнял его как брата. Голос его звенел от радости и облегчения.

— Клянусь копьем Хендина! Но почему, Властелин Звезд, ты бредешь нагим по этой пустыне? И как это тебе удалось забраться так далеко на юг, если идешь ты на север? Неужели ты... — тут Могиен заметил Яхана и умолк.

— Яхан принес мне клятву верности, — вмешался Роканнон.

Могиен молчал. Он явно боролся с собой. Но вот постепенно улыбка скользнула по его губам, и он громко расхохотался:

— Неужели ты учил наши законы специально для того, чтобы красть у меня слуг, Роканнон? Нет, ты мне все-таки скажи, кто у тебя-то самого одежду украл?

— У Странника не одна кожа, — заметил Кьо, выходя вперед. Трава под ним практически не сминалась. — Приветствую тебя, Властелин Пламени! Прошлой ночью я мысленно слышал твой голос.

— Это Кьо нас к тебе привел, — подтвердил Могиен. — С тех пор как мы десять дней назад высадились на побережье Фьерна, он ни слова не промолвил, но вчера ночью на берегу залива, когда взойшла Лиока, он стал слушать лунный свет и вдруг произнес: «Это там!» Как только рассвело, мы полетели, куда он велел, и нашли тебя.

— А где же Иот? — спросил Роканнон, заметив только Рахо, державшего Крылатых. Лицо Могиена не дрогнуло, когда он ответил:

— Иот мертв. На берегу на нас напали ольгяр. Вооружены они были только камнями, но их было слишком много. Иот погиб, а ты пропал. Мы прятались в пещере среди утесов, пока Крылатые не отдохнули и не согласились подняться в воздух. Рахо сходил на разведку и услышал, что местные рассказывают о каком-то чужеземце с синим камнем на шее, который стоял на костре, но не горел и даже не обжегся, так что, как только Крылатые пришли в себя, мы отправились в логово этого Згамы, но там тебя уже не было, и мы в отместку подожгли их вонючие крыши и разогнали стада по лесам, а потом стали искать тебя среди этих дюн.

— Послушай, Могиеи, — прервал его Роканнон, — видишь ли, «Око моря», драгоценный сапфир... В общем, мне пришлось его отдать, чтобы выкупить наши жизни. Вот так.

— Ты отдал «Око моря»? — Могиеи так и уставился на него. — Ожерелье Семли? Ты его отдал? Чтобы выкупить... Нет, не свою собственную жизнь — кто бы тебя тронул! — но никчемную жизнь этого непослушного мальчишки? Дешево же ты ценишь мое наследство! Ладно уж, возвращаю ожерелье тебе! Не думай, что так легко потерять подобную вещь! — Он засмеялся, покрутил что-то в воздухе и бросил Роканнону. Тот поймал сверкнувший предмет, и на ладони у него оказался синий сапфир на золотой цепи!

— Вчера на том берегу залива мы наткнулись на ольгяр — двое были еще живы, а один уже мертв; мы спросили, не видели ли они нагого Странника, которого сопровождает тупоголовый слуга, и один из них тут же от страха ткнулся носом в песок и все нам выложил. В общем, я отнял у его приятеля ожерелье, а заодно и его жизнь, потому что он, видите ли, отдавать чужое не хотел. Вот тогда-то мы и узнали, что ты перебрался через залив. Ну а потом Кьо привел нас прямехонько к тебе. Но почему ты все-таки шел на север, Роканнон?

— Чтобы... отыскать воду.

— Вон там, чуть левее, ручей, — быстро сказал Рахо. — Я его заметил как раз перед тем, как мы вас увидели.

— Ох, пойдёмте скорее! Мы с Яханом не пили со вчерашнего дня.

Они оседлали Крылатых — Яхан сел вместе с Рахо, а Кьо на свое прежнее место позади Роканнона. Пригибаемая ветром трава быстро понеслась вниз, в сторону, и они устремились на юго-запад между бескрайней равниной и ясным небом.

Привал устроили у ручья, неторопливо струившего чистые воды среди однообразной, зеленой, без ярких цветов, травы. Наконец-то Роканнон снял с себя защитный костюм и надел запасную рубаху и плащ Могиеи. Они поели сухариков, захваченных в Халлане и корешков пейи. А еще Рахо и Яхан подстрелили из луков четырех короткокрылых «кроликов». Яхан был просто счастлив снова взять в руки лук. Зверьки здесь на равнине чуть ли не

сами насаживались на стрелы; Крылатые ловили их буквально на лету. Крохотные зеленые, фиолетовые и желтые существа, которые назывались килар и были очень похожи на стрекоз с прозрачными жужжащими крылышками, хотя на самом деле являлись сумчатыми млекопитающими, совершенно не боялись людей и с любопытством толпились возле самого лица то одного, то другого путешественника, рассматривая его своими золотистыми глазами, или же садились на чье-нибудь плечо или колено и тут же снова взлетали и начинали кружиться над головой. Роканнону казалось, что эта бескрайняя заросшая травой равнина прямо-таки кишит самыми различными формами разумной жизни, хотя Могиен сказал, что они не видели ни одного человека или каких-либо человекоподобных существ, пока летали над равниной.

— А нам обоим показалось, что вчера к нашему костру кто-то приходил, — сказал неуверенно Роканнон. Впрочем, что, собственно, они видели? Тень? Но Кьо обернулся и внимательно посмотрел на него, оторвавшись от приготовления ужина, а Могиен не улыбнулся и промолчал, снимая ремень и перевязь с двумя мечами.

Со стоянки снялись с первыми лучами солнца и весь день летели с попутным ветром над залитой солнцем равниной. Лететь над ней было настолько же приятно, насколько трудно идти по ней пешком. Так прошел и следующий день, и уже к вечеру, когда они высматривали ручеек, которые в этом царстве трав попадались не так уж часто, Яхан повернулся в седле и крикнул, стараясь перекричать ветер:

— Странник! Посмотри вперед!

Далеко впереди, у самого горизонта, ровную поверхность морщили, вздыбливали какие-то серые вспышки.

— Это же горы! — воскликнул Роканнон и тут же услышал, как Кьо у него за спиной испуганно затаил дыхание.

В течение последующего дня равнина начала постепенно повышаться, вспухать пригорками и холмами, ложиться широкими складками — когда-то здесь было море. Высокие облака неторопливо плыли на север; далеко впереди виднелись холмы предгорий, а к вечеру показались и сами горы. И когда равнину окутала ночная тьма, крошечные вершины далеких горных пиков еще долго сияли золотым светом, пока из-за них не появилась луна Лиока и не поплыла торопливо по небу, точно крупная желтая звезда или космический корабль. Фени и Фели двигались более степенно, а последней из четырех лун взойшла Хелики и помчалась вдогонку за сестрами, то вспыхивая, то угасая, стараясь все успеть за свой полчасовой цикл обращения. Роканнон, лежа на спине в высокой черной траве, никак не мог налюбоваться неторопливым и светлым великолепием этого лунного танца.

На следующее утро, когда они с Кьо подошли к своему Крылатому, Яхан, придерживая повод зверя, предупредил Роканнона:

— Поосторожнее с ним сегодня, Странник.

Крылатый будто подтвердил его слова хриплым ворчанием, которому эхом откликнулся серый зверь Могиена.

— Что это с ними?

— Голодные, — пояснил Рахо, крепко держа повод своего белого. — Они в последний раз неплохо подзакусили, когда мы разогнали стадо этого Згамы, но с тех пор, как мы летим над этой равниной, дичи особой не попадается, а эти летающие попрыгунчики им на один зуб. Ты лучше подпояшь свой плащ, господин мой: если твой Крылатый до него дотянется, ты вполне можешь попасть ему на обед.

Рахо, чьи каштановые волосы и смуглая кожа свидетельствовали о том, что к одной из его бабок или прабабок явно был неравнодушен кто-то из ангяр, казался более решительным и насмешливым, чем прочие «низкорослые». Могиен никогда его не отчитывал, а что касается самого Рахо, то его грубоватые шутки не могли скрыть трепетного отношения к молодому правителю Халлана, которому ольгья был предан всей душой. Будучи человеком средних лет, Рахо явно считал это путешествие дурацкой затеей, но тем не менее безусловно до конца последовал бы за своим хозяином куда угодно, навстречу любой опасности.

Яхан передал Роканнону поводья и быстро отступил в сторону: Крылатый взвился в небеса, точно расправившаяся пружина. Весь день Крылатые летели с каким-то диким упорством, словно не чувствуя усталости, понимая, что лесистые предгорья сулят им славную охоту, а северный ветер лишь подгонял их. Все ближе подступали высокие темные холмы. Теперь и на равнине встречались деревья и даже небольшие рощицы — точно островки в бушующем море трав. Рощи сливались постепенно в леса с широкими травянистыми полянами. Еще до наступления сумерек путники опустили на берег небольшого болотистого озера, лежавшего среди лесистых холмов. Ольгяр быстро распрягли Крылатых, сняли с них седла и поклажу и отпустили охотиться. Звери с ревом взлетели, сильно ударя крыльями, и мгновенно исчезли в лесу.

— Теперь вернутся, только когда наедятся досыта, — сказал Роканнону Яхан. — Или же если господин Могиен подует в свой свисток.

— Иногда они с собой диких самок приводят, — добавил Рахо.

Могиен, Рахо и Яхан тоже ушли в лес — охотиться на «кроликов» с крыльями да и вообще на любую дичь; Роканнон тем временем отыскал несколько кустиков пейи и поджарил съедобные корни на углях, завернув их в листья того же растения. Он привык обходиться тем, что дает сама земля, и ему это даже нравилось; дни непрерывного полета, чуть приглушенный постоянный голод, спанье на голой земле и холодные весенние ветры привели его в прекрасное состояние души и тела, и он теперь вновь с радостью воспринимал все новое и необычное, что встре-

чалось им в пути. Встав от костра, Роканнон заметил, что Кьо стоит у самой кромки воды — тоненькая фигурка, похожая на те тростинки, что торчали из озера чуть подальше от берега. Кьо не сводил глаз с гор, высившихся впереди, серых и неприступных; вокруг их вершин собрались, казалось, все облака этого мира и все молчание его небес. Роканнон подошел к фийяну и увидел на его лице странное выражение — смесь отчаяния и страстного любопытства. Кьо, не оборачиваясь, своим легким неуверенным голосом вдруг проговорил:

— Странник, ожерелье теперь снова у тебя...

— Да, хотя я все время пытаюсь его кому-нибудь передать, — улыбнулся Роканнон.

— Там, — фийян указал на горы, — тебе придется отдать куда больше, чем золото и драгоценный самоцвет... Что же отдашь ты там, Странник, на тех холодных высотах, среди серых камней? После жара костра в ледяном безмолвии... — Роканнон слышал Кьо, видел его лицо, однако не заметил, чтобы губы его двигались. По спине у него пробежал холодок, и он изо всех сил постарался «замкнуться», избавиться от этого мысленного прикосновения к его внутреннему «я», к самым сокровенным его чувствам. Мгновение — и Кьо обернулся, спокойный и улыбочивый как всегда, и заговорил своим обычным голосом: — Там, за холмами, есть другие фийя, в лесах и зеленых долинах. Мой народ любит селиться в долинах; даже в здешних долинах живут фийя, лишь бы долины были невысоко и в них хватало солнца. Наверное, нам вскоре встретятся их селения.

Эта новость всех очень обрадовала.

— А я уж думал, мы здесь больше и человеческой речи не услышим! — сказал Рахо. — Такая богатая красивая страна — и совсем нет людей.

Глядя, как в воздухе над озером танцует парочка похожих на стрекоз киларов с розовато-сиреневыми крылышками, Могиен сказал:

— Здесь когда-то тоже жили люди. Предки ангьяр когда-то давно бродили по этим землям — еще до того, как появились на свет Герои, до того, как были построены Халлан и высокий Ойнхол, до того, как Хендин нанес свой знаменитый удар, а Кирфиль погиб на Холме Оррен. Ангьяр, приплывшие сюда с юга на длинных лодках с драконьими головами на носу, обнаружили здесь своих родичей, тоже ангьяр, но диких, живущих в лесах и прибрежных пещерах, и белолицых... Ты же знаешь, Яхан, «Балладу об Орхогиене»...

На ветре верхом,
По травам ступая,
Касаясь волны морской,
Прямо к звезде ночной
тропою Лиоки взлетая...

— А тропа Лиоки, как у нас считается, ведет с юга на север. Описанное в этой балладе свидетельствует о том, что мы, ангьяр, сражались с дикими охотниками, которые называли себя ольгьяр, и победили их. Это был единственный родственный нам народ: ангьяр и ольгьяр составляют единое целое — лийяр. Но вот об этих горах в той песне вроде бы не сказано ничего. Она очень старая, эта песня; возможно, начало ее просто забыто. Может быть, и ангьяр тоже пришли из этих холмов? Красивая здесь страна — леса полны дичи, на холмах отличные пастбища, и для замков места отличные есть... И все же тут, похоже, сейчас никто не живет.

В тот вечер Яхан не стал играть на своей лире с серебряными струнами; и всем как-то не спалось, было тревожно — наверное потому, что с ними не было Крылатых, а холмы вокруг стояли такие тихие, словно живые существа на них замерли от страха и всю ночь боялись шевельнуться.

Решив, что на берегу озера слишком сыро, уже на следующий день они двинулись дальше пешком, неторопливо, с остановками, успевая поохотиться и набрать свежих трав. В сумерках они вышли к холму, вся вершина которого была в странных буграх и рытвинах; похоже, под травой лежали руины замка. Приглядевшись, можно было определить очертания заросшего фундамента главного здания, и двора, и стен. Видимо, об этом замке даже в легендах памяти не сохранилось. Тут они и решили разбить лагерь, чтобы Крылатые легко могли найти их, когда наконец насытятся и вернутся.

Среди ночи Роканнон вдруг проснулся и сел. На небе светила только маленькая Лиока; костер совсем погас. Часового они не поставили. В нескольких шагах от Роканнона стоял Могиен, неподвижный и очень высокий в свете звезд. Роканнон сонно наблюдал за ним, удивляясь, почему это Могиен такой высокий и узкоплечий. Странно, подумал он. Обычно в плаще ангьяр казались еще шире в плечах, потому что он свисал с них, точно крыша пагоды; впрочем, Могиен и без плаща был весьма широк в плечах и могуч. И почему это он все стоит там, да еще так странно ссутулившись?

Человек медленно обернулся: нет, это был не Могиен!

— Кто там? — спросил Роканнон, вглядываясь в темное лицо; голос его в тишине прозвучал хрипло. Рядом с ним тут же проснулся и сел Рахо. Увидел незнакомца, схватился за лук и вскочил. За плечами высокого человека что-то шевельнулось — еще один такой же. И всюду вокруг них на заросших травой руинах под светом звезд высились такие же высокие, худые, молчаливые люди, в тяжелых плащах, с понуро опущенными головами. У костра кроме Роканнона и Рахо больше никого не было.

— Могиен! — крикнул Рахо.

Ответа не последовало.

— Где Могиен? Кто вы? Говорите же!..

Но они не ответили, а стали медленно приближаться. Рахонянул тетиву, но они по-прежнему молчали, а потом вдруг разом бросились на них — плащи развевались, точно крылья. Двигались они неторопливыми крупными прыжками, высоко подскакивая в воздух. Отбиваясь, Роканнон думал, что вот-вот очнется от страшного сна — конечно же, это должен быть просто сон! Потому незнакомцы и движутся так медленно, и молчат... Да, все это происходит во сне, он ведь не ощущает их ударов... Но тут он вспомнил, что на нем защитный костюм! И услышал отчаянный крик Рахо:

— Могиен!

Нападающим удалось повалить Роканнона на землю — просто потому что их было значительно больше, и он не смог высвободиться из-под груза навалившихся на него тел. Потом его подняли и понесли; голова его свешивалась вниз, а от мерных покачиваний начало подташнивать. Он извивался, пытаясь вырваться, но его держало множество рук. Потом он увидел, как залитые светом звезд холмы и леса качнулись и уплыли куда-то вниз, далеко-далеко... Голова у Роканнона закружилась, и он обеими руками ухватился за тех, кто поднял его над землей. Все они как бы нависали над ним; в воздухе шуршали их черные крылья.

Летели они долго; Роканнон все еще порой пытался очнуться от этого монотонного кошмара, но слышал над собой шипящие голоса и шум множества крыльев, несущих его все дальше и дальше... Потом вдруг полет превратился в долгое пологое скольжение вниз. Мимо него невероятно быстро промелькнул светлеющий восточный край неба, земля качнулась навстречу, мягкие сильные руки, державшие его, разжались, и он, оказавшись на свободе, тут же упал. Но не ударился. Голова страшно кружилась — он не мог даже сидеть; лежал, раскинув руки, и растерянно озирался по сторонам.

Лежал он на полу из ровных отполированных мелких плиток. Справа и слева вздымались стены, в утреннем свете казавшиеся серебряными, очень высокие и прямые, чистых очертаний, будто высеченные из стали. За спиной высился огромный купол какого-то здания, а впереди виднелись ворота, без арки или перекрытия, а за ними целая улица таких же серебряных домов, лишенных окон, но четких благородных очертаний, похожих друг на друга, как близнецы, и выстроившихся абсолютно четкими рядами вдоль улицы, создавая чистую геометрическую перспективу, и в рассветном полумраке начисто лишенные теней. Это был настоящий город. Не какая-то деревушка каменного века или замок, но действительно великолепный город, строгий и грандиозный, образец высокоразвитой технологии. Роканнон сел; голова все еще немного кружилась.

Стало светлее, и он сумел различить отдельные предметы в полумраке двора — какие-то свертки или груды вещей; вершина одной из этих бесформенных куч поблескивала золотистым светом. С ужасом, окончательно пробудившим его сознание, он разглядел знакомое темное лицо под копной спутанных соломенных волос. Глаза Могиена были открыты и неподвижно смотрели в небо.

Все четверо его друзей лежали такими же неподвижными грудами. На лице Рахо застыла ужасная гримаса. Даже Кьо, который при всей своей хрупкости казался совершенно неуязвимым, лежал, не шевелясь, с открытыми огромными глазами, в которых отражалось бледное небо.

И все же они дышали — медленно, тихо. Роканнон приложил ухо к груди Могиена и услышал слабое биение сердца, очень замедленное, глухое, точно доносившееся откуда-то издалека.

Странные звуки в воздухе заставили его инстинктивно упасть к земле и застыть, отчего он стал похож на своих парализованных товарищей. Чьи-то руки трясли его за плечи и за ноги. Потом его перевернули, и он, оказавшись снова на спине, увидел перед собой лицо: крупное, вытянутое, довольно красивое и удивительно мрачное. Темнокожая голова была полностью лишена волос, не было даже бровей. Глаза чистого золотистого цвета смотрели на него из-под тяжелых, лишенных ресниц век. Рот был небольшой, изящных очертаний, губы сомкнуты. Нежные сильные руки пытались разжать Роканнону зубы и открыть рот. Потом еще один высокий человек склонился над ним, и он закашлялся и задохнулся — в горло ему влили несколько глотков чего-то странного, скорее всего просто воды, теплой и несвежей. Потом высокие существа отпустили его. Он встал, сплюнул и сказал:

— Со мной все в порядке, отпустите меня!

Но они уже повернулись к нему спиной и склонились над Яханом; один разжимал ему челюсти, второй лил в рот воду из длинного серебряного кувшина.

Это были очень высокие и очень худые гуманоиды, если судить по внешности; суровые и сдержанные. По земле они двигались довольно неуклюже. Узкие грудные клетки выпирали между двумя мощными плечевыми мышцами, поддерживавшими широкие мягкие крылья, ниспадавшие точно серые плащи. Ноги у них были тонкие и короткие, как у птиц, а темнокожие благородные головы все время чуть склонялись вперед — видимо, выпрямиться им мешали чересчур развитые лопатки и могучие крылья.

Любимый справочник Роканнона покоился на дне морском, под окутанными туманом водами пролива, однако в памяти ярко всплыли строчки: «...по неподтвержденным данным, вид 4 (?) — крупные гуманоиды, обитающие в развитых городах...» Неужели

ему выпало счастье подтвердить эти «неподтвержденные данные», первым наладить контакт с новой формой развитого интеллекта? Познакомиться с новой развитой культурой? С новыми возможными членами Лиги Миров? Чистые четкие очертания домов, спокойная доброжелательность огромных ангелоподобных существ, которые только что дали ему напиток, их царственное молчание — все это вызывало у него благоговейный трепет. Он никогда еще не встречал расы, подобной этой! Он подошел к тем двоим, что поили Кью, и спросил вежливо и несколько неуверенно:

— Говорят ли крылатые господа на «общем» языке?

Они даже голов не повернули; мягко и неуклюже ступая, они перешли к Рахо, разжали ему рот и влили туда несколько глотков воды. Вода потекла у него по застывшим щекам. Тогда они перешли к Могиену. Роканнон бросился за ними.

— Выслушайте же меня! — воскликнул он, преграждая им путь — и тут же отошел в сторону: догадка пришла вместе с неприятным сосущим чувством. Широко открытые золотистые глаза слепы, существа эти не только ничего не видят, но и не слышат! Они не только не отвечали, но и не смотрели на него, просто шли себе дальше, высокие, неземные, похожие на ангелов, и мягкие крылья волочились за ними как плащи, укрывая им спину от шеи до пят. Они вошли в куполообразное здание, и дверь за ними неслышно затворилась.

Немного успокоившись и взяв себя в руки, Роканнон подошел по очереди к каждому из своих товарищей, надеясь, что им дали противоядие и оно скоро начнет действовать. Но пока что перемен не было. У каждого сердце билось медленными слабыми толчками, дыхание тоже было очень замедленным и поверхностным. И только в груди у Рахо царило полное молчание, и страшно холодным было его искаженное лицо. Вода, которой они поили его, еще не высохла у него на щеках.

Волна гнева охватила Роканнона. Почему эти ангелоподобные обращаются с ними, как со своей добычей? Он оставил друзей лежать на прежнем месте, а сам устремился через двор, мимо ворот на улицу этого невероятного города.

Там все было неподвижно. Все двери были закрыты. Высокие, лишённые окон один за другим высились серебристые фасады, дома стояли тихие в первых утренних лучах солнца.

Роканнон насчитал шесть перекрестков, прежде чем добрался до конца этой улицы и уперся в стену пятиметровой высоты, в которой не было видно ни одного прохода или калитки. Видимо, она окружала весь город, и Роканнон не стал искать в ней ворота — видимо, это было бессмысленно, да и зачем крылатым существам, построившим этот город, какие-то ворота? Он вернулся к той радиальной улице, ведущей к центральному зданию, по которой начал свой путь; это было единственное в городе здание, своими

очертаниями отличавшееся от остальных и значительно выше серебрястых домов, стоявших четкими геометрическими рядами. Роканнон снова вошел в тот же двор. Все двери по-прежнему были закрыты, улицы чисты и пусты, в небе тоже никого не было видно; стояла полная тишина, слышался лишь шум его шагов.

Он постучал в дверь на дальнем конце двора. Ответа не последовало. Он толкнул ее, и дверь распахнулась.

Внутри было тепло и темно, слышалось легкое шипение и шуршание крыльев, сразу возникало ощущение высоты и простора. Мимо него промелькнула высокая фигура; существо задержалось на мгновение, посмотрело на него и застыло. В полосе неяркого утреннего света, который падал из открытой им двери, Роканнон увидел, как крылатое существо сомкнуло веки над желтыми глазами и снова медленно их разомкнуло. Видимо, его слепил солнечный свет. Скорее всего они летают и бродят по своим серебрястым улицам только по ночам.

Не в силах оторваться от этого невообразимого лица, Роканнон привычно расшаркался (его «всегалактический поклон» скорее напоминал небольшое драматическое действие продолжительностью в одну минуту) и спросил на межгалактическом:

— Кто у вас здесь главный?

Произнесенный уверенным тоном, этот вопрос обычно производил должное впечатление. Но на сей раз никакой реакции не последовало. Существо смотрело прямо на Роканнона, потом один раз с полнейшим безразличием моргнуло и с презрительным видом закрыло глаза, снова погрузившись в дремоту и неподвижность.

Постепенно привыкнув к темноте, Роканнон увидел под сводом купола ряды и отдельные группы крылатых существ, сотни и сотни их; все они стояли, не двигаясь, с закрытыми глазами.

Он бродил среди них, но они даже не пошевелились!

Давным-давно, на планете Давенант, где он родился, он вот так же бродил по музею, полному статуй, и с детским любопытством вглядывался в неподвижные лица древних хайнских богов.

Собрав все свое мужество, он подошел к одному из существ и коснулся его — или ее? — они, вполне возможно, могли оказаться и самками — руки. Золотистые глаза открылись, прекрасное лицо повернулось к нему, маяча где-то в сумрачной вышине. «Хасса!» — сказала крылатое существо и, быстро наклонившись, поцеловало Роканнона в плечо, потом отступило на три шага, снова завернувшись в свой «плащ» и застыло с закрытыми глазами.

Роканнон сдася. И побрел между спящими, пробираясь ощупью в мирной сонной тьме огромного зала, пока не нашел дальний выход, распахнутый от пола до сводчатого потолка. За ним было немного светлее; сквозь маленькие дырочки в кровле в помещение точно сыпался золотистый свет солнечных лучиков, в которых плясали пылинки. Стены также сводами уходили ввысь,

но этот купол был не так высок и скорее напоминал сводчатую галерею или коридор, опоясывающий основной купол. Строение было центром города. Внутри стены были замечательно расписаны прихотливым геометрическим орнаментом из переплетающихся треугольников и шестигранников. Роканнон вновь ощутил прилив страстного исследовательского азарта. Эти существа были первоклассными строителями! Все поверхности в обширном строении были идеально гладкими и тщательно подогнанными. Сама архитектурная концепция здания была безупречной, а ее исполнение — выше всяческих похвал. Только очень высокая культура способна была создать такой шедевр зодчества. Но ни разу в жизни не встречал он высокоразвитого народа, который был бы столь же замкнут и не склонен к общению. В конце концов, зачем они притащили его и всех остальных сюда? Уж не спасли ли они их от какой-то опасности в полном соответствии со своей ангельской внешностью? А может, они используют представителей других народов как рабов? Если это так, то интересно, почему они не заметили, что он оказался невосприимчивым к их парализующему веществу? Возможно, они общаются вообще без помощи слов; ему упорно хотелось верить, что все объяснения заключены в невероятно развитом интеллекте этих существ, недоступном человеческому пониманию. Он пошел дальше, отыскав во внутренней стене округлого коридора еще одну дверь — на сей раз она была низенькой, так что ему даже пришлось нагнуться, а уж крылатым существам и вовсе пришлось бы ползти, чтобы проникнуть на ту сторону.

За дверь был тот же теплый, чуть желтоватый, приятно пахнущий полумрак, то же монотонное шипение крылатых существ и легкие подрагивания крыльев — здесь их тоже было бесчисленное множество, и все спали. На самом верху купола сияло золотом отверстие, к которому по сводчатой стене тянулся спиралью изящный длинный пандус. На пандусе временами что-то шевелилось, и дважды Роканнон заметил, как крошечная фигурка в вышине расправляет крылья и неслышно вылетает в отверстие, мелькнув в столбе золотистой пляшущей пыли. Когда он шел через зал к началу пандуса, со стены вдруг что-то упало — примерно с середины длинной спирали — и ударилось о пол с сухим громким треском. Роканнон подошел ближе. Это было тело одного из крылатых существ. От удара у него раскололся череп, однако крови видно не было. Тело было совсем маленькое, крылья явно сформировались не полностью.

Роканнон стал осторожно подниматься по пандусу.

На высоте метров десять над полом он увидел в стене треугольную нишу, где скорчившись сидели такие же маленькие существа со сморщенными недоразвитыми крыльями. Их было девять, и сидели они тройками, на равных расстояниях друг от друга, вокруг чего-то большого и бледного. Роканнон взгляделся и узнал

знакомую морду и странно пустые глаза летучего кота. Крылатый был еще жив, но парализован. Изящные ротикки существ без конца будто целовали, целовали его...

Снова послышался тот же сухой стук. Роканнон глянул и увидел сухое мумифицировавшееся тело еще одного Крылатого.

Он быстро вернулся в коридор с расписными стенами, как можно аккуратнее тихо пробрался меж спящими стоя существами и вышел во двор, но там никого не оказалось. На каменных плитках, которыми был выложен двор, играло ослепительно яркое солнце. Его спутники исчезли! Должно быть, их уволокли под своды зала, чтобы затем высосать из них жизнь до последней капли.

Н

7

оги у Роканнона подкосились. Он сел прямо на красный полированный пол и, подавляя тошнотворный ужас, попытался решить, что делать дальше. Он должен вернуться в купол и вытащить оттуда Могиена, Яхана и Кьо! При мысли о том, чтобы снова пройти среди этих крылатых «изваяний», чьи благородные головы являются вместилищами настолько выродившихся или особым образом приспособившихся мозгов, что хозяева их практически низведены до уровня насекомых, у Роканнона по спине поползли мурашки. Но сделать это было необходимо. Его друзей надо было оттуда извлечь во что бы то ни стало. Интересно, а детеныши и их няньки достаточно крепко спят, что позволит ему выкрасть их «обед»? Нечего задавать самому себе дурацкие вопросы! Сперва нужно проверить стену — если в ней все же нет никаких ворот, то все это бессмысленно: ему не перетащить своих товарищей через это пятиметровое препятствие.

Скорее всего в этом сообществе три функционально различающихся вида, думал он, бредя по тихой идеально прямой улице: няньки, строители и охотники, которые спят во внешних помещениях. А серебристые дома, возможно, являются жилищами самок, которые откладывают яйца и высасывают их. Те существа, что поили их водой, должно быть, как раз и есть «няньки»; они поддерживают жизнь в парализованной добыче, пока детеныши не высосут из нее все соки. Они ведь дали воды даже мертвому Рахо! Как же он сразу не догадался, что они лишены разума? Ему просто хотелось считать их разумными существами, ведь они были так похожи на ангелов! К черту! Какой там «вид номер 4», злобно подумал он, как бы возражая утонувшему справочнику. И тут что-то метнулось через улицу на перекрестке. Это было небольшое коричневое существо, и Роканнон даже не успел как следует разглядеть его, настолько завораживала эта перспектива

совершенно одинаковых аккуратных домов. Коричневое существо явно этому городу не принадлежало! Значит, у этих ангело-подобных насекомых есть враги даже в их идеально устроенном улье! Роканнон быстро и уверенно пошел вперед; вокруг царила мертвая тишина. Добравшись до внешней стены, он свернул вдоль нее влево.

Чуть впереди, прижавшись к совершенно гладкому серебряному фундаменту стены, скрючилось одно из коричневых животных. На четвереньках оно было Роканнону примерно по колено. В отличие от большей части здешних существ с низко развитым интеллектом, оно было бескрылым, боязливо прижималось к земле и выглядело совершенно перепуганным, так что Роканнон просто обошел его, стараясь не испугать еще больше, и пошел дальше. Насколько он мог видеть, впереди не было ни калитки, ни ворот.

— Господин мой! — окликнул его слабый голос.

— Кью! — заорал он, резко оборачиваясь. Гулкое эхо отдалось от стены, но позади никого не было. Лишь те же белые стены, черные тени, прямые линии, тишина...

Маленькое коричневое существо прыжками приблизилось к нему.

— Господин мой! — закричало оно тоненьким голоском. — Господин, о пойдем, пойдем скорее, господин мой!

Роканнон так и застыл, изумленно на него глядя. Коричневое существо присело прямо перед ним, опершись на сильные задние лапы и переводя дух. Под пушистой шерсткой сильными толчками билось сердце; маленькие черные лапки — или ручки? — были молитвенно сложены. Черные глаза испуганно взирали на него. И оно все время повторяло на ломаном «общем» языке:

— Господин мой...

Роканнон опустился на колени. В голове у него все перемешалось; в конце концов он взял себя в руки и постарался как можно ласковее сказать:

— Я не знаю, как мне называть тебя, маленький...

— О пойдем, — молило существо, — правители... повелители... Пойдем!

— Другие? Такие же, как я? Мои друзья?

— Друзья! — обрадовалось существо. — Друзья. Замок. Правители, замок, огненный дракон, день, ночь, огонь. О пойдем!

— Хорошо, пойдем, — согласился Роканнон.

Оно прыгало, как кузнечик, по радиальной улице, потом повело его куда-то вбок, на север, а потом по боковой дорожке вывело к куполу с двенадцатью входами-выходами, где на красных каменных плитах двора по-прежнему лежали все его четверо товарищей. Позже, когда у него было время подумать, он догадался, что просто вышел из купола с другой стороны и в совсем другой дворик, а потому и потерял их.

Там их уже ждали: еще пятеро таких же коричневых существ стояли, точно отправляя какой-то обряд, возле Яхана. Роканнон опустился возле юноши на колени, стараясь казаться меньше ростом, и, как сумел, поклонился существам:

— Приветствую вас, мои маленькие мохнатые друзья!

— И мы тебя приветствуем, — ответили они все разом. Потом один, с черной шерсткой на мордочке, заявил:

— Киемхрир.

— Вас называют киемхрир? — переспросил Роканнон, и они стали быстро кланяться, явно подражая ему. — А меня — Роканнон-Странник. Мы прибыли сюда с севера, из страны Ангяр. Там есть замок Халлан...

— Замок, — сказал Черномордый. Его писклявый голос дрожал от усердия. Он подумал немного, поскреб лапкой голову и изрек: — Дни, ночи, годы, годы... — потом еще: — Правители уходят. Годы, годы, годы... Киемхрир уходит нет. — Он с надеждой глянул на Роканнона.

— То есть... киемхрир остаются здесь? — спросил Роканнон.

— Остаются! — выкрикнул Черномордый удивительно громко. — Остаются! Остаются! — и все остальные забормотали в полном восторге:

— Остаются...

— День, — сказал решительно Черномордый, указывая на солнце. — Правители приходят. Уходят?

— Да, мы непременно уйдем. Можете нам помочь?

— Помочь! — сказал коричневый киемхер, точно пробуя новое слово на вкус с явным удовольствием. — Помочь уйти? Правитель останется!

И Роканнон остался: сел и стал наблюдать за своими новыми знакомыми. Тот, с черной мордочкой, свистнул, и вскоре около десятка существ осторожно приблизились к пленникам. Интересно, подумал Роканнон, где в столь упорядоченном, с математической точностью и аккуратностью построенном городе-улье они нашли место, чтобы спрятаться и жить? Но, совершенно очевидно, они умудрились сделать это, и явно имеют свои дома и хранилища, потому что один из них вскоре принес в крошечных черных ручках белый шар, который очень походил на большое яйцо. Собственно, это и была яичная скорлупа, которой пользовались как чашей; Черномордый взял скорлупу и осторожно расширил отверстие в верхнем ее конце. Внутри оказалась густая прозрачная жидкость. Он смазал этой жидкостью оставшиеся от укулов отметины на плечах лежавших без сознания людей; затем существа стали нежно и опасливо приподнимать их головы, а Черномордый вливал понемногу жидкости в рот каждому. Рахо он ничего вливать не стал и даже к нему не прикоснулся. Киемхрир между собой не разговаривали, пользуясь только свистом и жестами, и

вообще вели себя очень тихо и с трогательной, почти изысканной вежливостью.

Черномордый подошел к Роканнону и ободряюще сообщил:

— Правитель останется.

— Мне нужно подождать? Конечно, подожду.

— Правитель... — начал было киемхер, указывая на тело Рахо, и запнулся.

— Мертв, — подсказал Роканнон.

— Мертв, мертв, — сказал малыш. И коснулся собственной шеи. Роканнон кивнул.

Двор с серебряными стенами залил яркий солнечный свет. Яхан, лежавший возле Роканнона, глубоко вздохнул.

Киемхрир полукругом уселись на задних лапках вокруг своего предводителя. Обращаясь к нему Роканнон сказал:

— Маленький друг, могу я узнать твое имя?

— Имя, — прошептал Черномордый. Остальные продолжали молча сидеть в тех же позах. — Лийяр, — выговорил он то слово, под которым Могиен подразумевал сообщество «благородных» и «низкорослых», а справочник выдавал за название «вида II». — Лийяр. Фийя. Гдемьяр. Имена. Киемхрир — не имя.

Роканнон кивнул, размышляя, какой он вкладывает в это смысл. Слово «киемхер» (во множественном числе «киемхрир») на самом деле, как он вспомнил, было всего лишь прилагательным со значениями «быстрый», «ловкий», «гибкий».

У него за спиной вздохнул и ожил Кьо; он шевельнулся, сел, и Роканнон подошел к нему. Маленькие, не имеющие своего имени существа наблюдали за ними своими черными глазами внимательно и спокойно. Поднялся Яхан, за ним очнулся Могиен, которому, видно, вкололи самую большую порцию парализующего вещества, потому что сперва он даже не мог руку поднять. Один из коричневых пушистых малышей застенчиво показал Роканнону, что было бы неплохо растереть Могиену руки и ноги, что Роканнон и проделал, одновременно объясняя своим товарищам, что с ними случилось и где они оказались.

— Тот гобелен, — прошептал Могиен.

— О чем ты? — мягко спросил его Роканнон, думая, что он все еще не совсем пришел в себя, и молодой правитель Халлана пояснил:

— Тот гобелен — у нас дома... С крылатыми великанами...

И тут Роканнон вспомнил, как стоял вместе с Хальдре под вышитой на гобелене картиной — сражением светловолосых воинов с какими-то крылатыми людьми — в длинном парадном зале замка Халлан.

Кьо, который внимательно наблюдал за киемхрир, протянул руку. Черномордый тут же подскочил к нему и положил свою крошечную черную беспалую ручонку в изящную продолговатую ладонь Кьо.

— Повелители слов, — тихо промолвил фийян. — Любители слов, пожиратели слов, безымянные, маленький народец с огромной памятью. Неужели вы все еще помните речь Высоких, о киемхрир?

— Речь! Все еще! — воскликнул Черномордый.

Могиен с помощью Роканнона встал. Он казался замерзшим и измученным. Некоторое время он постоял возле мертвого Рахо, чье лицо выглядело ужасно при слепящем белом свете солнца, потом вежливо поздоровался с киемхрир и сказал Роканнону, что вроде бы пришел в себя.

— В крайнем случае, — сказал Роканнон, — если в этой стене нет ворот, можно попытаться взобраться на нее, сделав зарубки.

— Посвисти-ка лучше нашим Крылатым, господин мой, — робко предложил Яхан.

Тут было над чем подумать: свисток мог разбудить летающих обитателей купола, а спрашивать совета у киемхрир было бы слишком сложно. Поскольку летающие великаны вроде бы вели исключительно ночной образ жизни, путешественники все же решили попытаться счастья. Могиен вытащил из-под плаща тоненькую дудочку, что всегда висела у него на ремне, и легонько дунул в нее; Роканнон даже ничего не расслышал, однако киемхрир вздрогнули. Через двадцать минут над куполом повисла огромная тень, покружила и снова устремилась на север; вскоре вернулись двое Крылатых и, быстро махая крыльями, опустились прямо посредине двора — полосатый зверь Роканнона и серый Могиена. Белого они с тех пор никогда не видели. Возможно, именно его высохшую мумию обнаружил Роканнон в золотистом полумраке купола: летучий кот стал пищей для детенышей этих ангело-подобных насекомых.

Коричневые существа явно боялись крылатых хищников. Элегантность их манер совершенно растворилась в этом страхе, и когда Роканнон попытался поблагодарить их и попрощаться с ними, Черномордый сумел лишь жалобно простонать:

— О лети, правитель! — стараясь держаться подальше от серой когтистой лапы Крылатого.

В часе лета от города-улья они обнаружили свое кострище, поклажу, плащи и шкуры, которые подстилали на землю во время ночевки. Все было нетронутым. На некотором расстоянии от лагеря валялись трупы трех летучих великанов, а рядом с ними — оба меча Могиена. Один из них был словно откушен у самой рукояти. Окажется, Могиен ночью проснулся и увидел этих «ангелов», склонившихся над Яханом и Кьо. Один из них укусил его.

— И я сразу утратил способность говорить, — сказал Могиен. Но он все-таки вступил с ними в бой и убил троих, прежде чем парализующее вещество свалило его с ног. — Я слышал, как зовет на помощь Рахо. Три раза он звал меня, а я не мог ему помочь... — и он сел на землю среди поросших травой руин, переживших все име-

на и все легенды, положил на колени свой сломанный меч и не произнес более ни слова.

Они сложили огромный костер из веток и хвороста и возложили на него тело Рахо, унесенное из этого страшного города-улья; рядом с покойным положили его лук и стрелы. Яхан добыл огонь, и Могиен поджег погребальный костер. Потом они сели на Крылатых — Кьо позади Могиена, а Яхан позади Роканнона — и стали кругами подниматься над столбом дыма, повалившегося от жарко вспыхнувшего погребального костра, сложенного на залитой полуденным солнцем вершине холма в этой чужой стране.

И долго еще был им виден тонкий столб дыма над оставшейся позади равниной.

Киемхрир совершенно ясно дали понять, что путешественникам необходимо двигаться дальше и постараться позаботиться о ночлеге и часовых, иначе с наступлением темноты на них снова нападут ангелоподобные «насекомые». Так что ближе к вечеру они спустились на берег ручья, пробивавшегося между двумя тесно придавившимися друг к другу, поросшими лесом холмами, и устроили себе лагерь в двух шагах от небольшого водопада. Здесь было сыровато, но воздух был чистый, душистый и наполненный птичьим щебетом и прочей «музыкой природы» — просто душа отдыхала. На ужин товарищам Роканнона удалось поймать настоящий «деликатес» — каких-то неторопливо двигавшихся в своих раковинах «моллюсков», вкус которых они очень хвалили; однако Роканнон их есть отказался. У «моллюсков» на суставах недоразвитых конечностей и на хвосте сохранились остатки шерсти — это явно были вовсе не моллюски, а самые обыкновенные яйцекладущие, которых на этой планете было особенно много; вполне возможно, даже киемхрир были такими.

— Сам ешь, Яхан, — отмахнулся Роканнон. — Не могу я есть то, что в любую минуту может со мной заговорить! — у него живот сводило от голода, но он отошел и сел рядом с Кьо.

Кьо улыбнулся и потер оцарапанное плечо:

— Если бы можно было слышать, что говорят и все остальные... — пробормотал он.

— Тогда я, наверное, умер бы с голоду, — сказал Роканнон.

— Ну, зеленые-то существа всегда молчат, — сказал фийян, поглаживая ствол деревца с жесткой корой, склонившегося над ручьем. Здесь, на юге, деревья — главным образом хвойные — как раз зацветали, и в лесу было полно пыльцы со сложными и различными запахами. Цветы здесь всегда отдавали пыльцу ветру — как цветущие травы, так и цветущие деревья: здесь не было ни насекомых, ни привычных глазу Роканнона цветов с лепестками. Весна в этом не имеющем своего названия мире вся была зеленой — темно-зеленой, светло-салатовой — и лишь золотистая пыльца порой пролетала облачком на ветру.

Когда стемнело, Могиен и Яхан легли спать, вытянувшись у еще теплых угольев; костер они решили на ночь не оставлять, чтобы не привлекать внимания давешних «знакомцев». Как и предполагал Роканнон, фийян оказался куда менее восприимчивым к ядам, чем лийяр; он совершенно оправился и с удовольствием остался поболтать с Роканноном, усевшись в темноте на берегу ручья.

— Ты поздоровался с киемхрир так, словно давно и хорошо знаком с ними, — заметил Роканнон, и фийян ответил:

— То, что помнил один из нашей деревни, помнили и все остальные, Странник. А потому нам ведомо так много всяких сказок, слухов и слухов, правдивых историй и небылиц. Кто знает, насколько стары некоторые истории...

— И все-таки об этих летающих великанах ты ничего не знал?

Кьо вроде бы сперва решил не отвечать, но потом все-таки заговорил:

— Фийя не помнят страха. Да и зачем его помнить? Мы свой выбор сделали. «Глиняным» мы оставили ночь, пещеры, мечи, а сами избрали другой путь — предпочли зеленые долины, солнечный свет, деревянные чаши. И поэтому мы считаемся полу-людьми. И мы многое забыли, многое! — сегодня его голос звучал более решительно, более настойчиво, чем когда-либо, звонкий, перекрывающий даже шум ручья под берегом, на котором они сидели, даже шум водопада в узком горном ущелье. — С каждым днем мы все больше приближаемся к югу, и мне все чаще наяву видится то, о чем я знаю из сказок, которые мой народ так любит. Слишком многие сказки оказались правдой! А ведь мы по крайней мере половину из них успели забыть! О маленьких любителях слов, этих киемхрир, мы знаем из древних песен, которые поем вместе мысленно, но вот о летучих великанах мы забыли совсем. Мы, фийя, помним только друзей, а не врагов. Помним солнечный свет, а не тьму. И я, фийян, иду вместе со Странником на юг, прямо в мир наших легенд, и Странник не несет с собой меча, но мечтает услышать голос своего врага. Я еду верхом вместе с тем, кто переплыл океан Ночи, кто видел наш мир, висящим, точно прекрасный синий камень, в черной пустоте. Я ведь только половинка человека. Я не могу уйти дальше холмов, окружающих мою долину. Я не могу пойти с тобой в эти высокие горы, Странник!

Роканнон легонько коснулся плеча Кьо. И фийян сразу же успокоился и притих. Они сидели и слушали журчание бегущей воды, грохот водопада, смотрели, как звезды серым отблеском отражаются в воде ручья среди кусков плавника и водоворотов желтоватой пылицы с цветущих деревьев. Холодна как лед была эта вода, бегущая с южных гор.

Дважды в течение следующего дня видели они сверху далеко на востоке купола и расходящиеся от них, точно спицы в колесе, прямые улицы городов-ульев. В ту ночь они дежурили по двое.

К началу следующей ночи они были уже далеко в предгорьях, и всю ночь дул ветер и лил дождь, и весь следующий день они тоже летели под дождем. Когда же рассеялись мрачные тучи, стало видно, что холмы с обеих сторон обступили высокие мрачные вершины. Миновала еще одна дождливая ночь, проведенная почти без сна на вершине холма под руинами очередной старинной башни, и поздним утром, миновав перевал, они вылетели в залитое солнцем пространство над уходящей к югу обширной долиной, за которой в туманной дымке виднелись далекие горы.

Теперь они летели все время прямо; справа, точно верстовые столбы, высились белые вершины. Долина казалась им широкой зеленой дорогой; ветер был прохладный, золотистый от пылицы, и Крылатые неслись на этом ветерке, точно просвеченные солнцем листья. В нежную весеннюю зелень внизу как бы вставлены были темно-зеленые самоцветы деревьев и кустов; над ними легкой сероватой дымкой проплывал туман. Крылатый Могиена вдруг сделал круг и пошел вниз; Кьо показал Роканнону на раскинувшуюся внизу деревушку. Спускаясь на золотистом ветре, они увидели, что деревушка удачно расположена у подножия холма, возле нее протекает ручей, все вокруг залито солнечным светом и из маленьких печных труб идет дымок. Стадо домашних Крылатых паслось за деревней, а в самом ее центре, в кругу маленьких домиков с разноцветными крышами и веселыми светлыми крылечками, высились пять огромных деревьев. Путешественники ступили на землю, и фийя, застенчивые и смеющиеся, вышли им навстречу.

Жители деревушки плохо говорили на «общем» языке; они вообще не привыкли говорить вслух. И все-таки путешественникам казалось, что они наконец вернулись домой, когда они вошли в эти светлые, полные воздуха жилища и отведали вкусных кушаний из полированных деревянных мисок. Наконец-то можно было отдохнуть после скитаний по диким краям, от дождей, от ветра — отдохнуть и вкушать доброжелательного гостеприимства маленьких хозяев этого селения. «Станный народец, эти фийя, — думал Роканнон; уклоняющийся от прямого общения, неуловимый, непоследовательный, но исключительно доброжелательный». Кьо назвал свой народ «полу-людьми», хотя сам Кьо уже не был одним из них. Он выглядел в точности как они — в чистой новой одежде, которую они ему дали, — так же двигался, так же жестикулировал, но все же, стоя с ними рядом и окруженный ими, он заметно выделялся среди прочих фийя. Может быть, потому что был для них чужаком и не мог как следует говорить с ними «без слов»? А может, из-за дружбы с Роканноном он настолько переменялся, что стал совсем другим существом — более одиноким, более замкнутым, более печальным и более самодостаточным — целым человеком, а не его «половинкой»?

Фийя сумели описать путникам местонахождение своей деревушки. За большим горным хребтом на западе лежала пустыня;

им следовало лететь дальше на юг над долиной, стараясь держаться восточных гор — лететь еще далеко, пока гряда сама по себе не повернет к востоку.

— А разве там нет перевалов? — спросил Могиен, и маленькие человечки заулыбались и сказали, что, конечно же, есть.

— А вы знаете, что за страна лежит за этими перевалами?

— Но они так высоко в горах, и там так ужасно холодно! — вежливо уклонились фийя от ответа.

Путешественники отдыхали в деревне два дня и две ночи, а потом снова двинулись в путь, нагруженные поклажей — дорожными сухариками и вяленным мясом, которые с удовольствием приготовили для них фийя, любящие делать подарки. Через два дня пути они добрались до другой деревушки маленького народца, где их снова приняли так радушно, точно они были здесь не чужаками, а родными людьми, возвращения которых все давно ждали. Стоило Крылатым коснуться земли, как множество фийя, мужчины и женщины, бросились им навстречу, здороваясь с Роканном, который первым спрыгнул на землю: «Приветствуем тебя, Странник!» Это его озадачило, и, все еще несколько удивленный, он вдруг догадался, что это вовсе не его прозвище; просто слово «ольхор» имеет такое значение — «путник, странник, путешественник» — а ведь они и есть странники! И все-таки именно фийян Кьо дал ему это прозвище.

Еще через день во время вполне спокойного полета над долиной ему вдруг пришел в голову один вопрос, который он тут же задал Кьо:

— Скажи, а в твоей деревне тебя никак больше не называли? Было ли у тебя какое-нибудь собственное имя?

— Меня называли «пастух», или «младший братец», или «бегун» — я очень быстро бегал.

— Но ведь все это прозвища, описательные слова, такие же, как «странник». Вы, фийя, мастера давать прозвища. Вы каждого сразу награждаете какой-нибудь меткой кличкой — Властелин Звезд, Носитель Мечей, Золотоволосая, Повелитель Слов. Я думаю, ангьяр переняли свою любовь к прозвищам именно у вас. А все-таки, неужели собственных имен у вас нет?

— Властелин Звезд, Великий Путешественник, Пепельноволосый Носитель Сокровища, — сказал Кьо и улыбнулся, — а что, собственно, ты называешь именем?

— Пепельноволосый? Я что же, поседел?.. Нет, не могу я дать тебе точное определение человеческого имени. Мое имя было дано мне при рождении — Гаверел Роканнон. Вот я его произнес, но в нем не содержалось никакого описания моих качеств, и, тем не менее, я назвал себя. И когда я вижу какое-нибудь новое для меня дерево, я спрашиваю тебя — или Яхана, или Могиена, поскольку ты отвечаешь нечасто, — как оно называется, каково его имя. И не успокаиваюсь, пока это имя не узнаю.

— Что ж, дерево — это дерево; как и я — фийян; как и ты... а кто ты?

— Но ведь есть и какие-то различия! В каждой деревне я спрашиваю: как называются эти горы на западе, которые вы из своей деревни видите всю свою жизнь, и фийя отвечают: «Это горы, Странник!»

— Ну да, горы, — подтвердил Кьо.

— Но ведь есть и *другие* горы! Вон, на востоке, горы пониже, хотя тянутся вдоль той же самой долины. Как же вы отличаете один горный хребет от другого, одно живое существо от другого — без имен?

Обхватив руками колени, фийян смотрел на сияющие в солнечном свете западные вершины гор. И Роканнон через некоторое время понял, что ответа ему не дожидаться.

Задули более теплые ветры, и долгие дни стали еще длиннее — лето наступало, а они с каждым днем все дальше и дальше продвигались к югу. Поскольку Крылатые летели с двойной нагрузкой, путешественники не спешили и часто останавливались на день-два, чтобы самим поохотиться и дать возможность поохотиться летучим котам. Но вот горная цепь, тянувшаяся с восточной стороны долины, начала сворачивать к востоку; было видно, что там она встречается с прибрежной грядой, которая и преградила им путь к морю. Зелень долины, точно волны прибоя выплескивавшиеся на холмы предгорий, здесь померкла. Только значительно выше появились зеленые и зелено-бурые пятна альпийских лугов; потом остались только серые скалы и каменные осыпи; и наконец, чуть ли не на полпути к небесам, засверкали исхлестанные ветрами белоснежные горные вершины.

Высоко в предгорьях они обнаружили деревушку фийя. Резкий холодный ветер хлестал по крышам легких домишек, гнал клубы синего печного дыма по улицам, испещренным полосами длинных вечерних теней. Как и всегда принимали их любезно и радушно, подали свежей воды и вкусного мяса, зелень на деревянных блюдах; в домиках было тепло и уютно; пропыленную одежду путников выстирали и вытряхнули; Крылатых заботливо накормили, и живая как ртуть малышня принялась гладить и ласкать их. После ужина для гостей танцевали четыре прекрасные девушки; танцевали они без музыки, но их движения были так легки и грациозны, что танцовщицы казались бестелесными, воздушными существами, игрой света и тени в отблесках костра, ускользающими, летучими призраками. Роканнон с довольной улыбкой глянул на Кьо, который как всегда сидел рядом с ним. Фийян тоже посмотрел на него — как-то очень мрачно — и вдруг сказал:

— Я останусь здесь, Странник.

Роканнон с трудом подавил рвущиеся из горла возражения и продолжал смотреть, как танцовщицы плетут прихотливый

нематериальный рисунок танца воздушными своими движениями в неверном свете костра. Они точно создавали свою собственную музыку — из тишины, из ощущения необычности. Отблески огня на деревянных стенах тоже будто танцевали — меняли очертания, подпрыгивали, изгибались...

— Было предсказано: Странник сам выберет себе друзей. На время, правда.

Роканнон не понял, сам ли он это сказал, или Кьо, или то говорила его память. Он помнил эти слова, помнил их и Кьо. Девушки закончили танец и разошлись; тени их быстро пробежали по стенам вверх, золотом вспыхнули распущенные длинные волосы. Танцовщицы, у которых, как и у света и тени, не было собственных имен, замерли, застыли. Вот и у них с Кьо кончился период их совместной жизни — сложный рисунок его был завершен, оставалось лишь поставить точку; далее лежала тишина.

З

8

а тяжело вздымающимися крыльями полосатого зверя Роканнон видел каменистую осыпь на склоне, круто уходящем вниз; ущелье было таким узким, что Крылатый чуть ли не задевал валуны, стремясь поскорее добраться до перевала. Роканнон пристегнул ноги в бедрах особыми седельными ремнями, потому что порой налетали такие неожиданно сильные порывы ветра, что Крылатый терял равновесие. Защитного костюма он не снимал, чтобы не замерзнуть. За плечами Роканнона сидел Яхан, закутавшийся во все имевшиеся у них шкуры и плащи, но все равно совершенно закоченевший; Яхан даже специально пристегнул себя ремнями за руки к седлу, потому что уже не доверял их хватке. Могиен, летевший далеко впереди на своем не так сильно нагруженном Крылатом, переносил холод и высоту гораздо лучше Яхана, и ему, судя по всему, даже радостно было вступить в эту схватку с неприступными вершинами.

Пятнадцать дней назад покинули они последнюю из деревушек фийя, попрощались с Кьо и полетели дальше, в сторону громоздившихся в небесах горных вершин, где, как им казалось, имелся наиболее удобный коридор в этой неприступной скалистой стене. Фийя не сумели как следует указать им путь; стоило только заговорить о переходе через горы, как маленькие человечки тут же умолкали и трусливо прятали глаза.

Первые дни все шло хорошо, но по мере того, как они забирались выше в горы, Крылатые начинали все быстрее и быстрее уставать, ибо разреженный воздух не обеспечивал их легкие нужным количеством кислорода, к тому же стала мешать еще и холодная неустойчивая погода. В последние три дня они вряд ли по-

крыли более пятнадцати километров, да и то летели почти вслепую. Люди оставались голодными, отдавая почти все вяленое мясо Крылатым; сегодня утром Роканнон отдал зверям последнее, что оставалось в дорожных сумках, — если до вечера они не минуют перевал, то придется вернуться назад, в лесистую местность, где можно будет поохотиться и отдохнуть, а потом, естественно, начать все сначала. Похоже, сейчас они были на верном пути, но с восточных вершин дул пронзительный и холодный ветер, да и небо стало заволакивать белой мглой. Но Могиен упорно летел вперед, так что Роканнон заставил своего Крылатого следовать за ним. Он уже почти забыл, зачем ему нужно было перебраться через эти горы, помнил только, что должен попасть туда, на юг. Однако собственного мужества для выполнения этой задачи ему уже не хватало. Теперь он в этом отношении зависел от Могиена.

— По-моему, твое царство здесь, — сказал он молодому правителю Халлана вчера вечером, когда они обсуждали свой дальнейший маршрут, и Могиен, глядя на величественные ледяные пики, на бездонные пропасти, на скалы, снег и бескрайние небеса, ответил как всегда чуть надменно и спокойно:

— Да, это мое царство.

Сейчас он окликнул Роканнона, и тот попытался прищипорить своего Крылатого, пытаясь сквозь намерзшие на ресницах снежинки разглядеть проход в бесконечном хаосе каменистых склонов и осыпей. Вот он! Конек крыши этого мира: неожиданно как бы распались два склона, и в этом проеме Роканнон увидел обширную белую равнину — перевал. По обе стороны от этого коридора исхлестанные ветрами вершины упирались, казалось, прямо в небеса. Роканнон почти нагнал Могиена и видел теперь его беспечное лицо, слышал высокий пронзительный клич воина-победителя. Он продолжал лететь следом за Могиеном над белой равниной под белыми облаками, а вокруг уже плясали снежинки — не падали, а просто кружились в веселом танце, ведь это здесь была их родина, их дом. Полумертвый от голода и усталости, Крылатый Роканнона захлебывался при каждом взмахе крыльев. Могиен немного придержал своего серого, чтобы они не потеряли его из виду за снеговой завесой, но продолжал вести их вперед, и они старались не отставать.

И вдруг в мерцающей снежной мгле что-то блеснуло, легкое светлое пятнышко — солнце! Бледно-золотистые снежные просторы расстилались внизу. Потом вдруг этот волшебный сияющий мир исчез, и Крылатого подхватил мощный поток воздуха. Далеко внизу, очень далеко, сквозь легкую дымку виднелись крошечные долины, озера, посверкивал язык ледника, темнели зеленые пятна лесов. Крылатый под Роканноном качнулся и стал падать, подняв в воздух крылья. Он падал как камень, так что

Яхан даже закричал от страха, а Роканнон закрыл глаза и ухватился покрепче за седло.

Крылья заработали снова, потом вздрогнули, остановились, снова заработали; падение замедлилось, перешло в осторожный спуск и прекратилось совсем. Крылатый, весь дрожа, упал, поджав лапы, на каменистую землю. Рядом серый Могиена пытался найти местечко поровнее, чтобы улечься. Могиен, соскочив с седла, кричал:

— Мы прошли его! Прошли! — его смуглое живое лицо победоносно сияло. — Теперь мое царство по обе стороны этого хребта, Роканнон!.. Сегодня, пожалуй, прямо здесь и переночуем, а завтра Крылатые смогут поохотиться ниже по склону, в лесах, а мы постараемся спуститься пешком. Пошли, Яхан.

Яхан скорчившись сидел на заднем седле и был не в состоянии двинуться с места. Могиен вытащил его из седла и помог лечь в укрытии под огромным валуном. Хотя полуденное солнце светило вовсю, тепла оно давало маловато, не больше, чем Большая звезда, и казалось замерзшим кристалликом света в этом мгlistом небе юго-западной стороны; а ветер стал еще холоднее. Пока Роканнон распрягал Крылатых, Могиен, правитель Халлана, старался как-то помочь своему слуге, как-то отогреть замерзшего Яхана. Костер разжечь было не из чего — они еще не достигли зоны лесов. Роканнон стащил с себя защитный костюм и заставил Яхана надеть его, не обращая внимания на слабые и сердитые протесты ольгья. Сам же пока завернулся в шкуры. Крылатые и люди сбились в кучу, чтобы хоть немного согреться, а потом разделили остаток воды и сухариков, которыми их снабдили фийя. Ночь всплыла с лежащих внизу долин. Появились звезды, точно выпущенные этой тьмой на свободу, и две наиболее яркие луны зажглись в небесах — казалось, на расстоянии вытянутой руки.

Глубокой ночью Роканнон вдруг очнулся от глубокого сна. Все было залито звездным и лунным светом. Кругом стояла мертвая тишина. И было адски холодно. Яхан схватил его за руку и что-то лихорадочно зашептал. Роканнон посмотрел, куда указывал юноша, и увидел на валуне, выше по склону, какую-то тень — точно темный промельк на фоне звездного неба.

Как и та, которую они с Яханом видели тогда в прериях, далеко отсюда, тень была огромной и странно расплывчатой. Даже когда он смотрел прямо на нее, то смутно видел звезды, просвечивавшие насквозь, а потом вдруг тень куда-то бесследно исчезла. Слева от того места, где она только что была, сияла Хелики, опять убывающая и потому светившая довольно слабо.

— Да это просто лунный свет, Яхан, — прошептал Роканнон. — Ты постарайся уснуть. Просто тебе что-то привиделось, потому что у тебя жар.

— Нет, — спокойно промолвил рядом с ним Могиен. — Ему не привиделось, Роканнон. То была моя смерть.

Яхан сел; его трясло:

— Нет, господин мой, не твоя, это невозможно! Я видел эту тень и раньше, на равнинах, когда тебя с нами не было... И Странник тоже видел!

Призвав на помощь остатки здравого разума, научной умеренности и прежних жизненных правил, Роканнон попытался их урезонить:

— Не болтайте глупостей!

Но Могиен его будто не слышал:

— И я видел ее на равнинах — она искала меня. И еще два раза в горах. Чья еще это может быть смерть, если не моя? Твоя, Яхан? Может, ты у нас благородный ангья? Где же твой второй меч?

Большой Яхан в отчаянии попытался что-то пролепетать, но Могиен продолжал:

— И это не смерть Роканнона, потому что он еще не достиг своей цели. Человек может умереть где угодно, но собственную смерть правитель встречает только в своем царстве. И она ждет его в тех местах, что принадлежат ему одному — на поле боя, или в зале его замка, или в конце пути. А здесь — мое царство. Из этих гор пришли мои далекие предки, и я вернулся назад. Мой второй меч был сломан в битве. Слушай, смерть: я наследник Халлана, Могиен — узнаешь меня?

Легкий пронзительный ветерок пролетел над скалами. Валуны громоздились выше по склону, между ними ярко светили звезды. Один из Крылатых вздрогнул и всхрипнул.

— Тихо! — прикрикнул на него Роканнон. — Все это глупости. Успокойтесь и спите...

Но после этого он и сам не мог спать, а когда открывал глаза, ненадолго забывшись в полудреме, то видел, что Могиен сидит, прижавшись к боку своего серого, спокойный и ко всему готовый, и внимательно вглядывается в ночную тьму.

Ночь сменилась светом дня, и они отпустили Крылатых, чтобы те поохотились в лесах, а сами пошли вниз пешком. Они все еще находились на очень большой высоте, значительно выше зоны лесов, так что ощущали себя в безопасности только до тех пор, пока не переменится погода. Но не прошло и часа, как они поняли: Яхану самому вниз не спуститься. Задача была не такой уж сложной, но напряжение и усталость взяли над юношей верх: он просто не держался на ногах, не говоря уже о том, чтобы ползти по осыпям или висеть над пропастью, что им все же иногда делать приходилось. Еще один день передышки в защитном костюме Роканнона мог бы, пожалуй, несколько восстановить его силы, но это означало, что им придется еще одну ночь провести на высокогорье, без огня и укрытия, и даже без еды. Могиен взвесил все «за» и «против», хотя, пожалуй, не слишком долго раздумывал, и предложил Роканнону остаться с Яханом в укрытой от ветра и залитой солнцем впадине; сам же он решил поискать

более удобный спуск, где они смогли бы нести Яхана, или, по крайней мере, присмотреть такое место, где они могли бы укрыться от снега и ветра.

Когда он ушел, Яхан, лежавший в полуобморочном состоянии, попросил напиток. Фляжка была пуста. Роканнон велел юноше лежать смирно и вскарабкался метров на пять выше по скалистому склону, где в тенистой впадинке осталось еще немного снега. Подъем оказался труднее, чем он ожидал, и ему пришлось лечь и перевести дыхание. Он лежал на камнях и тяжело хватал ртом светлый чистый воздух; сердце тяжело билось в груди.

Послышался какой-то шум, который Роканнон сперва принял за биение собственных пульсов. Потом рядом с собой заметил тонкую струйку воды и сел. Крошечный теплый ручеек стекал, исходя паром, по языку слежавшегося потемневшего снега. Роканнон искал глазами его исток и увидел черную дыру под нависающим утесом: пещера! Пещера! На большее они и надеяться не могли — так утверждал его рациональный разум, хотя почему-то Роканнону было удивительно трудно сейчас удержаться на самом краю темной иррациональной пропасти — панического ужаса. Он сидел среди камней, не шевелясь, охваченный самыми худшими подозрениями.

Прямо над ним в безоблачном небе сияло солнце, освещая серые скалы. Снежные горные вершины скрывал ближайший утес, а землю внизу — огромное белое облако тумана. Здесь не было ничего, совсем ничего на этой пустынной серой кромке мира, кроме него самого и черного разверстого зева пещеры среди валунов.

Довольно долго просидев без движения, он встал и пошел вперед, перешагнув через дымившийся среди камней ручеек и заговорил с тем, кто, как он знал отлично, ждал его внутри.

— Я пришел, — сказал он просто.

Тьма внутри чуть шевельнулась, и обитатель пещеры появился у ее входа.

Он был похож на «глиняных» — такой же приземистый и бледнолицый; однако чем-то напоминал и фийя — хрупкостью, ясным светом глаз. В общем, что-то взяв у обоих этих народов, он, однако, остался отличным от них. Волосы у него были белые. Голос и на голос-то похож не был — ибо звучал где-то в мозгу Роканнона, а уши слышали лишь негромкий свист ветра; да и слов никаких незнакомец вроде бы не произносил. И тем не менее он явно спросил Роканнона, чего тот хочет.

— Не знаю, — сказал Роканнон громко, охваченный страхом, но за него без слов ответила его твердая решимость: «Я пойду дальше на юг и найду своего врага, а потом его уничтожу!»

Свистел ветер; теплый ручеек весело журчал у его ног. Двигаясь неторопливо и легко, обитатель пещеры чуть посторонился, и Роканнон, нагнувшись, вошел в ее темный зев.

«Что ты дашь мне за то, что я дал тебе?»

«А что я должен отдать, о Древний?»

«То, что тебе дороже всего и что тебе отдавать хочется меньше всего».

«У меня нет ничего своего в этом мире. Что же могу я отдать?»

«Какую-нибудь вещь, или жизнь, или удачу, или свой глаз, или надежду, или возвращение в дорогое тебе место — точно называть не нужно. Ты и так выкрикнешь имя или название этого, когда его у тебя больше не будет. Ну, отдашь мне это по доброй воле?»

«Отдам, о Древний».

Наступила тишина, только слышно было, как воет ветер. Роканнон снова нагнулся и вышел из темной пещеры. Когда он выпрямился, красный свет ударил ему прямо в глаза — это был холодный рассвет над серо-багровым морем облаков.

Яхан и Могиен спали обнявшись в той самой низинке, где он оставил Яхана, под грудой шкур и плащей. Они не пошевелились, когда Роканнон подполз к ним.

— Проснитесь, — сказал он тихонько. Яхан сел, лицо его в красном свете зари выглядело голодным и совсем юным.

— Странник! А мы думали... что ты ушел... мы думали, ты упал...

Могиен тряхнул своей желтой гривой, словно прогоняя остатки сна, и с минуту смотрел на Роканнона. Потом хрипло сказал, и в голосе его звучала нежность:

— Хорошо, что ты вернулся, Властелин Звезд, друг мой. Мы тебя ждали.

— Я встретил... я разговаривал с...

Могиен поднял руку, призывая его к молчанию:

— Ты вернулся; я рад этому. Ну что, мы идем на юг?

— Да.

— Хорошо! — сказал Могиен. И в этот миг Роканнону вовсе не показалось странным, что Могиен, который до сих пор вроде бы вел его за собой, теперь разговаривает с ним как подданный со своим повелителем.

Могиен подул в свисток, но, хотя они ждали долго, Крылатые не явились. Они прикончили последнюю порцию питательных сухариков фийя и снова двинулись вниз. Тепло защитного костюма явно пошло Яхану на пользу, и Роканнон настоял, чтобы тот его пока не снимал. Молодому ольгья нужна была еда и настоящий отдых, чтобы вернуть силы, но в целом он пока мог продержаться, а им непременно нужно было спешить: следом за таким красным восходом почти наверняка придет непогода. Идти было не слишком трудно, но продвигались они медленно и очень устали. На середине пути, где-то уже ближе к полудню, появился один из Крылатых: Серый Могиена выплыл из-за раскинувшегося внизу леса. Они нагрузили Крылатого седлами и упряжью, а также шкурами — все это они сейчас несли на себе — и он полетел с ними

рядом, то над ними, то чуть ниже, как ему больше нравилось, иногда издавая звонкий клич — призывая своего полосатого друга, который все еще охотился и пировал в лесах.

Примерно в полдень они достигли огромного гранитного «лба», по которому спуститься было почти невозможно. Они обвязали друг друга веревкой и поползли.

— С воздуха ты мог бы разглядеть и другую тропу, получше, Могиен, — сказал Роканнон. — Жаль, что не пришел и второй Крылатый. — У него было такое чувство, будто им нужно очень спешить; хотелось поскорее убраться с этого открытого участка горы и спрятаться среди деревьев.

— Твой Крылатый был слишком утомлен, когда мы его наконец отпустили; может, он до сих пор и не поел как следует. Мой все-таки нес не такую тяжесть. Я слетаю и посмотрю, какой ширины этот утес; может быть, мой Крылатый сумеет перенести нас всех троих — если тут всего несколько раз крыльями махнуть. — Он свистнул, и Серый все с той же покорностью, которая не переставала удивлять Роканнона в столь крупном и прожорливом хищнике, подлетел к хозяину и аккуратно приземлился прямо на крутой склон, по которому они сползали. Могиен вскочил на него, громко победоносно крикнул и полетел куда-то вбок; светлые волосы его вспыхнули на солнце, которое уже исчезало за грядой облаков.

По-прежнему дул холодный пронизывающий ветер. Яхан, скорчившись, прижался к скале и закрыл глаза. Роканнон устроился на крошечном выступе, глядя вдаль, на горную гряду, за которой, как он чувствовал, слабо мерцало в солнечных лучах море. Он не мог охватить взором все это неясное бескрайнее пространство, которое то и дело скрывали набегавшие облака и клочья тумана, но смотрел в одну точку, на юг, чуть восточнее той линии, на которой они сейчас находились. Он даже глаза закрыл. Прислушался — и услышал.

Станный дар получил он от обитателя пещеры, хранителя теплого источника в безымянных горах. Дар этот был больше, чем все то, о чем он мог попросить. Там, в темноте пещеры, его научили пользоваться всеми своими чувствами так, как он и другие земляне могли лишь мечтать, наблюдая подобные, очень редкие, свойства у представителей других миров, но к чему сами были абсолютно не способны, если не считать коротких всплесков озарения да крайне редких исключений из общего правила. Стараясь сохранить в себе человека, Роканнон испуганно шараялся от той невероятно могущественной силы, которой хранитель источника обладал сам и которую предлагал другим. Дело в том, что в пещере он научился слышать чужие мысли — но только одного «вида» живых существ, обитающих во Вселенной: голоса своих врагов!

С помощью Кью он уже постиг самое начало телепатического общения; однако ни малейшего желания проникать в мысли своего товарища он не испытывал, особенно в том случае, когда они не знают, о чем думает он сам. Понимание должно быть обоюдным для обеих сторон, если хочешь сохранить верность и любовь.

Но тех, кто убил его товарищей и нарушил мирный договор, тех, за кем он шпионил, кого он искал, он теперь слышал хорошо. И, сидя на этом гранитном «лбе», слушал мысли людей, находившихся далеко отсюда, в казарменных строениях, разбросанных на огромной территории среди округлых холмов, там, куда им было идти еще не меньше сотни километров. Невнятный разговор, шум, далекие ссоры, бурные споры, всплески эмоций... Он не знал, какой из голосов предпочесть; у него уже голова кружилась от невероятного объема различных сведений; он слышал — как младенец слушает взрослых, еще не различая их голоса. Те, кто рожден с глазами и ушами, должны научиться видеть и слышать, должны научиться выбирать конкретное лицо из множества перевернутых вверх ногами изображений, выбирать одно значение из множества слившихся в невнятный гомон слов. Хранитель источника обладал таким даром, о котором Роканнон когда-то лишь слышал в одном из миров — умении распознавать в других телепатические способности; и он научил Роканнона, как ограничивать и направлять эти способности в себе, однако времени было мало, и он не успел научить его как следует пользоваться этим даром, не успел дать ему попрактиковаться. У Роканнона голова шла кругом от чужих и чуждых ему мыслей и чувств; тысячи чужаков толпились сейчас у него под черепом. Слов разобрать он не мог. «Разговор без слов» — так ангьяр называли это умение, сами им не обладая. То, что он «слышал», было не речью, а намерениями, мечтами, всякими иными чувствами, даже физическим восприятием чего-то — словом, разумно-чувственным восприятием действительности множеством различным людей, и все эти ощущения и чувства пересекались сейчас у него в мозгу, оставляя ужасные следы: страх или зависть, удовлетворение или желание спать, дикое невыносимое головокружение, полупонимание, полуощущение... И вдруг, совершенно неожиданно, из всего этого хаоса вынырнуло нечто совершенно ясное и отчетливое — контакт был более определенным, чем если бы Роканнону на обнаженное плечо кто-то положил свою теплую руку. Кто-то шел к нему: какой-то человек, вошедший с ним в телепатический контакт, ощутивший его мысленное присутствие. Вместе с этим ощущением возникли второстепенные — высокая скорость движения, ощущение замкнутого пространства, любопытство, страх...

Роканнон открыл глаза, глядя прямо перед собой, словно вот-вот увидит лицо того человека, чьи мысли он только что прочел.

Он был близко; Роканнон был уверен, что он близко и подходит еще ближе. Но ничего не было видно — только прозрачный воздух да все ниже опускавшиеся облака. На ветру уже кружились первые легкие снежинки. Слева от него небо закрывал огромный кусок скалы, преградившей им путь. Яхан подполз к Роканнону, глядя на него с испугом. Но успокоить Яхана он не мог, ибо присутствие того человека тяготило его, и он не мог нарушить контакт.

— Вон там... там... воздушный корабль, — пробормотал он хрипло, словно во сне. — Там! — Там, куда он указывал, не было ничего, только воздух да облака. — Там! — снова прошептал Роканнон.

Яхан, снова глянув туда, куда показывал Странник, вскрикнул. Прямо из-за утеса вылетел Могиен на сером Крылатом, а за ним, довольно далеко, за ключьями облаков виднелась более крупная черная тень, которая то повисала в воздухе, то начинала снова медленно приближаться к ним. Могиен скользнул вместе с потоком воздуха вниз, не замечая летящего предмета; лицо его было повернуто к горе, он искал своих товарищей — две крошечные фигурки среди гранита и облаков.

Черный предмет быстро увеличивался в размерах; он приближался к ним, лопасти винта со скрежетом и стуком вращались в горной тиши. Роканнон видел вертолет менее отчетливо, чем — мысленно — того человека, что был внутри. Он испытывал непонятное пока соприкосновение мыслей и чувств, сильный, ничему не подчиняющийся, неукротимый страх. Он шепнул Яхану: «Прячься!», но сам даже пошевелиться не смог. Вертолет точно обнюхивал скалу, ключья облаков отлетали от вращающегося винта. Даже видя, как он подлетает совсем близко, Роканнон смотрел на него как бы изнутри, даже не сознавая, что смотрит сейчас на эту скалу и себя самого глазами того, чужого человека и видит на скале две маленькие фигурки, и страх, страх одолевает его... Вспышка огня, горячий болезненный удар — боль Роканнон почувствовал в своем собственном теле, непереносимую боль. Мысленный контакт был прерван, точно его сдуло ветром. Роканнон снова стал самим собой и еле держался на крошечном гранитном выступе, прижимая правую руку к груди, задыхаясь, видя, как вертолет подлетает еще ближе, а лопасти винта вращаются с сухим оглушительным треском, и лазерное оружие, установленное в носовой части, нацелено прямо на него.

Справа, с порывом ветра и ключьями облаков вылетел серый крылатый зверь, верхом на котором сидел человек, кричавший громко и победно — точнее, Могиен не кричал, а громко хохотал. Один удар могучих серых крыльев — и Крылатый был брошен навстречу повисшей в воздухе машине, прямо ей в лоб. Раздался скрежет металла, который, казалось, вот-вот прервется

ужасающим воплем, и тут же пространство перед Роканноном опустело.

Люди, прижавшиеся к скале, в ужасе смотрели перед собой. Ни звука не доносилось из пропасти, только проплывали, кружась, клочья облаков.

— Могиен!

Роканнон громко звал его, но ответа не было. Только боль, страх, тишина.

9

Д

ждь грохотал по крыше. В комнате стоял полумрак, дышать было легко.

Над его постелью склонилась женщина, чье лицо было ему хорошо знакомо — гордое, милое, темнокожее лицо в венце золотистых волос.

Он хотел сказать ей, что Могиен погиб, но слов этих произнести не мог. Он лежал, тоскуя, и все пытался решить загадку: он помнил, что Хальдре из Халлана была уже пожилой женщиной, седовласой, а эту, золотоволосую, он тоже знал, но когда-то давно, она уже умерла, да и видел он ее лишь однажды — на планете, находящейся в восьми световых годах отсюда, когда его еще звали Роканнон, а не Странник...

Он снова попытался что-то сказать.

— Ш-ш-ш, — сказала она и прибавила на «общем» языке, хотя и с легким акцентом: — Лежи спокойно, господин мой. — Она осталась рядом и сама ответила на его незаданный вопрос: — Это замок Бренья. Ты пришел сюда с еще одним человеком по снегу, с высоких гор. Ты чуть не умер и до сих пор еще очень болен. У нас еще будет время поговорить...

Да, времени было достаточно, и оно текло как бы мимо него под мирный шум дождя.

На следующий день, а может чуть позже, пришел Яхан, очень исхудавший, прихрамывающий, с незажившими еще следами обморожения. Но еще более странным была в нем новая манера вести себя — какая-то униженная покорность. Они немного поговорили, и Роканнон спросил, сам смущаясь:

— Ты что же, Яхан, боишься меня?

— Я постараюсь не бояться, господин мой, — заикаясь пообещал юноша.

Когда Роканнон смог встать и спуститься в парадный зал замка, тот же благоговейный ужас был написан на всех лицах, что обернулись к нему, хотя все это были смелые и великодушные

лица. Золотоволосые, темнокожие, высокие люди — старинная раса, от которой впоследствии отделилось и племя ангъяр, откочевавшее на север по морскому побережью. Это были настоящие лийяр, Хозяева Земли, самые древние обитатели этих южных предгорий и холмистых равнин.

Сперва он решил, что кажется им странным из-за своей внешности — темных волос, светлой кожи, — но Яхан был таким же, а Яхана они совсем не боялись. Хотя и обращались с юношей как с равным, что необычайно радовало и смущало бывшего раба из замка Халлан. А вот с Роканноном они обращались как с верховным правителем, чуть ли не как с божеством.

Единственной, кто разговаривал с ним, как с обыкновенным человеком, была Гейн, невестка и наследница старого хозяина замка, вдовевшая уже несколько месяцев; ее светловолосый маленький сынишка большую часть дня находился при ней. Ребенок был застенчивым, однако Роканнона совсем не боялся, напротив, очень к нему привязался и вечно задавал множество вопросов о горах, о северных землях, о море. Роканнон старательно отвечал. А мать мальчика всегда внимательно прислушивалась к их разговорам, безмятежная и ласковая, как солнечный свет, и порой оборачивалась, чтобы улыбнуться Роканнону, и лицо ее было так хорошо ему знакомо, хотя здесь он увидел эту женщину впервые.

Наконец Роканнон не выдержал и спросил Гейн, что они, собственно, думают о нем в замке Бренья, и она ответила честно: — Они думают, что ты бог.

И употребила то самое слово, которое он давно уже взял на заметку, еще в толенской деревушке: педан.

— Но я вовсе не бог! — сказал он чуть ли не сердито.

Она даже рассмеялась.

— А почему они так решили? — продолжал допытываться он. — Нежели боги лийяр все седые, со скрюченными изуродованными руками? — лазерный луч, которым все-таки успел поразить его вертолетчик, разворотил ему правое запястье, так что он практически не мог управлять всей рукой.

— Почему бы и нет? — снова улыбнулась Гейн и с достоинством вздернула подбородок. — Но главным образом — потому что ты спустился с гор.

Некоторое время он переваривал эти слова:

— Скажи мне, госпожа моя, а ты знаешь о... хранителе источника?

Лицо ее тут же помрачнело:

— Нам известны об этом древнем народе только легенды, созданные очень давно. Девять поколений правителей Бренья сменяли друг друга с тех пор, как Иоллт Высокослый ушел в горы

и вернулся оттуда совсем другим человеком. Мы так и поняли: ты с ними тоже встречался, с Древнейшими...

— Как вы об этом догадались.

— Во сне ты бредил и все твердил о какой-то цене, о цене того дара, который получил, о Великой Цене. Иоллт тогда тоже заплатил... Ценой была твоя правая рука, не правда ли, господин мой? — спросила Гейн и вдруг смутилась, однако смотрела ему прямо в глаза.

— Нет. Я бы отдал обе руки, чтобы спасти то, что я потерял.

Он встал и подошел к окну. Комната располагалась в башне, и оттуда открывался вид на прекрасную холмистую равнину между далеким еще морем и горами. Сверху, с предгорий, на склонах которых высился замок Бренья, текла, извиваясь, река, становясь постепенно шире и ярко блестя среди более низких холмов на равнине, а потом исчезала в туманной дали, где лишь угадывались очертания деревень, возделанных полей и башен замков меж синих дождевых туч и проблесков ясного синего неба.

— Более прекрасной земли я в жизни не видел! — вырвалось у него. Он все еще думал о Могиене, который никогда уже не увидит своей древней родины.

— Для меня она уже не так прекрасна, как прежде.

— Почему же, госпожа моя?

— Из-за пришельцев!

— Расскажи мне о них.

— Они пришли в конце прошлой зимы; многие прилетели на больших воздушных кораблях; их оружие способно было сжечь все вокруг. Никто у нас и понятия не имел, из каких краев они сюда явились; никаких преданий о них не существовало. Теперь все земли между рекой Вьярн и морем захвачены ими. Они перебили или согнали с насиженных мест жителей целых восьми поместий. Мы, живущие в предгорьях, стали их пленниками; мы не осмеливаемся спуститься даже на наши старые пастбища, чтобы откормить скот. Мы пытались сражаться с пришельцами — сперва. И моего мужа Ганинга они сожгли из своего смертоносного оружия. — Она быстро глянула на изуродованную обожженную руку Роканнона и умолкла. Потом неуверенно продолжила: — Он... его убили во время первой оттепели, и за его смерть еще никто не отомстил. Мы склоняем головы и обходим стороной собственные владения — мы, Хозяева Земли! И нет такого человека, который смог бы отплатить проклятым пришельцам за смерть Ганинга!

О святой гнев, думал Роканнон, слыша в голосе Гейн отзвуки победоносного клича погибшего правителя Халлана.

— Они заплатят, госпожа моя, заплатят дорого. И за все. Ты ведь давно поняла, что никакой я не бог, но неужели ты считаешь меня обычным человеком?

— Нет, господин мой, — промолвила она. — Обычным я тебя не считаю.

Дни проходили за днями, долгие дни долгого лета. Белые вершины над замком Бренья поглубели, злаки в полях дали урожай, который убрали, а поля вспахали снова и засеяли, и вот уже тучные колосья опять наливались соком, когда однажды в полдень Роканнон сидел с Яханом во дворе замка и смотрел, как тренируют парочку молодых Крылатых.

— Знаешь, я ведь опять собираюсь на юг, — сказал Роканнон. — Но ты, Яхан, останешься здесь.

— Нет, Странник! Позволь мне пойти с тобой...

Яхан оборвал себя, вспомнив, возможно, тот туманный берег, где когда-то, горя жадной приключений, не послушался Могиена. Роканнон усмехнулся и сказал:

— Лучше я пойду один. Так или иначе, это не займет много времени.

— Но я ведь поклялся служить тебе, Странник. Пожалуйста, позволь мне пойти с тобой!

— Все клятвы теряют силу, когда забываются имена. Ты поклялся верно служить Роканнону — но по ту сторону гор. А в этой земле никаких рабов нет, и нет здесь человека по имени Роканнон. Прошу тебя как друга, Яхан, больше никому ничего не говори и меня ни о чем не проси, а просто оседлай завтра на заре халланского Крылатого.

Верный Яхан еще до восхода стоял во дворе, держа под уздцы Крылатого — того самого, полосатого. Зверь вскоре сам прилетел вслед за ними в замок Бренья, полузамерзший и умиравший от голода. Теперь шерсть его лоснилась, он был полон сил, урчал от нетерпения и помахивал своим полосатым хвостом.

— А ты надел свою вторую кожу, Странник? — шепотом спросил Яхан, пристегивая ноги Роканнона ремнями. — Говорят, эти пришельцы стреляют огнем по любому, кто пролетает вблизи их владений.

— Надел.

— Но меча-то не взял?..

— Нет. Меча не взял. Послушай, Яхан, если я не вернусь, найдешь в моей комнате сумку, а в ней кусок ткани, на котором... нарисовано много всяких вещей, например изображена эта местность. Если кто-нибудь из представителей моего народа когда-нибудь прилетит сюда, отдай это им, хорошо? И ожерелье Семли тоже лежит в сумке. — Лицо Роканнона потемнело, и он на мгновение отвернулся. — Отдай его госпоже Гейн. Если, конечно, я сам не вернусь. Прощай, Яхан. Пожелай мне удачи.

— Пусть сгинут твои враги, не оставив наследников, — со свирепым видом выкрикнул Яхан, не скрывая слез, и выпустил поводья. Крылатый взмыл в теплое почти бесцветное, будто вы-

горевшее летнее небо, развернулся, громко хлопая сильными крыльями, и, подхваченный северным ветром, исчез за близкими холмами. Яхан долго смотрел ему вслед. И долго еще после того как Роканнон скрылся из виду и возшло солнце, высоко над землей в окне башни маячило смуглое милое женское лицо.

Странное то было путешествие — он летел в места, которых никогда не видел, но которые хорошо знал как бы изнутри, благодаря сотням впечатлений других людей, которые «читал» теперь его мозг, так что он получил вполне адекватное представление о местности и существующих среди обитателей базы отношениях. Сто дней Роканнон провел в непрерывных тренировках — неподвижно сидя в своей комнате в замке Бренья, он учился воспринимать и анализировать полученную таким путем информацию, узнавая точное расположение каждого строения, каждого опорного пункта вражеской военной базы. И, благодаря прямому воздействию чужого восприятия и собственной способности экстраполировать полученную информацию, отлично знал теперь, что представляет собой эта база, зачем она там расположена, как попасть на ее территорию и где найти то, что ему нужно.

Однако оказалось удивительно трудно после стольких дней упорных занятий телепатией полностью отказаться от нее; как только он подлетел достаточно близко, ему пришлось полностью подавить в себе эту способность и пользоваться только обычными органами чувств — ушами, глазами — да собственной смекалкой. Случившееся тогда на гранитном «лбу» послужило ему суровым уроком: на близком расстоянии особо чувствительные индивиды способны ощутить твое телепатическое присутствие, хотя и неявно, скорее как тревожное предчувствие или страх. Он ведь тогда просто «притянул» вертолетчика к своей скале, точно попавшуюся на крючок рыбину, хотя сам вертолетчик вероятнее всего даже не понял, что заставило его лететь именно этим путем и стрелять по людям, прильнувшим к гранитному «лбу». И теперь, вступая на огромную территорию базы в одиночку, Роканнон не хотел, чтобы кто-либо обратил на него внимание; пусть его никто не замечает — ведь он явился сюда «аки тать в ночи».

На закате он привязал своего Крылатого на поляне в лесу, потом пешком спустился с холма и через несколько часов уже подходил к группе строений возле обширной забетонированной взлетной площадки для ракет. Ракета, правда, там была только одна, ей явно пользовались редко, поскольку завезены уже были все необходимые материалы и люди. Бессмысленно было бы вести войну с помощью обычных транспортных ракет, когда до ближайшей цивилизованной планеты восемь световых лет пути.

База была огромной, прямо-таки пугающих размеров, причем большая часть ее территории и построек были отведены под

казармы. Восставшие теперь почти всю свою армию сосредоточили здесь. Пока Лига зря тратила время, разыскивая смутьянов на их родной планете, они готовились к войне, обосновавшись в этом безымянном мире в полной уверенности, что здесь их никто не найдет. Роканнон успел уже узнать, что некоторые из огромных казарм сейчас пусты; контингент солдат и техников был, видимо, несколько дней назад послан на соседнюю планету, которую они, возможно, уже завоевали или же просто убедили ее население стать их союзниками. Но эта группа войск не вернется еще по крайней мере лет десять. Жители планеты Фарадей всегда были чрезвычайно самоуверенными. Должно быть, в этой войне они одерживают победу за победой. Для того чтобы действительно угрожать безопасности Лиги Миров, им не хватало только такой вот хорошо засекреченной военной базы, где имелось шесть тяжелых суперсветовых бомбардировщиков.

Роканнон выбрал такую ночь, когда из всех четырех лун только маленький, некогда притянутый планетой астероид Хелики светил в небе до полуночи. Когда он приблизился к ряду ангаров, похожих на цепь черных рифов на ровной серой поверхности этого бетонного моря, его не заметили, и он не ощущал рядом ничьего присутствия. Ограды не было, практически не было и постовых. Сторожевые функции выполняли роботы, которые обшаривали космическое пространство вокруг планет системы Фомальгаут. Да и, в конце концов, чего им было бояться со стороны каких-то аборигенов, живущих в Бронзовом веке?

Хелики светила вовсю, когда Роканнон вышел из тени, отбрасываемой ангарами, но почти скрылась за горизонтом, когда он достиг своей цели: перед ним стояли шесть суперсветовых ракет — точно шесть угольно-черных огромных яиц, укрытых маскировочной сетью, едва различимой в темноте. Деревья рядом, на опушке Виарнского леса, казались игрушечными.

Теперь Роканнону необходимо было вновь воспользоваться своими телепатическими способностями — вне зависимости от того, опасно это или нет. Он застыл в тени деревьев, напряженный, настороженный, стараясь заставить зрение и слух работать на полную мощность, и одновременно попытался мысленно проникнуть внутрь яйцевидных кораблей, обойти их вокруг. Он знал — по рассказам обитателей замка Бренья — что в каждой из ракет сидит наготове пилот, сидит и ночью, и днем, так что в случае необходимости корабли в любую минуту могут взлететь — возможно, в сторону Фарадея.

Такая необходимость, видимо, могла возникнуть только в одном случае: если центр управления базой, расположенный в четырех милях отсюда, у восточной границы территории, будет захвачен восставшими или же подвергнется бомбардировке. В таком случае пилоты всех кораблей должны мгновенно переместить их в безопасное место, пользуясь ручным управлением, ибо эти

суперсветовики, подобно всем прочим космическим кораблям, имели и ручное управление, не зависящее от внешних условий и достаточно уязвимого компьютерного центра, связанного с источником питания. Однако взлететь на таком корабле означало совершить самоубийство; такого «путешествия» не выдержало бы ни одно живое существо. Так что каждый из этих пилотов был не только одержим страстью к математике, но и являлся фанатиком, готовым пожертвовать собственной жизнью. То были действительно избранные. Но даже избранных снедала скука — приходилось вечно сидеть и ждать маловероятного мгновения, когда блеснет яркой вспышкой их слава. На одном корабле, как определил Роканнон, было в эту ночь два человека. Оба были погружены в глубокие раздумья, склонившись над расчерченной на квадраты доской. Роканнон сопоставил эти данные с тем, что уже не раз мысленно наблюдал в предыдущие ночи, и догадался: они же играют в шахматы! Но мысли его уже понеслись дальше, к другому кораблю. Сейчас тот корабль был пуст!

Он быстро перебежал по серой, окутанной ночной дымкой бетонной площадке, скрываясь за отдельными деревцами, к пятому по счету кораблю, взобрался по трапу и нырнул в незапертый люк. Внутри этот корабль не был похож ни на один из знакомых ему. Он весь, казалось, состоял из гнезд для управляемых ракет, из пусковых установок, из компьютерных устройств и реакторов — какой-то кошмарный лабиринт смерти, где коридоры были достаточно широки для прохождения ракеты, способной стереть с лица планеты огромный город. У этого корабля, поскольку он весьма необычным способом проходил сквозь время и пространство, не было ни носа, ни хвоста, да и вообще в его конструкции с первого взгляда не было никакой логики; к тому же Роканнон не сумел прочитать надписи на пульте управления. И рядом не было ни одного живого существа, чьи знания он мог бы мысленно использовать как «руководство к действию». Двадцать минут он потратил на то, чтобы отыскать сам пульт управления, методично осматривая помещение корабля, подавляя волнение и страх, заставляя себя не «включать» свой телепатический дар, чтобы отсутствующий в корабле пилот не ощутил ни малейшего беспокойства.

Лишь на мгновение, когда он наконец обнаружил и пульт управления, и ансибль, и даже уже уселся перед ним, позволил он себе мысленно покинуть этот корабль и отправиться на соседний, где неуверенная рука пилота застыла в раздумье над белым «слоном». Он тут же отключился. Запомнив координаты, которые обозначены были на приборной доске ансибля, он быстро заменил их другими — координатами исследовательской базы Лиги Миров в Кергелене. Это были единственные координаты, которые он всегда помнил, так что ему не нужен был никакой справочник. Он включил ансибль, и пальцы его забегали по клавиатуре.

Действовал он довольно неуклюже, одной левой, здоровой рукой; на небольшом темном экране вспыхивали буквы, составляя слова послания, одновременно возникавшего на экранах и в далеком городе на той планете, что находилась отсюда в восьми световых годах пути:

Лиге Всех Миров. Срочно. Военная база мятежников с планеты Фарадей находится на Фомальгауте-II, на Юго-западном континенте планеты. Координаты: 28 градусов 28 минут северной широты, 121 градус 40 минут западной долготы, до ближайшей крупной реки около 3 километров на северо-восток. База замаскирована, однако с воздуха должна быть заметна как четыре квадрата из двадцати восьми казарм и ангаров на пусковой площадке; взлетная полоса расположена с востока на запад. Шесть суперсветовых бомбардировщиков находятся не на самой базе, а на открытой площадке к юго-западу от основного ракетодрома, на опушке леса; они тщательно закамуфлированы и снабжены светопоглощающими устройствами. Прошу не наносить беспорядочных ударов по местности — жители планеты не являются союзниками мятежников. Я, Гаверел Роканнон, руководитель этнографической экспедиции на Фомальгауте-II и единственный из ее участников, уцелевший после нападения мятежников на наш корабль, передаю эти сведения с борта вражеского суперсветовика. До рассвета осталось около пяти часов.

Ему очень хотелось прибавить: «Дайте мне хотя бы часа два, чтобы выбраться отсюда», но он этого не сделал. Если фарадейцы его поймут, то обо всем сразу догадаются и, вполне возможно, перенесут свои суперсветовики в другое место. Он выключил ансибль и восстановил на его приборной доске прежние координаты. Пробираясь к выходу по огромным чудовищным коридорам, он снова мысленно проверил обстановку на соседнем корабле. Шахматисты встали из-за стола и ходили по кораблю. Он побежал — одинокая фигурка в полутемных безликих помещениях и соединяющих их коридорах. Сперва ему показалось, что он заблудился, не там свернул, однако вылетел он прямо к люку, мгновенно ссыпался по трапу и бросился сломя голову вдоль гигантского корабля, потом вдоль второго такого же и нырнул в лес.

Оказавшись в спасительной тени деревьев, Роканнон рухнул на землю, совершенно обессиленный. В груди жгло огнем, черные ветки над головой, казалось, совсем сомкнулись, и даже лунный свет не проникал сквозь них. Едва переведя дыхание, он поспешил прочь — мимо ракетодрома, дальше, дальше, тем же путем, каким пришел сюда, по лесу, по холмам, и только свет снова взойшедшей Хелики помогал ему видеть, куда он ступает, пока не взошла вторая луна, более яркая Фени. Казалось, он не

идет, а стоит на месте — время уходило с каждой секундой. Если они нанесут бомбовый удар по базе, пока он так близко от нее, ударная волна или всепожирающее пламя непременно нагонят его, и он из всех сил продирался сквозь заросли и тьму, испытывая страх, который подавить было уже невозможно, и каждую секунду ожидая, что сзади вспыхнет чудовищный смертоносный свет. Но почему, почему же они медлят?

Еще далеко было до рассвета, когда Роканнон добрался до холма с раздвоенной вершиной, где оставил своего Крылатого. Зверь, раздраженный тем, что ему пришлось просидеть на привязи всю ночь, когда кругом полно отличной дичи, даже зарычал на Роканнона, но тот лишь обессиленно прислонился к его теплому плечу и немножко почесал Крылатого за ухом, вспоминая Кью.

Потом он вскочил в седло и попытался заставить Крылатого взлететь, что удалось не сразу. Зверь довольно долго лежал в позе сфинкса и не желал подниматься. Наконец он встал, протестуя подвывая, и побрел по земле на север, причем со сводившей Роканнона с ума медлительностью. Холмы и поля, заброшенные деревушки и огромные деревья уже стали видны довольно отчетливо, но только когда из-за восточных холмов выполз белый краешек солнца, Крылатый наконец взлетел, отыскал подходящий поток воздуха и поплыл в бледном свете зари над землею. Роканнон то и дело оглядывался. Но позади ничего не было — только мирные земли да туман в устье реки на западе. Он мысленно прислушался к тому, что творится в стане врагов, и ощутил их мысли и предутренние сны — все шло как обычно.

Он сделал все, что мог. Надо было быть полным дураком, чтобы рассчитывать, что он сможет как-то помешать неизбежному. Что может один человек против целого народа, решившего разжечь войну? Совершенно измученный, без конца пережевывая свое позорное поражение, Роканнон мчался в сторону замка Бренья. Больше ему некуда было идти. Больше он уже не удивлялся тому, почему Лига так медлит с ударом. Они вообще не станут наносить удар. Они решили, что это просто ловушка, обман. Или же, что вполне возможно, он просто забыл координаты Кергелена; в конец концов, одна неверно набранная цифра — и его послание полетело в пустоту. И ради этого погибли Рахо, Иот, Могиен? Ради посланного в никуда сообщения? А он останется здесь, в вечной ссылке, бесполезный, беспомощный, чужой...

В конце концов, это-то как раз неважно. Он — всего лишь одиночка. Судьба одного-единственного человека не имеет значения...

«А что же тогда имеет?»

Невыносимо было вновь вспоминать это! Он еще раз оглянулся — просто чтобы не видеть маячившего перед ним лица Могиена — и с криком прикрыл изуродованной рукой глаза: невыносимо

яркий свет высоченным столбом вспыхнул вдруг на равнине у него за спиной.

В вое и яростных порывах поднявшегося вслед затем ветра, перепуганный Крылатый бросился было вперед, потом резко пошел вниз и рухнул на землю. Роканнон выскочил из седла и бросился рядом с ним, закрыв голову руками. Но от одного он не смог защитить себя — нет, не от этого света, а от тьмы, что ослепила вдруг его душу, принесла ему единовременное ощущение гибели тысячи людей. Смерть, смерть, смерть — всюду смерть, и все это сразу же болью отдалось в его собственном теле и душе. А потом настала тишина.

Роканнон поднял голову и прислушался. И услышал ее, эту тишину.

ЭПИЛОГ

На закате, достигнув замка Бренья, Роканнон спустился на двор, слез с Крылатого и остановился с ним рядом — усталый седой человек с опущенной головой. Все светловолосые обитатели замка моментально собрались вокруг него и стали спрашивать, что это за громадный пожар случился на юге и правда ли то, что рассказывают: будто все пришельцы разом погибли. Странно было видеть их — только что собравшихся вокруг него, но уже знающих то, что и сам он только что узнал. Он поискал глазами Гейн. Увидев ее лицо, он обрел наконец дар речи и сказал, запинаясь:

— То место, где жили враги, уничтожено полностью. Сюда они больше не вернутся. Правитель вашего замка Ганинг отомшен. Как и правитель замка Халлан — мой Могиеен. И все твои братья, Яхан; и жители деревни, Кьо; и мои друзья. Все враги теперь мертвы.

Люди расступились перед ним, и он вошел в замок один.

Вечером, через несколько дней после этих событий, ясным голубым вечером, наступившим после грозových дождей, Роканнон прогуливался с Гейн по мокрой еще террасе, и она спросила его, уедет ли он из замка Бренья. Он долгое время молчал. Потом заговорил:

— Не знаю. Яхан, по-моему, хотел бы вернуться на север, в Халлан. Здесь есть несколько человек, которые с удовольствием отправились бы в подобное путешествие с ним вместе. А Хозяйка замка Халлан ждет известий о своем сыне... Но Халлан — не дом мне. У меня вообще нет дома в этом мире. Я не принадлежу ему.

Она уже знала немного, кто он такой, а потому спросила:

— А твои соплеменники разве не прилетят за тобой?

Он окинул взором прекрасную страну, расстилавшуюся перед ним, сверкавшую в сумерках ленту реки и сказал:

— Возможно. Через восемь лет. Смерть они могут послать мгновенно, а вот жизнь прилетать не торопится... Да и кто они, мои «соплеменники»? Я уже не тот, что был раньше. Я сильно переменялся; я пил из того источника, что высоко в горах. И я бы

никогда больше не хотел оказаться там, где вновь могу услышать голоса моих врагов.

Они прошли рядом в молчании семь шагов до парапета башни, и Гейн, посмотрев в синеву небес, окаймленную темной громадой гор, сказала:

— Останься с нами.

Роканнон ответил не сразу:

— Останусь. На время.

Но оказалось — навсегда. Когда на планету вновь прилетели корабли Лиги и Яхан повел одну из исследовательских групп на юг, в замок Бренья, чтобы отыскать там Роканнона, он был уже мертв, и обитатели замка оплакивали своего господина. Прибывших встретила вдова Роканнона, высокая и светловолосая, с великолепным сапфировым ожерельем на шее. И Роканнон так и не узнал, что Лига Миров дала этой планете его имя.

**ПЛАНЕТА
ИЗГНАНИЯ**

ПРИГОРШНЯ МРАКА

В последние дни последнего лунокруга Осени по умирающим лесам Аскатевара гулял ветер с северных хребтов — холодный ветер, несущий запах дыма и снега. Тоненькая, совсем невидимая в своих светлых мехах, точно дикий зверек, девушка Ролери все дальше углублялась в лес сквозь вихри опавших листьев. Позади остались стены, камень за камнем поднимавшиеся все выше на склоне Тевара, и поля последнего урожая, где завершалась хлопотливая уборка. Она ушла одна, и никто ее не окликнул. Чуть заметная тропа, которая вела на запад, была исполосована бесчисленными бороздами — их оставили бродячие корни в своем движении на юг. Ролери то и дело перебиралась через рухнувшие деревья и огромные кучи сухих листьев.

Там, где у подножия Пограничной гряды тропа разветвлялась, Ролери пошла прямо, но не сделала и десяти шагов, как услышала позади ритмичный нарастающий шорох. Она быстро обернулась.

На северной тропе появился вестник. Его босые подошвы разметывали кипящий прибой сухих листьев, длинные концы шнура, стягивающего волосы, бились по ветру за плечами. Он бежал с севера — ровно, упорно, на пределе сил и, даже не взглянув на девушку у развилки, исчез за поворотом. Топот его ног затих в отдалении. Ветер подгонял его всю дорогу до Тевара, куда он нес известия, что надвигается буря, беда, Зима, война... Ролери равнодушно повернулась и пошла дальше по тропе, которая прихотливо петляла вверх, по склону, между огромными сухими стволами, стонавшими и скрипевшими от ударов ветра. Потом за гребнем распахнулось небо, а под небом лежало море.

Западный склон гряды был очищен от высохшего леса, и Ролери, укрывшись от ветра за толстым пнем, могла без помех рассматривать сияющий простор запада, бесконечное протяжение серых приморских песков и справа, совсем близко внизу, красные

крыши обнесенного стенами города дальнерожденных на береговых утесах.

Высокие, ярко выкрашенные каменные дома уступами окон и крыш уходили к обрыву. За городской стеной, там, где утесы понижались к югу, на аккуратных террасах коврами раскинулись луга и поля, расчерченные правильными линиями дамб. А от городской стены на краю обрыва через дамбы и дюны, через пляж, над влажно поблескивающей прибрежной отмелью гигантские каменные арки вели к странному черному острову среди сверкающего песка. Черная глыба, вся в черной игре теней, круто вставала в полумиле от города над ровной плоскостью и искрящейся гофрировкой пляжа — мрачная несокрушимая скала, увенчанная куполами и башнями, вытесанными с искусством, не доступным ни ветру, ни морю. Что это могло быть такое — жилище, изваяние, крепость, могильник? Какие черные чары выдолбили камень и воздвигли этот немыслимый мост в том былом времени, когда дальнерожденные были еще могучи и вели войны? Ролери пропускала мимо ушей путанные истории о колдовстве, без которых не обходилось ни одно упоминание о дальнерожденных, но теперь, глядя на черный риф среди песков, она испытывала незнакомое ощущение отчужденности — впервые в жизни она соприкоснулась с чем-то совсем ей чуждым, что было сотворено в одном из неведомых ей былых времен руками из иной плоти и крови, по замыслу, рожденному иным разумом. Эта черная громада казалась зловещей и неодолимо влекла ее к себе. Как завороженная, она следила за крохотной фигуркой, которая шла по высокому мосту, — такая ничтожная в сравнении с его длиной и высотой, черная точка, черная черточка, ползущая к черным башням среди сверкающего песка.

Ветер здесь был менее холодным, солнечные лучи пробивались сквозь клубившиеся на западе тучи и золотили улицы и крыши внизу. Город манил ее своей чуждостью, и Ролери не стала больше медлить, собираться с духом, а с дерзкой решимостью легко сбежала по склону и вошла в высокие ворота.

И там она продолжала идти все той же легкой, беззаботной походкой, но только из гордости: сердце у нее отчаянно заколотилось, едва она ступила на серые безупречно ровные плиты странной улицы странного города. Ее взгляд торопливо скользил слева направо и справа налево по высоким жилищам, воздвигнутым целиком над землей, по их крутым крышам и окнам из прозрачного камня (значит, это была не сказка!) и по узким полоскам влажной земли, где пустили цепкие корни коллем и хадун — их плети с яркими багряными и оранжевыми листьями вились по голубым и зеленым стенам, оживляя серо-свинцовые тона поздней Осени. Многие жилища у восточных ворот стояли пустые, краска на их стенах облупилась, окна зияли черными провалами. Она шла дальше, спускалась по лестницам, и жилища вокруг

утратили заброшенный вид, а навстречу ей начали попадаться дальнерожденные.

Они глядели на нее. Ей доводилось слышать, будто дальнерожденные смотрят человеку прямо в глаза, но проверять этого она не стала. Во всяком случае, ее никто не остановил. Ее одежда походила на их одежду, да и кожа у некоторых из них, как она убедилась, искоса посматривая по сторонам, была ненамного темнее, чем у людей. Но и не взглянув ни разу им в лицо, она ощущала неземную темень их глаз.

Неожиданно улица вывела ее на широкое, открытое пространство правильной формы, очень ровное и все испещренное золотыми отблесками солнца, клонящегося к западу. По сторонам этого квадрата стояли четыре дома высотой с небольшую гору. У каждого по низу тянулись арки, а над ними правильно чередовались серые и прозрачные камни. Сюда вели только четыре улицы, и каждую можно было перегородить опускающимися воротами, подвешенными между стен четырех огромных домов. Значит, эта площадь — крепость внутри крепости или город внутри города. А над ней высоко в небо уходила вызолоченная солнцем башня, венчавшая один из домов.

Это было надежное место, но совсем пустое.

В углу на усыпанной песком площадке величиной с доброе поле играли сыновья дальнерожденных. Двое боролись — очень искусно и упорно, а мальчики помоложе, в стеганых куртках и шапках, вооружившись деревянными мечами, рьяно разучивали удары. Глядеть на борцов было очень интересно: они неторопливо пританцовывали друг против друга и неожиданно спохватывались с удивительной быстротой и грацией. Ролери, засмотревшись, остановилась возле двух высоких дальнерожденных в меховой одежде, которые молча наблюдали за происходящим. Когда старший борец внезапно перекувырнулся в воздухе и упал на мускулистую спину, она охнула почти одновременно с ним, а потом засмеялась от удивления и удовольствия.

— Отличный бросок, Джокенеди! — воскликнул дальнерожденный рядом с ней, а женщина по ту сторону площадки захлопала ладоши. Младшие мальчики, поглощенные своим занятием, продолжали наносить и отражать удары.

А она даже не знала, что чародеи растят воинов, да и вообще ценят силу и ловкость. Хотя она слышала про их умение бороться, они всегда рисовались ей горбунами, которые в темных логовах гнутся над гончарными крутами и длинными паучьими руками выделывают на них красивые сосуды из глины и белого камня, попадающие потом в шатры людей. Ей вспомнились всякие истории, слухи, обрывки сказок... Про охотника говорили, что он «удачлив, как дальнерожденный», а одну глину называли «чародейной землей», потому что чародеи ее очень ценили и давали за нее всякие вещи. Но толком она ничего не знала. Задолго до ее

рождения Люди Аскатеvara уже кочевали по северу и востоку своего Предела, и ей ни разу не пришлось помогать тем, кто отвозил зерно в житницы под Теварским холмом, а потому она не бывала на склонах западной гряды до этого лунокруга, когда все Люди Аскатеvara собрались здесь со своими стадами и семьями, чтобы построить Зимний Город над подземными житницами. Об этом инорожденном племени она ничего, в сущности, не знает...

Тут она заметила, что победивший борец, стройный юноша, которого называли Джокенеди, уставился ей прямо в лицо, и, поспешно отвернувшись, попятилась со страхом и омерзением.

Он подошел к ней. Его обнаженные плечи и грудь блестели от пота, точно черный камень.

— Ты пришла из Тевара, верно? — спросил он на языке людей, но выговаривая почти все слова как-то неправильно. Он улыбнулся ей, радуясь своей победе, и стряхивал песок с гибких рук.

— Да.

— Чем мы можем тебе помочь? Ты чего-нибудь хочешь?

Он стоял совсем рядом, и она, конечно, не могла посмотреть на него, но голос его звучал дружески, хотя и чуть насмешливо. Мальчишеский голос. Она подумала, что он, наверное, моложе ее. Нет, она не позволит, чтобы над ней смеялись.

— Да, — сказала она небрежно. — Я хочу посмотреть черную скалу на песках.

— Так иди. Виадук открыт.

Она почувствовала, что он пытается заглянуть в ее опущенное лицо, и совсем отвернулась.

— Если кто-нибудь тебя остановит, скажи, что тебе показал дорогу Джокенеди Ли, — добавил он. — А может быть, проводить тебя?

Она даже не стала отвечать. Выпрямившись и опустив глаза, она направилась по улице, которая вела с площади на мост. Пусть ни один из этих скалящих зубы черных лжелюдей не смеет думать, будто она боится...

За ней никто не шел. Никто из встречающих не обращал на нее внимания. Короткая улица кончилась. Между гигантскими пилонами виадука она оглянулась, потом посмотрела вперед и остановилась.

Мост был огромен — дорога для великанов. С гребня он казался хрупким — его арки словно летели над полями, над дюнами и песками. Но здесь она увидела, что он очень широк — двадцать мужчин могли бы пройти по нему плечом к плечу — и ведет прямо к высоким черным воротам в башне-скале. По краям он ничем не был отгорожен от воздушной пропасти. Идти по нему? Нет! Об этом и подумать нельзя. Такая дорога не для человеческих ног.

По боковой улице она вышла к западным воротам в городской стене, торопливо миновала длинные пустые загоны и стояла и

выскользнула через калитку, чтобы вернуться назад, обогнув стены снаружи.

Здесь, где утесы понижались и в них там и сям были прорублены ступеньки, аккуратные полоски полей, залитые желтым предвечерним светом, дышали тихим покоем, а дальше за дюнами простирался широкий пляж, где можно поискать длинные зеленые морские цветы, которые женщины Аскатеваара хранят в своих ларцах и по праздникам вплетают в волосы. Она вдохнула таинственный запах моря. Ей еще ни разу не доводилось гулять по морским пескам. А солнце еще только-только начинает клониться к закату. Она сбежала по ступенькам, вырубленным в обрыве, прошла через поля, через дамбы и дюны и наконец оказалась на ровных сверкающих песках, которые простирались, куда хватал глаз, на север, на запад и на юг.

Дул ветер. Солнце светило негреющим светом. Откуда-то спеша, с запада, доносился неумолчный звук, словно вдали ласково рокотал могучий голос. Ее ноги ступали по твердому ровному песку, которому не было конца. Она побежала, наслаждаясь быстрым движением, остановилась, засмеялась от беспричинной радости и посмотрела на арки моста, мощно шагающие вдоль крохотной вьющейся цепочки ее следов, потом снова побежала и снова остановилась, чтобы набрать серебристых ракушек, торчавших из песка. Позади нее на краю обрыва лепился город дальнерожденных, точно кучка пестрых камешков на ладони. Она еще не успела устать от соленого ветра, от простора и одиночества, а уже почти поравнялась с башней-скалой, которая теперь черной стеной загрозила от нее солнце.

В этой широкой и длинной тени прятался холод. Она вздрогнула и снова пустилась бежать, чтобы поскорее выбраться на свет, стараясь не приближаться к черной громаде. Она торопилась проверить, низко ли опустилось солнце и далеко ли ей еще бежать, чтобы увидеть вблизи морские волны.

Ветер донес до ее слуха еле слышный голос, который кричал непонятно, но так настойчиво, что она остановилась и испуганно поглядела через плечо на гигантский черный остров, встающий из песка. Не зовет ли ее это чародейное место?

В вышине на неогороженном мосту, над уходящей в скалу опорой, стояла черная фигура, такая далекая, и звала ее.

Она повернулась и побежала, потом остановилась, повернула назад. Ее захлестнул ужас. Она хотела бежать и не могла. Ужас давил ее, она не могла шевельнуть ни ногой, ни рукой и стояла, вся дрожа, а в ушах нарастал рокочущий рев. Чародей на черной башне оплетал ее паутиной своего колдовства. Вскинув руки, он снова пронзительно выкрикнул слова, которых она не поняла: ветер донес их отзвук, точно зов морской птицы, — ри-и, ри-и! Рев в ушах стал еще громче, и она скорчилась на песке.

Вдруг ясный и тихий голос внутри ее головы произнес: «Беги! Вставай и беги. К острову. Не медли. Беги!» И сама не зная как, она вскочила и поняла, что бежит. Тихий голос раздался снова — он направлял ее шаги. Ничего не видя, задыхаясь, она добралась до черных ступенек в скале и начала карабкаться по ним. За поворотом ей навстречу метнулась черная фигура. Она протянула руку и почувствовала, что ее втаскивают выше по лестнице. Потом пальцы, сжимавшие ее запястье, разжались, и она привалилась к стене, потому что у нее подгибались колени. Черная фигура подхватила ее, поддержала, и голос, прежде звучавший внутри ее головы, произнес громко:

— Смотри! Вот оно!

Внизу о скалу с грохотом ударился водяной вал. Кипящая вода, разделенная островом, снова сомкнулась, и вал, весь в белой пене, с ревом покатился дальше, разбился на пологом склоне у дюн, лизнул их, и между ними и островом заплескали сверкающие волны.

Ролери, вся дрожа, цеплялась за стену. Ей никак не удавалось унять дрожь.

— Прилив накатывается сюда чуть быстрее, чем способен бежать человек, — произнес позади нее спокойный голос. — А глубина воды вокруг Рифа в прилив — почти четыре человеческих роста... Нам надо подняться еще выше... Потому-то мы и жили здесь в старину. Ведь половину времени Риф окружен водой. Заманивали вражеское войско на пески перед началом прилива. Конечно, если они ничего про приливы не знали... Тебе уже легче?

Ролери слегка пожала плечами. Он как будто не понял, и тогда она сказала:

— Да.

Его речь была понятной, хотя он употреблял много слов, которых она не знала, а остальные почти все произносил неправильно.

— Ты пришла из Тевара?

Она снова пожала плечами. Ее мучила дурнота, к глазам подступали слезы, но она сумела их подавить. Поднимаясь по черным ступенькам еще одной лестницы, она поправила волосы и из-за их завесы искоса взглянула на лицо дальнерожденного — сильное, суровое, темное, с мрачными блестящими глазами, темными глазами лжечеловека.

— А что ты делала на песках? Разве никто не предупредил тебя о приливах?

— Я ничего не знала, — прошептала она.

— Но ваши Старейшины знают о них. Во всяком случае, знали прошлой Весной, когда ваше племя жило тут на побережье. Память у людей дьявольски короткая! — Говорил он недобрые вещи, но голос у него оставался спокойным и недобрым не был. — Вот сюда. И не бойся — здесь никого нет. Давно уже никто из ваших людей не бывал на Рифе...

Они вошли в темный проем туннеля и оказались в комнате, которую Ролери сочла огромной — пока не увидела следующей. Они проходили через ворота и открытые дворики, по галереям, висящим над морем, по комнатам и сводчатым залам — безмолвным, пустым, где обитал только морской ветер. Теперь резное серебро моря покачивалось далеко внизу. Она испытывала ощущение удивительной легкости.

— Здесь никто не живет? — спросила она робко.

— Сейчас нет.

— Это ваш Зимний Город?

— Нет. Мы зимуем в городе на утесах. Тут была крепость. В былые Годы на нас часто нападали враги... А почему ты бродила по пескам?

— Я хотела увидеть...

— Увидеть что?

— Пески. Море. Сначала я прошла по вашему городу, я хотела увидеть...

— Ну что ж. Ничего плохого в этом нет.

Они поднялись на другую галерею, и у нее закружилась голова от высоты. Между стрельчатыми арками, крича, кружились морские птицы. Последний коридор вывел их к поднятым воротам, под ногами загремело железо, из которого делают мечи, а потом начался мост. От башни к городу между небом и морем они шли молча, а ветер толкал их вправо — все время вправо. Ролери окончила и совсем обессилела от высоты, от необычности всего, что ее окружало, от того, что рядом с ней идет этот темный лжечеловек.

Когда они вошли в городские ворота, он внезапно сказал:

— Я больше не буду говорить в твоих мыслях. Тогда у меня не было выбора.

— Когда ты велел мне бежать... — начала она и запнулась, потому что толком не понимала, что он имеет в виду и что, собственно, произошло там, на песках.

— Я думал, это кто-то из наших, — сказал он словно с досадой, но тут же справился с собой. — Не мог же я стоять и смотреть, как ты утонешь. Пусть и по собственной вине. Но не бойся. Больше я этого делать не буду и никакой власти я над тобой не приобрел, что бы ни говорили тебе ваши Старейшины. А потому иди: ты вольна как ветер и сохранила свое невежество в полной неприкосновенности.

В его голосе и впрямь было что-то недоброе, и Ролери испугалась. Рассердившись на себя за этот страх, она спросила дрожащим, но дерзким голосом:

— А прийти еще раз я тоже вольна?

— Да. Когда захочешь. Могу ли я узнать твое имя, дочь Аскатевара?

— Ролери из Рода Вольда.

— Вольд — твой дед? Твой отец? Он еще жив?

— Вольд замыкает круг в Перестуке Камней, — сказала она надменно, стараясь не уронить своего достоинства.

Почему он говорит с ней так властно? Откуда у дальнерожденного, у лжечеловека без роду и племени, стоящего вне закона, такое суровое величие?

— Передай ему привет от Джекоба Агата альтеррана. Скажи ему, что завтра я приду в Тевар поговорить с ним. Прощай, Ролери.

Он протянул руку в приветствии равных, и, растерявшись, она прижала ладонь к его ладони. Потом повернулась и побежала вверх по крутой улице, вверх по ступенькам, натянув меховой капюшон на лоб и отворачиваясь от дальнерожденных, которые попадались ей навстречу. Ну почему они глядят тебе прямо в лицо, точно мертвецы или рыбы? Животные с теплой кровью и люди никогда не таращатся друг на друга. Она вышла из ворот, обращенных к холмам, вздохнула с облегчением, быстро поднялась на гребень в гаснущих красных лучах заходящего солнца, спустилась со склона между умирающими деревьями и торопливо пошла по тропе, ведущей в Тевар. За жнивьем сквозь сгустившиеся сумерки мерцали звездочки очагов в шатрах, окружающих еще не достроенный Зимний Город. Она ускорила шаг — скорее туда, к теплу, к еде, к людям. Но даже в большом женском шатре ее Рода, стоя на коленях у очага и ужиная похлебкой вместе с остальными женщинами и детьми, она ощущала в своих мыслях что-то странное и чужое. Она сжала правую руку, и ей почудилось, что она хранит в ладони пригоршню мрака... прикосновение его руки.

Глава 2

В АЛОМ ШАТРЕ

Каша совсем остыла! — проворчал он и оттолкнул плетенку, а потом, когда старая Керли покорно взяла ее, чтобы подогреть бхану, мысленно обозвал себя сварливым старым дурнем. Но ведь ни одна из его жен — правда, теперь всего одна и осталась, — ни одна из его дочерей, ни одна из женщин его Рода не умеет сварить бхановую кашу, как ее варивала Шакатани. Как она стряпала! И какой молодой была... последняя его молодая жена. Умерла в восточных угодьях, умерла молодой, а он все живет и живет — и вот уже скоро опять наступит лютая Зима.

Вошла девушка в кожаной тунике с выдавленным на плече трилистником — знаком его Рода. Внучка, наверное. Немного похожа на Шакатани. Он заговорил с ней, хотя и не припомнил ее имени:

— Это ты вчера вернулась поздней ночью, девушка?

Тут он узнал ее по улыбке и по тому, как она держала голову. Та маленькая девочка, с которой он любил шутить, — такая задумчивая, дерзкая, ласковая, одинокая. Дитя, рожденное не в срок. Да как же ее все-таки зовут?

— Я пришла к тебе с вестью, Старейший.

— От кого?

— Он назвался большим именем — Джекат-аббат-больтерра. А может быть, и по-другому. Я не запомнила.

— Альтерран? Так дальнерожденные называют своих Старейшин. Где ты встретила этого человека?

— Это же был не человек, Старейший, а дальнерожденный. Он шлет тебе привет и весть, что придет сегодня в Тевар поговорить со Старейшим.

— Вот как? — сказал Вольд и слегка потряс головой, восхищаясь ее дерзостью. — И ты, значит, его вестница?

— Он случайно заговорил со мной...

— Да-да. А знаешь ли ты, девушка, что у людей Пернмекского Предела незамужнюю женщину, которая заговорит с дальнерожденным... наказывают?

— А как наказывают?

— Не будем об этом.

— Пернмеки едят клоуб и бреют головы. Да и что они знают о дальнерожденных? Они же никогда не приходят на побережье... А в одном из шатров я слышала, будто у Старейшего в моем Роде была дальнерожденная жена. В былые дни.

— Это верно. В былые дни... — Девушка молча ждала, а Вольд вспомнил далекое прошлое, другое время, былое время — Весну. Краски, давно развеявшиеся сладкие запахи, цветы, отцветшие сорок лунокругов назад, почти забытый голос... — Она была молодой. И умерла молодой. Еще до наступления Лета. — Помолчав, он добавил: — Но это совсем не то же самое, что незамужней женщине разговаривать с дальнерожденным. Тут есть разница, девушка.

— А почему?

Несмотря на свою дерзость, она заслуживала ответа.

— Причин несколько, и не очень важных, и важных. Главная же такая: дальнерожденный берет всего одну жену, а истинная женщина, вступив с ним в брак, не будет рожать сыновей.

— Почему, Старейший?

— Неужто женщины больше не болтают в своем шатре? И ты в самом деле так уж ничего не знаешь? Да потому, что у людей и дальнерожденных детей быть не может. Разве ты об этом не слышала? Либо брак остается бесплодным, либо женщина разрешается мертвым уродом. Моя жена Арилия, дальнерожденная, умерла в таких родах. У ее племени нет никаких брачных правил. Дальнерожденные женщины, точно мужчины, вступают в брак с кем хотят. Но обычай людей нерушим: женщины делят ложе с истинными мужчинами, становятся женами истинных мужчин и дают жизнь истинным детям!

Она грустно нахмурилась, посмотрела туда, где на стенах Зимнего Города усердно трудились строители, а потом сказала:

— Прекрасный закон для женщин, которым есть с кем делить ложе...

На вид ей можно было дать лунокругов двадцать, — значит, она родилась не в положенное время Года, а в Летнее Бесплодие. Сыновья Весны вдвое и втрое ее старше, давно женаты, и не один раз, и браки их не бесплодны. Осеннерожденные — еще дети. Но кто-нибудь из весеннерожденных еще возьмет ее третьей или четвертой женой, так что ей нечего сетовать. Пожалуй, надо бы устроить ее брак. Но с кем и в каком она родстве?

— Кто твоя мать, девушка?

Она поглядела в упор на застежку у его горла и сказала:

— Моей матерью была Шакатани. Ты забыл ее?

— Нет, Ролери, — ответил он после некоторого молчания. — Я ее не забыл. Но послушай, дочь, где ты говорила с этим альтерраном? Его зовут Агат?

— В его имени есть такая часть.

— Значит, я знал его отца и отца его отца. Он в родстве с женщиной... с дальнерожденной, о которой мы говорили. Кажется, он сын ее сестры или сын ее брата.

— Значит, твой племянник. И мой двоюродный брат, — сказала она и вдруг рассмеялась.

Вольд тоже усмехнулся такому неожиданному выведению родства.

— Я встретила его, когда ходила посмотреть море, — объяснила она. — Там, на песках. А перед этим я видела вестника, который бежал с севера. Женщины ничего не знают. Случилось что-нибудь? Начинается Откочевка на юг?

— Может быть, может быть, — пробормотал Вольд. Он уже опять не помнил ее имени. — Иди, девочка, помоги своим сестрам в полях, — сказал он и, забыв и про нее, и про бхану, которой так и не дождался, тяжело поднялся на ноги.

Обойдя сзади свой большой, выкрашенный алой краской шатер, он посмотрел туда, где толпы людей возводили стены Зимнего Города и готовили земляные дома, и дальше — на север. Северное небо над оголенными холмами было в это утро ярко-синим, чистым и холодным.

Ему ясно припомнилась жизнь в тесных ямах под крутыми крышами — среди сотни спящих вповалку людей просыпаются старухи, разводят огонь в очагах, тепло и дым забираются во все поры его тела, пахнет кипящей в котлах зимней травой... Шум, вонь, жаркая духота этих нор под замерзшей землей. И холодное чистое безмолвие мира на ее поверхности, то выметенной ветром, то занесенной снегом, а он и другие молодые охотники уходят далеко от Тевара на поиски снежных птиц, корио и жирных веспри, что спускаются подо льдом замерзших рек с дальнего севера. Вон там, по ту сторону долины, из сугроба поднялась мотающаяся белая голова снежного дьявола... А еще раньше, прежде снега, льда и белых зверей Зимы, была такая же ясная погода, как сегодня, — солнечный день, золотой ветер и синее небо, стынувшее над холмами. И он... нет, не мужчина, а совсем малыш, вместе с другими малышами и женщинами смотрит на плоские белые лица, на красные перья, на плащи из незнакомого сероватого перистого меха. Летающие голоса, он не понимает ни слова, но мужчины его Рода и Старейшины Аскатевара сурово приказывают плосколицым идти дальше. А еще раньше с севера прибежал человек с обожженным лицом, весь окровавленный, и закричал: «Гааль! Гааль! Они прошли через наше стойбище в Пекне!..»

Куда яснее любых нынешних голосов он и теперь слышал этот хриплый крик, донесшийся через всю его жизнь, через шестьдесят

лунокругов, что пролегли между ним и тем малышом, который смотрел во все глаза и слушал... между этим холодным солнечным днем и тем холодным солнечным днем. Где была Пекна? Затерялась под дождем и снегом, а оттепели Весны унесли кости убитых врасплох, истлевшие шатры, и память о стойбище, и его название.

Но на этот раз, когда гааль пройдет на юг через Пределы Аскатевара, убитых врасплох не будет! Он позаботился об этом. Есть польза и в том, чтобы прожить дольше своего срока, храня воспоминания о былых бедах. Ни один клан, ни одна семья Людей Аскатевара не замешкались в летних угодьях, и их уже не застанут врасплох ни гааль, ни первый буран. Они все здесь. Все двадцать сотен: осеннерожденные малыши мельтешат вокруг, как опавшие листья, женщины перекликаются и мелькают в полях, точно стаи перелетных птиц, а мужчины дружно строят дома и стены Зимнего Города из старых камней на старом основании, охотятся на последних откочевывающих зверей, рубят и запасают дрова, режут торф на Сухом Болоте, загоняют стада ханн в большие хлева, где их надо будет кормить, пока не прорастет зимняя трава. Все они, трудясь тут уже половину лунокруга, подчинялись ему, Вольду, а он подчинялся древним Обычаям Людей. Когда придет гааль, они запрут городские ворота, когда придут бураны, они затворят двери земляных домов — и доживут до Весны. Доживут!

Он с трудом опустился на землю позади своего шатра и вытянул худые, исполосованные шрамами ноги, подставляя их солнечным лучам. Солнце казалось маленьким и белесым, хотя небо было прозрачно-ясным. Оно теперь было вдвое меньше, чем могучее солнце Лета, — даже меньше луны. «Солнце с луной сравнялось, ждать холодов недолго осталось...» Земля хранила сырость дождей, которые лили, не переставая, почти весь этот лунокруг. Там и сям на ней виднелись бороздки, которые оставили бродячие корни, двигаясь на юг. О чем бишь спрашивала эта девочка? О дальнерожденных... Нет, о вестнике. Он прибежал вчера (вчера ли?) и, задыхаясь, рассказал, что гааль напал на Зимний Город Тлокну на севере у Зеленых Гор. В его словах крылась ложь или трусость. Гааль никогда не нападает на каменные стены. Грязные плосконосые дикари в перьях, бегущие от Зимы на юг, точно бездомное зверье... Они не могут разорить город. Пекна... Это было всего лишь маленькое стойбище, а не город, обнесенный стеной. Вестник солгал. Все будет хорошо. Они выживут. Почему глупая старуха не несет ему завтрак? А как тепло здесь, на солнышке...

Восьмая жена Вольда неслышно подошла с плетенкой бханы, над которой курился пар, увидела, что он уснул, досадливо вздохнула и неслышно вернулась к очагу.

Днем, когда угрюмые воины привели к его шатру дальнерожденного, за которым бежали малыши, с хохотом выкрикивая обид-

ные насмешки, Вольд вспомнил, как девушка сказала со смехом: «Твой племянник, мой двоюродный брат». А потому он тяжело поднялся с сиденья и приветствовал дальнерожденного стоя, как равного — отведя лицо и протянув руку ладонью вверх.

И дальнерожденный без колебаний ответил на его приветствие как равный. Они всегда держались с такой вот надменностью, будто считали себя ничуть не хуже людей, даже если сами этому и не верили. Этот был высок, хорошо сложен, еще молод и походка у него, точно у главы Рода. Если бы не темная кожа и не темные неземные глаза, его можно было бы принять за человека.

— Старейший, я Джекоб Агат.

— Будь гостем в моем шатре и шатрах моего Рода, альтерран.

— Я слушаю сердцем, — ответил дальнерожденный, и Вольд сдержал усмешку: это был вежливый ответ в дни его отца, но кто говорит так теперь? Странно, как дальнерожденные всегда помнят старинные обычаи и раскапывают то, что осталось во времена минувших. Откуда такому молодому знать выражение, которое из всех людей в Теваре помнит только он, Вольд, да, может быть, двое-трое самых древних стариков? Еще одна их странность — часть того, что люди называют чародейством, из-за чего они боятся темнокожих. Но Вольд их никогда не боялся.

— Благородная женщина из твоего Рода жила в моих шатрах, и я много раз ходил по улицам вашего города, когда была Весна. Я не забыл этого. И потому говорю, что ни один воин Тевара не нарушит мира между нами, пока я жив.

— Ни один воин Космопора не нарушит его, пока я жив.

Произнося свою речь, старый вождь так растрогался, что у него на глазах выступили слезы, и он, смигивая их и откашливаясь, опустился на свой ларец, покрытый ярко раскрашенной шкурой. Агат стоял перед ним выпрямившись — черный плащ, темные глаза на темном лице. Молодые воины, которые привели его, переминались с ноги на ногу, ребяташки, столпившиеся у откинутой полости шатра, подталкивали друг друга локтями и перешептывались. Вольд поднял руку, и их всех как ветром сдуло. Полость опустили, старая Керли развела огонь в очаге и выскользнула наружу. Вольд остался наедине с дальнерожденным.

— Садись, — сказал он.

Но Агат не сел.

— Я слушаю, — сказал он, продолжая стоять.

Раз Вольд не предложил ему сесть в присутствии других людей, он не сядет, когда некому увидеть, как вождь приглашает его садиться. Все это сказала Вольду чутье, необычайно обострившееся за долгую жизнь, большую часть которой ему приходилось руководить людьми и их поступками. Он вздохнул и позвал надтреснутым басом:

— Жена!

Старая Керли вернулась и с удивлением посмотрела на него.

— Садись! — сказал Вольд, и Агат сел у очага, скрестив ноги. — Ступай! — буркнул Вольд жене. Она тотчас исчезла.

Молчание. Неторопливо и тщательно Вольд развязал кожаный мешочек, висевший на поясе его туники, вынул маленький кусок затвердевшего гезинового сока, отломил крошку, завязал мешочек и положил крошку на раскаленный уголь с краю очага. Поднялась струйка едкого зеленоватого дыма. Вольд и дальнерожденный глубоко вдохнули дымок и закрыли глаза. Потом Вольд откинулся на обмазанный смолой плетеный горшок, заменявший отхожее место, и произнес:

— Я слушаю.

— Старейший, мы получили вести с севера.

— Мы тоже. Вчера прибежал вестник.

(Но вчера ли это было?)

— Он говорил про Зимний Город в Тлокне?

Старик некоторое время смотрел в огонь, глубоко дыша, словно гезин еще курился, и пожевывая нижнюю губу изнутри. Его лицо (и он отлично это знал) было тупым, как деревянная чурка, неподвижным, дряхлым.

— Я сожалею, что принес дурные вести, — сказал дальнерожденный своим негромким спокойным голосом.

— Не ты. Мы их уже слышали. Очень трудно, альтерран, распознать правду в известиях, которые доходят к нам издалека, от других племен в других Пределах. От Тлокны до Тевара даже вестник бежит восемь дней, а чтобы пройти этот путь с шатрами и стадами, нужен срок вдвое больше. Кто знает? Когда Откочевка достигнет этих мест, ворота Тевара будут готовы и замкнуты. А вы свой город никогда не покидаете, и, уж конечно, его ворота чинить не нужно?

— Старейший, на этот раз потребуются небывало крепкие ворота. У Тлокны были стены, и ворота, и воины. Теперь там нет ничего. И это не слухи. Люди Космопора были там десять дней назад. Они ждали на отдаленных рубежах прихода первых гаалей, но гаали идут все вместе.

— Альтерран, я слушал, теперь слушай ты. Люди иногда пугаются и убегают еще до того, как появится враг. Мы слышим то одну новость, то другую. Но я стар. Я дважды видел Осень, я видел приход Зимы, я видел, как идет на юг гааль. И я скажу тебе правду.

— Я слушаю, — сказал дальнерожденный.

— Гааль обитает на севере, вдали от самых дальних Пределов, где живут люди, говорящие одним с нами языком. Предание гласит, что их летние угодья там обширны, покрыты травой и простираются у подножия гор с реками льда на вершинах. Едва минует первая половина Осени, в их земли с самого дальнего севера, где всегда Зима, приходит холод и снежные звери, и, подобно нашим зверям, гаали откочевывают на юг. Они несут свои шатры с собой, но не строят городов и не запасают зерна. Они проходят

Предел Тевара в те дни, когда звезды Дерева восходят на закате, до того, как впервые взойдет Снежная Звезда и возвестит, что Осень кончилась и началась Зима. Если гаали натываются на семьи, кочующие без защиты, на охотничьи пастбища, на оставленные без присмотра стада и поля, они убивают и грабят. Если они видят крепкий Зимний Город с воинами на стенах, они проходят мимо, размахивая копьями и вопя, а мы пускаем два-три дротика в спины самых последних... Они идут все дальше и дальше на юг, пока не остановятся где-то далеко отсюда. Люди говорят, что там Зима теплее, чем тут. Кто знает? Так откочевывают гаали. Я знаю. Я видел Откочевку, альтерран, я видел, как гаали возвращаются на север в дни таяния, когда растут молодые леса. Они не нападают на каменные города. Они подобны воде — текучей воде, шумящей между камнями. Но камни разделяют воду и остаются недвижимыми. Тевар — такой камень.

Молодой дальнерожденный сидел, склонив голову, и размышлял — так долго, что Вольд позволил себе посмотреть прямо на его лицо.

— Все, что ты сказал, Старейший, правда, полная правда, и было неизменной правдой в былые Годы. Но теперь... теперь новое время... Я — один из первых моих людей, как ты — первый среди своих. Я прихожу как один вождь к другому, ища помощи. Поверь мне, выслушай меня: наши люди должны помочь друг другу. Среди гаалей появился большой человек, глава всех племен. Они называют его не то Куббан, не то Коббан. Он объединил все племена и создал из них войско. Теперь гаали по пути на юг не крадут отбившихся ханн, они осаждают и захватывают Зимние Города во всех Пределах побережья, убивают весеннерожденных мужчин, а женщин обращают в рабство и оставляют в каждом городе своих воинов, чтобы держать его в повиновении всю Зиму. А когда придет Весна и гаали вернутся с юга, они останутся здесь. Эти земли будут их землями — эти леса, и поля, и летние уголья, и города, и все люди тут... те, кого они оставят в живых...

Старик некоторое время смотрел в сторону, а потом произнес сурово, еле сдерживая гнев:

— Ты говоришь, я не слушаю. Ты говоришь, что моих людей победят, убьют, обратят в рабство. Мои люди — истинные мужчины, а ты — дальнерожденный. Прибереги свои черные слова для собственной черной судьбы!

— Если вам грозит опасность, то наше положение еще хуже. Знаешь ли ты, сколько нас живет сейчас в Космопоре? Меньше двух тысяч, Старейший.

— Так мало? А в других городах? Когда я был молод, ваше племя жило на побережье и дальше к северу.

— Их больше нет. Те, кто остался жив, пришли к нам.

— Война? Моровая язва? Но ведь вы никогда не болеете, вы, дальнерожденные.

— Трудно выжить в мире, для которого ты не создан, — угрюмо ответил Агат. — Но как бы то ни было, нас мало, мы слабы числом и просим принять нас в союзники Тевара, когда придут гаали. А они придут не позже чем через тридцать дней.

— Раньше, если гаали уже в Тлокне. Они и так задержались, ведь в любой день может выпасть снег. Они поспешат!

— Они не будут спешить, Старейший. Они движутся медленно, потому что идут все вместе — все пятьдесят, шестьдесят, семьдесят тысяч!

Внезапно Вольд увидел то, о чем говорил дальнерожденный: увидел неисчислимую орду, катящуюся плотными рядами через перевалы за своим высоким плосколицым вождем, увидел воинов Тлокны — а может быть, Тевара? — мертвых, под обломками стен их города, и кристаллы льда, застывающие в лужах крови... Он тряхнул головой, отгоняя страшное видение. Что это на него нашло? Он некоторое время сидел и молчал, пожевывая нижнюю губу изнутри.

— Я слышал тебя, альтерран.

— Но не все, Старейший!

Какая дикарская грубость! Но что взять с дальнерожденного?! Да и потом, среди своих он — один из вождей... Вольд позволил ему продолжать.

— У нас есть время, чтобы подготовиться. Если люди Аскатевара, люди Аллакската и Пернмека заключат союз и примут нашу помощь, у нас будет свое войско. Оно встретит Откочевку на северном рубеже ваших трех Пределов, и гаали вряд ли решатся вступить в битву с такой силой, а вместо этого свернут к восточным перевалам. Согласно нашим хроникам, в былые Годы гаали дважды выбирали этот восточный путь. А так как Осень на исходе, дичи мало и наступают холода, гаали, встретив готовых к битве воинов, наверное, предпочтут свернуть, чтобы продолжать путь на юг без задержки. Я думаю, что у Куббана есть только одна тактика: нападать врасплох, полагаясь на численное превосходство. Мы заставим его свернуть.

— Люди Пернмека и Аллакската, как и мы, уже ушли в свои Зимние Города. Неужто вы еще не узнали Обычай Людей? С наступлением Зимы никто не воюет и не сражается!

— Растолкуй этот Обычай гаалим, Старейший! Решай сам, но поверь моим словам!

Дальнерожденный вскочил, словно стремясь придать особую силу своим словам и предостережениям. Вольд пожалел его, как часто теперь жалел молодых людей, которые не видят всей тщеты страстей и замыслов, не замечают, как их жизнь и поступки проходят бесследно между желанием и страхом.

— Я слышал тебя, — сказал он почти ласково. — Старейшины моего племени услышат твои слова.

— Так можно мне прийти завтра и узнать?..

— Завтра или день спустя...

— Тридцать дней, Старейший! Самое большое — тридцать дней!

— Альтерран, гааль придет и уйдет. Зима придет и не уйдет. Что толку в победе, если воины после нее вернутся в недостроенные дома, когда землю уже скует лед? Вот мы будем готовы к Зиме и тогда подумаем о гаале... Но сядь же... — Он снова развязал мешочек и отломил еще крошку гезина для прощального вдоха. — А твой отец тоже был Агат? Я встречал его, когда он был молод. И одна из моих недостойных дочерей сказала мне, что встретила тебя, когда гуляла на песках.

Дальнерожденный быстро вскинул голову, а потом сказал:

— Да, мы встретились с ней там. На песках между двумя приливами.

Глава 3

ИСТИННОЕ НАЗВАНИЕ СОЛНЦА

Что вызывало приливы у этих берегов: почему дважды в день к ним стремительно подступала вода, катясь гигантским валом высотой от пятнадцати до пятидесяти футов, а потом опять откатывалась куда-то вдаль? Ни один из Старейшин города Тевара не сумел бы ответить на этот вопрос. Любой ребенок в Космопоре сразу сказал бы: приливы вызывает луна, притяжение луны...

Луна и земля обращаются вокруг друг друга, и цикл этот занимает четыреста дней — один лунокруг. Вместе же, образуя двойную планету, они обращаются вокруг солнца торжественным величавым вальсом в пустоте, длящимся до полного повторения шестьдесят лунокругов, двадцать четыре тысячи дней, целую человеческую жизнь — один Год. А солнце в центре их орбиты, это солнце называется Эльтанин, Гамма Дракона.

Перед тем как войти под серые ветви леса, Джекоб Агат взглянул на солнце, опускающееся в туман над западным хребтом, и мысленно произнес его истинное название, означавшее, что это не просто солнце, но одна из звезд среди мириад звезд.

Сзади до него донесся ребячий голос — дети играли на склоне Теварского холма, и он вспомнил злорадные, только чуть повернутые прочь лица, насмешливый шепот, за которым прятался страх, вопли за спиной: «Дальнерожденный идет! Бегите сюда посмотреть на него!» И здесь, в одиночестве леса, Агат невольно ускорил шаг, стараясь забыть недавнее унижение. Среди шатров Тевара он чувствовал себя униженным и мучился, ощущая себя чужаком. Он всегда жил в маленькой сплоченной общине, где ему было знакомо каждое имя, каждое лицо, каждое сердце, и лишь с трудом мог заставить себя разговаривать с чужими. А особенно — когда они принадлежат к другому биологическому виду и полны

враждебности, когда их много и они у себя дома. Теперь он с такой силой ощутил запоздалый страх и муки оскорбленной гордости, что даже остановился. «Будь я проклят, если вернусь туда! — подумал он. — Пусть старый дурень верит чему хочет и пускай коптится в своем вонючем шатре, пока не явится гааль. Невежественные, самодовольные, нетерпеливые, мучномордые, желтоглазые дикари, тупоголовые врасу! Да гори они все!»

— Альтерран?

Его догнала девушка. Она остановилась на тропе в нескольких шагах от него, упершись ладонью в иссеченный бороздами белый ствол батука. Желтые глаза на матово-белом лице горели возбужденно и насмешливо. Агат молча ждал.

— Альтерран? — повторила она своим ясным мелодичным голосом, глядя в сторону.

— Что тебе нужно?

Девушка отступила на шаг.

— Я Ролери, — сказала она. — На песках...

— Я знаю, кто ты. А ты знаешь, кто я? Я лжечеловек, дальнерожденный. Если твои соплеменники застанут тебя за разговором со мной, они либо изуродуют меня, либо подвергнут тебя ритуальному опозориванию, — я не знаю, какого именно обычая придерживаются у вас. Уходи домой!

— Мои соплеменники так не делают. А ты и я, мы в родстве, — сказала она упрямо, но ее голос утратил уверенность.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Сестра твоей матери умерла в наших шатрах...

— К нашему вечному стыду, — сказал он и пошел дальше. Она осталась стоять на тропе.

У развилки, перед тем как свернуть налево, к гребню, он остановился и поглядел назад. В умирающем лесу все было неподвижно, и только в опавших листьях шуршал запоздалый бродячий корень, который с бессмысленным упорством растения полз на юг, оставляя за собой рыхлую бороздку.

Гордость истинного человека не позволяла ему устыдиться того, как он обошелся с этой врасу: наоборот, ему стало легче, и он снова обрел уверенность в себе. Нужно будет свыкнуться с насмешками врасу и не обращать внимания на их самодовольную нетерпимость. Они не виноваты. В сущности, это то же тупое упорство, как вон у того бродячего корня, — такова уж их природа. Старый вождь искренне убежден, что встретил его со всемерной учтивостью и был очень терпелив. А потому он, Джекоб Агат, должен быть столь же терпеливым и столь же упорным. Ибо судьба обитателей Космопора — судьба человечества на этой планете — зависит от того, что предпримут и чего не предпримут племена местных врасу в ближайшие тридцать дней. Еще до того как снова взойдет молодой месяц, история шестисот лунокругов, история десяти Лет, двадцати поколений, долгой борьбы, долгих усилий,

возможно, оборвется навсегда. Если только ему не улыбнется удача, если только он не сумеет быть терпеливым.

Огромные деревья, высохшие, с обнаженными трухлявыми корнями, тянулись унылыми колоннадами или беспорядочно теснились на склонах гряды у тропы и на много миль вокруг. Их корни истлевали в земле, и они готовы были рухнуть под ударами северного ветра, чтобы тысячи дней и ночей пролежать под снегом и льдом, а потом в долгие оттепели Весны гнить, обогащая всей своей гекатомбой почву, где в глубоком сне покоятся их глубоко погребенные семена. Терпение, терпение.

Подхлестываемый ветром, он спустился по светлым каменным улицам Космопора на Площадь и, обогнув арену, где занимались физическими упражнениями школьники, вошел под аркаду увенчанного башней здания, которое все еще носило древнее название — Дом Лиги.

Подобно остальным зданиям вокруг Площади, Дом Лиги был построен пять Лет назад, когда Космопор был столицей сильной и процветающей колонии — во времена могущества. Весь первый этаж занимал обширный Зал Собраний. Его серые стены были инкрустированы изящными золотыми мозаиками. На восточной стене стилизованное солнце окружали девять планет, а напротив, на западной стене, семь планет обращались по очень вытянутым эллиптическим орбитам вокруг своего солнца. Третья планета в обеих системах была двойной и сверкала хрусталем. Круглые циферблаты с тонкими изукрашенными стрелками над дверью и в дальнем конце зала показывали, что идет триста девяносто первый день сорок пятого лунокруга Десятого местного Года пребывания колонии на Третьей планете Гаммы Дракона. Кроме того, они сообщали, что это был сто второй день тысяча четыреста пятого года по летосчислению Лиги Всех Миров — двенадцатое августа на родной планете.

Очень многие полагали, что никакой Лиги Миров давно нет, скептики же любили задавать вопрос, а была ли когда-нибудь «родная планета». Но часы, которые здесь, в Зале Собраний, и внизу, в Архиве, шли вот уже шестьсот лиголет, самым своим существованием и точностью словно подтверждали, что Лига, во всяком случае, была и что где-то есть родная планета, родина человечества. Они терпеливо отсчитывали время планеты, затерявшейся в бездне космического мрака и столетий. Терпение, терпение...

Наверху, в библиотеке, другие альтерраны уже ждали его возле очага, где горел плавник, собранный на пляже. Когда подошли остальные, Сейко и Элла Пасфаль зажгли газовые горелки и привернули пламя. Хотя Агат не сказал еще ни слова, его друг Гуру Пилотсон, встав рядом с ним у огня, сочувственно произнес:

— Не расстраивайся из-за них, Джекоб. Стадо глупых упрямых кочевников! Они никогда ничему не научатся.

— Я передавал?

— Да нет же! — Гуру засмеялся. Он был щуплый, быстрый, застенчивый и относился к Агату с восторженным обожанием. Это было известно не только им обоим, но и всем окружающим, всем обитателям Космопора. В Космопоре все знали все обо всех, и откровенная прямота, хотя и сопряженная с утомительными психологическими нагрузками, была единственным возможным решением проблемы парасловесного общения.

— Видишь ли, ты явно рассчитывал на слишком многое и теперь не можешь подавить разочарования. Но не расстраивайся из-за них, Джекоб. В конце-то концов они всего только врасу!

Заметив, что их слушают, Агат ответил громко:

— Я сказал старику все, что собирался. Он обещал сообщить мои слова их Совету. Много ли он понял и чему поверил, я не знаю.

— Если он хотя бы выслушал тебя, уже хорошо. Я и на это не надеялась, — заметила Элла Пасфаль, иссохшая, хрупкая, с иссиня-черной кожей, морщинистым лицом и совершенно белыми волосами. — Вольд даже не мой ровесник, он старше. Так разве можно ожидать, чтобы он легко смирился с мыслью о войне и всяких переменах?

— Но ему же это должно быть легче, чем другим, ведь он был женат на женщине нашей крови, — сказал Дэрмат.

— Да, на моей двоюродной сестре Арили, тетке Джекоба, — экзотический экземпляр в брачной коллекции Вольда. Я прекрасно помню этот роман, — ответила Элла Пасфаль с таким жгучим сарказмом, что Дэрмат стушевался.

— Он не согласился помочь нам? Ты рассказал ему про свой план встретить гаалей на дальнем рубеже? — пробормотал Джокенеди, расстроенный новостями.

Он был очень молод и мечтал о героической войне с атаками под звуки фанфар. Впрочем, и остальные предпочли бы встретиться с врагом лицом к лицу: все-таки лучше погибнуть в бою, чем умереть от голода или сгореть заживо.

— Дай им время. Они согласятся, — без улыбки сказал Агат юноше.

— Как Вольд тебя принял? — спросила Сейко Эсмит, последняя представительница знаменитой семьи. Имя Эсмит носили только потомки первого главы колонии. И оно умрет с ней. Она была ровесницей Агата — красивая, грациозная женщина, нервная, язвительная, замкнутая. Когда Совет собирался, она смотрела только на Агата. Кто бы ни говорил, ее глаза были устремлены на Агата.

— Как равного.

Элла Пасфаль одобрительно кивнула.

— Он всегда был разумнее остальных их вожаков, — сказала она.

Однако Сейко продолжала:

— Ну а другие? Тебе дали спокойно пройти мимо их шатров?

Сейко всегда умела распознать пережитое им унижение, как бы хорошо он его ни замаскировывал или даже заставил себя забыть. Его родственница, хоть и дальняя, участница его детских игр, когда-то возлюбленная и неизменный верный друг, она умела мгновенно уловить и понять любую его слабость, любую боль, и ее сочувствие, ее сострадание смыкались вокруг него, точно капкан. Они были слишком близки. Слишком близки — и Гуру, и старая Элла, и Сейко, и все они. Ощущение полной отрезанности, испугавшее его в этот день, на мгновение распахнуло перед ним даль, приобщило к тишине одиночества и пробудило в нем неясную жажду. Сейко не спускала с него глаз, кротких, нежных, темных, ловя каждое его настроение, каждое слово. А девушка врасу, Ролери, ни разу не посмотрела на него прямо, не встрети-лась с ним глазами. Ее взгляд все время был устремлен в сторону, вдаль, мимо — золотой, непонятный, чуждый.

— Они меня не остановили, — коротко ответил он Сейко. — Завтра они, может быть, придут к какому-нибудь решению. Или послезавтра. А сколько запасов доставлено сегодня на Риф?

Разговор стал общим, хотя то и дело возвращался к Джекобу Агату или сосредоточивался вокруг него. Некоторые члены Совета были старше его, но, хотя эти десятеро, избиравшиеся на десять лиголет, были равны между собой, все же он постепенно стал их неофициальной главой и они, как правило, полагались на его мнение. Решить, что отличало его от остальных, было бы непросто, — может быть, энергия, сквозившая в каждом его движении и слове. Но как проявляется способность руководить — в самом ли человеке или в поведении тех, кто его окружает? Тем не менее одно отличие заметить было можно: постоянную напряженность и мрачную озабоченность, порождаемые тяжким бременем ответственности, которое он нес уже давно и которое с каждым днем становилось все тяжелее.

— Я допустил один промах, — сказал он Пилотсону, когда Сейко и другие женщины, входившие в Совет, начали разносить чашечки с горячим настоем листьев батука, церемониальным напитком ча. — Я так старался доказать старику, насколько опасны гаали, что, кажется, начал передавать. Правда, не парасловами, но все равно у него был такой вид, будто он увидел привидение.

— Эмоции ты всегда проецируешь мощно, а вот контроль, когда ты волнуешься, никуда не годится. Вполне возможно, что он и правда увидел привидение.

— Мы так долго не соприкасались с врасу, так долго варились в собственном соку, общаясь только между собой, что я не могу полагаться на свой контроль. То я передаю девушке на пляже, то проецирую образы на Вольда... Если так пойдет и дальше, они снова вообразят, будто мы колдуны, и возненавидят нас, как в

первые Годы... А нам нужно добиться их доверия. И времени почти не остается... Если бы мы узнали про гаалей раньше!

— Ну, поскольку других человеческих поселений на побережье больше нет, — сказал Пилотсон с обычной обстоятельностью, — мы хоть что-то узнали только благодаря твоему предусмотрительному совету послать разведчиков на север. Твое здоровье, Сейко! — добавил он, беря у нее крохотную чашечку, над которой поднялся пар.

Агат взял последнюю чашечку с подноса и выпил ее одним глотком. Свежезаваренный ча слегка стимулировал восприятие, и он с пронзительной остротой ощутил его вяжущий вкус и живительную теплоту, пристальный взгляд Сейко, простор почти пустой комнаты в отблесках пламени, стущающиеся сумерки за окном. Голубая фарфоровая чашечка в его руке была старинной — изделие Пятого Года. Старинными были и напечатанные вручную книги в шкафчиках под окнами. Даже стекла в оконных рамах были старинными. Весь их комфорт, все, благодаря чему они оставались цивилизованными, оставались альтерранами, было очень старым. Задолго до его рождения у обитателей колонии уже не хватало ни энергии, ни досуга для новых утверждений человеческого дерзания и умения. Хорошо хоть, что они еще способны сохранять и беречь старое.

Постепенно, Год за Годом, на протяжении жизни по крайней мере десяти поколений, их численность неуклонно сокращалась: детей рождалось все меньше, — казалось бы, совсем ненамного, но всегда меньше. Они перестали расширять свои поселения, начали их покидать. Прежние мечты о большой процветающей стране были полностью забыты. Они возвращались (если только из-за своей слабости не становились прежде жертвами Зимы или враждебного племени местных врасу) в древний центр колонии, в первый ее город — Космопор. Они передавали своим детям старые знания и старые обычаи, но не учили их ничему новому. Их жизнь становилась все более скромной, и простота теперь ценилась больше сложности, покой — больше борьбы, стоицизм — больше успеха. Они отошли на последний рубеж.

Агат разглядывал чашечку в своих пальцах, увидел в ее нежной прозрачности, в совершенстве ее формы и хрупкости материала как бы символ и воплощение духа их всех. Сумерки за высокими окнами были такими же прозрачно-голубыми. Но холодными. Голубые сумерки — неизмеримые и холодные. И Агат вдруг испытал прилив безотчетного ужаса, словно в детстве, до того, как повзрослел, он нашел ему логическое объяснение: планета, на которой он родился, на которой родился его отец и все его предки до двадцать третьего колена, не была его родной. Они здесь — чужие. И всегда ощущали это. Ощущали, что они — дальнерожденные. И мало-помалу, с величественной медлительностью, с

неосмысленным упорством эволюционного процесса эта планета убивала их, отторгала чужеродный привой.

Быть может, они слишком покорно подчинились этому процессу, слишком, слишком легко смирились с неизбежностью вымирания. С другой стороны, именно готовность подчиняться — неколебимо подчиняться Законам Лиги — с самого начала стала для них источником силы, и они все еще сильны, каждый из них. Но у них недостает ни знаний, ни умения, чтобы бороться с бесплодием и с патологическим течением беременности, которые все больше сокращают численность каждого нового поколения. Ибо не вся мудрость была записана в Книгах Лиги, и день ото дня, из Года в Год крупницы знания теряются безвозвратно, заменяясь полезными сведениями, помогающими существовать здесь и сейчас. И в конце концов они перестали понимать многое из того, чему учат их книги. Что по-настоящему сохранилось от их наследия. Если и правда когда-нибудь, согласно былым надеждам и старым сказкам, корабль спустится со звезд на крыльях огня, признают ли их людьми те люди, которые выйдут из него?

Но корабль так и не прилетел... и никогда не прилетит. Они вымрут. Их жизнь здесь, их долгое изгнание и борьба за то, чтобы уцелеть в этом мире, окончатся, не оставят следа, рассыпавшись прахом, точно комочек глины.

Он бережно поставил чашку на поднос и вытер пот со лба. Сейко внимательно смотрела на него. Он резко отвернулся от нее и заставил себя слушать то, что говорили Джокенеди, Дэрмат и Пилотсон. Но сквозь туман нахлынувших на него зловещих предчувствий на миг и без всякой связи с ними, и все же словно объяснение и знамение, перед его мысленным взором возникла светлая и легкая фигура девушки Ролери, испуганно протягивающей к нему руку с темных камышей, к которым уже подступило море.

СИЛЬНЫЕ МОЛОДЫЕ
ЛЮДИ

Над крышами и недостроенными стенами Зимнего Города разнесся стук камня о камень — глухой и отрывистый, он был слышен во всех высоких алых шатрах вокруг города. Ак-ак-ак-ак... Этот звук раздавался очень долго, а потом вдруг в него вплелся новый стук — кадак-ак-ак-кадак. И еще один — более звонкий, прихотливо прерывистый, и еще, и еще, пока отдельные ритмы не затерялись в лавине сухих дробных ударов камнем о камень, уже не отличимых друг от друга в беспорядочном грохоте.

Лавина стука все катилась, оглушая и не смолкая ни на миг. И наконец Старейший из Людей Аскатеvara вышел из своего шатра и медленно направился к Городу между рядами шатров и пылающих очагов, над которыми поднимались струи дыма, колеблясь в косых лучах предвечернего предзимнего солнца. Грузно ступая, старик в одиночестве прошествовал через стоянку своего племени, через ворота Зимнего Города и по узкой тропе, вившейся среди крутых деревянных крыш, единственной надземной части зимних жилищ, вышел на открытое пространство, за которым опять начинались крутые крыши. Там сто с лишним мужчин сидели, упершись подбородком в колени, и, как замороженные, стучали камнем по камню. Вольд сел на землю, замкнув круг. Он взял меньший из двух лежащих перед ним тяжелых, гладко отполированных водой камней и, с удовольствием ощущая в руке его вес, ударил по большому камню — клак! клак! клак! Справа и слева от него продолжался оглушительный стук, тупой, монотонный грохот, сквозь который, однако, временами прорывался четкий ритм. Он исчезал, возникал снова, на миг придавая стройность хаотической какофонии. Вольд уловил этот ритм, встроился в него и уже не сбивался. Шум словно исчез и остался только

ритм. И вот уже сосед слева тоже начал отбивать этот ритм — их камни поднимались и опускались в одном дружном движении. И сосед справа, и сидевшие напротив — теперь они тоже четко били в лад. Ритм вырвался из хаоса, подчинил его себе, соединил все борющиеся голоса в полное согласие, слил их в могучее бие-ние сердца Людей Аскатева, и оно стучало, стучало, стучало...

Этим исчерпывалась вся их музыка, все их пляски.

Наконец какой-то мужчина вскочил и вышел на середину круга. Грудь его была обнажена, руки и ноги разрисованы черными полосами, волосы окружали лицо черным облаком. Ритмичный стук замедлился, затих, замер вовсе.

— Вестник с севера рассказал, что гааль движется Береговым Путем. Их очень много. Они пришли в Тлокну. Все ли слышали про это?

Утвердительный ропот.

— Тогда выслушайте человека, по чьему слову вы сошлись на этот Перестук Камней, — выкрикнул шаман-глашатай, и Вольд с трудом поднялся на ноги.

Он остался стоять на месте, глядя прямо перед собой, грузный, весь в шрамах, недвижимый, как каменная глыба.

— Дальнерожденный пришел в мой шатер, — сказал он надтреснутым, старческим басом. — Он вождь в Космопоре. И он сказал, что дальнерожденных стало мало и они просят помощи у людей.

Главы кланов и семей, неподвижно сидевшие в круге, подняв колени к подбородку, разразились громкими возгласами. Над ними, над деревянными крышами, высоко в холодном золотистом свете парила белая птица, предвестница Зимы.

— Этот дальнерожденный сказал, что Откочевка движется не кланами и племенами, а единой ордой во много тысяч и ведет ее сильный вождь.

— Откуда он знает? — крикнул кто-то во весь голос.

В Теваре на Перестуке Камней ритуал соблюдался не особенно строго — не так, как в племенах, которые возглавляли шаманы. В Теваре они никогда не имели такого влияния.

— Он посылал лазутчиков на север, — столь же громогласно ответил Вольд. — Он сказал, что гааль осаждает Зимние Города и захватывает их. А вестник сообщил, что так случилось с Тлокной. Дальнерожденный говорит, что воинам Тевара нужно в союзе с дальнерожденными, а также с людьми Пернмека и Аллакската отправиться на северный рубеж нашего Предела — все вместе мы заставим Откочевку свернуть на Горный Путь. Он сказал это, и я услышал. Каждый ли из вас услышал?

Возгласы согласия прозвучали недружно и смешались с бурными возражениями. На ноги вскочил глава одного из кланов.

— Старейший! Из твоих уст мы всегда слышали правду. Но когда говорили правду дальнерожденные? И когда это люди слу-

шали дальнерожденных? Дальнерожденный говорил, но я ничего не услышал. Если Откочевка сожжет его Город, что нам до этого? Люди там не живут! Пусть они погибают, и тогда мы, люди, возьмем себе их Предел.

Говорил Вальмек, дюжий, темноволосый, набитый словами. Вольд его всегда недолюбливал и теперь ответил неприязненно:

— Я слышал слова Вальмека. И не в первый раз. Люди ли дальнерожденные или нет — кто знает? Может быть, они и правда упали с неба, как повествует сказание. Может быть, нет. В этом Году никто с неба не падал... Они выглядят как люди, они сражаются как люди. Их женщины во всем походят на наших женщин — это говорю вам я! У них есть своя мудрость. И лучше выслушать их...

Когда он упомянул дальнерожденных женщин, угрюмые лица вокруг расплылись в усмешках, но он уже жалел о своих словах. Ни к чему было напоминать им об узах, некогда связывающих его с дальнерожденными. И вообще не следовало говорить о ней... как-никак она была его женой...

Вольд удрученно опустил на землю, показывая, что больше он говорить не будет.

Однако многих встревожил рассказ вестника и предупреждение Агата, и они вступили в спор с теми, кто был склонен отмахнуться от новостей или объявить их ложью. Умаксуман, один из весеннерожденных сыновей Вольда, любивший военные набеги и стычки, открыто поддержал план Агата и высказался за поход к северному рубежу.

— Это хитрость! Наши воины уйдут на север, там их задержит первый снег, а дальнерожденные тем временем угонят наши стада, уведут наших жен и опустошат наши житницы! Они не люди, и в них нет ничего, кроме коварства и обмана! — надрывался Вальмек, которому редко выпадал случай дать волю красноречию по столь благодарному поводу.

— Они всегда подбирались к нашим женщинам, ничего другого им и не нужно! Как же им не чахнуть и не вымирать, если у них рождаются одни уроды! Они подбираются к нашим женщинам, чтобы растить человеческих детей, точно собственных детенышей! — возбужденно кричал довольно молодой глава семьи.

Вольд, негодуя, что-то проворчал себе под нос. — Этакая мешанина дурацких небылиц, — но не стал вмешиваться: пусть Умаксуман образумит дурака!

— А что, если дальнерожденный сказал правду? — спросил Умаксуман. — Что, если гаали пройдут через наш Предел всем скопом, тысячами и тысячами? Мы готовы дать им отпор?

— Но стены не кончены, ворота не поставлены, последний урожай еще не весь убран, — возразил кто-то из пожилых, и этот довод был куда более веским, чем тайное коварство дальнерожденных.

Если сильные молодые мужчины отправятся на север, сумеют ли женщины, дети и старики закончить все необходимые работы в Зимнем Городе до наступления Зимы? Может быть, успеют, может быть, нет. Слишком уж многим должны были они рискнуть, положившись всего лишь на слова дальнерожденного.

Сам Вольд ни к какому решению не пришел и ждал, что скажут Старейшины. Ему понравился дальнерожденный, назвавшийся Агатом, — он не казался ни лжецом, ни легковым простаком. Но как знать наверное? Все люди порой становятся чужими друг другу, а не только чужаки. Как тут разобраться? Возможно, гаали и идут единым войском. Но Зима-то придет обязательно. Так от какого врага защититься сначала?

Старейшины склонялись к тому, чтобы ничего не предпринимать, однако Умаксуман и его сторонники все-таки настояли на том, чтобы послать вестников в соседние Пределы Аллакскат и Пернмек и узнать, что они скажут о плане совместной обороны. Этим все и ограничилось. Шаман отпустил тощую ханну, которую привел на случай, если будет решено начать войну — такое решение обретало силу, лишь подкрепленное ритуальным побием камнями, — и Старейшины разошлись.

Вольд сидел у себя в шатре с мужчинами своего Рода над горшком горячей бханы, когда снаружи послышался шум. Умаксуман вышел, крикнул кому-то, чтобы они убирались подальше, и вернулся в большой шатер с Агатом, дальнерожденным.

— Добро пожаловать, альтерран! — сказал старик и, злокозненно покосившись на двух своих внуков, добавил: — Не хочешь ли сесть и разделить с нами нашу еду?

Он любил ошарашивать людей. Всю жизнь любил. Потому-то в былые дни он так часто и навевался к дальнерожденным. А кроме того, это приглашение рассеяло мучивший его стыд: все-таки не следовало упоминать перед другими мужчинами о дальнерожденной девушке, которая когда-то стала его женой.

Агат, такой же невозмутимый и серьезный, как в прошлый раз, принял приглашение и съел столько каши, сколько требовали приличия. Пока они ужинали, он молчал, и, только когда жена Уквета выскользнула из шатра с остатками трапезы, наконец сказал:

— Старейший, я слушаю.

— Слушать тебе придется немного, — ответил Вольд и рыгнул. — Вестники побегут в Пернмек и Аллакскат. Но мало кто согласился на войну. С каждым днем холод все сильней, и спасение — только изнутри стен, только под крышами. Мы не странствуем в былых временах, как вы, но мы знаем, каким всегда был Обычай Людей, и следуем ему.

— Ваш Обычай хорош, — сказал дальнерожденный. — Настолько хорош, что гаали переняли его у вас. В былые Зимы вы были сильнее, чем гаали, потому что ваши кланы встречали их вместе,

а они шли разрозненно. Но теперь и гаали поняли, что сила — в числе.

— Только если эта весть — не ложь! — крикнул Уквет, который приходился Вольду внуком, хотя был старше его сына Умаксумана.

Агат молча посмотрел на него, и Уквет тотчас отвернулся, избегая прямого взгляда темных глаз.

— Если это — ложь, то почему гаали так задержались на своем пути к югу? — спросил Умаксуман. — Почему они медлят? Когда-нибудь прежде они дожидались, пока не будет убрано последнее поле?

— Кто знает? — сказал Вольд. — В прошлом Году они миновали Тевар задолго до того, как взошла Снежная Звезда, это я помню. Но кто помнит Год, бывший до прошлого?

— Может быть, они идут Горным Путем, — вмешался еще один внук, — и вовсе не покажутся в Аскатеваре.

— Вестник сказал, что они захватили Тлокну, — резко возразил Умаксуман. — А Тлокна лежит к северу от Тевара на Береговом Пути. Почему мы не хотим поверить этой вести? Почему мы мешкаем и ничего не делаем?

— Потому что те, кто ведет войну Зимой, не доживают до Весны, — проворчал Вольд.

— Но если они придут...

— Если они придут, мы будем сражаться.

Наступило молчание. Агат больше ни на кого не смотрел, а устремил темный взгляд в пол, точно истинный человек.

— Люди говорят, — начал Уквет насмешливо, предвкушая торжество, — будто дальнерожденные наделены колдовским могуществом. Я об этом ничего не знаю, я родился на летних угодьях и до нынешнего лунокруга не видел дальнерожденных и уж тем более не сидел рядом с ними за едой. Но если они чародеи и обладают таким могуществом, почему им нужна помощь против гаалей?

— Я тебя не слышу! — загремел Вольд. Его щеки побагровели, из глаз покатались слезы.

Уквет закрыл лицо руками. Разъяренный дерзким обхождением с гостем его шатра, а также собственной растерянностью, заставившей его спорить и с теми и с другими, старик тяжело дышал и смотрел прямо на Уквета, все еще прятавшего лицо.

— Я говорю! — наконец объявил Вольд голосом громким и звучным, как в молодости. — Я говорю! Вы слушаете! Вестники побегут по Береговому Пути, пока не встретят Откочевку. А за ними на два перехода позади — но только до рубежа нашего Предела — будут следовать воины, все мужчины, рожденные между серединой Весны и Летним Бесплодием. Если гааль идет ордой, наши воины отгонят его к горам, если же нет, они вернуться в Тевар.

Умаксуман радостно захохотал и крикнул:

— Старейший, ведешь нас ты, и никто другой!

Вольд что-то проворчал, рыгнул и сел.

— Но воинов поведешь ты, — мрачно сказал он Умаксуману.

Агат прервал свое молчание и произнес обычным, спокойным голосом:

— Мои люди могут послать триста пятьдесят воинов. Мы пойдем старым путем по берегу и соединимся с вашими воинами на рубеже Аскатеvara.

Он встал и протянул руку. Вольд, сердясь, что его заставили принять решение, и все еще не оправившись после своей вспышки, словно не заметил ее, но Умаксуман стремительно вскочил и прижал ладонь к ладони дальнерожденного. На миг они замерли в отблесках очага, точно ночь и день: Агат — темный, сумрачный, утрюмый и Умаксуман — светлокожий, ясноглазый, радостный.

Решение было принято, и Вольд знал, что сумеет навязать его всем Старейшинам. Но он также знал, что больше ему уже не придется принимать решений. Послать их на войну он мог, но Умаксуман вернется вождем воинов, а потому — самым влиятельным человеком среди Людей Аскатеvara. Приказ Вольда был его отречением от власти. Умаксуман станет молодым вождем. Он будет замыкать круг на Перестуке Камней, он поведет Зимой охотников, он возглавит набеги Весной и великое кочевье в долгие дни Лета. Его Год только начинается...

— Идите все! — проворчал Вольд. — Пусть люди завтра соберутся на Перестук Камней, Умаксуман. И скажи шаману, чтобы он пригнал ханну, но только жирную, с хорошей кровью!

Агату он не сказал ни слова. И они ушли — сильные молодые люди. А он сидел у очага, скорчившись, поджав под себя плохо гнущиеся ноги, и глядел в желтое пламя, словно хотел обрести в нем утраченный блеск солнца, невозвратимое тепло Лета.

СУМЕРКИ В ЛЕСУ

Дальнерожденный вышел из шатра Умаксу-мана и остановился, продолжая разговаривать с молодым вождем. Оба смотрели на север и шурились, потому что седой ветер обжигал глаза холодом. Агат протянул руку вперед, словно говорил о горах, и порыв ветра донес два-три слова до Ролери, которая стояла, глядя на дорогу, ведущую к городским воротам. От его голоса она вздрогнула, и по ее жилам пробежала волна страха и тьмы, пробудив воспоминание о том, как этот голос говорил в ее мыслях, внутри ее, и звал, чтобы она пришла к нему.

И тут же, точно искаженное эхо, в ее памяти прозвучали злые слова, резкие, как пощечина, когда на лесной тропе он крикнул, чтобы она уходила, когда он прогнал ее от себя.

Она опустила на землю корзины, которые оттягивали ей руки. В этот день они перебирались из алых шатров, в которых прошло ее кочевое детство, под крутые деревянные крыши, в тесноту подземных комнат, переходов и кладовых Зимнего Города, и все ее родные и двоюродные сестры, тетки, племянницы возбужденно перекликались, хлопотливо сновали между шатрами и воротами, нагруженные связками мехов, ларцами, мешками из шкур, корзинами, горшками. Она оставила свои корзины у дороги и пошла к лесу.

— Ролери! Ро-о-олери! — доносились сзади пронзительные голоса, которые вечно звали, наставляли, бранили ее, ни на мгновение не стихая у нее за спиной. Она ни разу не оглянулась и продолжала идти вперед, а очутившись под защитой леса, побежала — и замедлила шаг, только когда все звуки затихли вдаль, пропали в полной вздохов и шорохов тишине среди деревьев, стонущих под ветром. О стоянке людей напоминал лишь легкий горьковатый запах древесного дыма, который доносился и сюда.

Теперь тропа во многих местах была перегорожена рухнувшими деревьями, и ей приходилось перебираться через них или проползать под ними, а сухие сучья рвали ее одежду, цеплялись за капюшон. Ходить по лесу при таком ветре было небезопасно — вот и сейчас где-то выше по склону раздался приглушенный растоянием треск. Еще один ствол не выдержал напора ветра. Но ей было все равно. Сейчас она могла бы вновь спуститься на эти серые пески, чтобы спокойно, совсем спокойно ждать, когда обрушится на нее пенящаяся стена воды в четыре человеческих роста... Она остановилась с той же внезапностью, с какой побежала, и замерла на окутанной сумраком тропе.

Ветер дул, стихал, начинал дуть с новой силой. Мутные, мглистые тучи неслись так низко, что почти задевали густое сплетение сухих обнаженных ветвей над головой девушки. Тут уже наступил вечер. Ее гнев утас, сменился растерянностью, и она стояла в боязливом оцепенении, ссутулясь от ветра. Что-то белое мелькнуло прямо перед ней, и она вскрикнула, но не шевельнулась. Вновь мелькнула белая молния и вдруг застыла над ней на кривом суку — не то огромная птица, не то зверь с крыльями, совершенно белый и сверху и снизу, с короткими заостренными крючковатыми губами, которые то смыкались, то размыкались, с неподвижными серебряными глазами. Вцепившись в сук четырьмя широкими когтями, неведомая тварь неподвижно глядела на нее вниз, а она неподвижно глядела вверх. Серебряные глаза смотрели не мигая. Внезапно развернулись огромные крылья в рост человека и захлопали, ломая ветки вокруг. Тварь била белыми крыльями и пронзительно кричала, а потом взмыла вверх навстречу ветру и тяжело полетела среди сухих древесных вершин под клубящимися тучами.

— Снеговой, — сказал Агат, остановившись на тропе позади нее. — По поверью, они приносят снежные бури.

Огромное серебряное чудовище так напугало ее, что все мысли смешались. На миг она ослепла от слез, всегда сопровождающих любое сильное душевное движение у людей этой планеты. Она надеялась встретить дальнерожденного здесь, в лесу, и осыпать его насмешками, уничтожить презрением: ведь она заметила, что под маской небрежного высокомерия он был глубоко уязвлен, когда люди в Теваре смеялись над ним и ставили его на место так, как он того заслуживал — лжечеловек, низшее существо. Но белый жуткий снеговой нагнал на нее такой страх, что она закричала, глядя на дальнерожденного в упор, как мгновение назад смотрела на крылатое чудовище:

— Я тебя ненавижу! Ты не человек, я тебя ненавижу!

Тут слезы высохли, она отвела взгляд, и оба они довольно долго молчали.

— Ролери! — прозвучал негромкий голос. — Посмотри на меня.

Но она не повернула головы. Он подошел ближе, и она отпрянула с воплем, пронзительным, как крик снеговоя:

— Не прикасайся ко мне! — ее лицо исказилось.

— Успокойся, — сказал он. — Возьми меня за руку. Возьми же!

Она снова отпрянула, но он схватил ее за запястье и удержал. Вновь они застыли без движения.

— Пусти! — сказала она наконец обычным голосом, и он сразу разжал пальцы. Она глубоко вздохнула. — Ты говорил... Я слышала, как ты говорил внутри меня. Там, на песках. Ты и опять так можешь?

Не сводя с нее внимательного спокойного взгляда, он кивнул:

— Да. Но ведь я тогда же сказал тебе, что больше не буду. Никогда.

— Я все еще слышу его. Я чувствую твой голос! — она прижала ладони к ушам.

— Я знаю... И прошу у тебя прощения. Когда я позвал тебя, я не сообразил, что ты врасу... что ты из Тевара. Закон это запрещает. Да это и не должно было с тобой получиться.

— Что такое врасу?

— Так мы называем вас.

— А как вы называете себя?

— Люди.

Она посмотрела вокруг, на стонущий сумеречный лес, на колоннады серых стволов, на клубящиеся тучи почти над самой головой. Этот серый движущийся мир пугал своей непривычностью, но она больше не боялась. Прикосновение его пальцев, подлинное, осязаемое, вдруг смягчило мучительность его присутствия, принесло успокоение, а их разговор окончательно привел ее в себя. Она вдруг поняла, что весь прошлый день и всю ночь была во власти безумия.

— А у вас все умеют... разговаривать вот так?

— Некоторые умеют. Этому надо учиться. И довольно долго. Пойдем вон туда и сядем. Тебе надо отдохнуть.

Он всегда говорил сурово, но теперь в его голосе появился оттенок, что-то совсем другое, словно та настойчивость, с какой он звал ее на песках, преобразилась в бесконечно подавляемую бессознательную мольбу, в ожидание отклика. Они сели на упавший ствол батука чуть в стороне от тропы. Она подумала, что он и ходит, и сидит совсем не так, как мужчины ее Рода, — его осанка, все его движения были лишь чуть-чуть иными и все-таки совершенно чужими. Особенно его зажатые между коленями темные руки с переплетенными пальцами. А он продолжал:

— Вы тоже могли бы научиться мысленной речи, но ваши люди не захотели. Сказали, кажется, что это чародейство... В наших книгах написано, что мы сами давным-давно переняли это умение у людей еще одной планеты, которая называлась Роканнон. Тут нужны не только особые способности, но и долгие упражнения.

— Значит, ты можешь слышать мои мысли, если захочешь?

— Это запрещено, — сказал он так бесповоротно, что ее опасения исчезли без следа.

— Научи меня этому умению, — вдруг совсем по-детски попросила она.

— На это потребовалась бы вся Зима.

— Ты что же, учился этому всю Осень?

— И часть Лета. — Он чуть-чуть улыбнулся.

— Что такое «врасу»?

— Это слово из нашего древнего языка. Оно значит «высоко-разумные существа».

— А где та, другая планета?

— Ну... Их очень много. Там. За луной и солнцем.

— Значит, вы правда упали с неба? А зачем? И как вы добрались из-за солнца сюда, на берег моря?

— Я расскажу, если ты хочешь услышать, Ролери, только это не сказка. Многого мы сами не понимаем, но то, что мы знаем о своей истории, — все правда.

— Я слушаю, — прошептала она ритуальную фразу. Однако, хотя его слова произвели на нее впечатление, полностью она их не приняла.

— Так вот. Там, среди звезд, есть очень много миров, и обитает на них много различных людей. Они создали корабли, способные переплыть тьму между мирами, и отправились путешествовать, ведя торговлю и исследуя неведомое. Они объединились в Лигу, как ваши кланы объединяются в Предел. Но у Лиги Всех Миров был какой-то враг, появившийся откуда-то из неизмеримой дали. Откуда точно, я не знаю. Книги писались для людей, которые знали больше, чем знаем мы...

Он все время употреблял слова, похожие на настоящие. Только в них не было смысла. Ролери тщетно пыталась понять, что такое «корабль», что такое «книга». Но он говорил с такой задумчивостью, с такой тоской, что она слушала как замороженная.

— Лига копила силы, ожидая нападения этого врага. Более могущественные миры помогали более слабым вооружаться и готовиться к встрече с ним. Ну почти так, как мы тут готовимся к приходу гаалей. Я знаю, что для этого обучали чтению мыслей, но в книгах говорится и про оружие — про огонь, способный сжечь целые планеты и взорвать звезды... И в это время мои соплеменники прилетели сюда из своего родного мира. Их было немного. Им предстояло завязать дружбу с людьми этого мира и узнать, не захотят ли они вступить в Лигу и заключить союз против общего врага. Но враг напал как раз в те дни. Корабль, привезший моих соплеменников, вернулся на родину, чтобы присоединиться к военному флоту. Многие улетели на нем, а кроме того, он увез... ну дальнегоговоритель, с помощью которого люди в одном мире могли говорить с людьми в другом. Но некоторые остались. То ли они должны были оказать помощь этому миру, если бы враг до-

брался сюда, то ли просто не могли вернуться — мы не знаем. В их записях сказано только, что корабль улетел. Копье из белого металла, длиннее целого города, стоящее на огненном пере. Остались его изображения. Я думаю, они верили, что корабль скоро вернется... Это было десять Лет назад.

— А как же война с врагом?

— Мы не знаем. Мы ничего не знаем о том, что происходило в других мирах с тех пор, как корабль улетел. Некоторые из нас думают, что война была проиграна, а другие считают, что нет, но что победа досталась дорогой ценой и за долгие Годы сражений про горстку оставшихся здесь людей успели забыть. Кто знает? Если мы выживем, то когда-нибудь узнаем... Если никто не прилетит сюда, мы сами построим корабль и отправимся на поиски...

Он говорил тоскливо и насмешливо. У Ролери голова шла кругом от неизмеримости распахнувшегося перед ней времени, пространства и собственного непонимания.

— С этим трудно жить, — сказала она немного погодя.

Агат засмеялся, словно удивившись:

— Нет! В этом мы черпаем гордость. Трудно другое: выжить в мире, которому ты чужой. Пять Лет назад мы были многочисленны и могущественны, а теперь — погляди на нас!

— Говорят, дальнерожденные никогда не болеют. Это правда?

— Да. Вашими болезнями мы не заражаемся, а своих сюда не привезли. Но если нас ранить, то потечет кровь... И мы стареем, совсем как люди...

— Но ведь по-другому и быть не может, — сказала она сердито.

Он оставил насмешливый тон:

— Наша беда в том, что у нас почти нет детей. Так много рождается мертвыми и так мало — живыми и крепкими!

— Я об этом слышала. И много думала. У вас такие странные обычаи! Ваши дети рождаются и в срок, и не в срок — даже в Зимнее Бесплодие. Почему?

— Так уж у нас ведется! — Он снова засмеялся и посмотрел на нее, но она помрачнела.

— Я родилась не в срок, в Летнее Бесплодие, — сказала она. — У нас это тоже случается, но очень редко. И вот, понимаешь, когда Зима кончится, я буду уже стара и не смогу родить весеннего ребенка. У меня никогда не будет сына. Какой-нибудь старик возьмет меня пятой женой. Но Зимнее Бесплодие уже началось, а к приходу Весны я буду старой... Значит, я умру бездетной. Женщинам лучше вовсе не родиться, чем родиться не в срок, как родилась я... И еще одно: правду говорят, что дальнерожденный берет всего одну жену?

Он кивнул, и она догадалась, что они кивают, когда соглашались, вместо того чтобы пожать плечами.

— Ну так неудивительно, что вас становится все меньше.

Он усмехнулся, но она не отступила:

— Много жен — много сыновей! Будь ты из Тевара, ты был бы уже отцом пяти или десяти детей. А сколько их у тебя?

— Ни одного. Я не женат.

— И ни разу не делил ложа с женщиной?

— Этого я не говорил! — ответил он и добавил: — Но когда мы хотим иметь детей, мы женимся.

— Будь ты одним из нас...

— Но я не один из вас! — отрезал он, и наступило молчание. Потом он сказал мягче: — Дело не в обычаях и нравах. Мы не знаем, в чем причина, но она скрыта в нашем теле. Некоторые доктора считают, что здешнее солнце не такое, как то, под которым рождались и жили наши предки, и оно воздействует на нас, мало-помалу меняет что-то в нашем теле. И эти изменения губительны для продолжения рода.

Они вновь надолго замолчали.

— А каким он был — ваш родной мир?

— У нас есть песни, которые рассказывают о нем, — ответил он, но когда она робко спросила, что такое «песня», он промолчал и продолжал после паузы: — Наш родной мир ближе к солнцу, и Год там продолжается меньше одного лунокрута. Так говорят книги. Ты только представь себе: Зима длится всего девяносто дней!

Они засмеялись.

— Огонь развести не успеешь! — сказала Ролери.

Легкий сумрак сгушался в ночную тьму. Уже трудно было различить тропу перед ними, черный проход между стволами, ведущий налево в ее город, направо — в его. А здесь, на полпути — только ветер, мрак, безлюдье. Стремительно приближалась ночь. Ночь, и Зима, и война — время умирания и гибели.

— Я боюсь Зимы, — сказала она еле слышно.

— Мы все ее боимся, — ответил он. — Какая она? Мы ведь знаем только солнечный свет и тепло.

Она всегда хранила бесстрашное и беззаботное одиночество духа. У нее не было сверстников и подруг, она предпочитала держаться в стороне от остальных, поступала по-своему и ни к кому не питала особой привязанности. Но теперь, когда мир стал серым и не обещал ничего, кроме смерти, теперь, когда она впервые испытала страх, ей встретился он — темная фигура на черной скале над морем — и она услышала голос, который звучал у нее в крови.

— Почему ты никогда не смотришь на меня? — спросил он.

— Если ты хочешь, я буду смотреть на тебя, — ответила она, но не подняла глаз, хотя и знала, что его странный темный взгляд устремлен на нее. В конце концов она протянула руку, и он сжал ее пальцы.

— У тебя золотые глаза, — сказал он. — Я хотел бы, хотел бы... Но если бы они узнали, что мы были вместе, то даже теперь...

— Твои родичи?

— Твои. Моим до этого нет дела.

— А мои ничего не узнают.

Они говорили тихо, почти шепотом, торопливо, без пауз.

— Ролери, через две ночи я ухожу на север.

— Я знаю.

— Когда я вернусь...

— А когда ты не вернешься! — крикнула девушка, не выдержав ужаса, который нарастал в ней все последние дни Осени, — страха пред холодом, страха смерти.

Он обнял ее и тихо повторял, что он вернется, а она чувствовала, как бьется его сердце... совсем рядом с ее сердцем.

— Я хочу остаться с тобой, — сказала она, а он уже говорил:

— Я хочу остаться с тобой.

Вокруг них смыкался мрак. Они встали и медленно пошли к темному проходу между стволами. Она пошла с ним в сторону его города.

— Куда нам идти? — сказал он с горьким смешком. — Это ведь не любовь в дни Лета... Тут ниже по склону есть охотничий шалаш... Тебя хватятся в Теваре.

— Нет, — шепнула она, — меня никто не хватится.

СНЕГ

Вестники отправились в путь, и на следующий день воины Аскатеvara должны были двинуться на север по широкой, но совсем заросшей тропе, пересекающей их Предел, а небольшой отряд из Космопора собирался выступить тогда же по старой береговой дороге. Умаксуман, как и Агат, считал, что им лучше будет объединить силы не раньше, чем перед самой битвой с врагом. Их союз держался только на влиянии Вольда. Многие воины Умаксумана, хотя они не раз принимали участие в набегах и стычках до наступления Зимнего Перемирия, с большой неохотой шли на эту нарушавшую все обычаи войну, и даже среди его собственного Рода набралось немало таких, кого союз с дальнерожденными возмущал. И они ждали лишь предлога, чтобы дать волю старой ненависти. Уквет и его сторонники открыто заявили, что, покончив с гаалями, они разделаются и с чародеями. Агат пропустил их угрозу мимо ушей, предвидя, что победа смягчит или вовсе рассеет их ненависть, а в случае поражения все это уже не будет иметь значения. Однако Умаксуман не заглядывал так далеко вперед и был обеспокоен.

— Наши разведчики ни на минуту не выпустят вас из виду. В конце-то концов гаали не станут дожидаться нас у рубежа.

— Длинная Долина под Крутым Пиком — вот лучшее место для битвы, — сказал Умаксуман, сверкнув улыбкой. — Удачи тебе, альтерран!

— Удачи тебе, Умаксуман!

Они простились, как друзья, под скрепленным глиной сводом каменных ворот Зимнего Города. Когда Агат повернулся, чтобы уйти, за аркой что-то мелькнуло и закружилось в сером свете тусклого дня. Он удивленно посмотрел на небо, потом обернулся к Умаксуману:

— Погляди!

Товарец вышел за ворота и остановился рядом с ним. Вот, значит, какое оно — то, о чем рассказывали старики! Агат протянул руку ладонью вверх. На нее опустилась мерцающая белая пушинка и исчезла. Сжатые поля и истоптанные пастбища вокруг, речка, темный клин леса, холмы на юге и на западе — все как будто чуть дрожало и отодвигалось под низкими тучами, из которых сыпались редкие хлопья, падая на землю косо, хотя ветер стих.

Позади них среди крутых деревянных крыш раздавались возбужденные крики детей.

— А снег меньше, чем я думал, — наконец мечтательно произнес Умаксуман.

— Я думал, он холоднее. Воздух сейчас словно бы даже немного потеплел... — Агат с трудом отвлекся от зловещего и замораживающего кружения снега. — До встречи на севере, — сказал он и, притянув меховой воротник к самой шее, чтобы защитить ее от непривычного щекотного прикосновения снежинок, зашагал по тропе к Космопору.

Углубившись в лес на полмили, он увидел еле заметную тропинку, которая вела к охотничьему шалашу, и по его жилам словно разлился жидкий оюнь. «Иди же, иди!» — приказал он себе, сердясь, что снова теряет власть над собой. Днем у него почти не оставалось времени для размышлений, но это он успел обдумать и распутать. Вчерашняя ночь... она была и кончилась вчера. И ничего больше. Не говоря уж о том, что она все-таки врасу, а он — человек и общего будущего у них быть не может, это глупо и по другим причинам. С той минуты, когда он увидел ее лицо на черных ступеньках над пенистыми волнами, он думал о ней и томился желанием снова ее увидеть, точно мальчишка, влюбившийся в первый раз. Но больше всего на свете он ненавидел бессмысленность, тупую бессмысленность необузданной страсти. Такая страсть толкает мужчин на безумства, заставляет преступно рисковать тем, что по-настоящему важно, ради нескольких минут слепой похоти, и они теряют контроль над своими поступками. И он остался с ней вчера ночью, только чтобы не утратить этого контроля, — благоразумие требовало избавиться от наваждения. Он снова повторил себе все это, ускорив шаг и гордо откинув голову, а вокруг танцевали редкие снежинки. И по той же причине он еще раз встретился с ней сегодня ночью. При этой мысли его тело и рассудок словно озарились жарким светом, мучительной радостью. Но он продолжал твердить себе, что завтра отправится с отрядом на север, а если вернется, тогда хватит времени объяснить ей, что таких ночей больше не должно быть, что они никогда больше не будут лежать, обнявшись, на его меховом плаще в темноте шалаша в самом сердце леса, где вокруг нет никого — только звездное небо, холод и безмерная тишина... Никогда. Никогда... Ощущение абсолютного счастья, которое она ему подарила,

вдруг вновь нахлынуло на него, парализуя мысли. Он перестал убеждать и уговаривать себя, а просто шел вперед размашистым шагом сквозь сгущающиеся лесные сумерки и, сам того не замечая, тихонько напевал старинную любовную песню, которую его предки не забыли и в изгнании.

Снег почти не проникал сквозь ветки. «Как рано теперь темнеет!» — подумал он, подходя к развилке, и это была его последняя связная мысль перед тем, как что-то ударило его по щиколотке и он, потеряв равновесие, упал ничком, успев, однако, опереться на руки. Он попытался встать, но тень слева вдруг превратилась в серебристо-белую человеческую фигуру, и на него обрушился удар. В ушах у него звенело, он высвободился из-под какой-то тяжести и снова попробовал приподняться. Он утратил способность думать и не понимал, что происходит, — ему казалось, будто все это уже было раньше, а может, этого никогда и не было, а только ему чудится. Серебристых людей с полосками на ногах и руках было несколько, и они крепко держали его, а один подошел и чем-то ударил его по губам. Сомкнулась тьма, пронизанная яростью и болью. Отчаянно рванувшись всем телом, он высвободился и ударил кого-то из серебристых в челюсть — тот отлетел в темноту, но их оставалось много, и второй раз он высвободиться не сумел. Они били его, а когда он уткнулся лицом в грязь тропы и прикрыл голову руками, начали пинать в бока. Он вжимался в спасительную грязь, ища у нее защиты... потом послышалось чье-то тяжелое дыхание. Сквозь гул в ушах он расслышал голос Умаксумана. И он тоже, значит... Но ему было все равно, лишь бы они ушли, лишь бы оставили его в покое. Как рано теперь темнеет.

Кругом был мрак, густой и непроглядный. Он пытался ползти. Надо добраться домой, к своим, к тем, кто ему поможет. Было так темно, что он не видел своих рук. Бесшумный невидимый снег падал в абсолютной темноте на него, на грязь, на прелые листья. Надо добраться домой. Ему было очень холодно. Он попытался встать, но не было ни востока, ни запада, и, скованный болью, он уронил голову на локоть. «Придите ко мне!» — попытался он позвать на мысленной речи, но было невыносимо трудно обращаться в непроглядной тьме куда-то вдаль. Гораздо легче лежать так и не шевелиться. Это легко, очень легко.

В Космопоре, в высоком каменном доме, у пылающего в очаге плавника Элла Пасфаль вдруг подняла глаза от книги. Она совершенно ясно почувствовала, что Джекоб Агат передает ей... Но ни образы, ни слова не возникали в ее мозгу. Странно! Впрочем, у мысленной речи столько странных побочных эффектов, непонятных, необъяснимых следствий! В Космопоре многие вообще ей не научились, а те, кто способны передавать, редко пользуются своим умением. На севере, в Атлантике, они с большей свободой общались мысленно. Сама она была беженкой из Атлантики и

помнила, как в страшную Зиму ее детства она разговаривала с остальными мысленно чаще, чем вслух. А когда ее отец и мать умерли во время голода, она потом целый лунокрут вновь и вновь чувствовала, будто они передают ей, ощущала их присутствие в глубинах своего сознания — но не было ни образов, ни слов... ничего.

«Джекоб!» — передала она и повторяла долго, упорно, но ответа не пришло.

В то же самое мгновение Гуру Пилотсон, еще раз проверявший в Арсенале снаряжение, которое утром возьмет с собой отряд, внезапно поддался смутной тревоге, не оставлявшей его весь день, и воскликнул:

— Куда запропастился Агат, черт бы его побрал!

— Да, он что-то опаздывает, — согласился один из хранителей Арсенала. — Опять ушел в Тевар?

— Укреплять дружбу с мучномордыми, — невесело усмехнулся Пилотсон и снова нахмурился. — Ну ладно, займемся теперь меховыми куртками.

В то же самое мгновение в комнате, обшитой кремовыми панелями из атласного дерева, Сейко Эсмит беззвучно разрыдалась, ломая руки, мучительно заставляя себя не передавать ему, не звать его на паразыке и даже не произносить его имени вслух — Джекоб!

В то же самое мгновение мысли Ролери вдруг затемнились, и она скорчилась без движения.

Она скорчилась без движения в охотничьем шалаше. Утром она решила, что в суматохе переселения из шатров в подземный лабиринт Родовых Домов ее отсутствие накануне вечером и позднее возвращение остались незамеченными. Но теперь порядок уже восстановился, жизнь вошла в обычное русло, и, конечно, кто-нибудь да увидит, если она попытается ускользнуть в сумерках. А потому она ушла днем, надеясь, что никто не обратит на это внимания — ведь она часто уходила так прежде, — кружным путем добралась до шалаша, заползла внутрь, плотнее закуталась в свои меха и приготовилась ждать наступления ночи и шороха его шагов на тропинке. Начали падать снежинки, их кружение навало на нее сон. Она глядела на них и сквозь дремоту пыталась представить себе, что будет делать завтра. Ведь завтра он уйдет. А ее клан будет знать, что она отсутствовала всю ночь. Но до завтра еще далеко. Тогда и будет видно. А сейчас еще сегодня, еще сегодня... Она уснула. И вдруг проснулась, словно ее ударили. Она вся скорчилась, и в ее мыслях была пустая тьма.

Но тут же она вскочила на ноги, схватила кремень и трут, высекла огонь и зажгла плетеный фонарь, который захватила с собой. Его слабый свет неровным пятном ложился на землю. Она

спустилась по склону на тропу, постояла в нерешительности и пошла на запад. Потом снова остановилась и шепотом позвала:

— Альтерран!

Деревья вокруг окутывала ночная тишина. Ролери пошла вперед и больше не останавливалась, пока не увидела его. Он лежал на тропе.

Снег повалил гуще, и хлопья неслись поперек смутной полосы света, отбрасываемой фонарем. Теперь они ложились на землю и уже не таяли, белой пылью рассыпались по его разорванному плащу, прилипали к его волосам. Рука, к которой она прикоснулась, была совсем холодной, и она поняла, что он умер. Она села возле него на мокрую окаймленную снегом землю и положила его голову себе на колени.

Он пошевелился и слабо застонал. Ролери сразу очнулась, перестала бессмысленно стряхивать снег с его волос и воротника и сосредоточенно задумалась. Потом осторожно опустила его голову на землю, встала, машинально попробовала стереть с руки липкую кровь и, светя себе фонарем, посмотрела по сторонам. Она нашла то, что искала, и принялась за работу.

В комнату косо падал неяркий солнечный луч. Было так тепло, что он не мог разомкнуть веки и снова и снова соскальзывал в пучину сна, в глубокое неподвижное озеро. Но свет заставлял его подниматься на поверхность, и в конце концов он проснулся и увидел серые стены и солнечный луч, падающий из окна.

Он лежал неподвижно, а бледно-золотой луч погас, снова вспыхнул, перешел с пола на дальнюю стену и начал подниматься по ней, становясь все краснее. Вошла Элла Пасфаль и, увидев, что он не спит, сделала кому-то позади знак не входить. Она закрыла дверь и опустилась рядом с ним на колени. Обстановка в домах альтерранов была скудной: они спали на тюфяках, а вместо стульев обходились плоскими подушками, разбросанными по ковру, застилавшему пол, но и ими пользовались редко. А потому Элла просто опустилась на колени и поглядела на Агата. Красный отблеск лег на ее морщинистое лицо. В этом лице не было ни мягкости, ни жалости. Слишком много ей пришлось перенести в детстве, и сострадание, сочувствие захирели в ее душе, а к старости она и вовсе разучилась жалеть. Теперь, покачивая головой, она спросила негромко:

— Джекоб... Что ты сделал?

Он попытался ответить, но у него невыносимо заломило виски, а сказать ему, в сущности, было нечего, и он промолчал.

— Что ты сделал...

— Как я добрался домой? — пробормотал он наконец, но разбитые губы не слушались, и Элла жестом остановила его.

— Как ты добрался сюда? Ты это спросил? Тебя притащила она. Эта молоденькая врасу. Соорудила волокушу из сучьев и

своей одежды, уложила тебя на нее и тащила через гребень до Лесных Ворот. Ночью, по снегу. Сама она осталась только в шароварах — тунику разорвала, чтобы привязать тебя. Эти врасу крепче дубленой кожи, из которой шьют себе одежду. Она сказала, что тянуть волокушу по снегу легче, чем по земле... А снег весь уже сошел. Ведь это было два дня назад. Вообще-то, ты отдыхал довольно долго.

Она налила в чашку воды из кувшина на подносе возле его тюфяка и помогла ему напиться. Ее склонившееся над ним лицо казалось бесконечно старым и хрупким. Она с недоумением сказала на мысленной речи: «Как ты мог, Джекоб? Ты всегда был таким гордым!»

Он ответил тоже без слов. Облеченный в слова, его ответ прозвучал бы: «Я не могу жить без нее».

Он передал свое чувство с такой силой, что старая Элла отшатнулась и, словно обороняясь, произнесла вслух:

— Ты выбрал странное время для увлечения, для любовных идилий! Когда все полагались на тебя...

Он повторил то, что уже сказал ей, потому что это была правда и ничего другого он сказать ей не мог. Она сурово передала: «Но ты на ней не женишься, а потому тебе лучше поскорее научиться жить без нее».

Он ответил: «Нет!»

Она села на пятки и застыла без движения. Когда ее мысли вновь открылись для него, они были исполнены глубокой горечи: «Ну что же, поступай по-своему! Какая разница? Что бы мы сейчас ни делали, вместе или по отдельности, все непременно будет плохо. Мы не способны найти выход, одержать победу. Нам остается только и дальше совершать самоубийство... Мало-помалу, одна за другим — пока мы все не погибнем, пока не погибнет Альтерра, пока все изгнанники не будут мертвы...»

— Элла! — перебил он вслух, потрясенный ее отчаянием. — А... а они выступили?..

— Кто? Наше войско? — она произнесла это слово насмешливо. — Выступили без тебя?

— Но Пилотсон...

— Если бы Пилотсон их повел, то только на Тевар. Чтобы отомстить за тебя. Он вчера чуть не помешался от ярости.

— А они...

— Врасу? Ну конечно, они не выступили. Когда стало известно, что дочка Вольда бегает в лес на свидания с дальнерожденным, Вольд и его сторонники оказались в довольно смешном и постыдном положении, как ты можешь себе представить. Разумеется, представить себе это после случившегося много проще, но тем не менее мне кажется...

— Элла! Ради Бога...

— Ну хорошо. На север никто не выступил. Мы сидим тут и ждем, чтобы гаали явились, когда им это будет удобно.

Джекоб Агат лежал неподвижно, стараясь не провалиться вниз головой в разверзшуюся под ним бездну. Это была пустая бездонная пропасть его собственной гордости, слепого высокомерия, которое диктовало все его прошлое поведение. Самообман и ложь. Если он погибнет — пусть. Но те, кого он предал?

Несколько минут спустя Элла передала: «Джекоб, даже при самых благоприятных обстоятельствах из этого вряд ли что-нибудь могло выйти. Человек и нечеловек не способны сотрудничать. Шестьсот лиголет неудач могли бы научить тебя этому. Твое безрассудство послужило для них всего лишь предлогом. Если бы не это, они нашли бы что-нибудь другое, и очень скоро. Они — наши враги, такие же как гаали. Или Зима. Или все остальное на этой планете, на которой мы лишние. У нас нет союзников, кроме нас самих. Мы здесь одни. Не протягивая руки ни одному существу, для которого этот мир родной...»

Он прервал контакт с ее мыслями, не в силах больше выносить беспросветность этого отчаяния. Он попытался замкнуться в себе, отгородиться от внешнего мира, но что-то тревожило его, не давало ему покоя, и он вдруг осознал что. С трудом приподнявшись, он нашел в себе силы выговорить:

— Где она? Вы же не отослали ее назад...

Одетая в белое альтерранское платье, Ролери сидела, поджав под себя ноги, чуть дальше от него, чем недавно Эллы. Эллы не было, а Ролери сидела там и что-то старательно чинила... что-то вроде сандалии. Она как будто не слышала, что он заговорил. А может быть, ему только приснилось, что он произнес эти слова... Но тут она сказала своим ясным голосом:

— Старуха тебя тревожила. А зачем? Что ты можешь сделать сейчас? По-моему, никто из них без тебя и двух шагов ступить не сумеет.

На стене позади нее лежали последние багряные отблески солнца. Она сидела и чинила сандалию. Ее лицо было спокойно, глаза, как всегда, опущены.

Оттого что она была рядом, боль и сознание вины, терзавшие его, вдруг отступили, заняли свое место в истинном соотношении со всем остальным. Возле нее он становился самим собой. Он произнес ее имя вслух.

— Спи! Тебе нехорошо разговаривать, — сказала она, и в ее голосе проскользнула прежняя робкая насмешливость.

— А ты останешься? — спросил он.

— Да.

— Как моя жена! — сказал он твердо.

Боль заставляла его торопиться. Но не только боль. Ее родичи, наверное, убьют ее, если она вернется к ним. Ну а его родичи? Что

они с ней сделают? Он — ее единственная защита, и надо, чтобы эта защита была надежной.

Она наклонила голову, словно соглашаясь. Но он еще плохо знал ее жесты и не был уверен. Почему она сидит сейчас так тихо и спокойно? До сих пор она была такой быстрой и в движениях, и в чувствах. Но ведь он знает ее всего несколько дней...

Она продолжала спокойно работать. Ее тихая безмятежность укрыла его, и он почувствовал, что к нему начинают возвращаться силы.

ОТКОЧЕВКА

Над крутыми крышами ярко пылала звезда, чей восход возвестил наступление Зимы, — ярко, но безрадостно, точно такая, какой Вольд запомнил ее с дней своего детства шестьдесят лунокругов назад. Даже огромный серп молодого месяца, висевший в небе напротив нее, казался бледнее Снежной Звезды.

Начался новый лунокруг и новое Время Года, но начались они при дурных предзнаменованиях.

Неужто луна и правда, как рассказывали когда-то дальнерожденные, — это мир вроде Аскатевара и других Пределов, но только там никто не живет, а звезды — тоже миры, где обитают люди и звери и Лето сменяется Зимой?.. Но какими должны быть люди, обитающие на Снежной Звезде? Жуткие чудовища, белые как снег, с узкими щелями безгубых ртов и огненными глазами мнились в воображении Вольда. Он потрянул головой и попробовал вслушаться в то, что говорили другие Старейшины. Вестники, вернувшись всего через пять дней, принесли с севера всякие слухи, а потому Старейшины развели огонь в большом дворе Тевара и назначили Перестук Камней. Вольд пришел последним и замкнул круг, потому что никто другой не осмелился занять его место, но это не имело никакого значения: он только почувствовал себя еще более униженным. Ибо он объявил войну, а ее не стали вести, он послал воинов, а они не выступили, и союз, который он заключил, был нарушен. Рядом с ним сидел Умаксуман и тоже молчал. Остальные кричали и спорили, но все попусту. А чего еще можно было ждать? В Перестуке Камней не родилось единого ритма — был только грохот и разнобой. Так как же они могли надеяться, что придут к согласию? Глупцы, глупцы, думал Вольд, хмурясь на огонь, тепло которого не достигало его. Другие моложе, их греет молодость, они вопят друг на друга и горячатся. А он — старик, и никакие меха не могут согреть его здесь, в ледяном блеске Снеж-

ной Звезды, на ветру Зимы. Его окоченевшие ноги ныли, в груди кололо, и ему было все равно, из-за чего они кричат и ссорятся.

Внезапно Умаксуман вскочил.

— Слушайте! — загремел он, и мощный звук его голоса («От меня унаследовал!» — подумал Вольд) принудил их притихнуть, однако кое-где еще раздавались насмешливые и злобные возгласы. До сих пор, хотя все достаточно хорошо знали, что произошло, непосредственный повод или предлог для ссоры с Космопором не обсуждался вне стен Родового Дома Вольда. Просто было объявлено, что Умаксуман не поведет воинов, что похода не будет, что надо опасаться нападения дальнерожденных. Обитатели других домов, даже те, кто не слышал про Ролери и Агата, прекрасно понимали, что подлинная суть происходящего — борьба за власть в самом влиятельном клане. Эта борьба была подоплекой всех речей, произносившихся сейчас на Перестуке Камней, хотя как будто решался совсем другой вопрос: обходиться ли с дальнерожденными как с врагами при встрече вне стен Города или считать, что между ними по-прежнему мир? И вот теперь заговорил Умаксуман:

— Слушайте, Старейшины Тевара! Вы говорите то, вы говорите это, но вам нечего сказать. Гаали идут, и через три дня они придут сюда. Так замолчите, возвращайтесь к себе, острийте копья, проверьте ворота и стены, потому что идут враги, идут на нас. Глядите! — Он взмахнул рукой, указывая на север, и многие повернулись туда, словно ожидали, что орды Откочевки сию минуту проломают стену, — такая сила была в словах Умаксумана.

— А почему ты не проверил ворота, через которые ушла твоя кровная родственница, Умаксуман?

Теперь это сказано вслух, и пути назад нет.

— Она и твоя кровная родственница, Уквет, — с гневом ответил Умаксуман.

Один был сыном Вольда, другой его внуком, и говорили они о его дочери. Впервые в жизни Вольд узнал стыд, ничем не прикрытый, бессильный стыд: его опозорили в присутствии лучших людей племени. Он сидел неподвижно, низко опустив голову.

— Да, и моя! И только благодаря мне наш Род не покрывался позором! Я и мои братья вышибли зубы из грязного рта того, к кому она прибежала тайком, и я поступил бы с ним так, как обычай требует поступать с лжелюдьми, которые не лучше подлой скотины, но ты остановил нас, Умаксуман. Остановил нас своей глупой речью...

— Я остановил вас, чтобы вам не пришлось драться не только с гаалем, но еще и с дальнерожденными, глупец! Она достигла возраста, когда может выбрать себе мужчину, если захочет, и это не...

— Он не мужчина, родич, а я не глупец!

— Ты глупец, Уквет, потому что воспользовался этим случаем, чтобы поссорить нас с дальнерожденными, и лишил нас последней надежды повернуть Откочевку на другой путь!

— Я тебя не слышу, лжец, предатель!

С громким кличем они бросились на середину круга, отцепляя от пояса боевые топоры. Вольд поднялся на ноги. Сидящие рядом подняли головы, ожидая, что он, как Старейший и Глава Рода, запретит схватку. Но он этого не сделал. Он молча отвернулся от нарушенного круга и, тяжело шаркая ногами, побрел по проходу между высокими остроконечными крышами под выступающими стрехами в дом своего Рода.

Он с трудом спустился по ступеням из утрамбованной глины в жаркую духоту огромной землянки. Мальчики и женщины принялись наперебой спрашивать его, что решили на Перестуке Камней и почему он вернулся один.

— Умаксуман и Уквет вступили в бой, — сказал он, чтобы отделаться от них, и сел у огня, почти спустив ноги в очажную яму.

Ничем хорошим это не кончится. Да и вообще ничто уже не может кончиться хорошо. Когда женщины, причитая, внесли в дом труп его внука Уквета и по полу протянулась широкая полоса крови, хлещущей из разрубленного черепа, он только поглядел на них, но ничего не сказал и не попытался встать.

— Умаксуман убил его, убил своего родича, своего брата! — вопили жены Уквета, окружив Вольда, но он не поднял головы. Наконец он обвел их тяжелым взглядом, точно старый зверь, загнанный охотником, и сказал хрипло:

— Замолчите... Да замолчите же...

На следующий день опять пошел снег. Они похоронили Уквета, первенца Зимней Смерти, и белые хлопья легли покрывалом на мертвое лицо, прежде чем его засыпали землей. Вольд подумал об Умаксумане — изгнаннике, бродящем в одиночестве среди холмов: кому из них лучше? И потом еще много раз возвращался к этой мысли.

Язык у него стал очень толстым, и ему не хотелось говорить. Он сидел у огня и не всегда мог понять, день снаружи или ночь. Спал он тревожно, и ему казалось, что он все время просыпается. И один раз, просыпаясь, он услышал шум снаружи, на поверхности.

Из боковых каморок с визгом выбежали женщины, хватая на руки осеннерожденных малышей.

— Гааль! Гааль! — вопили они.

Но другие вели себя тихо, как подобает женщинам могущественного дома. Они прибрали большую комнату, сели и начали ждать.

Ни один мужчина не пришел за Вольдом.

Старик знал, что он уже не вождь. Но разве он уже и не мужчина? И должен сидеть под землей у огня с младенцами и женщинами?

Он стерпел публичный позор, но потери самоуважения он стерпеть не мог. Поднявшись, он побрел на негнущихся ногах к своему старому пестрому ларцу, чтобы достать толстую кожаную куртку и тяжелое копье длиной в человеческий рост, которым он убил в единоборстве снежного дьявола — так давно, так давно... Теперь он отяжелел, тело плохо ему повинуется, с той поры миновали все светлые и теплые Времена Года, но он — тот же, каким был тогда, тот, кто убил этим копьём в снегах былой Зимы. Разве он не тот же, не мужчина? Они не должны были оставлять его здесь, у огня, когда пришел враг.

Глупые женщины кудахтали вокруг него, и он рассердился, потому что они мешали ему собраться с мыслями. Но старая Керли отогнала их, вложила ему в руку копье, которое какая-то девчонка было выхватила у него, и застегнула на его шее плащ из серого меха корио. Этот плащ она шила для него весь конец Осени. Все-таки осталась одна, которая знает, что такое мужчина. Она молча смотрела на него, и он ощутил ее печаль и горькую гордость. А потому он заставил себя расправить плечи и пошел, держась совсем прямо. Пусть она — сварливая старуха, а он — глупый старик, но они хранят свою гордость. Он медленно поднялся по ступенькам, вышел на яркий свет холодного полудня и услышал за стенами крики чужих голосов.

Мужчины толпились на квадратной платформе над дымоходом Дома Пустоты. Он вскарабкался по приставной лестнице, и они потеснились, давая ему место. Его била дрожь, в груди хрипело, и сперва он словно ослеп. Но потом он увидел... и на время забыл обо всем, пораженный небывалым зрелищем.

Долина, огибавшая подножие Теварского холма с севера на юг, была, точно река в половодье, от края и до края заполнена бурлящим людским потоком. Он медленно катился на юг, темный, беспорядочный, то сжимаясь, то опять расплескиваясь, останавливаясь, вновь приходя в движение под крики, вопли, оклики, скрип, шелканье кнутов, хриплое ржание ханн, плач младенцев, размеренное уханье тех, кто тащил волокуши. Алая полоска свернутого войлочного шатра, ярко раскрашенные браслеты на руках и ногах женщин, пучок алых перьев, гладкий наконечник копья, вонь, оглушительный шум, нескончаемое движение — непрерывное движение, упорное движение на юг, Откочевка. Но ни одно бывшее время не видело такой Откочевки — единым множеством. Насколько хватало глаз, расширяющаяся к северу долина кишела людьми, а поток все сползал и сползал с седловины, не иссякая. И ведь это были только женщины с малышками, скот и волокуши с припасами... Рядом с этой могучей людской рекой Зимний Город Тевара был ничто. Камешек на берегу в половодье.

Сначала у Вольда все похолодело внутри, но потом он приободрился и сказал:

— Дивное дело...

И оно действительно было дивным — это переселение всех племен севера. Он был рад, что ему довелось увидеть такое. Стоявший рядом с ним Старейшина, Анвильд из Рода Сьокмана, пожал плечами и ответил негромко:

— И конец для нас.

— Если они остановятся.

— Эти не остановятся. Но сзади идут воины.

Они были так сильны, так неуязвимы в своем множестве, что их воины шли сзади...

— Чтобы накормить столько ртов, им сегодня же понадобятся наши запасы и наши стада, — продолжал Анвильд. — И как только эти пройдут, воины нападут на Город.

— Значит, надо отослать женщин и детей в западные холмы. Когда враг так силен, Город — только западня.

— Я слушаю, — сказал Анвильд, утвердительно пожав плечами.

— Теперь же, без промедления, прежде чем гааль нас окружит.

— Это уже было сказано и услышано. Но другие говорят, что нельзя отсылать женщин туда, где их ждут всякие опасности, а самим оставаться под защитой стен.

— Ну так пойдем с ними! — отрезал Вольд. — Неужели Люди Тевара не могут ничего решить?

— У них нет главы, — ответил Анвильд. — Они слушают того, этого и никого. — Продолжать — значило бы обвинить во всех бедах Вольда и его родичей, а потому он добавил только: — И мы будем ждать здесь, пока нас всех не перебьют.

— Своих женщин я отошлю, — сказал Вольд, рассерженный спокойной безнадежностью Анвильда, отвернулся от грозного зрелища Откочевки, кое-как спустился по приставной лестнице и пошел распорядиться, чтобы его родичи спасались, пока еще не поздно. Он тоже пойдет с ними. Ведь сражаться против бесчисленных врагов бесполезно, а хоть горстка Людей Тевара должна уцелеть, должна выжить.

Однако молодые мужчины его клана не согласились с ним и не захотели подчиниться ему. Они не убегут, они будут сражаться.

— Но вы умрете, — сказал Вольд. — А ваши женщины и дети еще могут уйти. Они будут свободными... если не останутся тут с вами.

Его язык снова был толстым. А они ждали, чтобы он замолчал, и не скрывали нетерпения.

— Мы отгоним гаалья, — сказал молодой внук. — Мы ведь воины!

— Тевар — крепкий город, Старейший, — сказал другой вкрадчиво, льстивым голосом. — Ты объяснил нам, как построить его хорошо, и мы все сделали по твоему совету.

— Он выдержит натиск Зимы, — сказал Вольд. — Но не натиск десяти тысяч воинов. Уж лучше, чтобы женщины моего Рода

погибли от холода среди снежных холмов, чем жили наложницами и рабынями гаалей...

Но они не слышали, а только ждали, чтобы он наконец замолчал.

Он вышел наружу, но у него уже не было сил карабкаться по приставным лестницам, и, чтобы никому не мешать в узком проходе, он отыскал укромное место неподалеку от южных ворот, в углу между стеной и подпоркой. Поднявшись по наклонной подпорке, сложенной из ровных кусков сухой глины, можно было увидеть, что делается за стеной, и он некоторое время следил за Откочевкой. Потом, когда ветер забрался под его меховой плащ, он присел на корточки и прижал подбородок к коленям, укрывшись за выступом. Солнце светило прямо туда. Некоторое время он грелся в его лучах и ни о чем не думал. Иногда он поглядывал на солнце — Зимнее солнце, слабое, старое.

Из истоптанной земли под стеной уже поднималась зимняя трава — недолговечные растеньица, которые будут стремительно набираться сил, расцветать и отцветать между буранами до самого наступления Глубокой Зимы, когда снег уже больше не тает и только лишённые корней сугробники выдерживают лютый холод. Всегда что-нибудь да живет на протяжении великого Года, выжидая своего дня, расцветая и погибая, чтобы снова ждать. Тянулись долгие часы.

Оттуда, где сходились северная и западная стены, донеслись громкие крики. Воины бежали по узким проходам маленького города, где под нависающими стрехами мог пройти только один человек. Затем оглушительные вопли раздались позади Вольда, за воротами слева от него. Деревянные подъемные створки, которые можно было открыть только изнутри, с помощью сложной системы воротов, затряслись и затрещали. В них били бревном. Вольд с трудом выпрямился. Все тело его затекло, и он не чувствовал своих ног. Минуту он простоял, опираясь на копьё, а потом привалился спиной к глиняным кирпичам и поднял копьё, но не положил его на металку, а приготовился ударить с близкого расстояния.

Наверное, у гаалей были лестницы: они уже перебрались через северную стену и дрались внутри города — это он определил по шуму. Между крышами пролетело копьё. Кто-то не рассчитал и слишком резко взмахнул металкой. Ворота снова затряслись. В прежние дни у них не было ни лестниц, ни таранов, и они приходили не десятками тысяч, а крались мимо оборванными семьями и кланами, трусливые дикари, убегающие на юг от холодов, вместо того чтобы остаться жить и умереть в своем Пределе, как поступают истинные люди... И тут в проходе появился один из них — с широким белым лицом и пучком алых перьев в закрученных рогом вымазанных смолой волосах. Он бежал к воротам, чтобы открыть их изнутри. Вольд шагнул вперед и сказал:

— Стой!

Гааль оглянулся, и старик вонзил копье в бок врага под ребра так глубоко, что железный наконечник почти вышел наружу. Он все еще пытался вытащить копье из дергающегося в судорогах тела, когда позади него в городских воротах появилась первая пробоина. Это было жутко — дерево лопнуло, как гнилая кожа, и в дыру просунулась тупая морда толстого бревна. Вольд оставил копье в брюхе гааль и, спотыкаясь, тяжело побежал по проходу к своему Родовому Дому. Крутые деревянные крыши в том конце города пылали дымным пламенем.

В ГОРОДЕ ЧУЖАКОВ

Самым странным среди всего странного и непонятного в этом жилище были изображения на стене большой комнаты внизу. Когда Агат ушел и все комнаты погрузились в мертвую тишину, она так долго смотрела на изображения, что они стали миром, а она — стеной. Мир этот был сплетениями, сложными и прихотливыми, точно смыкающиеся ветви лесных деревьев, точно струи потока — серебристые, серые, черные, пронизанные зеленью, алостью и желтизной, подобной золоту солнца. И вглядываясь в эти причудливые сплетения, можно было различить в них, между ними, слитые с ними и образующие их узоры и фигуры — зверей, деревья, траву, мужчин и женщин и разных других существ, — одни похожи на дальнерожденных, другие не похожи. И еще всякие странности: ларцы на круглых ногах, птицы, топоры, серебряные копья, оперенные огнем, лица, которые не были лицами, камни с крыльями и дерево, все в звездах вместо листьев.

— Что это такое? — спросила она у дальнерожденной женщины из Рода Агата, которой он поручил заботиться о ней, и та, как всегда, стараясь быть доброй, ответила:

— Картина, рисунок... Ведь твои соплеменники рисуют красками, не так ли?

— Да, немножко. А о чем рассказывает эта картина?

— О других мирах и о нашей родине. Видишь, вот люди... Ее написал очень давно, еще в первый Год нашего изгнания, один из сыновей Эсмита.

— А это что? — с почтительного расстояния указала Ролери.

— Здание... Дворец Лиги на планете Давенант.

— А это?

— Эробиль.

— Я снова слушаю, — вежливо сказала Ролери (теперь она старательно соблюдала все законы вежливости), но, заметив, что

Сейко не поняла ритуальной фразы, спросила просто: — А что такое эробиль?

Дальнерожденная женщина чуть-чуть выпятила губы и ответила равнодушно:

— Ну... приспособление, чтобы ездить, вроде... Но ведь вы даже не знаете колеса, так как же объяснить тебе? Ты видела наши повозки — наши волокуши на колесах? Ну так это была повозка, чтобы на ней ездить, только она летала по воздуху.

— А вы и сейчас можете строить такие повозки? — в изумлении спросила Ролери, но Сейко неверно истолковала ее вопрос и ответила сухо, почти раздраженно:

— Нет. Как мы могли сохранить здесь подобное умение, если Закон запрещает нам подниматься выше вашего технического уровня? А вы за шестьсот лет даже не научились пользоваться колесами!

Чувствуя себя беспомощной в этом чужом и непонятном мире, изгнанная своим племенем, а теперь разлученная и с Агатом, Ролери боялась Сейко Эсмит, и всех, кого она встречала здесь, и всех вещей вокруг. Но покорно снести пренебрежение ревнивой женщины, женщины старше ее, она не могла.

— Я спрашиваю, чтобы узнавать новое, — сказала она. — Но, по-моему, ваше племя пробыло здесь меньше чем шестьсот Лет.

— Шестьсот лиголет равны десяти здешним Годам... — помолчав, Сейко Эсмит продолжала: — Видишь ли, про эробили и про всякие другие вещи, которые придумали люди у нас на родине, мы знаем далеко не все, потому что наши предки, перед тем как отправиться сюда, поклялись блюсти Закон Лиги, запрещавший им пользоваться многими вещами, не похожими на те, какие были у туземцев. Закон этот называется «культурное эмбарго». Со временем мы научили бы вас изготавливать всякие вещи... вроде крылатых повозок. Но Корабль улетел. Нас здесь осталось мало, и мы не получали никаких известий от Лиги, а многие ваши племена в те дни относились к нам враждебно. Нам было трудно хранить и Закон, и знания, которыми мы тогда обладали. Возможно, мы многое утратили. Мы не знаем.

— Какой странный Закон! — сказала Ролери.

— Он был создан ради вас, а не нас, — сказала Сейко своим быстрым голосом, произнося слова жестко, как Агат, как все дальнерожденные. — В Заветах Лиги, которые мы изучаем в детстве, написано: «На планетах, где селятся колонисты, запрещено знакомить местные высокоразумные существа с какими бы то ни было религиозными или философскими доктринами, обучать их каким бы то ни было техническим нововведениям или научным положениям, прививать им иные культурные понятия и представления, а также вступать с ними в парасловесное общение, если они сами это умение не развили. Запреты эти не могут быть нарушены до тех пор, пока Совет региона с согласия Пленума не

постановит, что данная планета по степени своего развития готова к прямому контакту или ко вступлению в Лигу...» Короче говоря, это значит, что мы обязаны жить, как живете вы. И в той мере, в какой мы отступили от вашего образа жизни, мы нарушили наш собственный Закон.

— Нам это вреда не принесло, — сказала Ролери. — А вам — особой пользы.

— Не тебе судить, — сказала Сейко с холодной сухостью, но опять справилась с собой. — Время браться за работу. Ты поймешь?

Ролери послушно направилась за Сейко к дверям, но, выходя, оглянулась на картину. Она никогда еще не видела ничего столь целостного. Эта мрачная серебристая пугающая сложность действовала на нее почти как присутствие Агата. А когда он был с ней, она боялась его — но только его одного. Никого и ничего другого.

Воины Космопора ушли. Они должны были изматывать идущих на юг гаалей нападениями из засады и партизанскими налетами в надежде, что Откочевка свернет на более безопасную дорогу. Однако никто серьезно не верил в успех, и женщины заканчивали приготовления к осаде. Сейко и Ролери пришли в Дом Лиги на большой Площади, и им вместе с двадцатью другими поручили пригнать стада ханн с дальних лугов к югу от города. Каждая женщина получила сверток с хлебом и творогом из ханнього молока, потому что вернуться они должны были не раньше вечера. Корм оскудел, и ханны теперь бродили на южных пастбищах между пляжем и береговой грядой. Женщины прошли около восьми миль, а потом рассыпались по лугу и повернули обратно, собирая и гоня перед собой все увеличивающееся стадо низкорослых косматых ханн, которые тихо и покорно брели к городу.

Теперь Ролери увидела дальнерожденных женщин по-новому. Прежде их легкие, светлые одежды, по-детски быстрые голоса и быстрые мысли создавали ощущение беспомощности и слабости. Но вот они идут среди холмов по оледенелой, пожухлой траве, одетые в меховые куртки и штаны, как женщины людей, и гонят медлительное косматое стадо навстречу северному ветру, работая дружно, умело и упорно. А как слушаются их ханны! Словно они не гонят их, а ведут, словно у них есть какая-то особая власть. Они вышли на дорогу, сворачивающую к Лесным Воротам, когда солнце уже село, — горстка женщин в море неторопливо трусящих животных с крутыми косматыми крупами. Когда впереди показались стены Космопора, одна из женщин запела. Ролери никогда прежде не слышала этой игры с высотой и ритмом звуков. Ее глаза замигали, горло сжалось, а ноги начали ступать по темной дороге в лад с этим голосом. Другие женщины подхватили песню, и теперь она разносилась далеко вокруг. Они пели об утраченной родине, которую никогда не знали, о том, как ткать одежду и расшивать ее драгоценными камнями, о воинах, павших на войне.

А одна песня рассказывала про девушку, которая лишилась рассудка от любви и бросилась в море: «Ах, волны уходят далеко, пока не начнется прилив...» Звонкими голосами творя песню из печали, они гнали вперед стадо — двадцать женщин в пронизанной ветром мгле. Было время прилива, и слева от них у дюн колыхалась и плескалась чернота. Впереди на высоких стенах пылали факелы, преображая Град Изгнания в остров света.

Съестные припасы в Космопоре расходовались теперь очень бережно. Люди ели все вместе в одном из больших зданий на Площади или, если хотели, уносили свою долю к себе домой. Женщины, собиравшие стадо, вернулись поздно. Торопливо поев в странном здании, которое называлось Тэатор, Ролери пошла с Сейко Эсмит в дом женщины Эллы Пасфаль. Она предпочла бы вернуться в пустой дом Агата и остаться одной, но она делала все, что ей говорили. Она больше уже не была незамужней и свободной, она была женой альтеррана и пленницей, хотя они ей этого и не показывали. Впервые в жизни она подчинялась.

Очаг не топился, и все же в высокой комнате было тепло. На стене в стеклянных клетках горели светильники без фитилей. В этом доме, который был больше любого Родового Дома в Теваре, старая женщина жила совсем одна. Как они выносят одиночество? И как они хранят свет и тепло Лета в стенах своих домов? Весь Год они остаются в этих домах — всю свою жизнь, и никогда не кочуют, никогда не живут в шатрах среди холмов, на просторах летних угодий... Ролери рывком подняла голову, которая почти склонилась на грудь, и искоса посмотрела на Эллу Пасфаль — заметила ли старуха, что она задремала? Конечно, заметила. Эта старуха замечает все, а Ролери она ненавидит.

Как и все они, эти альтерраны, Старейшины дальнерожденных. Они ненавидят ее, потому что любят Джекоба Агата ревнивой любовью, потому что он взял ее в жены, потому что она — человек, а они — нет.

Один из них что-то говорил про Тевар, что-то очень странное, чему нельзя было поверить. Она опустила глаза, но, наверное, испуг все-таки промелькнул на ее лице, потому что мужчина, которого звали Дэрмат—альтерран, перестал слушать и сказал:

— Ролери, ты не знала, что Тевар захвачен?

— Я слушаю, — прошептала она.

— Наши воины весь день тревожили гаалей с запада, — объяснил дальнерожденный. — Когда гаальские воины ворвались в Тевар, мы атаковали носильщиков и стоянки, которые их женщины разбивали на восточной опушке леса. Это отвлекло часть их сил, и некоторые теварцы сумели выбраться из города, но они и наши люди рассеялись по лесу. Некоторые уже добрались сюда, но про остальных мы пока ничего не знаем... Они где-то в холмах, а ночь холодная...

Ролери молчала. Она так устала, что ничего не могла понять. Зимний Город захвачен, разрушен. Как это может быть правдой? Она ушла от своих родичей, а теперь все они мертвы или скитаются без крова среди холмов в Зимнюю ночь. Она осталась совсем одна. Вокруг звучали и звучали жесткие чужие голоса. Ролери почудилось — и она знала, что это ей чудится, — будто ее ладони и запястья вымазаны кровью. У нее кружилась голова, но она больше не хотела спать. Порой она ощущала, что на мгновение переступает рубеж, первый рубеж Пустоты. Блестящие холодные глаза старухи чародейки Эллы Пасфаль глядели на нее в упор. У нее не было сил пошевелиться. И куда идти? Все мертвы.

И вдруг что-то изменилось. Словно дальний огонек вспыхнул во мраке. Она сказала вслух, но так тихо, что ее услышали только те, кто сидел совсем рядом:

— Агат идет сюда.

— Он передает тебе? — резко спросила Элла Пасфаль.

Ролери несколько мгновений смотрела куда-то мимо старухи, которую боялась, и не видела ее.

— Он идет сюда, — повторила она.

— Вероятно, он ей не передает, Элла, — сказал тот, которого называли Пилотсоном. — Между ними в какой-то мере существует постоянный контакт.

— Чепуха, Гуру.

— Но почему? Он рассказывал, что на пляже передавал ей с большим напряжением и пробился. По-видимому, у нее врожденный дар. И в результате возник постоянный контакт. Так ведь уже не раз бывало.

— Да, между людьми, — сказала старуха. — Необученный ребенок не способен ни принимать, ни передавать параречь, Гуру. Ну а врожденный дар — редчайшая вещь в мире. И ведь она даже не человек, а врасу.

Ролери тем временем вскочила, выскользнула из круга, пошла к двери и открыла ее. Снаружи был пустой мрак и холод. Она посмотрела в дальний конец улицы и различила фигуру мужчины, который бежал тяжело и устало. Он вступил в полосу желтого света, падавшего из дверей, и, протягивая руку к ее протянутой руке, тяжело дыша, произнес ее имя. Его улыбка открыла зияющую пустоту на месте трех верхних зубов, грязная повязка выбилась из-под меховой шапки, лицо было серым от усталости и боли. Он ушел в холмы сразу же, как только гаали вступили в Предел Аскатевара — три дня и две ночи тому назад.

— Принеси мне воды напиться, — тихо сказал он Ролери, а потом переступил порог, и все остальные столпились вокруг него.

Ролери нашла комнату с очагом для стряпни, а в ней — металлическую тростинку с цветком наверху. В доме Агата тоже был такой цветок: если его повернуть, из тростинки потечет вода. Она нигде не увидела ни плетенки, ни чаш, а потому налила воду в глубокую складку своей кожаной туники и так понесла ее своему мужу в большую комнату. Он глубокими глотками выпил воду из ее туники. Остальные смотрели с удивлением, а Элла Пасфаль сказала резко:

— В буфете есть чашки.

Но она уже не была чародейкой, ее злоба ранила не больше, чем стрела на излете. Ролери опустилась на колени рядом с Агатом и слушала его голос.

ЗАСАДЫ И СТЫЧКИ

После первого снега снова потеплело. Днем светило солнце, иногда накрапывал дождь, ветер дул с северо-запада, ночью слегка подмораживало, — словом, погода была такой же, как весь последний лунокруг Осени. Зима мало чем отличалась от того, что ей предшествовало, и не верилось, что действительно бывают снегопады, наваливающие сугробы в несколько десятков футов, как рассказывалось в записях о предыдущих Годах, и что в течение целых лунокругов лед даже не подтаивает. Может быть, так будет позже. А сейчас опасность была одна — гаали...

Словно не замечая воинов Агата, хотя те нанесли несколько чувствительных ударов на флангах их войска, северяне стремительно ворвались в Аскатеварский Предел, разбили лагерь на восточной опушке леса и теперь, на третий день, начали штурмовать Зимний Город. Однако у них, по-видимому, не было намерения сровнять его с землей — они явно старались уберечь от огня житницы и стада, а возможно, и женщин. Но мужчин они убивали без пощады всех подряд. Может быть, они собирались оставить в городе свой гарнизон — ведь по сведениям, полученным с севера, они проделывали это уже не раз. С наступлением Весны гаали без помех вернутся с юга в покоренные богатые земли.

«Совсем не в духе врасу», — размышлял Агат, лежа под прикрытием толстого упавшего ствола в ожидании, пока воины его маленького отряда займут позиции, чтобы в свою очередь напасть на Тевар. Он уже двое суток провел под открытым небом — сражался и прятался, сражался и прятался... Ребро, которое ему повредило в лесу, сильно ныло, хотя повязку наложили хорошо, болела полученная накануне неглубокая рана на голове — ему еще повезло, что камень, выпущенный из гаальской пращи, только слегка задел висок. Но благодаря иммунитету раны заживали быстро, и Агат не думал о них — другое дело, если бы была рассечена

артерия. Правда, он на минуту потерял сознание и упал, но потом все обошлось. А сейчас ему хотелось пить, тело затекло от неподвижности, но мысли были удивительно ясными: этот короткий вынужденный отдых пошел ему на пользу. Совсем не в духе врасу строить планы так далеко вперед. В отличие от его собственного биологического вида, они не воспринимали ни времени, ни пространства в их непрерывной протяженности. Время для них было фонарем, освещающим путь на шаг вперед и на шаг назад, а все остальное сливалось в единую непроницаемую тьму. Время — это Сегодня: вот этот, только этот день необъятного Года. У них не существовало лексики для исторических понятий, а только «сегодня» или «былое время». Вперед они не заглядывали, — во всяком случае, не дальше следующего Времени Года. Они не видели времени со стороны, а пребывали внутри него, как фонарь в ночном мраке, как сердце в теле. И так же обстояло дело с пространством. Пространство для них было не поверхностью, по которой проводятся границы, а Пределом, сердцем всех известных земель, где пребывает он сам, его клан, его племя. Вокруг Предела лежали области, обретавшие четкость по мере приближения к ним и сливавшиеся в неясный туман по мере удаления — чем дальше, тем все более смутно. Но линий, границ не было. И такое планирование далеко вперед, стремление сохранить завоеванное место через протяженность пространства и времени противоречило всем устоявшимся представлениям. Оно было... чем? Закономерным сдвигом в культуру врасу или инфекцией, занесенной с территории былых северных колоний Человека?

«В таком случае они впервые заимствовали у нас хоть какую-то идею! — с сардонической улыбкой подумал Агат. — Того и гляди, мы начнем подцеплять их простуды. И это нас убьет. Как, вполне возможно, наши представления и идеи убьют их...»

В нем нарастала ожесточенная, но почти неосознанная злоба против теварцев, которые оглушили его, повредили ребро, разорвали их союз; а теперь он вынужден смотреть, как их истребляют в их же собственном жалком глиняном городишке прямо у него на глазах. В схватке с ними он оказался беспомощным, а теперь, когда надо спасать их, он тоже почти беспомощен. И он испытывал к ним настоящую ненависть за то, что из-за них так остро ощущал свою беспомощность.

В эту минуту — как раз тогда, когда Ролери пошла назад к Космопору вместе с женщинами, гнавшими стадо, — в овражке у него за спиной среди палой листвы раздался шорох. Шорох еще не успел стихнуть, а он уже навел на овражек свой заряженный дротикомет. Закон культурного эмбарго, который стал для изгнанников основой их этики, запрещал применение взрывчатых веществ, но в первые Годы, когда шли войны с местными врасу, некоторые племена отравляли наконечники стрел и копий. Поэтому врачи Космопора сочли себя вправе составить несколько

своих ядов, которыми все еще пользовались охотники и воины. Действовали эти яды по-разному — только оглушали или обездвигивали, убивали мгновенно или медленно. Яд в его дротике был смертелен и за пять секунд парализовал нервные центры крупного животного — даже более крупного, чем гаальский воин. Простой и изящный механизм посылал дротик точно в цель за семьдесят шагов.

— Выходи! — крикнул Агат в мертвую тишину овражка, и его все еще опухшие губы раздвинулись в злой усмешке. Сейчас он даже с удовольствием прикончил бы еще одного врасу.

— Альтерран?

Из серых сухих кустов на дне овражка поднялся врасу и встал прямо, опустив руки. Это был Умаксуман.

— А, черт! — сказал Агат, опуская дротикомет, хотя и продолжал держать палец на спуске. Подавленная ярость разрешилась судорожной дрожью.

— Альтерран, — повторил теварец хрипло, — в шатре моего отца мы были друзьями.

— А потом? В лесу?

Туземец молчал. Широкоплечий, плотно сложенный. В светлых волосах запеклась глина, изнуренное лицо было землистым.

— Я слышал там и твой голос. Если уж вы решили отомстить за сестру, так могли бы не нападать всем скопом, а устроить честный поединок.

Агат все еще не снимал палец со спуска, но, когда Умаксуман заговорил, выражение его лица изменилось: он не надеялся услышать ответ.

— Меня с ними не было. Я догнал их и остановил. Пять дней назад я убил Уквета, моего племянника-брата, который их вел. С тех пор я прячусь в холмах.

Агат поставил дротикомет на предохранитель и отвел взгляд.

— Иди сюда, — сказал он после некоторого молчания, и только тут оба сообразили, что стоят во весь рост и громко разговаривают, а кругом кишат гаальские разведчики.

Когда Умаксуман, упав на землю, заполз под защиту ствола, Агат беззвучно засмеялся.

— Друг, враг, что тут, к черту, разбирать! На, бери, — добавил он, протягивая врасу ломоть хлеба, который вынул из сумки. — Ролери — моя жена, вот уже три дня.

Умаксуман молча взял хлеб и начал есть с жадностью изголодавшегося человека.

— Когда вон там слева свистнут, мы все вместе ворвемся в город через пролом в стене у северного угла и попробуем увести еще уцелевших теварцев. Гаали ищут нас у Болот, где мы были утром, а здесь не ждут. Этот наш первый налет на город будет и последним. Хочешь присоединиться к нам?

Умаксуман пожал плечами в знак согласия.

— Оружие у тебя есть?

Молодой теварец поднял и опустил топор. Бок о бок, припав к земле, они молча смотрели на пылающие крыши, на суматошные вспышки движения в узких проходах маленького города на холме перед ними. Серая пелена затягивала небо, ветер приносил едкий запах дыма.

Слева раздался пронзительный свист. Склоны холмов к западу и к северу от Тевара вдруг ожили — маленькие фигурки, пригнувшись, врассыпную перебегали седловину, поднимались по противоположному склону, скапливались у пролома и исчезали в хаосе горящего города.

У пролома воины Космопора объединялись в группы от пяти до двадцати человек, которые затем вступали в бой с рыскавшими по проходам гаалями, пуская в ход дротикометы, бола и ножи, или спешно разыскивали теварских женщин и детей и бежали с ними к воротам. Они действовали так быстро и слаженно, что казалось, будто все было заранее отрепетировано. Гаали, занятые истреблением последних защитников города, были застигнуты врасплох.

Агат и Умаксуман кинулись в пролом вместе, и пока они бежали к площади Перестука Камней, к ним один за другим присоединялись космопорские воины. Оттуда по узкому проходу-траншее они уже вдсятером пробрались к другой площади, поменьше, и ворвались в один из больших Родовых Домов. Когда они скатились по глиняным ступенькам в подземный сумрак, навстречу им, воля и размахивая боевыми топорами, бросились белолицые люди с пучками алых перьев в закрученных рогами волосах, готовые защищать свою добычу. Агат нажал на спуск, и дротик влетел прямо в открытый рот одного гааля. И тут же Умаксуман отрубил руку другого, как дровосек отрубает толстый сук. Затем наступила тишина. Женщины молча жались в темном углу. Надрывно заплакал младенец.

— Идите с нами! — крикнул Агат, и несколько женщин пошли к нему, но, разглядев, кто он, остановились как вкопанные. Возле него в полосе тусклого света, падавшего из открытой двери, воин Умаксуман, сгорбившийся под тяжестью ноши.

— Берите детей, выходите наружу! — загредел он, и, услышав знакомый голос, они послушно двинулись к лестнице.

Агат быстро построил их, поставив своих людей впереди, и подал знак выходить. Они высыпали из Родового Дома и побежали к воротам: странная процессия женщин, детей и воинов во главе с Агатом, который, размахивая гаальским топором, прикрывал Умаксумана, несущего на плечах тяжелую ношу — старого вождя, своего отца Вольда. Ни один гааль не посмел встать у них на пути.

Они выбрались за ворота, проскочили мимо гаалей на склоне, где прежде стояли шатры, и скрылись в лесу, куда устремились и

другие группы космопорских воинов вместе со спасенными женщинами и детьми, которые бежали впереди и позади них. Весь налет на Тевар длился не больше пяти минут.

В лесу им повсюду грозила опасность: гаальские разведчики и отряды двигались по тропе к Космопору. Спасенные и спасители, рассыпавшись, поодиночке и по двое углубились в лес южнее тропы. Агат остался с Умаксуманом — молодой воин нес старика и не мог защищаться. Они с трудом продирались сквозь сухой кустарник и бурелом. Но ни один враг не встретился им в серой чащобе древесных скелетов. Где-то далеко позади пронзительно кричала женщина.

Они долго пробирались на юг, а потом на запад, взбираясь и спускаясь по лесистым склонам, и в конце концов по широкой дуге вышли на север к Космопору. Когда Умаксуман совсем обессилел, Вольд попробовал идти сам — медленно, с трудом передвигая ноги. Наконец они выбрались из леса и далеко впереди увидели факелы Града Изгнания, пылающие во мраке над морем, где бушевал ветер. Поддерживая старика под локти, почти волоча его, они поднялись по склону к Лесным Воротам.

— Врасу идут! — возвестили часовые, разглядев сперва только светлые волосы Умаксумана. Потом они увидели Агата, и раздались возгласы: — Альтерра! Альтерра!

Навстречу ему бросились люди и проводили в город — друзья, которые сражались с ним бок о бок, подчинялись его приказам и не раз спасали его жизнь все эти три дня засад и стычек в лесах и на холмах.

Они сделали все, что могли. Четыреста человек против орды, движущейся с неумолимым упорством огромной стаи откочевывающих зверей. Не меньше пятнадцати тысяч одних только молодых и здоровых мужчин, решил Агат. Пятнадцать тысяч воинов, а всего от шестидесяти до семидесяти тысяч гаалей с шатрами, грубыми горшками, волокушами, ханнами, постелями из шкур, топорами, наплечными браслетами, досками, к которым привязывают младенцев, кремнями, огнивами — со всем их скудным имуществом и страхом перед Зимой и голодом. Он видел, как гаальские женщины на стоянках сдирали сухой лишайник с упавших стволов и тут же съедали. Ему не верилось, что маленький Град Изгнания еще цел, еще не сметен этим половодьем свирепости и голода, что над воротами из железа и резного дерева еще пылают факелы и навстречу ему радостно бегут друзья.

Он пытался рассказать им историю этих трех дней. Он говорил:

— Вчера днем мы зашли им в тыл... — слова падали невесомые, нереальные. И нереальной была эта теплая комната, нереальными были лица мужчин и женщин вокруг, которых он знал всю жизнь. — Земля там... Вся Откочевка двигалась по двум-трем узким долинам, и склоны там обнажены, словно после оползня.

Одна глина. И больше ничего. Земля истоптана в пыль. Ничего, кроме глины...

— Но как они могут двигаться такой массой? Что они едят? — пробормотал Гуру.

— Зимние запасы городов, которые захватывают. Все растения в наших краях уже погибли, урожай убран, дичь ушла на юг. Им остается только грабить селения на своем пути и питаться мясом убитых ханн, чтобы не умереть с голоду, прежде чем они успеют выбраться за границу Зимних снегов.

— Значит, они придут и сюда, — сказал кто-то негромко.

— Наверное. Завтра или послезавтра.

Это было правдой и все равно тоже казалось нереальным. Он провел рукой по лицу и почувствовал под ладонью засохшую грязь, ссадины, распухшие, незажившие губы. Раньше его поддерживала мысль, что он обязательно должен прийти в город и рассказать обо всем Совету, но теперь на него навалилась невероятная усталость, он не мог говорить и не слышал их вопросов. Рядом с ним молча стояла на коленях Ролери. Он посмотрел на нее, и она, не поднимая золотистых глаз, сказала очень тихо:

— Тебе надо уйти домой, альтерран.

Он не думал о ней все эти бесконечные часы, пока сражался, метал дротики, бежал, прятался в лесу. Он впервые увидел ее две недели назад, разговаривал с ней по-настоящему не больше трех раз, делил с ней ложе один раз, вступил с ней в брак в Зале Законов рано утром три дня назад, а через час ушел с отрядом в холмы. Он почти ничего о ней не знал, и она даже не принадлежала к его биологическому виду. А через день-другой они почти наверное оба будут убиты. Он беззвучно засмеялся и ласково положил ладонь на ее руку.

— Да, отведи меня домой, — сказал он.

Легкая, изящная, не похожая на них, она молча встала и ждала в стороне, пока он прощался с остальными.

Он уже сказал ей, что Вольд, Умаксуман и еще двести человек ее племени спаслись из поверженного Зимнего Города сами или с помощью его отряда и нашли приют в Космопоре. Она тогда не сказала, что хочет пойти к ним. А теперь, когда они поднимались по крутой улице, которая вела от дома Эллы к его дому, она вдруг спросила:

— Для чего вы вошли в Тевар и спасали людей?

— Для чего? — вопрос удивил его. — Но ведь они не могли спастись сами.

— Это не причина, альтерран.

Она выглядела робкой женой-туземкой, во всем покорной своему господину. Но он начинал понимать, что на самом деле она упряма, своевольна и очень горда. Голос ее был кроток, но говорила она то, что хотела сказать.

— Нет, это причина, Ролери. Нельзя же сидеть сложа руки и смотреть, как эти дикари режут людей. И я хочу сражаться, ответить на войну войной...

— Ну а ваш Город? Как вы прокормите тех, кого привели сюда? Если его окружают гаали? Или потом, Зимой?

— Запасов у нас достаточно. Это нас не беспокоит. Нам не хватает воинов.

Он спотыкался от усталости. Но чистый и холодный воздух прояснил его мысли, и в нем затеплился крохотный огонек радости, который он не испытывал уже давно. Всем своим существом он чувствовал, что эту маленькую передышку среди мрака, эту легкость духа он обрел потому, что рядом с ним идет она. Его так долго давило бремя ответственности за все. А она, посторонняя, чужая, с иной кровью, с иным сознанием, не была причастна его силе, его совести, его знаниям, его изгнанию. Между ними не было ничего общего, но она встретила его и слилась с ним полностью и всецело, как будто их не разделяла непреодолимая стена различий. Казалось, именно эта чуждость, пропастью лежавшая между ними, и толкнула их друг к другу, а соединив, дала им свободу.

Они вошли в незапертую дверь. В высоком узком доме из грубо тесанного камня нигде не горел свет. Этот дом стоял здесь три Года, сто восемьдесят лунокругов. В нем родились его прадед, его дед, его отец и он сам. Он знал его как собственное тело. И входя в этот дом с ней, с женщиной из кочевого племени, которой иначе предстояло бы жить то в одном шатре, то в другом, то на одном склоне холма, то на другом или же в тесной землянке под снегом, он испытал странное удовольствие. Его охватила нежность к ней, которую он не умел выразить, и нечаянно он произнес ее имя, но не вслух, а на парязыке. И сразу же в темноте она обернулась к нему и в темноте посмотрела ему в лицо. Дом и город вокруг них были окутаны безмолвием. И у него в сознании вдруг прозвучало его имя — точно тихий шепот в ночи, точно прикосновение через бездну.

— Ты передала мне! — сказал он вслух, растерянно, изумленно. Она ничего не ответила, но в своем сознании всеми своими нервами, всей своей кровью он вновь услышал ее сознание, которое тянулось к нему: «Агат, Агат...»

СТАРЫЙ ВОЖДЬ

Старый вождь был крепок. Апоплексический удар, сотрясение мозга, переутомление, долгие часы на холоде, гибель Города — все это он перенес, сохранив в целости не только волю, но и ясность рассудка.

Чего-то он не понимал, что-то лишь изредка вторгалось в его мысли. Он был даже рад, что больше не сидит у огня в душном сумраке Родового Дома, как женщина. Это, во всяком случае, он знал твердо. Ему нравился, всегда нравился возведенный на скалах, полный солнца и ветра город дальнерожденных, который был построен до того, как родился самый старый из ныне живущих людей, и стоит, совсем не изменившись, на своем старом месте. Построен он куда надежнее Тевара. А что случилось с Теваром? Иногда он помнил оглушительные вопли, горящие крыши, изрубленные, изуродованные тела своих сыновей и внуков, а иногда не помнил. Стремление выжить было в нем очень сильно.

До селения дальнерожденных поодиночке, по двое и по трое добирались и другие беженцы — кое-кто даже из захваченных Зимних Городов на севере, — и теперь здесь было уже около трехсот истинных людей. Ощущать свою слабость, свою малочисленность, жить подачками презираемых чужаков было так тягостно и странно, что некоторые теварцы, особенно пожилые мужчины, не могли этого вынести. Они сидели, поджав под себя ноги, пребывая в Пустоте, и зрачки их глаз сжались в крохотные точки, словно они натерлись соком гезина. И женщины тоже — те, кто видел, как их мужей рубили в куски на улицах и у очагов Тевара, те, кто потерял детей, — тяжело заболели от горя или уходили в Пустоту. Но для Вольда конец Тевара и всего привычного мира сливался с концом его жизни. Он знал, что уже очень далеко ушел по пути к смерти,

и с тихим одобрением смотрел на каждый новый день и на всех молодых мужчин, будь то истинные люди или дальнерожденные, ибо сражаться и дальше должны были теперь они.

Солнце лило свет на каменные улицы, на ярко раскрашенные дома, хотя над северными дюнами висела мутно-грязная полоса. На большой Площади перед домом, который назывался Тэатор и в котором поселили всех истинных людей, Вольда окликнул какой-то дальнерожденный. Он не сразу узнал Джекоба Агата, а узнав, сказал с хриплым смехом:

— Альтерран! Ты ведь был красивым молодцом! А сейчас у тебя во рту дыра, точно у пернмекских шаманов, которые выламывают себе передние зубы. А где... (он забыл ее имя) где женщина из моего Рода?

— В моем доме, Старейший.

— Ты покрыл себя стыдом, — сказал Вольд.

Он знал, что оскорбляет Агата, но ему было все равно. Конечно, Агат теперь глава над ним, но тот, кто держит в своем доме или шатре наложницу, покрывает себя вечным стыдом. Пусть Агат дальнерожденный, но преступать обычаи не смеет никто.

— Она моя жена. Где же тут стыд?

— Я слышу неверно, мои уши стары, — осторожно сказал Вольд.

— Она моя жена.

Вольд посмотрел прямо на Агата, в первый раз встретившись с ним взглядом. Глаза Вольда были тускло-желтыми, как солнце Зимы, и из-под тяжелых век не проглядывало даже полоски белка. Глаза Агата были темными — темный зрачок, темная радужная оболочка в белой обводке на темном лице: нелегко выдержать взгляд этих странных глаз, неземных глаз.

Вольд отвернул лицо. Вокруг него смыкались большие каменные дома дальнерожденных, чистые, яркие, озаренные солнцем, старые.

— Я взял от вас жену, дальнерожденный, — сказал он наконец, — но я не думал, что кто-то из вас возьмет жену из моего Рода... Дочь Вольда замужем за лжечеловеком и никогда не даст жизнь сыну...

— У тебя нет причины горевать, — сказал молодой дальнерожденный. Он стоял непоколебимо, как скала. — Я равен тебе, Вольд. Во всем, кроме возраста. Когда-то у тебя была дальнерожденная жена. Теперь у тебя дальнерожденный зять. Тогда ты выбирал сам, а теперь прими выбор своей дочери.

— Это нелегко, — сказал старик с утробой простотой и продолжал после некоторого молчания: — Мы не равны, Джекоб Агат. Люди моего племени убиты, а я никто. Но я человек, а ты нет. Так разве есть сходство между нами?

— Но между нами хотя бы нет обиды и ненависти, — ответил Агат все так же непреклонно.

Вольд поглядел по сторонам и наконец медленно пожал плечами в знак согласия.

— Это хорошо. Значит, мы сможем достойно умереть вместе, — сказал дальнерожденный и засмеялся — вдруг, без видимой причины, как всегда смеются дальнерожденные. — Я думаю, гаали нападут через несколько часов, Старейший.

— Через несколько...

— Очень скоро. Возможно, когда солнце будет высоко. — Они стояли возле пустой спортивной площадки, у их ног валялся легкий диск. Агат поднял его и ни с того ни с сего по-мальчишески метнул высоко в воздух. Следя за его полетом, он добавил: — На каждого из нас их двадцать. И если они переберутся через стены или разобьют ворота... Всех дальнерожденных детей я отсылаю с их матерями на Риф. Когда подъемные мосты подняты, взять Риф невозможно, а воды и припасов там достаточно, чтобы пятьсот человек прожили лунокруг. Но оставлять женщин одних не следует. Может быть, ты выберешь нескольких своих мужчин и уведешь их туда вместе с теми вашими женщинами, у кого есть дети? Им нужен глаз. Ты одобряешь этот план?

— Да. Но я останусь здесь, — сказал старик.

— Как хочешь, Старейший, — ответил Агат невозмутимо, и его суровое молодое лицо, все в рубцах, осталось непроницаемым. — Но выбери мужчин, которые пойдут вместе с вашими женщинами и детьми. Уходить надо скоро. наших женщин поведет Кемпер.

— Я пойду с ними, — сказал Вольд тем же тоном, и Агат словно бы немного растерялся. Значит, и его можно поставить в тупик! Но он тут же невозмутимо согласился. Его почтительность, конечно, лишь вежливое притворство — какое почтение может внушать умирающий, которого не признают вождем даже остатки его собственного племени? Но он оставался почтительным, как бы глупо ни отвечал Вольд. Да, он поистине скала. Таких людей мало.

— Мой вождь, мой сын, мое подобие, — сказал старик с усмешкой, положив ладонь на плечо Агата. — Пошли меня туда, куда нужно тебе. От меня больше нет пользы, и мне остается только умереть. Ваша черная скала — плохое место для смерти, но я пойду туда, если ты скажешь...

— Во всяком случае пошли с женщинами двух-трех мужчин, — сказал Агат. — Надежных, рассудительных людей, которые сумеют успокоить женщин. А мне надо побывать у Лесных Ворот, Старейший. Может быть, и ты пойдешь туда?

Агат стремительно исчез. Опираясь на космопорское копьё из светлого металла, Вольд медленно побрел за ним вверх по ступенькам и крутым улицам. На полпути он остановился, чтобы перевести дух, и только тут сообразил, что ему следует вернуться

и отослать молодых матерей с их малышами на остров, как просил Агат. Он повернулся и побрел по улице вниз. Глядя, как шаркают по камням его ноги, он понял, что ему следует послушаться Агата и уйти с женщинами на черный остров — здесь он будет только помехой.

Светлые улицы были безлюдны, и только изредка мелькал какой-нибудь дальнерожденный, шагая торопливо и сосредоточенно. Они все знают, что им надо делать, и каждый выполняет свои обязанности, каждый готов. Если бы кланы Аскатеvara были готовы, если бы воины выступили на север, чтобы встретить гааля у рубежа, если бы они заглядывали в приближающееся время, как умеет заглядывать Агат... Неудивительно, что люди называли дальнерожденных чародеями. Но ведь на север они не выступили по вине Агата. Он допустил, чтобы женщина встала между союзниками. Знай он, Вольд, что эта девчонка посмела снова заговорить с Агатом, он приказал бы убить ее за шатрами, а тело выбросить в море, и Тевар, возможно, стоял бы и сейчас...

Она вышла из двери высокого дома и, увидев Вольда, застыла на месте.

Хотя она и завязала волосы сзади, как замужняя, он заметил, что одета она по-прежнему в кожаную тунуку и штаны с выдавленным трехлепестковым цветком, знаком его Рода.

Они не посмотрели в глаза друг другу.

Она молчала, и в конце концов заговорил Вольд: прошлое — это прошлое, а он назвал Агата сыном...

— Ты пойдешь на черный остров или останешься здесь, женщина из моего Рода?

— Я останусь здесь, Старейший.

— Агат отсылает меня на черный остров, — сказал он неуверенно, тяжело переступая с ноги на ногу, и сильнее оперся на копье. Холодное солнце освещало его забрызганные кровью меха.

— По-моему, Агат боится, что женщины не пойдут, если ты не поведешь их. Ты или Умаксуман. Но Умаксуман во главе наших воинов охраняет северную стену.

Куда девалась ее шаловливость, ее беззаботная, милая дерзость? Она была серьезной и кроткой. И вдруг он ясно вспомнил маленькую девочку, единственного ребенка во всех летних угодьях, дочь Шакатани, летнерожденную.

— Так, значит, ты жена альтеррана? — сказал он, и эта мысль, заслоняя образ непослушной смеющейся девочки, снова сбила его, и он не услышал ее ответа.

— Почему мы все не уйдем из города на остров, раз его нельзя взять?

— Не хватит воды, Старейший. Гаали войдут сюда, и мы все умрем на скале.

За крышами Дома Лиги виднелась полоса виадука. Был прилив, и волны поблескивали за черной крепостью на острове.

— Дом, построенный над морской водой, — не жилище для людей, — сказал он угрюмо. — Он слишком близок к стране под морем... Теперь слушай! Я хотел сказать Арили... Агату. Погоди. Я забыл о чем. Я не слышу своих мыслей... — он напряг память, но она оставалась пустой. — Ну, пусть так. Мысли стариков подобны пыли. Прощай, дочь.

Он пошел, тяжело ступая, волоча ноги, через площадь к Тэатору, а там велел молодым матерям собрать детей и идти с ним. Потом он повел свой последний отряд — кучку перепуганных женщин с малышами и трех мужчин помоложе, которых выбрал сопровождать их, — по высокому воздушному пути, где кружилась голова, к черному страшному жилищу.

Там было холодно и тихо. Под сводами высоких комнат перекатывались отголоски плеска и шипения волн на камнях внизу. Его люди сгрудились все вместе в одной огромной комнате. Он пожалел, что с ним нет старой Керли — она была бы надежной помощницей. Но она лежит мертвая в Теваре или в лесу. Наконец две женщины похрабрее заставили остальных взяться за дело. Они нашли зерно, чтобы смолоть его для бхановой каши, и воду, чтобы варить кашу, и дрова, чтобы вскипятить воду. Когда под охраной десяти мужчин пришли женщины и дети дальнерожденных, теварцы могли угостить их горячей едой. В крепости теперь собралось не меньше шестисот человек, и она уже не была пустой: под сводами перекликались голоса и всюду копошились малыши, словно на женской половине Родового Дома в Зимнем Городе. Но за узкими окнами, за прозрачным камнем, который не допускал внутрь ветра, далеко-далеко внизу среди камней вскипали волны, дымясь на ветру.

Ветер менялся, грязная полоса в небе на севере разошлась туманом, и вокруг маленького бледного солнца повис большой белый круг — снежный круг. Вот оно? Вот что он хотел сказать Агату. Выпадет снег. Не шепотка соли, как в прошлый раз, а снег. Метель... Слово, которого он так долго не слышал и не произносил, вызвало у него странное чувство. Значит, чтобы умереть, он должен вернуться в унылые однообразные просторы своего детства, он должен вновь вступить в белый мир снежных бурь.

Он все еще стоял у окна, но уже не видел волн, шумящих внизу. Он вспомнил Зиму. Много толку будет галям от того, что они захватили Тевар и, может быть, захватят Космопор! Сегодня и завтра они будут обжираться мясом ханн и зерном. Но далеко ли они уйдут, когда повалит снег? Истинный снег, метель с ледяным ветром, которая жнет леса и сравнивает долины с холмами? Как они побегут, когда на всех дорогах их настигает этот враг! Слишком долго они задержались на севере! Вольд вдруг хрипло засме-

ялся и отошел от темнеющего окна. Он пережил свое время, своих сыновей, он больше не вождь, от него нет никакой пользы, и он должен умереть здесь, на скале среди моря. Но у него есть великие союзники, и великие воины служат ему — они сильнее Агата, сильнее всех людей. Метель и Зима вступают в битву на его стороне, и он переживет своих врагов.

Грузно ступая, он подошел к очагу, развязал мешочек с гезином, бросил крошку на угли и трижды глубоко вдохнул. А потом взревел:

— Эй, женщины? Готова каша?

Они послушно подали ему плетенку, и он ел и был доволен.

ОСАДА ГОРОДА

В первый же день осады Ролери послали к тем, кто носил воинам на стенах и крышах запасы копий — длинные, почти неотделанные стебли хольна, тяжелые, с грубо заостренным концом. Метко брошенное, такое копьё убивало, но и из неопытных рук град таких копий отгонял гаалей, которые пытались приставить лестницу к стене у Лесных Ворот. Она втаскивала бесчисленные связки этих копий по бесконечным ступенькам, на других ступеньках брала их у женщины, стоявшей ниже, и передавала наверх, бежала с ними по улицам, где гулял ветер, и ее ладони и теперь еще горели от тонких, как волосы, колючих заноз. Но сегодня она с рассвета таскала камни для катапулей — похожих на огромные пращи камнеметов, которые были установлены у Лесных Ворот. Стоило гаалям подтащить свои тараны, как на них обрушивались тяжелые камни, и они разбегались. Но чтобы кормить катапули, нужно было очень много камней. Мальчики на ближайших улицах выворачивали тесаные каменные бруски, а она и еще семь женщин укладывали их по десять штук в небольшой круглоногий ларец и тащили воинам — восемь женщин, впряженные в веревочную сбрую. Тяжелый ларец с каменным грузом не хотел сдвигаться с места, но они налегали на веревки все вместе, и вдруг его круглые ноги поворачивались. Грохоча и дергаясь, он полз за ними вверх по склону. Они ни на миг не ослабляли усилий, пока не добирались до ворот и не вываливали камни. Тогда они переводили дух, отбрасывали прилипшие к глазам волосы и тащили пустой подпрыгивающий ларец за новым грузом. Снова и снова, и так все утро. Камни и веревки до крови ободрали жесткие ладони Ролери. Она оторвала два широких лоскута от своей тонкой кожаной юбки и примотала их ремешками от сандалий к рукам. Работать стало легче, и другие женщины сделали то же.

— А жалко, что вы не помните, как делать эробили! — крикнула она Сейко Эсмит, когда они бежали вниз по улице, а за ними громыхала неуклюжая повозка.

Сейко не ответила, — может быть, она не услышала. Среди дальнерожденных не было слабых духом, и Сейко не щадила себя, но напряжение и усталость сказывались на ней все больше: она двигалась, словно во сне. Один раз, когда они возвращались к воротам, гаали начали кидать через стену горящие копыя — повсюду на камнях улицы и на черепичных крышах задымились их тлеющие древки. Сейко забилась в постромках, точно попавший в ловушку зверек, пригибаясь и шарахаясь от летящих над головой огненных палок.

— Они погаснут, этот город не загорится, — мягко сказала Ролери, но Сейко, повернув к ней невидящее лицо, пробормотала:

— Я боюсь огня, я боюсь огня...

Однако, когда молодому арбалетчику на стене попал в лицо камень из гаальской пращи и он, не удержавшись на узком выступе, сорвался и ударился о землю прямо перед ними, сбив с ног двух женщин в их упряжке и забрызгав их юбки кровью и мозгом, это Сейко бросилась к нему, это она положила разбитую голову себе на колени и прошептала слова прощания.

— Он твой родич? — спросила Ролери, когда Сейко снова впряглась в повозку и они потащили камни дальше. Дальнерожденная женщина ответила:

— Мы в Городе все родичи. Это был Джокенеди Ли — самый молодой в Совете.

Молодой борец на арене в углу большой площади, сияющий от пота и от торжества, сказавший ей, что в его городе она может ходить где хочет. Первый дальнерожденный, который заговорил с ней.

Джекоба Агата она не видела с позапрошлой ночи, потому что у всех, кто остался в Космопоре, у каждого дальнерожденного и у каждого человека были свои обязанности и свое место, а место Агата — руководителя пятнадцати сотен защитников города, осажденного пятнадцатью тысячами врагов, — было повсюду. Мало-помалу усталость и голод высасывали ее силы, и ей начало чудиться, будто он тоже лежит распростертый на залитых кровью камнях, там, где гаали нападали особенно упорно — у Морских Ворот над обрывом.

Женщины остановились: веселый мальчишка привез им на круглоногой повозке хлеб и сушеные плоды, а маленькая очень серьезная девочка, тащившая на плечах кожаный мешок с водой, дала им напиток. Ролери ободрилась. Она была уверена, что они все умрут, — разве не смотрела она с крыши на холмы, почерневшие от воинов врага? Их столько, что и не сосчитать, а осада едва началась... Но Агата не могут убить, в этом она была уверена еще больше. А раз он будет жить, то будет жить и она. Как смерти

осилить его? Ведь он жизнь — ее жизнь. Она сидела на камне и с удовольствием грызла черствый хлеб. Вокруг нее на расстоянии броска копья со всех сторон смыкались ужас, пытки, надругательства, но она сидела и спокойно жевала хлеб. Пока они дают отпор, вкладывая в него все свои силы, все свое сердце, страх, по крайней мере, над ними не властен.

Но скоро все стало очень плохо. Они тянули свой груз к воротам, и внезапно грохот повозки и все звуки вокруг утонули в оглушительном реве по ту сторону ворот — в гуле, точно при землетрясении, таком глубоком и могучем, что его слушали все кости, а не только уши. И створки ворот подпрыгнули на железных петлях, затряслись... Тут она на миг увидела Агата: он бежал во главе отряда лучников и метателей дротиков с того конца города и на бегу выкрикивал распоряжения тем, кто стоял на стенах.

Женщинам было велено укрыться на улицах ближе к Площади, и они рассыпались в разные стороны. «Гу-у-у, гу-у-у, гу-у-у!» — ревел голос бесчисленных множеств у Лесных Ворот. Этот гул был таким грозным, что, казалось, кричат сами холмы и вот-вот они выпрямятся и сбросят город с утесов в море. Ветер был ледяным. Те, с кем она возила камни, ушли, все запуталось, смешалось... И у нее больше не было работы. Начало темнеть. А день ведь еще не состарился, еще не наступило время ночи. И вдруг она поняла, что действительно скоро умрет, поверила в свою смерть. Застыв на месте, она беззвучно закричала — между высокими пустыми домами, на пустой улице.

В боковом проходе мальчики выворачивали камни и ташили их туда, где улица выводила на главную Площадь. Там строили баррикаду перед внутренними воротами. Такие же баррикады росли и на остальных трех улицах. Она начала помогать мальчикам — чтобы согреться, чтобы что-то делать. Они трудились молча — пять-шесть мальчиков, выполнявших почти непосильную для них работу.

— Снег, — сказал один, остановившись рядом с ней.

Она отвела взгляд от камня, который шаг за шагом толкала перед собой, и увидела, что в воздухе кружат белые хлопья, с каждым мгновением становясь все гуще. Остальные мальчики тоже остановились. Ветер больше не дул. Умолк и чудовищный голос у ворот. Снег и темнота пришли вместе и принесли тишину.

— Только поглядите! — ахнул кто-то из мальчиков.

Дальний конец улицы вдруг исчез. Слабое желтоватое сияние было светом в окнах Дома Лиги в сотне шагов от них.

— У нас будет вся Зима, чтобы глядеть на него, — отозвался другой. — Если только мы доживем. Пошли! В Доме уже, наверное, подают ужин.

— Ты идешь? — спросил младший у Ролери.

— Мои люди едят не там, а в... в Тэаторе.

— Нет, мы все едим в Доме Лиги, чтобы меньше было возни. Пошли!

Мальчики держались застенчиво, грубовато, по-товарищески. И она пошла с ними.

Ночь наступила рано, день наступил поздно. Она проснулась в доме Агата и увидела серый свет на серых стенах, полосы мути, сочащиеся сквозь щели ставней, которые закрывали стеклянные окна. Кругом стояла тишина, полная тишина. И в доме, и снаружи не раздавалось ни единого звука. Откуда такая тишина в осажденном городе? Но осада и гаали словно отодвинулись куда-то далеко, оттесненные этим непонятным утренним безмолвием. Тут было тепло и рядом лежал Агат, погруженный в сон. Она боялась пошевелиться.

Стук внизу, частые удары в дверь, голоса. Очарование развеялось, лучшее мгновение кончилось. Они зовут Агата. Она разбудила его — это оказалось совсем нелегко. Наконец, все еще ослепленный сном, он встал и открыл ставень, впустив в комнату дневной свет.

Третий день осады, первый день метели. Улицы были укрыты глубоким снегом, а он все падал. Иногда густые хлопья опускались спокойно и плавно, но чаще их кружил, бросал и гнал резкий северный ветер. Все было приглушено и преображено снегом. Холмы, лес, поля и луга — все исчезло. Даже небо. Соседние крыши растворились в белизне. Виден был только снег, лежащий и падающий, а больше не было видно ничего.

На западе вода отступала, откатывалась в бесшумную метель. Виадук изгибался и уходил в ничто. Риф исчез. Ни неба, ни моря. Снег летел на темные утесы, засыпал пляж.

Агат закрыл ставни, опустил крючок и повернулся к ней. Его лицо все еще не утратило сонного спокойствия, голос был хриплым.

— Они не могли уйти, — пробормотал он.

Потому что с улицы ему кричали:

— Гаали ушли! Они сняли лагерь, они бегут на юг...

Как знать? Со стен Космопора были видны только вихри снежных хлопьев. Но не стоят ли чуть дальше за этой завесой тысячи шатров, разбитых, чтобы переждать метель? А может быть, там ничего нет... Со стен на веревках спустились разведчики. Трое вернулись и сказали, что поднялись по склону до леса и не нашли гаалей, однако дальше идти не решились, потому что в двухстах шагах даже города не было видно. Один не вернулся. Захвачен или заблудился?

Совет собрался в библиотеке Дома Лиги. И туда, как обычно, пришли все, кто хотел, — для того, чтобы слушать или принять участие в обсуждении. В Совете теперь осталось восемь человек вместо десяти. Смерть настигла Джокенеди Ли и Гариса, самого молодого и самого старого. На заседание пришло семеро: Пилотсон

нес стражу на стенах. Однако комнату заполнили безмолвные слушатели.

— Они не ушли... Но они не рядом с городом... Кроме... кроме некоторых...

Элла Пасфаль говорила хрипло, на горле у нее билась жилка, лицо стало глинисто-серым. Ей лучше всех дальнерожденных удавалось «слушать мысли», как они это называли. Она была способна улавливать человеческие мысли на очень далеком расстоянии, непосильном для других, и могла слушать их незаметно для того, кто думал.

«Это запрещено!» — сказал Агат так давно... неделю назад? И на этот раз он был против того, чтобы таким способом узнать, ушли ли гаали от Космопора или нет.

— Мы ни разу не нарушили этого закона, — сказал он. — Ни разу за все время Изгнания! — и еще он сказал: — Мы узнаем, где гаали, как только кончится метель. А пока удвоим стражу на стенах.

Но остальные с ним не согласились и поставили на своем. Увидев, что он отступил, смирился с их решением, Ролери растерялась и расстроилась. Он попытался объяснить ей, почему должен был согласиться. Он сказал, что он не Глава Города и не Глава Совета, что десятерых альтерранов выбирают на время и они управляют все вместе, как равные. Но Ролери не могла этого понять. Либо он главный среди них, либо нет. А если нет, то их всех ждет гибель.

Старуха задергалась в судорогах, глядя перед собой невидящими глазами, и попыталась объяснить словами смутные, необъяснимые проблески чуждого сознания, мыслящего на неизвестном языке, выразить краткое неясное ощущение чего-то, чего касались чужие руки.

— ...Я держу... я держу... к-канат... в-веревку, — произнесла она, запинаясь.

Ролери вздрогнула от страха и отвращения. Агат отвернулся от Эллы, замкнувшись в себе.

Наконец Элла замерла и долго сидела, опустив голову.

Сейко Эсмит налила церемониальную чашку ча для семи членов Совета и для Ролери. Каждый, едва коснувшись напитка губами, передавал ее соседу, а тот — своему соседу, пока она не опустела. Взяв чашку у Агата, Ролери несколько мгновений изумленно рассматривала ее, прежде чем сделать глоток. Нежно-синяя, тонкая, как цветочный лепесток, она пропускала свет, точно драгоценный камень.

— Гаали ушли, — сказала вслух Элла Пасфаль, поднимая измученное лицо. — Они движутся сейчас по какой-то долине между грядями холмов. Это воспринялось очень четко.

— Гилнская долина, — пробормотал кто-то. — Милях в десяти за Болотами.

— Они бегут от Зимы. Стены города в безопасности.

— Но Закон нарушен, — сказал Агат, и его охрипший голос заглушил оживленные радостные возгласы. — Стены всегда можно восстановить. Ну, увидим...

Ролери спустилась с ним по лестнице в обширный Зал Собраний, заставленный длинными столами и скамейками, потому что общая столовая помещалась теперь здесь, под золотыми часами и хрустальными шариками планет, обращающихся вокруг своих солнц.

— Пойдем домой, — сказал он, и, надев длинные меховые куртки с капюшонами, которые всем выдавали со склада в подвале Общинного Дома, они вышли на Площадь, навстречу слепящему ветру.

Но не прошли они и десяти шагов, как из метели выскочила нелепая белая фигура, вся в красных разводах, и закричала:

— Морские Ворота! Они ворвались в Морские Ворота!

Агат взглянул на Ролери и скрылся за снежной завесой. И почти сразу с башни сверху донеслись гулкие удары металла о металл, только чуть приглушенные снегом. Эти могучие звуки они называли «колоколом», и еще перед осадой все выучили сигналы. Четыре удара, пять ударов и тишина, потом снова пять ударов, и снова, и снова: все воины к Морским Воротам, к Морским Воротам.

Ролери едва успела оттащить вестника с дороги под аркадами Дома Лиги, как из дверей начали выбегать мужчины, без курток, натягивая куртки на бегу, с оружием и без оружия. Они ныряли в крутящийся снег и исчезали из виду, не успев пересечь Площадь.

Больше из дверей никто не появлялся. Со стороны Морских Ворот сквозь вой ветра доносился шум, но в этом снежном мире он казался очень далеким. Она стояла под аркой, поддерживая вестника. Из глубокой раны у него на шее текла и текла кровь. Он упал бы, если бы она его отпустила. Его лицо было ей знакомо — альтерран, которого зовут Пилотсон, и она повела его к двери, называя по имени, чтобы он пришел в себя. А он пошатывался от слабости и бормотал, словно еще не сообщил своей вести:

— Они ворвались в Морские Ворота, они в стенах города...

ОСАДА ПЛОЩАДИ

Высокие узкие створки Морских Ворот гулко захлопнулись, лязгнули засовы. Битва в снежных вихрях кончилась. Но защитники города оглянулись и сквозь сыплющиеся хлопья увидели на улице, за сугробами в красных пятнах, убегающие тени.

Подняв своих раненых и убитых, они поспешно вернулись на Площадь. В такой буран было бессмысленно высматривать осадные лестницы. На стене уже в десяти шагах все сливалось в непроницаемую муть. Гаальский воин, а может быть и не один, проскользнул в город под самым носом у часовых и открыл Морские Ворота. Нападение удалось отбить, но в любую минуту в любом месте гаали могли начать новый штурм, бросившись на стены всем скопом.

— Я думаю, — сказал Умаксуман, шагая рядом с Агатом к баррикаде между Тэатором и Колледжем, — я думаю, что гаали почти все ушли сегодня на юг.

Агат кивнул:

— Да, конечно. Если они задержатся, то перемерут от голода. Остался только отряд, чтобы занять город, прикончить нас и жить на наших запасах до Весны. Сколько их, как ты полагаешь?

— Там, у ворот, было не больше тысячи, — с сомнением в голосе произнес теварец. — Но могло остаться больше. И если они перебрались через стены... Смотри! — Умаксуман указал на неясную фигуру, которая быстро метнулась в сторону, когда снежная завеса дальше по улице на мгновение раздвинулась. — Ты туда! — буркнул он и бросился налево.

Агат обошел квартал справа и встретился с Умаксуманом у следующего угла.

— Неудача, — сказал он.

— Удача! — коротко ответил товарец и взмахнул гаальским топором с костяной инкрустацией, которого минуту назад у него не было.

В снежном хаосе у них над головой плыл низкий мелодичный звон колокола на башне Дома Лиги — бом, бом-бом, бом, бом-бом, бом... Уходите на Площадь, на Площадь... Все, кто дрался у Морских Ворот, кто нес дозор на стенах и у Лесных Ворот, кто спал у себя дома или пытался следить за врагом с крыш, пришли или еще шли в сердце города, на Площадь, огороженную четырьмя высокими зданиями. Одного за другим их пропускали за баррикады. Умаксуман и Агат тоже наконец направились туда. Было бы безумием медлить на опустевших улицах, где прятались неясные тени.

— Идем же, альтерран! — настойчиво сказал товарец, и Агат неохотно внял голосу здравого смысла. Так мучительно было оставлять свой город врагу!

Ветер тем временем стих. И порой в странном безмолвии, полном сложного сплетения звуков, люди на Площади улавливали звон бьющегося стекла, удары топора по двери где-то на улицах, уводивших за завесу метели. Многие дома были оставлены незапертыми, и грабители могли проникнуть в них без всякого труда, но их не ждало там ничего, кроме защиты от снега и ветра. Все съестные припасы до последней крошки были сданы в общий фонд в Доме Лиги еще неделю назад. В прошлую ночь вода и природный газ были отключены во всех домах, кроме четырех зданий на Площади. Фонтаны Космопора больше не били, и на кольца сосуллек легли высокие снежные шапки. Склады и зернохранилища помещались глубоко под землей, в подвалах и погребках, много лет назад сооруженных под Общинным Домом и Домом Лиги. Остальные дома в городе стояли пустые, холодные, темные, покинутые, ничего не суля врагам.

— Нашего стада им хватит на целый лунокруг. И корм не понадобится: они зарежут всех ханн, а мясо провялят... — Дэрмат, член Совета, прямо на пороге Дома Лиги обрушил на Агата панические упреки.

— Пусть прежде их поймают! — буркнул Агат.

— О чем ты?

— О том, что несколько минут назад, перед тем как уйти от Морских Ворот, мы открыли хлева и выпустили ханн. Со мной был Паул Пастух, и он проецировал панический страх. Они бросились врассыпную как ошпаренные, и буран замел их следы.

— Ты выпустил ханн? Все стадо? А как же мы проживем Зимую? Если гаали уйдут?

— Неужто сигнал паники, который Паул проецировал на ханн, подействовал и на тебя, Дэрмат? — вспыхнул Агат. — По-твоему, мы не сумеем собрать собственный скот? Ну а наши запасы зерна? Охота? Сугробники, наконец? Да что с тобой, черт побери?

— Джекоб! — тихо сказала Сейко Эсмит, становясь между ними.

Он осознал, что кричит на Дэрмата, и с усилием взял себя в руки. Но у кого хватит сил, вернувшись после кровавого боя, уговаривать пожилого мужчину, вдруг закатившего истерику? У него отчаянно болела голова. Рана над виском, которую он получил во время одного из налетов на стоянки гаалей, все еще ныла, хотя ей давно было пора затянуться. Из схватки у Морских Ворот он вышел невредимым, но на нем запеклась кровь других людей.

В высокие окна библиотеки, ставни которых были открыты, мягко били снежные хлопья. Наступил полдень, но казалось, что уже смеркается. Внизу была Площадь, бдительные часовые на баррикадах, а дальше — покинутые дома, оставленные воинами стены, город снега и теней.

Этот день, день отступления во внутренний Город и четвертый день осады, они провели за баррикадами, однако ночью, когда метель на время поутихла, по крышам Колледжа наружу выбрались разведчики. К рассвету метель снова разыгралась — а может быть, почти сразу за первым налетом второй буран, — и под прикрытием снегопада и стужи не только мужчины, но и мальчики Космопора начали партизанскую войну на улицах родного города. Они уходили по двое и по трое, крались по улицам, крышам, комнатам — тени среди теней. Они пускали в ход ножи, отравленные дротики, бола. Они врывались в собственные дома и убивали укрывшихся там гаалей — или гаали убивали их.

Агат, который не знал страха высоты, особенно ловко играл в эту игру на крышах. Занесенная снегом черепица стала коварно скользкой, но оттуда легче всего было поражать гаалей дротиками, и он не мог противостоять соблазну, тем более что другие такие же забавы — прятки и салочки на улицах, жмурки в домах — обещали ровно столько же шансов уцелеть или погибнуть.

Шестой день осады, четвертый день бурана: в этот день хлопья сменились снежной крупой — мелкой, редкой, летевшей по ветру горизонтально. Термометры в подвале Общинного Дома, где помещался Архив, а теперь был устроен госпиталь, показывали, что температура снаружи равна минус четырем градусам, а анемометр регистрировал порывы ветра со скоростью до шестидесяти миль в час. На улицах творилось что-то ужасное: ветер швырял ледяную крупу в лицо, точно горсти песка, бросал ее в разбитые окна, ставни которых пошли на костры, волнами гнал по расщепленным полам. Если не считать четырех зданий вокруг Площади, в городе не было ни тепла, ни пищи. Гаали пережидали буран, забившись в пустые комнаты, и прямо на полу жгли ковры, разломанные двери, ставни, шкафы. Есть им было нечего — все запасы забрала Откочевка. Они ждали, чтобы погода переменялась, — тогда можно будет охотиться, а покончив с защитниками города, благоденствовать на его зимних запасах. Но пока буран не стихал, осаждающие голодали.

Они заняли виадук, хотя пользы им от него не было никакой. Дозорные на Башне Лиги наблюдали их единственную нерешительную попытку захватить Риф — град копий и поднятый подъемный мост сразу же положили ей конец. На песок под обрывом они спускаться не решались: по-видимому, зрелище мчащейся к берегу приливной волны внушило им ужас, а о том, когда ее следует ожидать, они не имели никакого представления, так как пришли сюда из внутренних областей материка. Значит, за Риф можно было не опасаться, и тем, кто особенно хорошо владел параречью, удавалось вступать со своими близкими на острове в достаточно тесный контакт для того, чтобы узнать, что там все идет хорошо и любящие отцы могут не волноваться: все дети здоровы. Да, Рифу ничто не грозило. Но в город враги ворвались и заняли его. Более ста его защитников уже убиты, а остальные заперты в четырех домах, как в ловушке. Город снега, теней и крови.

Джекоб Агат, скорчившись, сидел в комнате с серыми стенами. Она была пуста, только на полу валялись присыпанные снегом обрывки войлочного ковра и битое стекло. Дом был погружен в мертвую тишину. Вон там, под окном, раньше лежал тюфяк... Ролери разбудила его на рассвете в тот единственный раз, когда они вместе ночевали в его доме, где он сейчас прячется, точно чужой. С горькой нежностью он прошептал ее имя. Когда-то... так давно, так давно — дней двенадцать назад — он сказал, что не может жить без нее, а сейчас у него ни днем ни ночью не выпадало минуты, чтобы даже вспомнить о ней. «Ну, так я буду думать о ней сейчас, дай мне хотя бы думать о ней!» — яростно бросил он глухой тишине, но подумал только, что они родились не в ту пору, в неположенный срок. Нельзя начинать любить, когда приходит время смерти.

Ветер заунывно свистел в разбитых окнах. Агата пробрала дрожь. Весь день ему было то жарко, то холодно. Термометр продолжал опускаться, и у тех, кто отправлялся на вылазки по крышам, кожа теряла чувствительность, покрывалась болячками — старики называли это «обморожением». Двигаясь, он чувствовал себя лучше. А думать не надо — что толку. По привычке он направился к двери, но тут же спохватился и на цыпочках подошел к окну, через которое влез в комнату. На первом этаже соседнего дома обосновались гаали. Сверху Агату была видна спина одного из них, мускулистая согнутая шея, очень белая под грязью. И волосы у них были светлые, только вымазанные какой-то темной смолой. Странно, что, в сущности, он не знает, как выглядят его враги. Мечешь издалека дротик, наносишь удар и убегаешь или, как в схватке у Морских Ворот, дерешься врукопашную, еле успевая наносить и отражать удары — тут уж некогда разглядывать. А какие у них глаза? Тоже коричневые или золотистые, как у теварцев? Нет, как будто серые... Но сейчас не время выяснять это. Он

вспрыгнул на подоконник, подтянулся на карниз и ушел из своего дома по крыше.

На обычном пути к Площади его ждала засада — гаали тоже начали выбираться на крыши. Он быстро ускользнул от всех преследователей, кроме одного. Но этот, сжимая в руке духовую трубку, следом за ним перемахнул через широкий провал между домами, который остановил остальных. Агату пришлось спрыгнуть в боковой проход. Он упал, вскочил и кинулся по улице Эсмит к баррикаде. Дозорный высматривал таких беглецов и сразу сбросил веревочную лестницу. Агат взлетел по ней наверх, но уже на баррикаде ему в правую руку впился дротик. Он спрыгнул за баррикаду, вырвал дротик, высосал ранку и сплюнул. Гаали не отравляли своих дротиков и стрел, но они подбирали и снова использовали дротики космопорцев, в том числе и отравленные. Наглядная демонстрация одной из причин установления Закона о культурном эмбарго. Агат пережил очень скверные две минуты, ожидая, что вот-вот начнутся судороги, потом решил, что ему повезло, и тут же глубокая ранка над запястьем заболела очень сильно. Сможет ли он теперь стрелять как следует?

В Зале Собраний под золотыми часами раздавали обед. Он ничего не ел с рассвета и изнывал от голода, пока не сел за стол с тарелкой горячей бханы и солонины. Тут он почувствовал, что не может проглотить ни куска. Разговаривать ему тоже не хотелось, но это было все-таки лучше, чем есть, и он отвечал на вопросы тех, кто собрался вокруг него, и сам расспрашивал их. Затем на башне над их головой раздался набат — еще один штурм.

Как обычно, гаали бросались то на одну баррикаду, то на другую, и, как обычно, без особого толку. Вести настоящий штурм в такую непогоду было невозможно. И эти короткие налеты в сумерках они устраивали только в надежде, что хотя бы одному-двум воинам удастся проникнуть за баррикаду, воспользовавшись тем, что внимание ее защитников отвлечено, перебежать через Площадь и открыть выходящие на улицу массивные чугунные двери Общинного Дома. С наступлением темноты нападавшие отступили, и вскоре лучники, стрелявшие из окон верхнего этажа Колледжа и Общинного Дома, крикнули, что на улицах вокруг никого нет. Как обычно, двое-трое защитников баррикады были ранены или убиты — пущенная снизу стрела достала арбалетчика в верхнем окне; мальчик, который взобрался на самый верх баррикады, чтобы точнее попадать в цель, был тяжело ранен в живот копьем с железным наконечником, остальные отделались царапинами и синяками. Каждый день число раненых и убитых увеличивалось, и все меньше оставалось тех, кто охранял баррикады и сражался. Слишком их было мало даже для малых потерь...

Когда Агат вернулся с баррикады, у него опять начался жар и озноб. Почти все, кого набат оторвал от обеда, вернулись за свои столы, но Агату даже запах еды вдруг стал противен, и, заметив,

что ранка на запястье снова начала кровоточить, он воспользовался этим предлогом, чтобы уйти и спуститься в подвал Общинного Дома — пусть костоправ забинтует ее как следует.

В этом огромном зале с низким потолком всегда поддерживалась одна и та же температура, и круглые сутки он освещался мягким, ровным светом. Отличное помещение, чтобы хранить старинные инструменты, карты и папки с документами — и отличное помещение для раненых. Они лежали на тюфяках, разостланных поверх войлочного ковра, крохотные островки сна и боли среди глубокой тишины длинного зала. И он увидел, что надежда его не обманула и между ними навстречу ему идет его жена. Он смотрел на нее — живую, реальную — и не испытывал той горькой нежности, которую вызывали в нем мысли о ней, а просто радовался.

— Здравствуй, Ролери, — буркнул он и, сразу отвернувшись от нее к Сейко и костоправу Воттоку, спросил, как себя чувствует Гуру Пилотсон. Он не знал, что делать с переполнявшим его восторгом, и не мог ни заглушить его, ни справиться с ним.

— Его рана пухнет, — шепотом сказал Вотток, и Агат удивленно посмотрел на него, не сразу сообразив, что он говорит о Пилотсоне.

— Пухнет? — повторил он с недоумением и, подойдя к тюфяку Пилотсона, опустился рядом с ним на колени.

Глаза Пилотсона были устремлены прямо на него.

— Ну как дела, Гуру?

— Ты совершил опасную ошибку, — сказал раненый.

Они знали друг друга с рождения и были друзьями всю жизнь. Агат сразу понял, о чем думает Пилотсон, — о его женитьбе. Но он не нашелся что ответить.

— Это ничего бы не изменило... — начал он наконец и тут же умолк. Нет, он не станет оправдываться.

— Мало, слишком мало, — сказал Пилотсон.

И только тут Агат понял, что сознание его друга помрачено.

— Все хорошо, Гуру! — сказал он с такой властной твердостью, что Пилотсон глубоко вздохнул и закрыл глаза, словно эти слова его успокоили. Агат встал и вернулся к Воттоку. — Перевяжи мне, пожалуйста, руку, чтобы остановить кровь. А что с Пилотсоном?

Ролери принесла полоску ткани и пластырь. Вотток быстро и ловко забинтовал руку Агата и ответил на его вопрос:

— Я не знаю, альтерран. По-видимому, гаали пользуются ядами, которых наши противоядия не нейтрализуют. Я перепробовал их все. И не один Пилотсон альтерран стал их жертвой. Вот погляди на этого мальчика. С ним то же самое.

Мальчик, которому не минуло и пятнадцати лунокругов, стоял и метался, точно в кошмаре. В одной из уличных вылазок его ранили в бедро. Кровь давно остановили, однако под кожей от

раны тянулись багровые полосы, а сама она выглядела странно и была очень горячей на ощупь.

— Ты перепробовал все противоядия? — повторил Агат, отводя глаза от искаженного мальчишеского лица.

— Все до единого. А помнишь, альтерран, как в начале Осени ты загнал на дерево клойса и он тебя исцарапал? Эти царапины были похожи на его рану. Может быть, гаали изготавливают яд из крови или желез клойсов. И его рана заживет, как твои царапины. Да, вот шрам... — Вотток повернулся к Сейко и Ролери и объяснил: — Когда он был не старше этого мальчика, он залез на дерево за клойсом, а тот зацепил его когтями. Ранки были пустяковые, но они распухли, рука стала горячей, и он очень плохо себя чувствовал. Однако через несколько дней все зажило.

— Эта рана не заживет, — тихо сказала Ролери Агату.

— Почему ты так думаешь?

— Раньше я... иногда ходила со знахаркой нашего клана. И кое-чему научилась... Полоски у него на ноге... такие полоски называются тропами смерти.

— Значит, ты знаешь этот яд, Ролери?

— Это не яд. Так может случиться с каждой глубокой раной. И даже с самой маленькой, если кровь не течет, а в нее попала грязь. Огонь, зажженный оружием!

— Суеверные выдумки! — гневно перебил старый врач.

— Оружие не зажигает в нас огня, Ролери, — объяснил Агат, бережным движением отводя ее от рассерженного старика. — Мы не...

— Но ведь он горит и в мальчике, и в Пилотсоне! И погляди сюда...

Она повернула его к тюфяку, на котором сидел раненый теварец, добродушный пожилой человек. Он охотно позволил Агату осмотреть под волосами место, где было его ухо, которое отрубил гаальский топор. Рана подживала, но она распухла, была горячей и из нее что-то сочилося.

Агат машинально прижал ладонь к виску, к собственной ноющей ране, которую не удосужился даже перевязать.

К ним подошел Вотток. Свирепо поглядев на ни в чем не повинного теварца, он сказал:

— Местные врасу называют «огнем от оружия» инфекции, возникающие, когда в кровь попадают микроорганизмы. Ты изучал это в школе, Джекоб. Поскольку люди иммунны к местным бактериям и вирусам, нам опасны только повреждения жизненно важных органов, большая потеря крови или химические яды, но от них у нас есть противоядия...

— Но ведь мальчик умирает, Старейшина, — перебила Ролери с мягким упорством. — Рану зашили, не промыв...

Старый врач задохнулся от бешенства:

— Иди к своим сородичам и не учи меня, как надо лечить людей...

— Довольно! — сказал Агат.

Наступило молчание.

— Ролери! — сказал Агат. — Если ты сейчас здесь не очень нужна, то, может, мы могли бы пойти... — он чуть было не сказал «пойти домой», — поесть чего-нибудь, — закончил он растерянно.

Она еще не обедала, и, сидя рядом с ней в Зале Собраний, он тоже съел несколько ложек. Потом они надели куртки и через неосвещенную Площадь, где завывал ветер, пошли к зданию Колледжа. Там они ночевали в классной комнате вместе с двумя другими парами. Большие спальни в Общинном Доме были удобнее, но почти все супружеские пары, если только жена не ушла на Риф, устроились в Колледже, предпочитая хотя бы такое подобие уединения. Одна женщина, укрывшись курткой, уже крепко спала за сдвинутыми партами. К разбитым окнам для защиты от дровиков, стрел и ветра были придвинуты поставленные на ребро столы. Агат и его жена постелили куртки на голый пол. Но Ролери не позволила ему сразу уснуть: она зачерпнула с подоконника чистый снег и промыла им раны у него на голове и руке. Ему было больно, и он, обессиленный усталостью, раздраженно потребовал, чтобы она перестала, но она ответила:

— Ты — альтерран, ты не болеешь, но от этого не будет вреда. Никакого вреда от этого не будет.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

В холодном мраке пыльной комнаты Агат в бредовом сне иногда начинал говорить вслух, а потом, когда она заснула, он позвал ее из глубины собственного сна, через черную бездну, повторяя ее имя и словно уходя все дальше и дальше. Его голос ворвался в ее дремоту, и она проснулась. Было еще темно.

Утро наступило рано: по краям заслонявших окна столов загорелся серебряный ореол, на потолок легли светлые полосы. Женщина, которая спала, когда они накануне пришли сюда, продолжала спать мертвым сном безмерного утомления, но муж и жена, устроившиеся на одном из столов, чтобы избежать сквозняка, уже проснулись. Агат приподнялся, сел, поглядел по сторонам и хрипло, растерянно сказал:

— Метель кончилась...

Чуть-чуть отодвинув стол, загораживающий ближайшее окно, они выглянули наружу и вновь увидели мир: истоптанный снег на Площади, сугробы, венчающие баррикады, фасады трех величественных зданий справа, слева и напротив, слепо глядящих закрытыми ставнями, заснеженные крыши позади них и кусочек моря. Бело-голубой мир, купающийся в прозрачном свете, голубые тени в сверкающей белизне повсюду, куда уже достигли лучи раннего солнца.

Этот мир был прекрасен, но они были беззащитны в нем, словно ночью рухнули укрывавшие их стены.

Агат подумал то же, что думала она, так как он сказал:

— Идемте в Дом Лиги, пока еще они не сообразили, что могут спокойно расползаться на крышах и тренироваться на нас в стрельбе по мишеням.

— Можно пользоваться туннелями, соединяющими все здания, — сказал мужчина, спрыгивая со своего стола.

Агат кивнул:

— Мы и будем ими пользоваться, но на баррикады по туннелю не доберешься...

Ролери медлила, пока остальные не ушли, а тогда настояла, чтобы Агат позволил ей еще раз осмотреть рану над виском. Рана выглядела получше... или, во всяком случае, не хуже. На его лице еще не зажили следы ударов ее родичей, а ее руки были все в ссадинах от камней и веревок, в болячках, воспалившихся от холода. Она прижала свои истерзанные руки к его истерзанной голове и засмеялась.

— Мы точно два старых воина, — сказала она. — Джекоб Агат, когда мы уйдем в страну под морем, твои передние зубы вырастут снова?

Он непонимающе посмотрел на нее и попробовал улыбнуться, но у него ничего не получилось.

— Может быть, когда умирает дальнерожденный, он возвращается на звезды... в другие миры, — сказала она и перестала улыбаться.

— Нет, — ответил он и встал. — Нет, мы остаемся здесь. Ну так идем, жена моя.

Хотя и солнце, и небо, и снег сияли ослепительным блеском, воздух снаружи стал таким холодным, что было больно дышать. Они торопливо шли к аркаде Дома Лиги, как вдруг позади них раздался шум. Агат схватился за дротикомет, и они обернулись, готовые броситься в сторону. Странная вопящая фигура словно взлетела над баррикадой и рухнула вперед головой в снег почти рядом с ними. Гааль! С двумя копытами в груди. Дозорные на баррикаде махали руками и кричали. Арбалетчики торопливо натягивали тетиву своего оружия и, задрав головы, смотрели на восточную стену здания над собой — из-за ставней окна на верхнем этаже выглядывал какой-то человек и что-то кричал им. Мертвый гааль лежал ничком на истоптанном окровавленном снегу в голубой тени баррикады.

Один из дозорных подбежал к Агату:

— Альтерран! Они, наверное, сейчас все кинутся на приступ...

Но его перебил человек, выскочивший из дверей Колледжа:

— Нет! Я видел этого! Этот гнался за ним, оттого он и вопил так...

— Кого ты видел? Он что, бросился на приступ в одиночку?

— Он убегал от этого, спасал свою жизнь. А вы там с баррикады разве его не видели? Неудивительно, что он так вопил! Весь белый, бежит, как человек, а шея, альтерран... шея вот такая! Выскочил из-за угла следом за ним, а потом повернул обратно.

— Снежный дьявол, — сказал Агат и посмотрел на Ролери, ища подтверждения. Она кивнула — ведь она не раз слышала рассказ Вольда.

— Белый, и высокий, и голова мотается из стороны в сторону... — она повторила жутковатую пантомиму Вольда, и человек, который видел зверя из окна, воскликнул:

— Да-да!

Агат взобрался на баррикаду взглянуть, не покажется ли снежный дьявол еще раз. Ролери осталась внизу. Она смотрела на мертвеца. В каком же он был ужасе, что, ища спасения, кинулся на вражеские копыя! Она впервые видела гааль так близко — пленных не брали, а она почти все время проводила в подземной комнате, ухаживая за ранеными. Гааль был коротконогий и очень худой. Кожа еще бледнее, чем у нее, и натерта жиром так, что лоснится. В намазанные смолой волосы вплетены алые перья. Не одежда, а одни лохмотья, кусок войлока вместо куртки. Мертвец лежал, раскинув руки и ноги, как застигла его внезапная смерть, уткнувшись лицом в снег, словно все еще старался спрятаться от белого зверя, который гнался за ним... Ролери неподвижно стояла возле него в холодной светлой тени баррикады.

— Вон он! — закричал над ней Агат со ступенчатой внутренней стороны баррикады, сложенной из тесаных брусков уличной мостовой и камней с береговых утесов.

Он спустился к ней, его глаза блеснули. Торопливо шагая рядом с ней к Дому Лиги, он говорил:

— На одну секунду он все-таки показался. Перебежал улицу Отейка. На бегу он мотнул головой в нашу сторону. Они охотятся стаями?

Ролери не знала. Она знала только излюбленный рассказ Вольда о том, как он один на один убил снежного дьявола среди мифических снегов прошлой Зимы. Они вошли в переполненную столовую, и Агат, сообщив о случившемся, задал тот же вопрос. Умаксуман сказал твердо, что снежные дьяволы часто бегают стаями, но дальнерожденные, конечно, не могли положиться на слова врасу и пошли справиться со своими книгами. Книга, которую они принесли в столовую, сказала, что после первого бурана Девятой Зимы были замечены снежные дьяволы, бежавшие стаей из двенадцати—пятнадцати особей.

— А как говорят книги? У них же нет голоса. Это вроде мысленной речи, вот как ты говоришь со мной?

Агат посмотрел на нее. Они сидели за одним из длинных столов в Зале Собраний и, обжигаясь, пили жидкий травяной суп, который так любят дальнерожденные. Ча — называют они его.

— Нет... А впрочем, да, отчасти. Слушай, Ролери. Я сейчас иду на баррикаду, а ты возвращайся в госпиталь. Не обращай внимания на вуркотню Воттока. Он стар и переутомлен. Но он очень много знает. Если тебе понадобится сходить в другое здание, иди не через Площадь, а по туннелю. Вдобавок к гаальским лучникам еще эти твари... — он как будто засмеялся. — Что дальше, хотел бы я знать!

— Джекоб Агат, можно, я спрошу...

За то короткое время, которое она его знала, ей так и не удалось распутать, сколько кусков в его имени и какие она должна употреблять.

— Я слушаю, — сказал он очень серьезно.

— А почему ты не говоришь на мысленной речи с гаалями? Вели им, чтобы... чтобы они ушли. Как ты велел мне на песках, чтобы я убежала к Рифу. Как ваш пастух велел ханнам...

— Люди ведь не ханны, — ответил он, и ей вдруг пришло в голову, что из них всех только он один и ее соплеменников, и своих соплеменников, и гаалей равно называет людьми.

— Старуха... Элла Пасфаль... она же слушала гаалей, когда их большое войско двинулось на юг.

— Да. Люди, обладающие этим даром и умеющие им пользоваться, способны даже на расстоянии слышать чужие мысли так, что тот, кто их думает, ничего не замечает. Ну, как в толпе ощущаешь общий страх или общую радость. Конечно, это много проще, чем слышать мысли, но все-таки есть и общее — отсутствие слов. А мысленная речь и восприятие мысленной речи — это совсем другое. Нетренированный человек, если ему передать, сразу замкнет свое сознание, так и не поняв, что он что-то слышит. Особенно если передается не то, чего он сам хочет или во что верит. Обычно те, кто не учился параобщению, обладают полнейшей защитой от него. Собственно говоря, обучение параобщению сводится главным образом к отработке способов разрушать собственную защиту.

— А животные? Ведь они слышат?

— В какой-то степени. Но опять-таки слова здесь отсутствуют. У некоторых людей есть способность проецировать на животных. Очень полезное свойство для охотников и пастухов, ничего не скажешь. Разве ты не слышала, что дальнерожденные — очень удачливые охотники?

— Да. Потому их и называют чародеями. Но, значит, я — как ханна? Я слышала тебя.

— Да. И ты передала мне... Один раз в моем доме... Так иногда бывает между двумя людьми — исчезают все барьеры, вся защита. — Он допил свой ча и задумчиво уставился на узор солнца и сверкающих планет на длинной стене напротив. — В таких случаях необходимо, чтобы они любили друг друга. Необходимо... Я не могу проецировать гаалям мой страх, мою ненависть. Они не услышат. Но если бы я начал проецировать их на тебя, то мог бы тебя убить. А ты меня, Ролери...

Тут пришли и сказали, что его ждут на Площади, и он должен был уйти от нее. Она спустилась в госпиталь, чтобы ухаживать за лежащими там теварцами, как ей было поручено, и чтобы помочь раненому дальнерожденному мальчику умереть. Это была тяжелая смерть, и длилась она весь день. Вотток позволил ей сидеть с

мальчиком. Убедившись, что все его знания бесполезны, старый врач то угрюмо и горько смирялся с неизбежным, то впадал в ярость.

— Мы, люди, не умираем вашей мерзкой смертью! — крикнул он один раз в бессильной злобе. — Просто у него какой-то врожденный порок крови!

Ей было все равно, что бы он ни говорил. Все равно было и мальчику, который умер в мучениях, сжимая ее руку.

В большой тихий зал приносили новых раненых — по одному, по двое. Только поэтому она знала, что наверху, на снегу, под яркими лучами солнца идет ожесточенный бой. Принесли Умак-сумана. Ему в голову попал камень из гаальской пращи, и он лежал без движения, могучий, красивый. Она смотрела на него с токливой гордостью — бесстрашный воин, ее брат. Ей казалось, что его смерть близка, но через некоторое время он сел на тюфяке, встряхнул головой и встал.

— Где это я? — спросил он громким голосом, и, отвечая ему, она чуть не засмеялась. Детей Вольда убить нелегко!

Он рассказал ей, что гаали без передышки осаждают четыре баррикады разом, совсем как у Лесных Ворот, когда они всей толпой ринулись к стенам и лезли на них по плечам друг друга.

— Воины они глупые, — сказал он, потирая большую шишку над ухом. — Если бы у них хватило ума неделю сидеть на крышах вокруг этой Площади и пускать в нас стрелы, у нас не осталось бы людей, чтобы защищать баррикады. Но они только и умеют, что наваливаться всей ордой и вопить...

Он опять потер шишку, сказала:

— Куда дели мое копьё? — и ушел сражаться.

Убитых сюда не приносили, их складывали под навесом на Площади, чтобы потом предать сожжению. Может быть, Агата убили, а она об этом не знает... Каждый раз, когда по ступенькам спускались носильщики с новым раненым, в ней вспыхивала надежда: если это раненый Агат, то он жив! Но каждый раз она видела на носилках другого человека. А когда он будет убит, коснется его мысль ее мысли в последнем зове? И может быть, этот зов ее убьет?

На исходе нескончаемого дня принесли старую Эллу Пасфаль. Она и еще несколько дальнерожденных ее возраста потребовали, чтобы им поручили опасную обязанность подносить оружие защитникам баррикад. А для этого надо было перебежать Площадь, обстреливаемую врагом. Гаальская стрела насквозь пронзила ее шею от плеча до плеча. Воток ничем не мог ей помочь. Маленькая черная, очень старая женщина лежала, умирая, среди молодых мужчин. Пойманная ее взглядом, Ролери подошла к ней, так и держа тазик с кровавой рвотой. Суровые, темные, непроницаемые, как камень, старые глаза пристально смотрели на нее, и

Ролери ответила таким же пристальным взглядом, хотя среди ее сородичей это было не в обычае.

Забинтованное горло хрипело, губы дергались.

«Разрушить собственную защиту...»

— Я слушаю, — дрожащим голосом произнесла Ролери вслух ритуальную фразу своего племени.

«Они уйдут, — сказал в ее мыслях слабый, усталый голос Эллы Пасфаль. — Попытаются догнать тех, кто ушел на юг раньше. Они боятся нас, боятся снежных дьяволов, домов, улиц. Они полны страха и уйдут после этого последнего усилия. Скажи Джекобу. Я слышу их. Скажи Джекобу... они уйдут... завтра...»

— Я скажу ему, — пробормотала Ролери и заплакала.

Умиравшая женщина, которая не могла ни двигаться, ни говорить, смотрела на нее. Ее глаза были как два темных камня.

Ролери вернулась к своим раненым, потому что за ними надо было ухаживать, а других помощников у Воттока не было. Да и зачем идти разыскивать Агата там, на кровавом снегу, среди шума и суматохи, чтобы перед тем, как его убьют, сказать ему, что безумная старуха, умирая, говорила, будто они уцелеют?

Она занималась своим делом, а слезы все катились и катились по ее щекам. Ее остановил один дальнерожденный, который был ранен очень тяжело, но получил облегчение после того, как Вотток дал ему свое чудесное снадобье — маленький шарик, ослаблявший или вовсе прогонявший боль. Он спросил:

— Почему ты плачешь?

Он спросил это с дремотным любопытством, как спрашивают друг друга малыши.

— Не знаю, — ответила она. — Попробуй уснуть.

Однако она, хотя и смутно, знала причину своих слез: все эти дни она жила, смирившись с неизбежным, и внезапная надежда жгла ее сердце мучительной болью, а так как она была всего лишь женщиной, боль заставляла ее плакать.

Тут, внизу, время стояло на месте, но день все-таки, наверное, близился к концу, потому что Сейко Эсмит принесла на подносе горячую еду для нее с Воттоком и для тех раненых, кто был в силах есть. Она осталась ждать, чтобы унести пустые тарелки, и Ролери сказала ей:

— Старая Элла Пасфаль умерла.

Сейко только кивнула. Лицо у нее было какое-то сжавшееся и странное. Пронзительным голосом она произнесла:

— Они теперь мечут зажженные копья и бросают с крыш горящие поленья и тряпье. Взять баррикады они не могут и потому решили сжечь здания вместе со складами, а тогда мы все вместе умрем голодной смертью на снегу. Если в Доме начнется пожар, вы здесь окажетесь в ловушке и сгорите заживо.

Ролери ела и молчала. Горячая бхана была одобрена мясным соусом и мелко нарубленными душистыми травами. Дальнерожденные

в осажденном городе стряпали вкуснее, чем ее родичи в пору Осеннего Изобилия. Она выскребла свою плошку, доела кашу, оставленную одним раненым, подобрала остатки еще с двух плошек, а затем отнесла поднос Сейко, жалея, что не нашлось еще.

Потом очень долго к ним никто не спускался. Раненые спали и стонали во сне. Было очень тепло: жар газового пламени уютно струился через решетки, словно от очажной ямы в шатре. Сквозь тяжелое дыхание спящих до Ролери иногда доносилось прерывистое «тик-тик-тик» круглолицых штук на стенах. И они, и стеклянные ларцы по сторонам комнаты, и высокие ряды книг играли золотыми и коричневыми отблесками в мягком, ровном свете газовых факелов.

— Ты дала ему анальгетик? — шепнул Вотток, и она утвердительно пожала плечами, встала и отошла от раненого, возле которого сидела.

Старый костоправ за эти дни словно стал на половину Года старше, подумала Ролери, когда он сел рядом с ней у стола, чтобы нарезать еще бинтов. А знахарь он великий! И видя его усталость и уныние, она сказала, чтобы сделать ему приятное:

— Старейшина, если рану заставляет гнить не огонь от оружия, то что?

— Ну... особые существа. Зверюшки, настолько маленькие, что их не видно. Показать их тебе я мог бы только в специальное стекло, вроде того, которое стоит вон в том шкафу. Они живут почти повсюду. И на оружии, и в воздухе, и на коже. Если они попадают в кровь, тело вступает с ними в бой — от этого раны распухают и происходит все остальное. Так говорят книги. Но как врачу мне с этим сталкиваться не приходилось.

— А почему эти зверюшки не кусают дальнерожденных?

— Потому что не любят чужих! — Вотток невесело усмехнулся своей шутке. — Мы ведь здесь чужие, ты знаешь. Мы даже не способны усваивать здешнюю пищу, и нам для этого приходится время от времени принимать особые ферментирующие вещества. Наша химическая структура самую чуточку отклоняется от здешней нормы, и это сказывается на цитоплазме... Впрочем, ты не знаешь, что это такое. Ну, короче говоря, мы сделаны не совсем из такого материала, как вы, врасу.

— И потому у вас темная кожа, а у нас светлая?

— Нет, это значения не имеет. Чисто поверхностные различия — цвет кожи, волос, радужной оболочки глаз и прочее. А настоящее отличие спрятано очень глубоко, и оно крайне мало — одна-единственная молекула во всей цепочке, — сказал Вотток со вкусом, увлекаясь собственными объяснениями. — Тем не менее вас, врасу, можно отнести к Обыкновенному Гуманоидному Типу. Так записали первые колонисты, а уж они-то это знали. Однако такое различие означает, что браки между нами и здешними жителями

всегда будут бесплодными, что мы не способны усваивать местную органическую пищу без помощи дополнительных ферментов, а также не реагируем на ваши микроорганизмы и вирусы... Хотя, честно говоря, роль ферментирующих веществ преувеличивают. Стремление во всем следовать примеру Первого Поколения порой переходит в чистейшей воды суеверия. Я видел людей, возвращающихся из длительных охотничьих экспедиций, не говоря уж о беженцах из Атлантика прошлой Весной. Ферментные таблетки и ампулы кончились у них за два-три лунокруга до того, как они перебрались к нам, а пищу, между прочим, их организмы усваивали без малейших затруднений. В конце-то концов жизнь имеет тенденцию адаптироваться...

Вотток вдруг умолк и уставился на нее странным взглядом. Она почувствовала себя виноватой, потому что ничего не поняла из его объяснений — всех главных слов в ее языке не было.

— Жизнь... что? — робко спросила она.

— Адаптируется. Приспосабливается. Меняется! При достаточном воздействии и достаточном числе поколений благоприятные изменения, как правило, закрепляются... Быть может, солнечное излучение мало-помалу вызывает приближение к местной биохимической норме... В таком случае все эти преждевременные роды и мертворожденные младенцы представляют собой издержки адаптации или же результат биологической несовместимости матери и изменяющегося эмбриона... — Вотток перестал размахивать ножницами и склонился над бинтами, но тут же опять поднял на нее невидящий, сосредоточенный взгляд и пробормотал: — Странно, странно, странно! Это означает, знаешь ли, что перекрестные браки перестанут быть стерильными.

— Я снова слушаю, — прошептала Ролери.

— ...что от браков людей и врасу будут рождаться дети!

Эти слова она поняла, но ей осталось непонятно, сказал ли он, что так будет, или что он этого хочет, или что этого боится.

— Старейшина, я глупа и не слышу тебя, — сказала она.

— Ты прекрасно его поняла! — раздался рядом слабый голос. Пилотсон альтерран лежал с открытыми глазами. — Так ты думаешь, что мы в конце концов все-таки стали каплей в ведре, Вотток? — Пилотсон приподнялся на локте. Темные глаза на исхудалом воспаленном лице лихорадочно блестели.

— Раз у тебя и у некоторых других раны загноились, это надо как-то объяснить.

— Ну так будь проклята адаптация! Будь прокляты твои перекрестные браки и те, кто рождаются от них! — крикнул раненый, глядя на Ролери. — До тех пор пока мы не смешивали своей крови с чужой, мы представляли Человечество. Мы были изгнанниками, альтерранами, людьми! Верными знаниям и законам Человека! А теперь, если браки с врасу будут давать потомство, не пройдет и Года, как наша капля человеческой крови исчезнет без следа.

Разжижется, растворится, превратится в ничто. Никто не будет пользоваться этими инструментами и читать эти книги. Внуки Джекоба Агата будут до скончания века сидеть, стуча камнем о камень, и вопить... Будьте вы прокляты, глупые дикари! Почему вы не можете оставить нас в покое, в покое!

Он трясся от озноба и ярости. Старый Вотток, который тем временем наливал что-то в один из своих маленьких пустых внутри дротиков, нагнулся и ловко всадил дротик в руку бедного Пилотсона чуть пониже плеча.

— Ляг, Гуру, — сказал он, и раненый послушался. На его лице была растерянность.

— Мне все равно, если я умру от ваших паршивых вирусов, — сказал он сипнувшим голосом. — Но своих проклятых ублюдков держите отсюда подальше, подальше от... от Города...

— Это его на время успокоит, — сказал Вотток со вздохом и замолчал.

А Ролери снова взялась за бинты. Такую работу она выполняла ловко и быстро. Старый доктор следил за ней, и лицо его было хмурым и задумчивым.

Когда она выпрямилась, чтобы дать отдохнуть спине, то увидела, что старик тоже заснул — темная кучка костей и кожи в углу позади стола. Она продолжала работать, размышляя, верно ли она поняла его и правду ли он говорил — что она может родить Агату сына.

Она совсем забыла, что Агат, возможно, уже лежит убитый. Она сидела среди погруженных в сон раненых, под гибнущим городом, полным смерти, и думала о том, что сулила им жизнь.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Вечер принес с собой стужу. Снег, подтаявший под солнечными лучами, смерзся в скользкую, ледяную корку. Прячась на соседних крышах и чердаках, гаали пускали и пускали свои вымазанные смолой стрелы, и они проносились в холодном сумрачном воздухе, точно ало-золотые огненные птицы. Крыши четырех осажденных зданий были медными, стены — каменными, и пламя бесильно угасало. Баррикады уже никто не пытался брать приступом. Прекратился и дождь стрел — и с железными, и с огненными наконечниками. С верха баррикады Джекоб Агат смотрел на пустые темнеющие улицы между темными домами.

Осажденные приготовились к ночному штурму — положение гаалей, несомненно, было отчаянным. Но холод все усиливался. Наконец Агат назначил дозорных, а остальных отправил с баррикад заняться своими ранами, поесть и отдохнуть. Если им трудно, то гаалам должно быть еще труднее — они хотя бы одеты тепло, а гаали совсем не защищены от такого холода. Даже отчаяние не выгонит северян, кое-как укутанных в обрывки шкур и войлока, под этот страшный прозрачный свет льдистых звезд. И защитники уснули — кто прямо на своих постах, кто вповалку в вестибюлях, кто под окнами вокруг костров, разведенных на каменном полу высоких каменных комнат, а их мертвые лежали, окостенев, на оледенелом снегу у баррикад.

Агат не мог спать. Он не мог уйти в теплую комнату и оставить Площадь. Весь день они сражались здесь не на жизнь, а на смерть, но теперь Площадь лежала в глубоком безмолвии, а над ней горели созвездия Зимы — Дерево, и Стрела, и пятизвездный След, а над восточными крышами пылала сама Снежная Звезда. Звезды Зимы. Они сверкали кристаллами льда в глубокой холодной черноте ночи.

Он знал, что эта ночь — последняя. Может быть, его последняя ночь, может быть, его города, а может быть, осады. Три исхода. Но как выпадет жребий, он не знал. Шли часы. Снежная Звезда поднималась все выше. Площадь и улицы вокруг тонули в безмерной тишине, а в нем росло и росло странное упоение, непонятное торжество. Они спали, враги, замкнутые стенами Города, и казалось, бодрствует лишь он один, а Город, со всеми спящими, со всеми мертвецами, принадлежит ему, — ему одному. Это была его ночь.

И он не стал коротать ее, запертый в ловушке внутри ловушки. Предупредив сонного часового, он поднялся на баррикаду перед улицей Эсмит и спустился с другой стороны.

— Альтерран! — крикнул кто-то вслед ему хриплым шепотом, но он только обернулся, жестом показал, чтобы они держали веревку наготове к его возвращению, и пошел вперед по самой середине улицы. Он чувствовал себя неуязвимым, и не подчиниться этому ощущению — значило накликать неудачу. И он шагнул по темной улице среди врагов так, словно вышел погулять после обеда.

Он прошел мимо своего дома, но не свернул к нему. Звезды исчезали за черными островерхими крышами и снова появлялись, зажигая искры во льду под ногами. Потом улица сузилась, чуть повернула между домами, которые стояли пустые, еще когда Агат не родился, и вдруг завершилась небольшой площадью перед Лесными Воротами. Катапульты еще стояли на своем месте, но гаали начали их ломать и разбирать на топливо. Возле каждой чернела куча камней. Створки высоких ворот, распахнувшиеся в тот день, теперь были снова заперты и крепко примерзли к земле. Агат поднялся по лестнице надвратной башни и вышел на дозорную площадку. Он вспомнил, как перед самым началом снегопада стоял здесь и видел внизу идущее на приступ гаальское войско — ревущую толпу, которая накатывалась, точно волна прилива на пески, грозя смести перед собой все. Будь у них больше лестниц, осада кончилась бы тогда же... А теперь нигде ни движения, ни звука. Снег, безмолвие, звездный свет над гребнем и над мертвыми оледенелыми деревьями, которые его венчают.

Он повернулся и посмотрел на Град Изгнания — на маленькую кучку крыш, уходящих вниз от его башни к стене над обрывом. Над этой горсткой камня звезды медленно склонялись к западу. Агат сидел неподвижно, ощущая холод даже под одеждой из крепкой кожи и пушистого меха, и тихо-тихо насвистывал плясовой мотив.

Наконец запоздалое утомление бесконечного дня нахлынуло на него, и он спустился со своей вышки. Ступеньки оледенели. На предпоследней он поскользнулся, уцепился за каменный выступ, чтобы удержаться, и краем глаза уловил какое-то движение по ту сторону маленькой площади.

Из черного подвала улицы между двумя домами приближалось что-то белое, чуть поднимаясь и опускаясь, словно волна в ночной тьме. Агат смотрел и не понимал. Но тут оно выскочило на площадь — что-то высокое, тощее, белое быстро бежало к нему в смутном свете звезд, точно человек. Голова на длинной изогнутой шее покачивалась из стороны в сторону. Приближаясь, оно издавало хрипловатое чириканье.

Дротикомет он взвёл, еще когда спрыгнул с баррикады, но рука плохо слушалась из-за раны в запястье, а пальцы в перчатке плохо гнулись. Он успел выстрелить, и дротик попал в цель, но зверь уже кинулся: короткие когтистые передние лапы вытянулись вперед, голова странным волнообразным движением надвинулась на него, разинулась круглая зубастая пасть. Он упал под ноги зверю, пытаясь повалить его и увернуться от шелкающей пасти, но зверь оказался быстрее. Он почувствовал, что когти передних, таких слабых на вид, лап одним ударом разорвали кожу его куртки и всю одежду под ней, почувствовал, что парализован чудовищной тяжестью. Неумолимая сила запрокинула его голову, открывая его горло... И он увидел, как звезды в неизмеримой вышине над ним бешено закружились и погасли.

В следующий миг он стоял на четвереньках, упираясь ладонями в ледяные камни рядом с вонючей грудой белого меха, которая вздрагивала и подергивалась. Яд в дротике подействовал ровно через пять секунд и чуть было не опоздал на секунду. Круглая пасть все еще открывалась и закрывалась, ноги с плоскими широкими ступнями сгибались и разгибались, точно снежный дьявол продолжал бежать. «Снежные дьяволы охотятся стаями», — вдруг всплыло в памяти Агата, пока он старался отдышаться и успокоиться. Снежные дьяволы охотятся стаями... Он неуклюже, но тщательно перезарядил дротикомет и, держа его наготове, пошел назад по улице Эсмит. Не переходя на бег, чтобы не поскользнуться на льду, но уже и не прогулочным шагом. Улица по-прежнему была пустой и тихой — и бесконечно длинной. Но, подходя к баррикаде, он снова насвистывал.

Агат крепко спал на полу комнаты в Колледже, когда их лучший арбалетчик, молодой Шевик, потряс его за плечо и настойчиво зашептал:

— Проснись, альтерран! Ну проснись же! Скорее идем...

Ролери так и не пришла. Две другие пары, с которыми они делили комнату, крепко спали.

— Что такое? Что случилось? — вскочив, бормотал Агат еще сквозь сон и натягивая разорванную куртку.

— Идем на башню!

Больше Шевик ничего не сказал.

Агат покорно пошел за ним, но тут сон развеялся, и он все понял. Они перебежали Площадь, серую в первых слабых лучах

рассвета, торопливо поднялись по винтовой лестнице на Башню Лиги, и перед ними открылся город. Лесные Ворота были распахнуты.

Между створками теснились гаали и толпами выходили наружу.

В рассветной мгле трудно было разглядеть, сколько их — не меньше тысячи или даже двух, говорили дозорные на башне, но они могли и ошибиться: внизу у стен и на снегу мелькали лишь неясные тени. Они группами и поодиночке появлялись за воротами, исчезали под стенами, а потом неровной растянутой линией вновь появлялись выше на склоне, размеренной трусцой удаляясь на юг, и вскоре скрывались из виду — то ли их поглощал серый сумрак, то ли складки холма. Агат все еще смотрел им вслед, когда горизонт на востоке побелел и по небу до зенита разлилось холодное сияние.

Озаренные утренним светом дома и крутые улицы города были исполнены покоя.

Кто-то ударил в колокол на башне, и прямо у них над головами ровно и часто загремела бронза о бронзу, оглушая, ошеломляя. Зажав уши, они бросились вниз, а навстречу им уже поднимались другие люди. Они смеялись, они окликали Агата, старались его остановить, но он бежал и бежал по гудящим ступенькам под торжествующий звон, а потом очутился в Зале Собраний. И в этой огромной, шумной, набитой людьми комнате, где на стенах плыли золотые солнца, а золотые циферблаты отсчитывали Годы и Годы, он искал чужую, непонятную женщину — свою жену. А когда нашел и взял ее за руки, то сказал:

— Они ушли, они ушли, они ушли...

А потом повернулся и во всю силу легких закричал всем и каждому:

— Они ушли!

Все тоже что-то кричали ему, кричали друг другу, смеялись и плакали. А он опять взял Ролери за руку и сказал:

— Пойдем со мной. Пойдем на Риф.

Волнение, торжествующая радость оглушили его, ему не терпелось пройти по улицам, убедиться, что город снова принадлежит им. С Площади еще никто не уходил, и когда они спустились с западной баррикады, Агат достал дротикомет.

— У меня вчера вечером было неожиданное приключение, — сказал он Ролери, а она посмотрела на зияющую прореху в его куртке и ответила:

— Я знаю.

— Я его убил!

— Снежного дьявола?

— Вот именно.

— Ты был один?

— Да. И он, к счастью, тоже.

Она быстро шла рядом с ним, но он заметил, каким встревоженным стало ее лицо, и громко засмеялся от радости.

Они вышли на виадук, повисший под ледяным ветром между сияющим небом и темной водой в белых разводах пены.

Колокол и параречь уже доставили на Риф великую новость, и подъемный мост опустился, как только они подошли к нему. Навстречу выбежали мужчины, женщины, сонные, закутанные в меха ребятишки, и вновь начались крики, расспросы, объятия.

За женщинами Космопора робко и хмуро жались женщины Тевара. Агат увидел, как Ролери подошла к одной из них — довольно молодой, с растрепанными волосами и перепачканным лицом. Почти все они обрубili волосы и казались грязными и оборванными — даже трое-четверо из мужчин, оставшихся с ними на Рифе. Их вид был точно темный мазок на сияющем утре победы. Агат заговорил с Умаксуманом, который пришел следом за ним собрать своих соплеменников. Они стояли на подъемном мосту под отвесной стеной черной крепости. Врасу столпились вокруг Умаксумана, и Агат сказал громко, так, чтобы все они слышали:

— Люди Тевара защищали наши стены бок о бок с Людьми Космопора. Они могут остаться с нами или уйти, жить с нами или покинуть нас, как им захочется. Ворота моего Города будут открыты для вас всю Зиму. Вы свободны выйти из них и свободны вернуться желанными гостями!

— Я слышу, — сказал теварец, склонив светловолосую голову.

— А где Старейший? Где Вольд? Я хочу сказать ему...

И тут Агат по-новому увидел перепачканные золой лица и грубо обрубленные волосы. Как знак траура. Поняв это, он вспомнил своих мертвых — друзей, родственников, — и безрассудное упоение победой угасло в нем. Умаксуман сказал:

— Старейший в моем Роде ушел в страну под морем вслед за своими сыновьями, которые пали в Теваре. Он ушел вчера. Они складывали рассветный костер, когда услышали колокол и увидели, что гааль уходит на юг.

— Я хочу стоять у этого костра, — сказал Агат, глядя на Умаксумана. Теварец заколебался, но пожилой мужчина рядом сказал твердо:

— Дочь Вольда — его жена, и у него есть право клана.

И они позволили ему пойти с Ролери и с теми, кто уцелел из их племени, на верхнюю террасу, повисшую над морем. Там, на гряде поленьев, лежало тело старого вождя, изуродованное старостью, но все еще могучее, завернутое в багряную ткань цвета смерти. Маленький мальчик поднес факел к дровам, и по ним заплесали красно-желтые языки пламени. Воздух над ними колебался, а они становились все бледнее и бледнее в холодных лучах восходящего солнца. Начинался отлив, вода гремела и шипела на камнях под отвесными черными стенами. На востоке, над холмами

Аскатевара, и на западе, над морем, небо было чистым, но на севере висел синеватый сумрак. Дыхание Зимы.

Пять тысяч ночей Зимы, пять тысяч ее дней — вся их молодость, а может быть, и вся их жизнь.

Какую победу можно было противопоставить этой дальней синеватой тьме на севере? Гаали... что гаали? Жалкая орда, жадная и ничтожная, опрометью бегущая от истинного врага, от истинного владыки, от белого владыки Снежных Бурь. Агат стоял рядом с Ролери, глядя на угасающий погребальный костер высоко над морем, неустанно осаждающим черную крепость, и ему казалось, что смерть старика и победа молодого — одно и то же. И в горе, и в гордости было меньше правды, чем в радости, — в радости, которая трепетала на холодном ветру между небом и морем, пылающая и недолговечная, как пламя. Это его крепость, его Город, его мир. И это — его соплеменники. Он не изгнанник здесь.

— Идем, — сказал он Ролери, когда последние багровые искры угасли под пеплом. — Идем домой.

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

Представьте себе тьму. Во тьме, что противостояла солнцу, пробудился безмолвный дух. Погруженный всецело в хаос, он не ведал, что такое порядок. Он не владел даром речи и не знал, что тьма зовется ночью.

По мере того как забрезжил позабытый им свет, дух шевельнулся, пополз, побежал, то падая на четвереньки, то выпрямляясь, направляясь неведомо куда. В том мире, в котором он пребывал, не было путей, поскольку всякий путь подразумевал наличие начала и конца.

Все в этом существе было перемешано и запутано, все вокруг противилось ему. Смятение его бытия усугублялось силами, для которых у существа не было названий, — страхом, голодом, жаждой, болью. Сквозь дремучую чашу действительности существо брело на ощупь в тишине, пока его не остановила ночь — самая могучая из неведомых ему сил. Но когда вновь забрезжил рассвет, оно опять двинулось неизвестно куда.

Внезапно очутившись на залитой ярким солнцем Поляне, существо выпрямилось и на какое-то мгновение застыло. Затем прикрыло глаза руками и закричало.

Парт, сидевшая за пряхкой в залитом солнцем саду, первой увидела его на краю леса. Она оповестила остальных учащенной пульсацией своего мозга. Но страх ей был неведом, и, к тому времени когда остальные вышли из дома, она уже пересекла Поляну и оказалась рядом со странной фигурой, раболопно припавшей к земле среди высоких, сочных трав. Приблизившись, они увидели, что Парт положила руку ему на плечо и, низко склонившись, что-то тихо шептала существу.

Она повернулась к ним и с удивлением в голосе спросила:
— Вы видите, какие у него глаза?..

Глаза у незнакомца действительно были странными — огромные зрачки, радужная оболочка цвета потускневшего янтаря, которая формой напоминала вытянутый овал, так что белков не было видно вовсе.

— Как у кошки, — сказал Гарра.

— Словно яйцо без белка, — вставил Кай, выказывая тем самым легкую неприязнь, вызванную этим небольшим, но довольно существенным отличием.

Во всем остальном незнакомец ничем не отличался от обычного мужчины, на лице и на обнаженном теле которого бесцельное продираание сквозь лес оставило грязные потеки и царапины. Разве что кожа была чуть светлее, чем у окружавших его загорелых людей, которые тихо обсуждали внешность чужака, прижавшегося к прогретой солнцем земле, дрожащего от страха и истощения.

Как ни всматривалась Парт в необычные глаза незнакомца, она не уловила в них ни искры мысли. Мужчина был глух к словам и не понимал жестов.

— Какой-то недоумок или сумасшедший, — выразил общее мнение Зоув. — К тому же истощенный до предела. Но это поправимо.

С этими словами Кай и юный Фурро наполовину заташили, наполовину завели едва волочившего ноги парня в дом. Там им вместе с Парт и Лупоглазой удалось накормить и помыть его, а затем уложить на тюфяк, вколов ему в вену дозу снотворного, чтобы не мог убежать.

— Может, он Синг? — спросила Парт у отца.

— А, может, ты? Или я? Не будь наивной, моя дорогая, — ответил Зоув. — Если бы я был в состоянии ответить на твой вопрос, я смог бы тогда освободить Землю. Тем не менее я надеюсь все-таки определить, ущербен ли его разум или нет, и откуда к нам пришел этот незнакомец. А также как он заполучил желтые глаза... Разве людей скрещивали с кошками или соколами в былые дни упадка человеческой цивилизации? Попроси Кретьян выйти на веранду, дочка.

Парт помогла своей слепой двоюродной сестре Кретьян подняться по лестнице на тенистый прохладный балкон, где спал незнакомец. Зоув и его сестра Карелл по прозвищу Лупоглазая ждали их там. Оба сидели, поджав ноги под себя и выпрямив спины. Лупоглазая забавлялась с любимой рамкой с узорами. Зоув и не старался чем-то занять себя: брат и сестра притерлись друг к другу за долгие годы. Их широкоскулые смуглые лица были настрожены и в то же время совершенно невозмутимы.

Девочки сидели неподалеку, не смея нарушить тишину. На Парт, с красновато-коричневой кожей и копной блестящих длинных черных волос, не было ничего, кроме свободных серебристых штанов. Смуглая и хрупкая Кретьян была чуть постарше. Красная повязка прикрывала ее пустые глазницы и удерживала на затылке

пышные волосы. На ней была такая же туника из искусно сотканной, украшенной узорами материи, как и на ее матери.

Жаркий летний полдень буйствовал в саду под балконом и на кочковатых полях Поляны. Со всех сторон стоял лес. К этому крылу дома деревья подходили настолько близко, что на стены падала тень от густой листвы; во всех других направлениях они темнели голубоватой дымкой на горизонте.

Некоторое время все четверо сидели молча, находясь одновременно вместе и порознь, связанные друг с другом чем-то большим, чем слова.

— Янтарные бусы раз за разом собираются в узор Бездны, — сказала Лупоглазая.

Она улыбнулась и отложила в сторону рамку с унизированными драгоценными камнями пересекающимися струнами.

— Твои бусы рано или поздно всегда складываются в узор Бездны, — сказал ее брат. — А все подавляемая тобой тяга к мистицизму. Ты кончишь так же, как наша мать — будешь видеть, еси уже не видишь, узоры в пустой рамке.

— Чепуха, — скривилась Лупоглазая. — Я никогда в жизни ничего в себе не подавляла.

— Кретьян, — обратился Зоув к племяннице, — у него шевельнулись веки. Наверное, он сейчас в фазе сновидений.

Слепая девушка приблизилась к ложу. Она вытянула руку, и Зоув осторожно положил ее на лоб незнакомца. Все снова погрузилось в молчание и стали прислушиваться. Но слышать что-то могла только Кретьян.

Наконец она подняла склоненную голову.

— Ничего, — промолвила девушка слегка настороженно.

— Совсем ничего?

— Какая-то мешанина — провал. У него нет разума.

— Кретьян, дай-ка я расскажу тебе, как он выглядит. Ноги его прошли немало, руки — натружены. Сон и лекарство смягчили лицо чужака, но только работающий мозг мог избороздить его такими морщинами.

— Как он выглядел до того, как уснул?

— Напуганным, — сказала Парт. — Напуганным и смущенным.

— Возможно, он не землянин, — сказал Зоув. — Хотя как такое могло случиться... Скорее он просто мыслит иначе, чем все мы. Попробуй-ка еще разок, дочка.

— Я попробую, дядя. Пока я не ощущаю абсолютно никаких признаков разума, никаких чувств или обрывков мыслей. Разум ребенка может пребывать в смятении, но здесь... Здесь дела обстоят намного хуже — лишь тьма и какая-то мешанина.

— Что ж, пожалуй, довольно, — спокойно заметил Зоув. — Негоже твоему разуму находиться там, где нет другого разума.

— Его тьма похуже моей, — сказала девушка. — Смотрите, у него на руке кольцо...

Она на мгновение прикрыла своей рукой руку незнакомца — из чувства жалости или как бы бессознательно прося прощения за то, что копалась в его мыслях.

— Да, простое золотое кольцо без каких-либо отметин или узора. Это единственное, что было при нем. И разум несчастного раздет догола точно так же, как и его тело. Итак, бедное создание явилось к нам из леса... но кто же прислал его к нам?

Все обитатели Дома Зоува, кроме маленьких детей, собрались в этот вечер в просторной комнате внизу, куда сквозь открытые высокие окна проникал влажный ночной воздух. Свет звезд, окрестные деревья, журчание ручья — все это растекалось по тускло освещенной комнате, поскольку между людьми и произносимыми ими словами оставалось достаточно места для теней, ночного ветерка и тишины.

— Истина, как всегда, сторонится незнакомцев, — проникновенно произнес Глава Дома. — Этот чужак поставил нас перед выбором из нескольких не слишком правдоподобных вариантов. Возможно, он — слабоумный от рождения и забрел к нам просто по чистой случайности. Но тогда кто не уследил за ним? Быть может, это человек, чей разум пострадал вследствие несчастного случая или был поврежден умышленно. Не исключено, что мы столкнулись с Сингом, скрывающим свой разум под маской мнимого слабоумия. А может, он и не человек, и не Синг? Но кто тогда? Мы не в состоянии ни доказать, ни отвергнуть ни одно из этих предположений. Что же нам с ним делать?

— Посмотрим, можно ли его чему-нибудь научить, — сказала Росса, жена Зоува.

Старший сын Главы Дома Меток заметил:

— Если незнакомца можно научить, то тогда доверять ему нельзя. Возможно, его подослали сюда специально, чтобы мы научили всему, что умеем, раскрыли перед ними наши секреты и способности. Он станет кошкой, взращенной добросердечными мышами.

— Я отнюдь не добросердечная мышь, сынок, — усмехнулся Зоув. — Значит, ты думаешь, что он — Синг?

— Или их орудие.

— Мы все — орудия Сингов. Но как бы ты с ним поступил?

— Убил бы до того, как он проснется.

Пронеслось легкое дуновение ветерка, где-то в духоте залитой светом звезд Поляны жалобно отозвался козодой.

— Я вот думаю, — пробормотала Старейшая, — может, он — жертва, а вовсе не орудие. Возможно, Синги разрушили его мозг в наказание за крамольные мысли или проступки. Следует ли нам заканчивать начатое ими?

— Это было бы лишь проявлением милосердия, — сказал Меток.

— Смерть — ложное милосердие, — с горечью заметила Старейшая.

Они еще некоторое время беседовали, спокойно, однако с осознанием всей серьезности положения, где проблемы морального свойства переплелись с острыми страхами, никогда не обсуждаемыми напрямую, но сразу встававшими во весь рост, стоило кому-нибудь произнести слово «Синг». Парт не принимала участия в обсуждении, поскольку ей было всего пятнадцать лет, хотя старалась не пропустить ни единого слова. Она испытывала симпатию к незнакомцу и хотела, чтобы он остался в живых.

Вскоре к дискуссии присоединились Райна и Кретьян. Райна провела с чужаком все психологические тесты, какие смогла, в то время как Кретьян пыталась уловить какие-нибудь ментальные реакции. Пока им особенно нечем было похвастать. Никаких повреждений нервной системы и областей мозга, связанных с органами чувств и координацией движений, у незнакомца обнаружить не удалось, хотя по физическим рефлексам и координации движений он скорее напоминал годовалого ребенка, а область мозга, отвечающая за функции речи, вообще не реагировала на раздражители.

— Сила мужчины, координация ребенка, разума никакого, — подытожила Райна.

— Если мы не уьем его, как зверя, — сказала Лупоглазая, — то нам придется как зверя его приручать...

— Наверное, стоит попробовать, — вступил в разговор Кай, брат Кретьян. — Пусть те из нас, кто помоложе, возьмут на себя заботу о нем. Посмотрим, что удастся сделать. В конце концов, никто не заставляет нас учить незнакомца Канонам для Просвещенных! Прежде всего его следует научить не мочиться в постель... Я хочу знать, человек ли он. А как вы думаете, Глава?

Зоув развел своими большими руками:

— Кто знает? Возможно, что-то нам расскажут анализы крови, которые сделает Райна. Мне не приходилось слышать, чтобы у слуг Сингов были желтые глаза или какие-либо другие отличия от людей Земли. Но если он не Синг и не человек, то кто же он тогда? Пришельцы из Внешних Миров вот уже двенадцать столетий не ступали на нашу планету. Как и ты, Кай, я готов пойти на риск и оставить его среди нас из чистого любопытства...

Итак, они сохранили своему гостю жизнь. Сперва он доставлял мало беспокойства приглядывавшим за ним молодым людям. Потихоньку восстанавливал силы, много спал и безмолвно сидел или лежал практически все время, когда бодрствовал. Парт дала ему имя Фальк, что на диалекте Восточного Леса означало «желтый», из-за его светлой кожи и опаловых глаз.

Однажды утром, через несколько дней после появления незнакомца, дойдя до неукрашенного узором участка ткани, которую

она пряла, Парт оставила работавший от солнечных батарей ткацкий станок тихо урчать в саду и взобралась на огороженный балкон, где держали «Фалька».

Чужак не заметил появления девочки. Он сидел на своем матрасе и пристально смотрел на затянутое маревом летнее небо. От яркого света глаза мужчины заслезились, и он протер их рукой, а затем, увидев собственную руку, недоуменно уставился на нее. Нахмурившись, незнакомец некоторое время сжимал и разжимал пальцы. Затем снова обратил свой взор на ослепительно сиявшее солнце и медленно, осторожно загородил его открытой ладонью.

— Это солнце, Фальк, — сказала Парт. — Солнце...

— Солнце, — повторил он, не отводя взгляда; вся пустота его существа наполнилась светом солнца и звуком имени.

Так началось обучение.

Парт поднялась из подвала и, проходя мимо старой кухни, увидела, как Фальк, одиноко сгорбившись в одном из оконных проемов, смотрит на падающий за мутным стеклом снег. Девять вечеров назад он ударил Россу, и его пришлось запереть до тех пор, пока он не успокоился. С тех пор мужчина замкнулся и упорно молчал. Было как-то странно видеть на его лице — лице взрослого человека — недовольную мину упрямого, обиженного ребенка.

— Иди-ка к огню, Фальк, — сказала Парт, но не остановилась, чтобы подождать его.

В большой зале возле очага она забыла о чужаке и стала думать о том, как бы поднять свое собственное дурное настроение. Делать было решительно нечего. Снег все шел и шел, окружавшие лица были знакомы до боли, все книги повествовали о вещах, происходивших в столь давние и далекие времена, что не могли уже претендовать на правдивость. Вокруг притихшего дома и окружавших его полей высился молчаливый лес — бесконечный, однообразный и равнодушный. Зима следовала за зимой, и ей не суждено было покинуть Дом, потому что некуда было уходить и нечего было там делать...

На одном из пустых столов Райна забыла свой «теанб» — плоский инструмент с клавишами, как утверждали, хайнского происхождения. Парт подобрала мелодию в Регистре Восточного Леса, затем переключила инструмент на родное звучание и начала все заново. Она не слишком хорошо умела играть на теанбе и медленно находила нужные клавиши, намеренно растягивая слова, чтобы выиграть время для поиска следующей ноты.

За ветрами в лесах,
За штормами в морях,
На залитых солнцем камнях
Дочь прекрасная Айрека стоит...

Девочка сбилась, затем все же нашла нужную ноту:

...стоит,
Молчаливо с пустыми руками.

Слова и мелодия невообразимо древней легенды ужасно далекой планеты были частью наследия людей в течение долгих веков. Парт пела очень тихо, сидя одна в огромной комнате, освещенной пламенем очага, а за окном в сгушавшихся сумерках все валил снег.

Она услышала позади себя какой-то звук и, повернувшись, увидела Фалька. В его странных глазах стояли слезы.

— Парт... прекрати, — прошептал он.

— Что-то не так, Фальк? — забеспокоилась девушка.

— Мне... больно, — сказал мужчина, отворачивая в сторону лицо — зеркало бессвязного и беззащитного разума.

— Хорошая похвала моему пению, — подколола она его.

И в то же время Парт была тронута его словами и больше не пела. Позже этим же вечером она видела, как Фальк стоял у стола, на котором лежал теанб, не осмеливаясь прикоснуться к нему, словно опасаясь выпустить заключенного внутри инструмента сладкозвучного безжалостного демона, который плакал под пальцами Парт, превращая ее голос в музыку.

— Мое дитя учится быстрее, чем твое, — заметила как-то Парт в разговоре с двоюродной сестрой Гаррой, — но твое растет быстрее. К счастью.

— Твое и без того достаточно велико, — согласилась Гарра.

Она глядела через садик при кухне на берег ручья, где стоял, держа на плечах годовалого ребенка Гарры, Фальк. Полдень раннего лета звенел трелями сверчков и цикад. Черные локоны то и дело касались щек Парт, когда руки ее раз за разом проворно укладывали и перезаряжали нить ткацкого станка. Над челноком виднелись головы и шеи танцующих цапель, вытканых серебром на черном фоне. В свои семнадцать лет Парт уже считалась лучшей ткачихой среди женского населения Дома. Зимой ее руки всегда были выпачканы химическими препаратами, из которых изготовлялись нити и краски, а летом она воплощала в жизнь на ткацком станке, который приводился в движение энергией солнечных батарей, все пришедшие ей в голову изящные и разнообразные узоры.

— Паучок, — сказала ей мать, трудившаяся неподалеку, — шутки шутками, но мужчины остаются мужчинами.

— И поэтому ты хочешь, чтобы я вместе с Метоком отправилась в Дом Катола и выменяла себе мужа за свой гобелен с цаплями?

— Я никогда такого не говорила, — возразила мать и вновь принялась выпалывать сорняки между грядками салата.

Фальк поднялся по тропинке. Малышка на его плече весело улыбалась, шурясь от яркого солнца. Он поставил девочку на траву и обратился к ней так, будто она была взрослой:

— Здесь не так жарко, как внизу, правда? — Затем, повернувшись к Парт, спросил со свойственной ему прямоотой: — У Леса есть конец?

— Говорят, что есть. Все карты отличаются друг от друга. Но в этом направлении в конце концов будет море, а вот в этом — прерии.

— Прерии?

— Такие открытые пространства, поросшие травой. Как наша Поляна, но простирающиеся на тысячи миль аж до самых гор.

— Гор? — повторил он с невинной прямоотой ребенка.

— Высокие холмы, на вершинах которых круглый год лежит снег. Вот такие.

Прервавшись, чтобы перезарядить челнок, Парт сложила свои длинные округлые смуглые пальцы в виде горной вершины.

Внезапно желтые глаза Фалька вспыхнули, и лицо его напряглось.

— Под белым — голубое, а еще ниже... очертания далеких холмов.

Парт взглянула на мужчину, но промолчала. Почти все, что он знал, исходило непосредственно от нее, потому что только она обучала его. Постоянное общение оказывало влияние на ее собственное взросление. Их умы тесно переплелись друг с другом.

— Я вижу их... когда-то видел их. Я помню их, — произнес Фальк, запинаясь.

— Изображение?

— Нет. Не в книге. В своем разуме. Я на самом деле помню их. Иногда перед тем как заснуть, я вижу их. Я не знаю, как они называются, наверное, просто Горы.

— Можешь нарисовать?

Встав рядом с девушкой на колени, Фальк быстро набросал на земле контур неправильного конуса, а под ним — две линии холмов предгорья.

Гарра вытянула шею, чтобы взглянуть на рисунок, и спросила:

— Белые от снега?

— Да. Как будто я вижу их сквозь что-то... быть может, сквозь большое окно, большое и высокое... Разве это видение не из твоего разума, Парт? — спросил Фальк слегка встревоженно.

— Нет, — ответила девушка. — Никто из живущих в Доме никогда не видел высоких гор. Я думаю, что вообще никто с этого берега Внутренней реки не мог любоваться подобной картиной. Эти горы, должно быть, очень далеко отсюда.

Сквозь сон прорвался отдаленный скрежет пилы, вгрызавшейся в дерево. Фальк вскочил и сел рядом с Парт. Оба они заспанными глазами напряженно смотрели на север, откуда доносился, то нарастая, то стихая, странный звук. Первые лучи восходящего солнца как раз начали пробиваться над черной массой деревьев.

— Воздухолет, — прошептала Парт. — Такой звук я уже однажды слышала, правда, давным-давно.

Девушка поежилась. Фальк обнял ее за плечи, охваченный тем же беспокойством, ощущением присутствия далекого, непостижимого зла, которое двигалось где-то на севере по кромке дневного света.

Звук стих вдали. В необъятной тишине леса несколько птишек защебетали, приветствуя первые лучи осеннего солнца. Свет на востоке разгорался. Фальк и Парт ощущали тепло и безграничную поддержку рук друг друга. Полусонный Фальк снова задремал. Когда Парт поцеловала его и выскользнула из кровати, чтобы приняться за свою обычную повседневную работу, он прошептал:

— Не уходи, мой ястребок, моя малышка...

Однако девушка засмеялась и упорхнула прочь. Он же продолжал дремать, не в силах подняться из сладких расслабляющих глубин удовольствия и покоя...

Солнце ярко светило прямо ему в глаза. Он перевернулся на бок, затем, зевая, сел и уставился на покрытые красными листьями могучие ветви дуба, который, как башня, возвышался рядом с балконом, где спал Фальк. До него дошло, что Парт, уходя, включила аппарат для обучения во сне, что стоял у его подушки. Тот тихонько нашептывал сетианскую теорию чисел. Все это рассмешило Фалька, а прохлада солнечного ноябрьского утра окончательно согнала с него сон. Он натянул на себя рубашку и брюки из тяжелой темной мягкой ткани, сотканной Парт, которые скроила и подогнала под него Лупоглазая, и встал у деревянных перил, глядя на бескрайнее буро-красно-золотистое море листвы, окружавшее Поляну.

Свежее, тихое, приятное утро было таким же, как и в ту пору, когда первые люди на этой земле просыпались в своих хрупких, заостренных кверху жилищах и выходили наружу посмотреть на восход солнца над темным лесом. Каждое утро похоже на любое другое, и осень всегда остается осенью, но годы, которым ведут счет люди, идут нескончаемой чередой. На этой земле некогда жила одна раса... затем другая — завоеватели. Обе расы исчезли, победители и проигравшие. Миллионы жизней канули в Лету. Обе расы ушли за туманные дали горизонта прошедших времен. Были завоеваны и вновь потеряны звезды, а годы все шли, и минуло так много лет, что лес древнейших эпох, полностью уничтоженный в течение той эры, когда люди творили свою историю, вырос снова. Даже в незапамятные времена далекого прошлого на то, чтобы вырос лес, уходило немало лет, и далеко не каждая планета была способна на такое. Процесс превращения безжизненного солнечного света в тень и грациозное переплетение бесчисленных волнуемых ветром ветвей не происходил сплошь и рядом.

Фальк стоял, радуясь утру. Его радость была столь велика еще и потому, что до этого ему довелось пережить совсем немного других рассветов в той короткой веренице сохранившихся в памяти дней, что отделяли его от тьмы. Он на мгновение прислушался к стрекоту цикад на дубе, затем потянулся, энергично пригладил волосы и спустился вниз, чтобы влиться в общее русло работ по дому.

Дом Зоува являл собой высокое строение из дерева и камня, смесь замка и фермерской усадьбы. Некоторые его части были построены около столетия назад, а некоторые — еще раньше. Этому дому был присущ налет примитивности: темные лестницы, каменные очаги и подвалы, голые плиточные или деревянные полы. Надежно защищенный от пожаров и причуд погоды, он был лишен незавершенности. При этом некоторые элементы его конструкции являлись в высшей степени сложными устройствами или механизмами: дающие приятный свет лампы накаливания, хранилища музыкальных записей, книг и фильмов, различные автоматические приспособления для уборки, стирки и работы в поле, а также более тонкая и специализированная аппаратура, размещенная в лабораториях Восточного Крыла. Все эти предметы являлись неотъемлемой частью Дома. Они были сделаны и встроены в него руками его мастеров или умельцев других лесных домов. Механизмы были массивными и простыми, легко поддающимися ремонту, сложными и деликатными являлись лишь принципы работы питавшего их источника энергии.

Явно недоставало только одного типа технологических приспособлений. Библиотека была скудна на руководство по электронике, которая воспринималась практически на уровне инстинкта. Мальчишкам нравилось делать миниатюрные устройства для передачи сигналов из комнаты в комнату. Однако здесь не было телевидения, телефона и радио, а также телеграфной связи с окружающим Поляну миром. Способов передачи сигналов на дальние расстояния не существовало. В гараже Восточного Крыла, правда, стояли несколько машин на воздушной подушке собственного изготовления, но ими пользовались только мальчишки для игр. На узких лесных тропах таким машинам было особо не развернуться. Когда люди отправлялись с целью торговли или с дружеским визитом в другие Дома, они шли пешком, а если путь был очень долг, то ехали верхом на лошадях.

Работа по дому и на ферме, для всех без исключения, была легкой и необременительной. Что касалось удобств, то люди жили в тепле и чистоте, но не более, а пища была здоровой, хотя и однообразной. Жизнь в Доме отличалась монотонной неизменностью совместного проживания и спокойной умеренностью. Безмятежность и однообразие жизни сорока четырех членов Дома были обусловлены его изолированностью — ближайший к нему Дом Катола находился почти в тридцати милях к югу.

Поляну со всех сторон окружал дремучий, неисхоженный, равнодушный Лес. Непроходимая чаща, а над нею — небо. Ничего враждебного человеку, ничто не загоняло людей в строго очерченные рамки, как в городах былых времен. Вообще, сохранить нетронутыми хоть какие-то атрибуты развитой цивилизации здесь, где люди столь малочисленны, само по себе было крайне рискованным предприятием и выдающимся достижением, хотя для большинства из них это казалось вполне естественным: таким уж сложился общепринятый стиль жизни. Ничего другого они и представить себе не могли.

Фальк все воспринимал несколько иначе, чем остальные дети Дома, поскольку ни на минуту не должен был забывать о том, что пришел он из этой необъятной, чуждой человеку чащи, такой же зловещий и одинокий, как и бродившие в ней дикие звери, и что то, чему он научился в Доме Зоува, было подобно тоненькой свечке, горевшей посреди океана тьмы.

За завтраком — хлеб, сыр из козьего молока и темное пиво — Меток предложил сходить вместе поохотиться на оленей. Фальк обрадовался приглашению. Старший Брат был очень искусным охотником, таким же постепенно становился и он сам; во всяком случае, это их сближало.

Но тут вмешался Глава Дома:

— Возьми сегодня Кая, сынок. Я хотел бы переговорить с Фальком.

Каждый из обитателей Дома имел свою личную комнату для занятий или работы, а также для сна, когда становилось прохладно. Комната Зоува была маленькой и светлой, с высокими потолками. Окна ее выходили на запад, север и восток. Глядя на скошенные поля поздней осени и черневший вдаль лес, Глава Дома произнес:

— Вот там, на прогалине, Парт впервые увидела тебя пять с половиной лет назад. Немало воды утекло с тех пор! Не настало ли время нам поговорить?

— Наверное, Глава, — робко ответил Фальк.

— Трудно судить наверняка, но мне кажется, что тебе было около двадцати пяти лет, когда ты объявился здесь. Что осталось у тебя от тех двадцати пяти лет?

— Кольцо, — сказал Фальк и на мгновение вытянул левую руку.

— И воспоминания о высокой горе?

— Воспоминания о воспоминании, — Фальк пожал плечами. — Как я вам уже говорил, я часто натыкаюсь в своей памяти на звуки голоса, мимолетные движения, жесты, расстояния... Все это каким-то образом не стыкуется с моими воспоминаниями о жизни с вами. Но они не образуют цельной картины, в них нет никакого смысла.

Зоув присел на скамью у окна и кивком предложил Фальку сесть рядом.

— Ты впитывал знания с поразительной быстротой. Я гадал: а что, если Синги, с учетом широкомасштабной колонизации иных миров и контроля за человеческой наследственностью в былые времена, выбрали нас за наше послушание и тупость, а ты — отпрыск некоей мутировавшей человеческой расы, каким-то образом сумевшей избежать генетического контроля?.. Но кем бы ты ни был, ты в высшей степени умный человек... И мне интересно, что же ты сам думаешь о своем загадочном прошлом?

Около минуты Фальк хранил молчание. Невысокий, худой, хорошо сложенный мужчина. Его очень живое и выразительное лицо сейчас было весьма мрачным и полным тревоги. Чувства отражались на нем столь же явственно, как и на лице ребенка. Наконец, видимо придя к какому-то решению, Фальк сказал:

— Когда я учился прошлым летом у Райны, она показала мне, чем я отличаюсь от нормального человека с точки зрения генетики. Отличие совсем невелико — всего один или два витка спирали. Ну, как различие между «вей» и «о».

Зоув с улыбкой поднял глаза на Фалька, когда тот сослался на столь захвативший его воображение Канон, но молодой человек оставался совершенно серьезным.

— Тем не менее можно безошибочно утверждать, что я — не человек. Быть может, я какой-нибудь урод или мутант, появившийся на свет в результате случайного или преднамеренного воздействия, или инопланетянин. Лично мне наиболее вероятным кажется предположение, что я — плод некоего провалившегося генетического эксперимента, вышвырнутый экспериментаторами за ненадобностью... Трудно сказать наверняка. Я предпочел бы думать, что я — инопланетянин и прибыл к вам с какой-то другой планеты. Во всяком случае, это означало бы, что я не одинок во Вселенной.

— Что вселяет в тебя уверенность, что существуют другие обитаемые миры?

Фальк удивленно поднял брови, задав вопрос, в котором вера ребенка соседствовала с логикой зрелого мужчины:

— А разве есть причины полагать, что другие планеты Лиги уничтожены?

— А разве есть причины думать, что они вообще существовали?

— Этому меня учили вы сами, а также книги, легенды...

— И ты веришь им? Ты веришь всему, что мы тебе рассказали?

— Чему же еще мне верить? — Он покраснел. — Какой резон вам лгать мне?

— Мы могли бы лгать тебе во всем, день и ночь, по любой из двух веских причин. Потому, что мы — Синги. Или потому, что мы думали, будто ты служишь им.

Возникла пауза.

— Но я мог бы служить им, сам того не зная, — сказал Фальк, опустив глаза.

— Не исключено, — кивнул Глава. — Ты должен учитывать такую возможность, Фальк. Между нами говоря, Меток всегда был убежден, что твой мозг запрограммирован. И все же он никогда не лгал тебе. Никто из нас не пытался преднамеренно ввести тебя в заблуждение. Один поэт сказал как-то тысячу лет назад: «В истине заключается человечность...» — Зоув произнес эти слова торжественным тоном, а затем рассмеялся. — Дзуличен, как и все поэты. Да, мы поведали тебе обо всем, что сами знали, Фальк, не кривя душой, но, возможно, не все наши предположения и легенды согласуются с истиной...

— Вы в состоянии научить меня отличать правду от лжи?

— Нет, не в состоянии. Ты впервые увидел свет где-то в другом месте... возможно, даже на другой планете. Мы помогли тебе снова стать взрослым, но мы не в силах вернуть тебе настоящее детство. Оно бывает у человека только раз...

— Среди вас я чувствую себя ребенком, — с горечью пробормотал Фальк.

— Но ты не ребенок! Ты — неопытный взрослый. Ты — в некотором роде калека, именно потому, что в тебе нет частицы ребенка, Фальк. У тебя обрублены корни, ты оторван от своих истоков. Разве ты можешь сказать, что здесь твой родной дом?

— Нет, — ответил Фальк, вздрогнув, и тут же добавил: — Но я очень счастлив здесь!

Глава Дома немного помолчал, затем продолжил свои расспросы:

— Как ты считаешь, хороша ли наша жизнь, ведем ли мы образ жизни, подобающий людям?

— Да.

— Тогда скажи мне вот что. Кто наш враг?

— Синги.

— Почему?

— Они откололись от Лиги Миров, лишили людей свободы выбора, разрушили плоды их труда и хранилища информации. Они остановили эволюцию расы. Они — тираны и лжецы.

— Но они не мешают нам жить здесь так, как мы хотим.

— Мы затаились... мы живем порознь, чтобы они оставили нас в покое. Если бы мы попытались построить какую-нибудь большую машину, если бы мы стали объединяться в группы, города или народы для того, чтобы сообща вершить что-нибудь грандиозное, тогда Синги пришли бы к нам, разрушили содеянное и разбросали бы нас по миру. Я лишь повторяю то, что вы неоднократно говорили мне, Глава, и во что я верю!

— Я знаю. Интересно, не чувствовал ли ты за фактами некую... легенду, догадку, надежду...

Фальк промолчал.

— Мы прячемся от Сингов. А также мы прячемся от самих себя, от тех, какими мы были прежде. Ты понимаешь это, Фальк?

Нам неплохо живется в наших домах... совсем неплохо, но нами руководит исключительно страх. Некогда мы путешествовали среди звезд, а теперь мы не осмеливаемся отойти от дома даже на сотню миль. Мы храним остатки знаний, но никак не пользуемся ими. Хотя в прошлом мы использовали эти знания для того, чтобы ткать образ нашей жизни, словно гобелен, простертый над ночью и хаосом. Мы преумножали возможности, что давала нам жизнь. Мы занимались работой, достойной людей.

Зоув снова задумался, а затем продолжил, глядя на светлое ноябрьское небо:

— Представь себе множество планет, различных людей и звезд, живущих на них, созвездия их небес, выстроенные ими города, их песни и обычаи. Все это утрачено, утрачено нами столь же окончательно и бесповоротно, как твое детство потеряно для тебя. Что мы, по существу, знаем о времени собственного величия? Несколько названий планет и имен героев, обрывки фактов, из которых мы пытаемся скроить полотно истории. Закон Сингов запрещает убийство, но они убили знания, они сожгли книги и, что, быть может, хуже всего, фальсифицировали оставшееся. Они, как водится, погрязли во Лжи. Мы не уверены ни в чем, что касается Эпохи Лиги; сколько документов было подделано? Ты должен помнить: что бы ни случилось, Синги — наши враги! Можно прожить целую жизнь, так воочию и не увидев ни одного из них. В лучшем случае услышишь, как где-то вдалеке пролетает их воздухолет. Здесь, в Лесу они оставили нас в покое, и, вероятно, то же самое происходит повсюду на Земле, хотя наверняка ничего не известно. Они не трогают нас, пока мы остаемся здесь, в темноте нашего невежества и дикости, пока мы кланяемся, когда они пролетают над нашими головами. Но они не доверяют нам. Как они могут доверять нам даже по прошествии двенадцати столетий! Им неведомо такое чувство, как доверие, поскольку у них лживое нутро. Они не соблюдают договоров, могут нарушить любое обещание, любую клятву, предают и лгут не переставая, а некоторые записи времен Падения Лиги намекают на то, что они способны лгать даже в мыслях. Именно Ложь победила все расы Лиги и поставила нас в подчиненное положение. Помни об этом, Фальк. Никогда не верь Врагу, что бы он ни говорил.

— Я буду помнить об этом, Глава, если мне суждено когда-либо встретиться с Врагом.

— Ты не встретишься с ним, если только сам того не захочешь.

Отражавшееся на лице Фалька понимание сменилось застывшим, напряженным выражением. То, чего он ожидал, наконец свершилось.

— Вы хотите сказать, Глава, что я должен покинуть Дом?

— Ты сам уже подумывал об этом, — так же спокойно ответил Зоув.

— Да. Но мне незачем уходить. Я хочу жить здесь. Парт и я...

Он запнулся, и Зоув, воспользовавшись этим, мягко отрезал:

— Я уважаю любовь, расцветшую между тобой и Парт, ваше счастье и преданность друг другу. Но ты пришел сюда по дороге куда-то еще, Фальк. К тебе здесь все хорошо относятся и всегда хорошо относились. Твой брак с моей дочерью почти наверняка был бы бездетным, но даже в этом случае я радовался бы ему. Однако я убежден, что тайна твоего происхождения и твоего появления здесь настолько велика, что ее нельзя небрежно отбросить в сторону. Ты мог бы указать новые пути, у тебя впереди много работы...

— Какой работы? Кто может поведать мне об этом?

— То, что хранится в тайне от нас, и то, что украли у тебя, находится у Сингов. В этом ты можешь быть совершенно уверен.

В голосе Зоува звучала такая мучительная, болезненная горечь, какой Фальку никогда прежде не доводилось слышать.

— Разве те, кто погряз во лжи, скажут мне всю правду, если я их об этом попрошу? И как мне узнать предмет моих поисков, даже если мне удастся отыскать его?

Зоув немного помолчал, затем с обычной убежденностью произнес:

— Я все больше склоняюсь к мысли, сынок, что в тебе заключена какая-то надежда для людей Земли. Мне не хочется отказываться от этой мысли. Но только ты сам сможешь отыскать свою собственную правду. Если тебе кажется, что твой путь заканчивается здесь, то, возможно, это и есть правда.

— Если я уйду, — неожиданно спросил Фальк, — вы позволите Парт пойти вместе со мной?

— Нет, сынок.

Внизу в саду пел ребенок — четырехлетний сынишка Гарры. Он выписывал замысловатые кренделя на дорожке и звонко напевал какую-то милую несусазицу. Высоко в небе, выстроившись в клин, летели стая за стаяй на юг дикие гуси.

— Я должен был идти с Метоком и Фурро за невестой для Фурро, — сказал Фальк. — Мы намеревались отправиться как можно скорее, пока не изменилась погода. Если я решу уйти, то отправлюсь в путь от Дома Рансифеля.

— Зимой?

— Несомненно, к западу от Рансифеля есть и другие Дома, где меня приютят в случае необходимости.

Фальк не сказал, а Зоув не спросил, почему он собирается идти именно на запад.

— Может, оно и так. Я не знаю, дают ли там пристанище путникам. Но если ты уйдешь, то ты останешься один, и тебе следует и впредь оставаться одному. За пределами этого Дома другого безопасного места для тебя нет на всей Земле.

Зоув, как всегда, говорил от чистого сердца и платил за правду внутренней болью и сдержанностью. Фальк быстро заверил его:

— Я все понимаю, Глава. Я буду сожалеть не о безопасности...

— Я скажу тебе то, что я думаю в отношении тебя. Я полагаю, что ты родом с одного из затерянных миров. Я думаю, что ты родился не на Земле. Я полагаю, что ты — первый инопланетянин, ступивший на Землю за последние тысячу или, быть может, даже более лет и принесший с собой какое-то послание или знак. Синги заткнули тебе рот и отпустили тебя в лесу, чтобы никто не мог обвинить их в твоём убийстве. И ты пришел к нам. Если ты уйдешь, я буду горевать, зная, насколько тебе одиноко, но я буду надеяться на тебя и на нас самих! Если у тебя есть известие для людей, то ты в конце концов его вспомнишь. Должна же быть хоть какая-то надежда для нас, хоть какой-то знак, ведь нельзя жить так вечно!

— Возможно, моя раса никогда не была в дружественных отношениях с человечеством? — сказал Фальк, глядя на Зоува своими желтыми глазами. — Кто знает, ради чего я явился сюда?

— Именно. Ты разыщешь тех, кто знает. И тогда сделаешь то, что тебе предначертано сделать. Я не испытываю страха. Если ты служишь Врагу, то и мы все ему служим: все уже потеряно и терять нам больше нечего. Если же это не так, то тогда ты обладаешь тем, что некогда потеряли люди, — предназначением! И следуя ему, возможно, ты вселишь надежду во всех нас...

Глава 2

З оув прожил шестьдесят лет, Парт — двадцать, но в этот холодный день, заставший девушку в Длинном Поле, она чувствовала себя старухой, потерявшей счет годам. Ее вовсе не утешала мысль о грядущем триумфе прорыва к звездам или о торжестве истины. Пророческий дар ее отца преломился в ней в отсутствие иллюзий. Она знала, что Фальк собирается уйти из Дома.

— Ты больше сюда не вернешься, — только и выдавила из себя она.

— Я вернусь, Парт.

Девушка обняла его, пропуская мимо ушей обещания.

Фальк попытался мысленно дотянуться до нее, но в телепатическом общении он был не слишком искусен. Единственным Слухачом в Доме была слепая Кретьян. Никто из прочих обитателей Дома не проявлял способностей к общению без слов — мыслеречи. Техника обучения мыслеречи не была утрачена, однако на практике применялась нечасто. Великое достоинство этого наиболее сжатого и совершенного способа общения превратилось в угрозу для людей.

Мысленный диалог между двумя разумами мог быть непоследовательным и сумбурным, не обходилось без ошибок и взаимного недоверия, однако им нельзя было пренебрегать. Между мыслью и сказанным словом существует зазор, куда может внедриться намерение; что-то останется за рамками, и на свет появится ложь. Между мыслью и мысленным посланием такого зазора нет; они рождаются одновременно, и места для лжи не остается.

В последние годы существования Лиги, судя по рассказам и обрывочным записям, с которыми ознакомился Фальк, мыслеречь использовалась очень широко, и телепатические способности достигли весьма высокой степени развития. Данные навыки на Земле появились довольно поздно; техника мыслеречи была

позаимствована у какой-то иной расы. Одна из книг называла ее «Последним Искусством». В книгах имелись также намеки на трения и частые перестановки в правительстве Лиги Миров, возникавшие, вероятно, вследствие преобладания формы общения, которая отрицала ложь.

Но все эти слухи были такими же туманными и полумифическими, как и вся история человечества. Не вызывало сомнений только одно: после прихода Сингов и падения Лиги разрозненные общины больше не доверяли друг другу и использовали обычную речь. Свободный человек мог говорить свободно, но рабам и беглецам приходилось скрывать свои мысли. Именно это твердили Фальку в Доме Зоува, так что у него практически не было опыта в установлении связи между разумами.

Фальк старался убедить Парт в том, что он не лжет:

— Верь мне, Парт, я еще вернусь к тебе!

Но она не хотела его слушать.

— Нет, я не буду говорить с тобой мысленно, — произнесла она вслух.

— Значит, ты оберегаешь свои мысли от меня?

— Да, оберегаю. Зачем мне передавать тебе свою печаль? Какой толк в правде? Если бы ты солгал мне вчера, я до сих пор пребывала бы в уверенности, что ты просто собираешься к Рансифелю и через десять дней вернешься назад. Значит, у меня были бы в запасе десять дней и десять ночей. Теперь же у меня ничего не осталось, ни единого дня или часа. У меня забрали все подчистую. Так что же хорошего в правде?

— Парт, ты будешь ждать меня?

— Нет.

— Всего один год...

— Через год и один день ты вернешься верхом на серебристом скакуне, чтобы увезти меня в свое королевство и сделать законной королевой?.. Нет, я не намерена ждать тебя, Фальк. Почему я обязана ждать человека, чей труп будет гнить в лесу или которого застрелят в прериях Скитальцы? А может, тебя лишат разума в Городе Сингов или отправят в вековое путешествие к другой звезде? Чего именно ты предлагаешь мне ждать? Не думай, что я найду себе другого мужчину. Нет, я останусь здесь, в отчем доме, выкрашу нитки в черный цвет и сотку себе черную одежду, чтобы носить ее и умереть в ней. Но я не стану никого и ничего ждать! Никогда.

— Я не имел права спрашивать... — промолвил он с болью в голосе.

Она заплакала.

— О, Фальк, я ни в чем не виню тебя!

Они сидели на пологом склоне, возвышавшемся над Длинным Полем. Между ними и лесом паслись на огороженном пастбище

овцы и козы. Годовалые ягнята сновали между длинношерстными матками. Дул унылый ноябрьский ветер.

Парт прикоснулась к золотому кольцу на его левой руке.

— Кольцо, — сказала она, — это вещь, которую дарят. Временами мне приходит в голову... а тебе не приходит?... что у тебя, возможно, была жена. Представь, вдруг она ждет тебя...

Девушка задрожала.

— Ну и что? — спросил Фальк. — Какое мне дело до того, кем я был, что было со мной? К чему мне уходить отсюда? Все, кем я являюсь теперь, — это твое, Парт, исходило от тебя, это твой дар...

— И он был сделан по доброй воле, — сквозь слезы сказала девушка. — Возьми его и иди... Уходи...

Они обнимали друг друга, и ни один из них не пытался освободиться из этих объятий.

Дом остался далеко позади за покрытыми инеем черными стволами и переплетенными голыми ветвями деревьев, которые смыкались за спинами путников.

День был серым и холодным, тишину леса нарушало только посвистывание ветра в ветвях — бессмысленное перешептывание, которое, казалось, шло отовсюду и никогда не смолкало. Впереди размашистой легкой походкой шагал Меток, за ним следовал Фальк, замыкал группу молодой Фурро. Все трое были одеты в легкие теплые куртки с капюшонами и штаны из нетканого материала, который называли зимним, что не давал замерзнуть даже в самый сильный снегопад. Каждый нес небольшой заплечный мешок с подарками, товарами для торговли, спальником и запасом сухих концентратов, достаточным, чтобы переждать месячную пургу. Лупоглазая, которая с самого рождения ни разу не покидала Дом, ужасно боялась леса и соответственно снарядила их в дорогу. У каждого был лазерный пистолет, а Фальк дополнительно нес еще медикаменты, компас, второй пистолет, смену одежды, бухту веревки и небольшую книгу, что дал ему Зоув два года назад, — это составляло все его пожитки и весило около пятнадцати фунтов. Меток, Фальк и Фурро легко и бесшумно шагали по устланной листьями узкой тропке, окруженной безмолвными деревьями.

Они должны были добраться до Рансифеля на третий день пути. Вечером второго дня они ступили в местность, отличавшуюся от той, что окружала Дом Зоува. Лес поредел, все чаще попадались кочки. Вдоль склонов холмов виднелись серые прогалины, по которым текли укрытые кустарником ручьи.

Друзья разбили лагерь на одной из таких прогалин, на южном склоне холма, поскольку усилился несущий дыхание зимы северный ветер. Фурро принес несколько охапок сухого хвороста, а двое других путников очистили место для костра от травы и сложили незамысловатый каменный очаг.

— Мы пересекли водораздел сегодня днем, — заметил Меток, пока они работали. — Ручей течет здесь на запад и в конце концов впадает во Внутреннюю реку.

Фальк выпрямился и посмотрел на запад, но невысокие холмы и затянутое тучами небо ограничивали обзор.

— Меток, — сказал он, — я думаю, что мне нет смысла идти к Рансифелю. Мне лучше пойти своим путем. Кажется, вдоль большого ручья, который мы пересекли сегодня днем, идет тропа, ведущая на запад. Я вернусь туда и пойду по ней.

Меток поднял глаза. Он не владел мысленной речью, но взгляд его был достаточно красноречив: не намереваешься ли ты сбежать домой?

Фальк же воспользовался мысленной речью для ответа: «Нет, черт побери!»

— Извини, — вслух произнес Старший Брат своим обычным мрачным тоном.

Он и не пытался скрыть того, что только рад уходу Фалька. Для Меток не было ничего важнее безопасности Дома. Каждый чужак таил в себе угрозу, даже тот, с кем он прожил бок о бок целых пять лет, который был его соратником по охоте и возлюбленным его сестры.

— Тебя хорошо примут у Рансифеля, Фальк, — продолжил он. — Почему бы тебе не начать свое путешествие оттуда?

— А почему не отсюда?

— Дело твое.

Меток установил последний камень, и Фальк принялся разводить огонь.

— Если мы и пересекли тропу, то я не знаю, откуда она ведет и куда. Завтра утром мы пересечем настоящую тропу — старую Дорогу Хайренда. Дом Хайренда расположен далеко на западе. Идти туда пешком не меньше недели. За последние шестьдесят—семьдесят лет туда никто не ходил — не знаю, по какой причине. Но когда я бывал там в последний раз, дорога была по-прежнему отчетливо видна. Та же, о которой ты говоришь, может оказаться звериной тропой и завести тебя в болото или в лесную чащу.

— Хорошо, — согласился Фальк. — Я попробую пойти по Дороге Хайренда.

Возникла пауза, а затем Меток спросил:

— Почему ты собираешься идти на запад?

— Потому что Эс Тох находится на западе.

Это редко произносимое вслух имя прозвучало как-то странно под покровом небес. Фурро, подошедший с охапкой хвороста, с тревогой огляделся вокруг. Больше Меток вопросов не задавал.

Так, на склоне холма у костра, провел Фальк последнюю ночь с теми, кто были для него братьями и соплеменниками. На следующее утро, едва рассвело, они вновь отправились в путь и задолго

до полудня подошли к широкой заросшей тропе, ответвлявшейся влево от тропинки, ведущей к Рансифелю. Ее начало было помечено, словно вратами, двумя огромными соснами. Под сенью ветвей, где остановились путники, царили сумрак и тишина.

— Возвращаясь к нам, наш гость и брат, — сказал молодой Фурро.

Его настроение, приподнятое предстоящим сватовством, несколько упало при виде этого мрачного, едва видимого пути, по которому предстояло идти Фальку. Меток же только произнес:

— Дай мне свою фляжку.

Взамен он протянул свою собственную, выполненную из серебра со старинной гравировкой.

Затем они разошлись. Двое пошли на север, один — на запад.

Пройдя немного, Фальк остановился и посмотрел назад. Его спутники уже исчезли из виду. Тропа Рансифеля еле виднелась за молодой порослью деревьев и кустарников, покрывавшей Дорогу Хайренда. Похоже было, что этой дорогой все-таки пользовались, хотя и нечасто. Но ее не расчищали уже много лет.

Фальк стоял в одиночестве посреди лесной чащи, в тени бесконечных деревьев. Земля была мягкой от листьев, опадавших на нее добрую тысячу лет. Огромные сосны и кедры приглушали свет и звуки. В воздухе кружилось несколько снежинок.

Фальк немного ослабил ремень, на котором держалась его поклажа, и двинулся дальше.

К наступлению вечера ему уже чудилось, что он в пути целую вечность и ушел бесконечно далеко от Дома и что он всегда был таким одиноким.

Дни в точности походили один на другой. Серый зимний свет, легкий ветерок, поросшие лесом холмы и долины, затяжные подъемы и спуски, скрытые в кустах ручьи, болотистые низины... И хотя Дорога Хайренда сильно заросла, идти по ней было совсем несложно, поскольку она вся состояла из длинных прямых участков с плавными поворотами и избегала болот и возвышенностей. Очутившись среди холмов, Фальк понял, что эта дорога следует какому-то древнему тракту, который был прорублен прямо через холмы, и даже две тысячи лет не смогли стереть его с лица земли. Но деревья уже росли на нем и вдоль него на всем протяжении — сосны и кедры, густые заросли шиповника на обочинах, бесконечные ряды дубов, буков, орешника, ясеней, ольхи, вязов, и над всеми ними возвышались величавые кроны каштанов, которые теперь теряли свои последние темно-желтые листья, роняя их на дорогу.

По вечерам Фальк готовил себе ужин из белки или кролика, а иногда даже из дикой курицы, которых ему удавалось подстрелить среди моря деревьев, где сновала уйма всякой мелкой живности. Он собирал орехи и жарил на углях каштаны. Но по ночам ему было плохо. Два кошмара неотступно преследовали его и

заставляли просыпаться к полуночи. Во-первых, ему казалось, что кто-то, кого он никогда раньше не встречал, тайком преследует его в темноте. Второй кошмар был еще хуже: чудилось, будто он забыл взять с собой что-то очень важное, существенное, без чего ему грозит неминуемая гибель. Фальк просыпался, осознавая, что это сущая правда: он потерялся, позабыв не что иное, как самого себя.

Он разводил костер, когда не было дождя, и жался к огню, слишком сонный и сбитый с толку кошмарами, чтобы взять в руки книгу «Старый Канон» и поискать утешения в словах, которые гласили, что, когда все пути потеряны, Истинный Путь виден отчетливо. Одиночество всегда являлось страшным испытанием для человека. А он ведь не был человеком; в лучшем случае он был недочеловеком, пытавшимся обрести свою цельность и бесцельно бредущим через страну под равнодушными звездами... Даже однообразные, хмурые, безрадостные дни служили облегчением после длинных осенних ночей.

Фальк по-прежнему продолжал вести счет времени и на тринадцатый день путешествия, одиннадцатый после перекрестка, подошел к концу Дороги Хайренда. Некогда здесь была Поляна. Он пробрался через густые заросли ежевики и поросль молодых березок к четырем обвалившимся почерневшим башням — дымоходам рухнувшего Дома, которые до сих пор возвышались над зарослями чертополоха и лозами дикого винограда. От Дома Хайренда теперь осталось только название. Дорога обрывалась в развалинах.

Фальк задержался среди руин на несколько часов ради мимолетных следов былого присутствия людей. Он переворачивал немногие уцелевшие части проржавевших механизмов, разбитые черепки, лоскуты сгнившей материи, которые распадались в прах при одном его прикосновении... Наконец он взял себя в руки и стал искать тропу, ведущую на запад от поляны. По пути встретилось какое-то странное место — квадратное поле со стороною в полмили, покрытое совершенно ровной и гладкой, без малейших трещин, субстанцией, напоминавшей темно-фиолетовое стекло. По краям на него напозвала земля, по нему были разбросаны ветки и листья, но оно оставалось неповрежденным. Этот ровный клочок земли словно некогда залили расплавленным аметистом. Что это было — пусковая площадка какого-то невообразимого летательного аппарата, зеркало, с помощью которого можно передавать сигналы на другие планеты, основание некоего силового поля?.. Чем бы эта площадка ни была, она навлекла беду на Дом Хайренда. Синги не могли позволить людям предпринять слишком великое начинание.

Миновав странное место, Фальк ступил в лес, теперь уже не следуя какой-либо тропе.

Лес здесь был редким, состоявшим из величественных лиственных деревьев. Остаток дня Фальк шел быстрым шагом, и поддерживал тот же темп все следующее утро. Местность снова становилась холмистой, вытянувшиеся с севера на юг цепи холмов пересекали его путь, и около полудня он очутился в болотистой долине, полной ручьев, которая показалась ему с высоты близлежащей цепи холмов наиболее удобным местом для преодоления следующей гряды.

Фальк стал искать брод, барахтаясь на заболоченных заливных лугах под сильным холодным дождем. Когда он наконец выбрался из этой угрюмой долины, погода начала разгуливаться, из-за туч вышло солнце и позолотило своими лучами землю, стволы и голые ветви деревьев.

Это подбодрило путника. Фальк решительно зашагал дальше, рассчитывая идти до самой темноты и только тогда разбить лагерь. Мир заполняли свет и абсолютная тишина, если не считать звона срывающихся с концов ветвей капель и отдаленного пересвистывания синичек. Затем он услышал, совсем как в своем сне, слева от себя звуки шагов, которые следовали за ним.

Упавший дуб, некогда бывший досадной помехой, в мгновение ока превратился в укрытие; Фальк спрятался за ним и, держа наготове пистолет, громко крикнул:

— Выходи!

Долгое время все было тихо.

— Выходи! — приказал мысленно Фальк, но тут же закрылся от чужих мыслей, поскольку боялся получить ответ. Он ощущал присутствие чего-то чуждого; в воздухе витал слабый, неприятный запах.

Из-за деревьев вышел дикий кабан. Зверь пересек человеческие следы и остановился, обнюхивая землю. Нелепая, огромная свинья с могучими плечами, заостренной спиной и проворными, запачканными грязью ножками. С покрытого складками щетинистого рыла на Фалька взглянули крохотные сверкающие глазки.

— Ах, человек, — гнусаво протянуло создание.

Напряженные мышцы Фалька резко сократились, и он еще крепче сжал рукоятку лазерного пистолета, но стрельбу решил пока не открывать. Раненый кабан может быть невероятно быстр и опасен. Фальк скорчился за стволом, стараясь не шевелиться.

— Человек, человек, — снова проговорил дикий кабан низким и монотонным голосом, — думай для меня. Думай для меня. Слова мне трудны.

Рука Фалька, державшая пистолет, задрожала. Неожиданно для самого себя он громко сказал:

— Ну и не говори тогда. Я не намерен общаться с тобой мысленно. Давай иди своей кабаньей дорогой.

— Ах, человек, поговори со мной мысленно!

— Уходи, не то я выстрелю!

Фальк выпрямился и направил пистолет на животное. Маленькие сверкающие глазки уставились на оружие.

— Нехорошо забирать чужую жизнь, — произнес кабан.

Фальк уже пришел в себя и на сей раз промолчал, будучи уверен, что зверь не поймет его слов. Он слегка повел дулом пистолета, прицелился получше и сказал:

— Уходи!

Кабан в нерешительности опустил голову, потом с невероятной быстротой, словно освобождаясь от связывавших его пут, повернулся и опрометью рванул в том направлении, откуда пришел.

Фальк некоторое время стоял неподвижно, затем повернулся и вновь продолжил свой путь, держа пистолет наготове. Рука его слегка дрожала.

Существовали старинные предания о говорящих зверях, но обитатели Дома Зоува считали их чистыми сказками. Фальк ощутил кратковременный приступ тошноты и столь же мимолетное желание громко рассмеяться.

— Парт, — прошептал он, поскольку ему нужно было хоть с кем-то поговорить. — Я только что получил урок этики от дикого кабана... О Парт, выйду ли я когда-нибудь из леса? Есть ли у него конец?

Он поднялся на крутую, заросшую кустарником грядку. На вершине лес слегка поредел и между деревьев показались свет солнца и чистое небо. Еще через несколько шагов Фальк вышел из-под ветвей на зеленый склон, что спускался к садам и распаханным полям, окружавшим широкую чистую реку.

На противоположном берегу реки на огороженном лугу паслось стадо в полсотни голов, а еще дальше, перед западной грядой холмов, располагались луга и сады. Чуть южнее от того места, где стоял Фальк, река огибала невысокий холм, на склоне которого возвышались красные трубы Дома, озаренные заходящим вечерним солнцем.

Дом казался реликтом золотой поры человечества, прикипевшим к этой долине. Века его пощадили. Прибежище, уют и, прежде всего, порядок — произведение рук человеческих. Какая-то слабость охватила Фалька при виде дыма, поднимавшегося из красных кирпичных труб.

Он сбегал вниз по длинному склону, через огороды на тропу, которая вилась вдоль реки среди низкорослой ольхи и золотистых ив. Не было видно ни единой живой души, кроме красно-бурых коров, пасшихся за рекой. Тишина и покой наполняли залитую зимним солнцем долину.

Замедлив шаг, Фальк направился через огороды к ближайшей двери дома. По мере того как он огибал холм, перед ним вставали высокие стены из красного кирпича и камня, отражавшиеся в стремнине изгиба реки. В некотором замешательстве молодой

человек остановился, решив, что лучше громким окликом дать знать о своем присутствии, прежде чем следовать дальше.

Краем глаза он уловил какое-то движение в открытом окне как раз над глубокой дверной нишей. Фальк в нерешительности стоял и смотрел вверх, когда вдруг неожиданно почувствовал глубокую острую боль в груди между ребер. Он зашатался и осел, сжавшись, как прихлопнутый паук.

Боль жила в нем лишь краткое мгновение. Он не потерял сознания, но был не в силах пошевелиться или промолвить хоть слово.

Его окружили люди. Он видел их, хотя и смутно, сквозь накапывавшие волны небытия, но почему-то не слышал голосов. Он будто совершенно оглох, а тело его полностью оцепенело. Он силился собраться с мыслями, несмотря на отказ органов чувств. Его схватили и куда-то понесли, но он не ощущал рук, которые поднимали его. Сперва навалилось ужасное головокружение, а когда оно прошло, Фальк потерял всякий контроль над своими мыслями — те куда-то рвались, путались, мешали одна другой... В голове начали возникать какие-то голоса, кричащие и шепчущие, хотя весь мир плыл, тусклый и беззвучный, перед его глазами.

«Кто ты... ты откуда пришел Фальк куда ты идешь не знаю человек ли ты на запад я не знаю не человек...»

Слова накапывали, как волны, отзывались эхом, парили, будто ласточки, что-то требовали, напирали, наталкивались друг на друга, кричали, умирали в серой тишине...

Черная пелена застилала глаза. Через нее пробился лучик света.

Стол; край стола, освещенный лампой в темной комнате.

Фальк обрел способность видеть, чувствовать. Он сидел на стуле в темной комнате за длинным столом, на котором стояла лампа. К стулу его привязали: он чувствовал, как веревка врежется в мышцы груди и рук при малейшей попытке пошевелиться.

Движение: слева возник один человек, справа — другой. Подобно Фальку, незнакомцы сидели вплотную к столу: наклонились вперед и переговаривались друг с другом. Голоса их доносились словно издалека, из-за высоких стен, и Фальк не мог разобрать ни слова.

Он поежился от холода. Это чувство крепче связало его с реальностью, и он начал обретать контроль над своими ощущениями. Улучшился слух, вернулась способность шевелить языком.

Удалось пробормотать невнятно:

— Что вы со мной сделали?..

Ответа не последовало, но вскоре человек, который сидел слева, приблизил свое лицо вплотную к лицу Фалька и громко спросил:

— Почему ты пришел сюда?

Фальк услышал слова; через мгновение он понял, что они означали. Спустя еще мгновение он ответил:

— Ради убежища. На ночь.

— Убежища? От чего ты искал убежища?

— От леса. От одиночества.

Холод все глубже пронизывал его. Удалось слегка высвободить свои тяжелые, онемевшие руки, и Фальк попытался застегнуть рубашку. Пониже веревок, которыми он был привязан к стулу, как раз между ребер, он нащупал небольшое болезненное пятнышко.

— Держи руки по швам! — велел человек, сидевший в тени справа. — Нет, здесь больше чем программирование, Аргерд. Никакая гипнотическая блокировка не смогла бы противостоять пентанолу.

Тот, кто сидел слева, крупный мужчина с плоским лицом и бегающими глазками, ответил тихим, шипящим голосом:

— Откуда у тебя такая уверенность? Что нам, собственно, известно об их трюках? В любом случае, откуда нам знать, какова его сопротивляемость, кто он? Эй, Фальк, ответь, где находится то место, откуда ты к нам пришел, — Дом Зоува, не так ли?

— На востоке. Я вышел... — Число никак не приходило ему в голову. — Думаю, четырнадцать дней назад.

Как им удалось узнать название его Дома, а также его собственное имя?

Способность мыслить быстро возвращалась к Фальку, и его удивление длилось недолго. Ему случалось охотиться на оленей с Метоком, стреляя при этом специальными дротиками; животное погибало от малейшей царапины. Игла, которая вонзилась в него, или последующая инъекция, сделанная, когда он был беспомощен, содержала некий наркотик, который наверняка снимал как сознательный самоконтроль, так и примитивные подсознательные блокировки телепатических центров мозга, оставляя его открытым для допроса.

Они рылись в его мозгу. От этой мысли ощущение холода и слабости нахлынуло еще сильнее, подкрепленное бессильной яростью. Какова причина столь бесцеремонного вторжения? Почему они решили, что он намерен лгать им, еще до того, как перемолвились с ним хоть словом?

— Вы думаете, что я — Синг?

Лицо человека справа, худого, длинноволосого и бородатого, внезапно появилось в круге света лампы. Поджав губы, незнакомец открытой ладонью ударил Фалька по губам. Голова Фалька откинулась назад, и от удара он на мгновение ослеп. В ушах зазвенело, во рту возник привкус крови. Затем последовал второй удар, третий.

Человек свистящим шепотом повторял раз за разом:

— Не упоминай этого имени, не упоминай, не упоминай...

Фальк беспомощно ерзал на стуле, пытаясь хоть как-то защититься или вырваться. Человек слева что-то отрывисто рывкнул, и на некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— Я пришел сюда с добрыми намерениями, — сказал наконец Фальк, стараясь говорить как можно спокойнее, несмотря на гнев, боль и страх.

— Хорошо, — кивнул сидевший слева Аргерд. — Давай выкладывай свою историю. Итак, ради чего ты пришел сюда?

— Переночевать и спросить, есть ли поблизости какая-нибудь тропа, ведущая на запад.

— Почему ты идешь на запад?

— Зачем вы спрашиваете? Я же сказал вам об этом мысленно, когда нет места лжи. Вы знаете, что у меня на уме.

— У тебя какой-то странный разум, — слабым голосом произнес Аргерд, — и необычные глаза. Никто не приходит сюда, чтобы переночевать или узнать дорогу, или еще за чем-нибудь. А если все же слуги тех, других, приходят сюда, мы убиваем их. Мы убиваем прислужников и говорящих зверей, Странников, свиней и всякий сброд. Мы не подчиняемся закону, который гласит, что нельзя отбирать чужую жизнь. Не так ли, Дреннем?

Бородач ухмыльнулся, показав при этом коричневые зубы.

— Мы — люди! — сказал Аргерд. — Свободные люди! Мы — убийцы. А кто ты такой, с наполовину развитым мозгом и совиными глазами, и что помешает нам убить тебя? Разве ты человек?

На своем коротком веку Фальку не доводилось сталкиваться лицом к лицу с жестокостью и ненавистью. Тем немногим людям, которых он знал, было ведомо чувство страха, но страх не правил ими. Они были великодушны и дружелюбны. Перед этими двумя мужчинами Фальк был беззащитен, как ребенок, и это приводило его в замешательство и ярость.

Он тщетно искал какой-нибудь способ защиты или отговорку... Напрасно! Единственное, что ему оставалось, — говорить правду.

— Я не знаю, кто я и откуда пришел в этот мир. И я собираюсь выяснить это.

— Где?

Фальк посмотрел сначала на Аргерда, затем на Дреннема. Он знал, что ответ им известен и что Дреннем снова ударит его, едва его губы произнесут это слово.

— Отвечай! — прорывал бородастый. Он приподнялся и наклонился вперед.

— В Эс Тохе, — сказал Фальк, и Дреннем снова ударил его по лицу, и снова Фальк принял этот удар молча и униженно, как ребенок, которого наказывают неизвестные ему люди.

— Какой в этом смысл? Он не собирается поведать нам что-либо сверх того, что мы вытянули из него под пентанолом. Позволь ему встать, — вступился за Фалька Аргерд.

— И что потом? — спросил Дреннем.

— Он пришел сюда просить пристанища на ночь, и он его получит. Поднимайся!

Веревку, которой он был привязан к стулу, ослабили. Фальк, шатаясь, поднялся. Когда он увидел низкую дверь и черный колодец лестницы, к которому его подвели, он попытался сопротивляться и вырваться, но мышцы еще не были готовы слушаться. Дреннем заставил Фалька пригнуться и с силой пихнул его через порог. Дверь с треском захлопнулась, пока он повернулся и, шатаясь, пытался удержаться на лестнице.

Здесь царил крошечный тьма. Дверь, не имевшая ручки с его стороны, была подогнана так плотно, что сквозь нее не проникало ни единого звука или лучика света. Фальк сел на верхней ступеньке и уткнулся лицом в ладони.

Мало-помалу слабость тела и смятение мыслей начали отступать. Он поднял голову и попытался хоть что-то разглядеть.

Фальк обладал исключительно острым ночным зрением; на эту способность его глаз с огромными зрачками и радужкой ему давным-давно указала Райна. Но сейчас в глазах плясали только какие-то точки и туманные образы. Он был не в состоянии что-либо разглядеть. Поэтому встал и осторожно начал спускаться вниз по узким невидимым ступенькам.

Двадцать одна ступенька, двадцать две, двадцать три — и ровный пол. Грязь. Фальк медленно двинулся вперед, вытянув руку и прислушиваясь.

Хотя темнота чуть ли не физически давила на него, сковывала движения, пыталась обмануть, заставляя думать, что стоит ему хорошенько присмотреться, и он прозреет — ее самой Фальк не боялся. Методично, шагами и прикосновениями, он обследовал ту часть обширного подвала, в которой находился. Это была только первая комната из длинной вереницы, которая, судя по эху, казалось, уходила в бесконечность. Он вернулся к лестнице — та, будучи отправной точкой исследований, стала его базой, — присел на самую нижнюю ступеньку и некоторое время сидел неподвижно. Его мучили голод и сильная жажда. Всю поклажу забрали, ничего ему не оставив.

«Это твоя вина», — горько укорил самого себя Фальк, и в его мозгу прозвучало нечто вроде диалога.

«Что я такого сделал? Почему они напали на меня?»

«Зоув говорил тебе: никому не доверяй. Они никому не доверяют и, пожалуй, правы».

«Даже тем, кто приходит с мольбой о помощи?»

«А твое лицо и твои глаза? Разве не ясно с первого же взгляда, что ты не являешься нормальным человеком?»

«Но ведь все равно они могли бы дать мне глоток воды», — настаивала детская и потому не ведавшая страха часть его мозга.

«Чертовски повезло, что тебя не убили, едва заведев», — отвечал интеллект, и это крыть было нечем.

Все обитатели Дома Зоува, конечно, давно привыкли к его внешности, а гости были очень редки и осторожны, и поэтому ему никогда не указывали прямо на наличие у него физических отличий от нормальных людей. Казалось, эти отличия играли гораздо меньшую роль в долгой изоляции Фалька по сравнению с его невежеством и потерей памяти. Теперь же он впервые понял, что любой незнакомец, взглянув на его лицо, не признает в нем человека.

Тот, кого звали Дреннем, особенно боялся незваного гостя. Он потому и бил его, что отчаянно боялся всего чужого и питал к Фальку отвращение, считая его странным чудовищем.

Именно это и пытался растолковать ему Зоув, когда давал свое серьезное и почти нежное напутствие: «Ты должен идти один, ты сможешь идти только один!»

Теперь ему не оставалось ничего, кроме как заснуть. Фальк как можно удобнее устроился на нижней ступеньке лестницы, поскольку пол был сырым и грязным, и закрыл глаза.

В какой-то неопределенный миг безвременья он проснулся от мышиного писка. Твари сновали рядом с ним в темноте, едва слышно скребясь и шепча тоненькими голосками у самой земли:

— Нехорошо отбирать чужую жизнь, прии-вет не убивай нас, не убивай нас...

— Я буду! — рявкнул Фальк, и мыши тут же притихли.

Снова погрузиться в сон оказалось нелегко, или, скорее, трудно было с уверенностью сказать, спит он или бодрствует. Фальк лежал и гадал, что сейчас снаружи — день или ночь? Как долго его будут держать здесь, и собираются ли они убить его или накачивать тем самым наркотиком до тех пор, пока его разум не будет уничтожен, а не просто введен в смятение? Сколько времени должно пройти, чтобы жажда из неудобства превратилась в муку? Как можно ловить в темноте мышей без мышеловки и приманки, и сколько человек способен продержаться на диете из сырых мышей?

Несколько раз, чтобы отвлечься от этих мыслей, Фальк прогуливался по подвалу. Он нашел какую-то большую кадку, и сердце его учащенно забилося в надежде, но та оказалась пустой. Острые зубрины изранили его пальцы, когда он шарил по ее дну. Обследуя на ощупь нескончаемые невидимые стены, он так и не нашел другой лестницы или двери.

В конце концов Фальк заблудился и не мог вновь отыскать лестницу. Сел на землю в кромешной темноте и представил себе, что он серым зимним днем продолжает свое одинокое путешествие по лесу под дождем. Он мысленно повторил все, что только смог вспомнить из Старого Канона:

«Путь, который может быть пройден,
Не является вечным Путем...»

Во рту настолько пересохло, что Фальк даже пытался лизать влажную грязь пола, однако к языку прилипла лишь сухая пыль. Мыши временами суеились совсем близко от него и что-то шептали.

Откуда-то из дальних закоулков тьмы донесся лязг засовов, и промелькнул яркий отблеск света. Свет...

Обрисовались неясные призрачные очертания сводов, арок, бочек, перегородок и проемов. Фальк с трудом поднялся и не твердой походкой рванулся к свету.

Свет исходил из низкого дверного проема, через который, подойдя ближе, удалось разглядеть земляную насыпь, верхушки деревьев и клочок багрового то ли утреннего, то ли вечернего неба. Фалька ослепило так, будто на дворе стоял летний полдень. Он остановился у двери, не в силах сдвинуться с места из-за ослепительного света, а также из-за неподвижной фигуры, преградившей ему путь.

— Выходи! — раздался тихий, хриплый голос Аргерда.

— Подожди. Я еще ничего не вижу.

— Выходи и иди не останавливаясь! Не оборачивайся, а не то я срежу тебе башку!

Фальк шагнул в дверной проем и вновь остановился в нерешительности. Мысли, посетившие его в темноте подвала, теперь сослужили ему добрую службу. Он решил, что если его отпускают, значит, они боятся его убить.

— Живее!

Фальк решил попытать счастья.

— Я не уйду без своей поклажи, — прохрипел он, с трудом выдавливая слова из пересохшего горла.

— У меня в руке лазер.

— Ну так давай, пускай его в ход. Мне не пересечь континент без своего пистолета.

Теперь уже Аргерд погрузился в раздумья. Наконец он крикнул кому-то, почти срываясь на визг:

— Греттен! Греттен! Принеси сюда хлам чужака!

Прошло несколько минут. Фальк стоял в темноте у самого порога. Аргерд застыл снаружи. По просматриваемому от двери травянистому склону сбежал мальчик, швырнул на землю мешок Фалька и исчез.

— Забирай! — приказал Аргерд. Фальк вышел на свет и нагнулся. — А теперь убирайся!

— Подожди, — пробормотал Фальк. Стоя на коленях, он топорливо перебирал содержимое переворошенного, незавязанного мешка. — Где моя книга?

— Книга?

— Старый Канон! Книга для чтения, а не справочник по электронике...

— Думаешь, мы отпустили бы тебя с ней?

Фальк недоуменно взглянул на него:

— Разве вы не чтите Каноны, по которым следует жить людям? Зачем вы отняли у меня книгу?

— Ты не знаешь и никогда не будешь знать того, что известно нам. Если сейчас же не уберешься, мне придется подпалить тебе руки. Давай вставай и топай отсюда!

В голосе Аргерда вновь прорезались истерические нотки, и Фальк понял, что зашел слишком далеко. Ненависть и страх, которые исказили грубые черты не лишнего печати разума лица Аргерда, заставили Фалька поспешно завязать мешок и взвалить его на плечи. Он быстро прошел мимо здоровяка и начал подниматься по травянистому склону, что подступал к подвальной двери.

На дворе стоял вечер, солнце только что скрылось за горизонтом. Фальк двинулся вслед за солнцем. Ему казалось, что его затылок и дуло пистолета Аргерда связаны невидимой нитью, натягивавшейся по мере того, как он удалялся от дома.

Фальк пересек заросшую сорняками лужайку, по шатким планкам мостика перебрался через реку, прошел по тропинке мимо пастбища, миновал огороды. Потом взобрался на вершину гряды и только здесь рискнул обернуться.

Потаенная долина предстала перед его взором такой же, как и в первый раз — залитой золотистым светом вечера, милой и мирной; кирпичные дымоходы высились над рекой, в которой отражалось небо.

Фальк торопливо углубился в окутанный печалью лес, где ночь уже вступила в свои права.

Мучимый голодом и жаждой, измотанный и упавший духом, Фальк теперь с унынием размышлял о предстоящем бесцельном путешествии через простиравшийся перед ним Восточный Лес. Он утратил даже малейшую надежду на то, что хоть где-то на пути ему встретится гостеприимный дом, разнообразив суровую монотонность окружающей действительности. Надо не искать дороги, а всячески избегать их, сторонясь людей и строений, подобно дикому зверю. Лишь одна мысль слегка утешала Фалька, если не считать ручейка, из которого он напился, и пищевого рациона из мешка, — мысль о том, что его не сломили испытания, которые он сам навлек на себя. Он вступил в схватку с кабаном-моралистом и жестокими людьми на их собственной территории и сумел оставить противника ни с чем. Воспоминание об этом грело душу Фалька. Он настолько плохо знал самого себя, что все его поступки являлись одновременно актами самопознания, как у маленького мальчика. Сознывая, сколь многого ему недостает, Фальк был рад обнаружить, что смелостью, во всяком случае, он не обделен.

Он напился, поел и двинулся в путь под призрачным светом луны, которого вполне хватало для его глаз, и вскоре между ним и Домом Страха, как про себя Фальк прозвал ту долину, пролегла добрая миля пересеченной местности. Наконец, совершенно измотанный, он прилег на краю небольшой прогалины, чтобы немного поспать.

Фальк не стал разводить огонь и сооружать навес. Он просто лежал, глядя в омытое лунным светом зимнее небо. Ничто не нарушало тишины, кроме редкого тихого уханья охотившейся совы. Эти безмятежность и заброшенность казались ему успокоительными и благословенными после полной шорохов и призрачных голосов кромешной тьмы подвала-темницы Дома Страха.

Продвигаясь дальше на запад сквозь деревья и дни, он не вел счет ни одним, ни другим. Он шел, и время шло вместе с ним.

В Доме Страха он потерял не только книгу. У него забрали также серебряную фляжку Меток и небольшую коробочку, тоже из серебра, с дезинфицирующей мазью. Они оставили у себя книгу, поскольку крайне нуждались в ней, или же потому, что приняли ее за какой-то шифр или код. Какое-то время потеря книги необъяснимо угнетала Фалька, так как ему казалось, что она была единственным звеном, по-настоящему связывавшим его с людьми, которых он любил и которым верил. Однажды он даже пообещал себе, сидя у костра, что на следующий день повернет назад, снова разыщет Дом Страха и заберет свою книгу. Но на следующий день он продолжил свой путь. Ориентируясь по компасу и солнцу, Фальк мог идти точно на запад, но он никогда не сумел бы вновь отыскать какое-либо определенное место среди бескрайних просторов леса с его бесчисленными холмами и долинами. Ни потаенную долину Аргерда, ни Поляну, где Парт, наверное, что-то ткала при свете зимнего солнца. Все это осталось позади и было навеки утрачено.

Может, и к лучшему, что книга пропала. Чем смогла бы помочь ему здесь, посреди леса, эта книга, с ее тонким и последовательным мистицизмом очень древней цивилизации, этот тихий голос, доносившийся из времен давно забытых войн и бедствий? Человечество пережило катастрофу, а Фальк опередил человечество. Он зашел слишком далеко и был очень одинок.

Теперь он жил всецело за счет охоты, вследствие чего преодолевал за день меньшее расстояние. Даже если дичи было много и она не пугалась выстрелов, охота была из тех занятий, что не терпели суесть. Потом еще требовалось освежевать добычу, приготовить ее, обсосать косточки, сидя у огня, и, набив желудок до отказа, подремать на морозце. Кроме того, нужно было соорудить из веток шалаш для защиты от дождя и снега и спать до следующего утра. Книге не было здесь места, даже Старому Канону Бездействия. Фальк не смог бы читать ее. По сути, он практически перестал думать. Он молча охотился, ел, шел, спал в тишине

леса, похожий на серую тень, скользившую на запад через промерзшую чащу.

Становилось все холоднее и холоднее. Поджарые дикие кошки, красивые маленькие твари с пятнистым или полосатым мехом и зелеными глазами, частенько выжидали неподалеку от костра в надежде полакомиться остатками человеческой трапезы и набрасывались с осторожной и хищной свирепостью на кости, которые швырял им со скуки Фальк. Грызуны, их обычная добыча, из-за морозов впали в зимнюю спячку и стали попадаться крайне редко. После Дома Страха перестали встречаться звери, способные разговаривать мысленно или вслух. Животные в этих прелестных заснеженных равнинных лесах, которые нынче пересекал Фальк, вероятно, никогда не видели человека и не знали его запаха, на них никто никогда не охотился.

По мере того как Фальк удалялся от притаившегося в мирной долине Дома Страха, он все отчетливее осознавал его чуждость. Подвалы там кишмя кишели мышами, которые попискивали по-человечьи, а обитатели Дома обладали великим знанием — сывороткой правды, и вместе с тем были по-варварски невежественны. Там побывал Враг.

Но Враг вряд ли когда-либо заглядывал сюда, в этот лес. Здесь вообще никто не бывал. И едва ли кто-нибудь когда-нибудь побывает. Среди серых ветвей кричали сойки, прихваченный морозцем бурый ковер сотен осенних листопадов хрустел под ногами. Величественный олень уставился на путника, замерев на противоположном краю маленькой лужайки, как бы прося его предъявить разрешение на пребывание здесь.

— Я не буду стрелять в тебя. Сегодня утром я разжился двумя курицами! — крикнул Фальк.

Олень молча посмотрел на него с величественным самообладанием и пошел прочь. Здесь никто не боялся человека, никто не заговаривал с ним. Фальку пришла в голову мысль, что в конце концов он может забыть человеческую речь и вновь стать таким, каким уже был когда-то — немым, диким, утратившим все человеческое. Он слишком далеко ушел от людей и забрел туда, где правили бессловесные твари.

На краю луга Фальк споткнулся о камень и, стоя на четвереньках, прочел вырезанные на полупогребенной глыбе выветрившиеся буквы: «С К... О». Сюда когда-то пришли люди, они жили здесь. Под его ногами, под обледелой упругой подушкой из полусгнивших стволов и листьев, под корнями деревьев лежал город. Только Фальк пришел в этот город на одно-два тысячелетия позднее, чем следовало.

Глава 3

Дни, счет которым Фальк давно потерял, стали потихоньку удлиняться, и он понял, что Конец Года, день зимнего солнцестояния, скорее всего уже миновал. Хотя зима, вследствие глобального потепления климата, была не столь суровой, как в те годы, когда город стоял на поверхности, она тем не менее оставалась промозглой и унылой. Часто шел снег; Фальк сообразил: если бы у него не было одежды из особой зимней ткани и спального мешка, захваченных из Дома Зоува, холод причинял бы ему куда большие неудобства. Северный ветер дул настолько свирепо, что Фалька все время сбивало немного к югу, и, чтобы не идти против ветра, он при первой же возможности брал курс на юго-запад.

Одним пасмурным днем он шагал по берегу текущего на юг ручья — с трудом продирался сквозь густой подлесок, покрывавший каменистую, раскисшую под дождем и снегом почву. Внезапно кустарник сошел на нет, и Фальк резко остановился. Перед ним простиралась широкая река, испещренная оспинами дождя, поверхность которой тускло блестела. Низкий противоположный берег был наполовину скрыт густым туманом.

Фалька ужаснула ширина этой реки. Он был потрясен мощью безмолвного черного потока, величественно несущего свои воды под затянутым облаками небом на запад. Сперва он решил, что это, должно быть, Внутренняя река, один из немногих верных ориентиров, известных по слухам жителям Восточного Леса. Однако утверждалось, что Внутренняя река течет на юг, являясь западной границей царства деревьев. По всей видимости, Фальк вышел на один из ее притоков. Теперь не будет нужды карабкаться по высоким холмам, к тому же не возникнет проблем ни с питьевой водой, ни с дичью. Более того, приятно чувствовать под ногами песчаный берег, а над головой — чистое небо вместо угнетающего полумрака голых ветвей.

Однажды утром ему удалось подстрелить у реки дикую курицу. Их кудахчущие, низко летающие стаи встречались здесь повсеместно, регулярно снабжая путника мясом. Фальк лишь перебил птице крыло, и, когда он подбирал ее, она была еще жива. Курица забила крыльями и закричала пронзительным птичьим голосом:

— Брать жизнь... брать жизнь...

Он скрутил ей шею.

Слова звенели в голове Фалька, не желая стихать. Последний раз животное заговорило с ним, когда он приближался к Дому Страха. Выходит, где-то среди этих унылых холмов жили люди: некая группа добровольных изгоев, вроде той, к которой принадлежал Аргерд, или жестокие Странники, которые непременно убьют Фалька, как только увидят его необычные глаза, или батраки, которые доставят его к своим повелителям в качестве раба... Хотя, в конце концов, Фальку, возможно, и предстояло предстать перед этими самыми Повелителями, он все же предпочел бы добраться до них самостоятельно и в свое время. «Никому не верь, избегай людей!» Фальк хорошо выучил данный урок. В тот день он продвигался вперед с большой осторожностью и настолько тихо, что зачастую водоплавающие птицы, снующие по берегам реки, испуганно взлетали практически у него из-под ног.

Однако не было видно ни троп, ни каких-либо других признаков того, что у реки живут люди. Только на закате одного из коротких зимних дней взмыла в воздух стая бронзово-зеленых диких уток и полетела над водой, перекликаясь бессвязными и искаженными словами человеческой речи.

Вскоре после этого Фальк остановился. Ему показалось, что он чувствует запах горящей древесины.

Ветер дул с северо-запада, навстречу ему, и Фальк двинулся вперед с удвоенной осторожностью. Когда начали сгущаться сумерки, погружая во тьму лес и речные просторы, далеко впереди на заросшем кустарником и ивняком берегу мигнул и исчез огонек, затем вспыхнул снова.

Остановил Фалька и заставил уставиться на далекий огонек не страх и даже не осторожность, а то, что это был первый огонь, встретившийся в чаще с тех пор, как он покинул Поляну, если не считать его собственного одинокого костерка. Вид огонька, сиявшего вдаль, как-то странно тронул его душу.

Осторожный как всякое лесное животное, Фальк подождал, пока ночь полностью не вступила в свои права, а затем медленно и бесшумно двинулся по берегу реки, стараясь ни на шаг не отходить от ив, пока не подошел настолько близко, что различил острый, запорошенный снегом конек крыши и желтый квадрат окна под ним.

Высоко над темным лесом и рекой сияло созвездие Ориона. Зимняя ночь была тихой и очень холодной. Время от времени с ветвей деревьев сыпался сухой снег, распадаясь на отдельные

снежинки, которые слетали к черной воде, вспыхивая, словно искорки, когда они пересекали луч света, падавший из окна.

Фальк стоял, не сводя глаз с огня очага в хижине. Затем подошел поближе и надолго замер в неподвижности.

Внезапно дверь хижины со скрипом отворилась, взметнув в воздух снежную пыль, и на темной земле раскрылся золотой веер.

— Иди сюда, на свет, — пригласил человек, стоявший в золотистом свечении дверного проема.

Хоронясь во тьме, Фальк положил руку на лазер и вновь замер.

— Я улавливаю твои мысли, незнакомец. Я — Слухач. Иди смелее. Здесь нечего бояться. Ты говоришь на этом языке?

Фальк молчал.

— Что ж, надеюсь, ты меня понимаешь, потому что я не собираюсь пользоваться мыслеречью. Здесь нет никого, кроме нас с тобой. Я слушаю чужие мысли, не прилагая никаких усилий, подобно тому как ты слышишь своими ушами, и я знаю, что ты по-прежнему там, в темноте. Подойди и постучись, если хочешь какое-то время побыть под крышей.

Дверь закрылась.

Фальк немного помедлил, затем пересек темный участок, отделявший его от двери домика, и постучал.

— Заходи!

Он открыл дверь и очутился среди тепла и света. Старик, длинные седые волосы которого ниспадали на спину, стоял на коленях перед очагом. Он даже не повернулся, чтобы взглянуть на незнакомца, а продолжал методично подкладывать дрова. Затем начал декламировать нараспев:

Я один, в смятении
Заброшенный всеми
Будто по морю плыву
Где нет гавани
Куда бросить мне якорь...

Наконец седая голова повернулась. Старик улыбался, искоса глядя на Фалька своими узкими, светлыми глазами.

Сбивчиво и хрипло, поскольку он давно уже не говорил вслух, Фальк продолжил цитату из Старого Канона:

От всех есть какая-то польза
Только я один ни на что не годен
Я — чужестранец
Отличный ото всех других
Но я ищу молоко Матери моего Пути...

— Ха, ха, ха! — рассмеялся старик. — Так ли это, Желтоглазый? Садись сюда, поближе к огню. Да, ты и впрямь чужестранец. Как далеко твоя страна?.. Кто знает? И сколько дней ты уже не мылся горячей водой? Кто знает? Где этот чертов чайник? Свежо

сегодня снаружи, не правда ли? Воздух холодный, как поцелуй предателя. А вот и чайник!.. Наполни-ка его из того ведра у двери, и я поставлю на огонь. Вот так. Я живу скромно, да ты и сам это понял, так что особых удобств у меня не жди. Но горячая ванна остается горячей ванной, вскипел ли чайник от расщепления водорода или от сосновых поленьев, не так ли? Да, ты и впрямь чужестранец, парень, и твоя одежда так же нуждается в стирке, хоть она и водоустойчива. Что это у тебя там?.. Кролики? Хорошо. Мы их потушим завтра с овощами. Ведь на овощи не поохотишься с лазерным пистолетом. А вилки капусты не будешь таскать в заплечном мешке. Я живу здесь один-одинешенек, потому что я великий, самый великий Слухач. Я живу один и слишком много болтаю. Родился я не здесь, я же не сморчок; но, живя среди людей, я был не в силах закрыться от их мыслей, от всей этой суеты, печали, бессмысленного бормотания и тревог — в общем, от всего того, что свойственно именно людям. Я устал продираться сквозь густой лес их мыслей. Потому и решил жить в настоящем лесу, окруженный только зверьем, чьи мысли неглубоки и спокойны. В них нет места смерти и лжи. Садись сюда, парень, твой путь сюда был долог, и ноги твои устали.

Фальк присел на деревянную скамью у очага.

— Спасибо вам за гостеприимство, — промолвил он.

Он хотел было назвать свое имя, но старик опередил его.

— Не трудись, парень. Я могу дать тебе уйму хороших имен, которые вполне сойдут для этой части света. Желтоглазый, Чужеземец, Гость — любое подойдет. Помни о том, что я — Слухач. Мне не нужны слова или имена. Я ощутил, что где-то там, во тьме, есть одинокая душа, и почувствовал, как мое освещенное окно притягивало твои глаза. Разве этого недостаточно? Мне не нужны имена. А мое имя — Самый Одинокый. Верно? Теперь придвигайся поближе к огню и грейся.

— Я уже почти согрелся, — сказал Фальк.

Седые космы старика мотались по его плечам, когда он, проворный и хрупкий, сновал туда-сюда. Плавно текла его тихая речь; он никогда не задавал прямых вопросов и не делал пауз, чтобы выслушать ответ. Он не боялся никого и сам никому не внушал страха.

Теперь все дни и ночи, проведенные в лесу, слились воедино и остались в прошлом. Фальк не разбивал лагеря — он был дома. Не нужно было думать о погоде, о темноте, о звездах, зверях и деревьях; он мог сидеть, удобно вытянув ноги к яркому огню, мог есть не в одиночестве, мог вымыться у огня в деревянной лохани с горячей водой. Он не знал, что доставляло ему большее удовольствие — тепло воды, смывавшей грязь и усталость, или то тепло, что омывало здесь его душу, быстрая бессмысленная болтовня старика, чудесная сложность людского разговора после долгого молчания в чаще.

Фальк принимал на веру все, что говорил старик, поскольку тот был Слухачом, эмпатом, способным ощущать эмоции. Эмпатия по сравнению с телепатией — то же, что осязание по сравнению со зрением: более неясное, более примитивное и более пыливое чувство. Ей не надо было упорно обучаться, как телепатическому общению. Напротив, произвольная эмпатия нередко встречалась и среди нетренированных людей. Слепая Кретьян, обладая определенными способностями с рождения, путем постоянных упражнений научилась воспринимать мысли. Но то был совсем иной дар. Фальк достаточно быстро понял, что старик, по сути, до определенной степени переживал все, что испытывал или ощущал его гость. Почему-то это нисколько не беспокоило Фалька, хотя осознание того, что наркотик Аргерда открыл его мозг для телепатического проникновения, некогда привело его в бешенство. Разница была в намерениях; и еще кое в чем.

— Сегодня утром я убил курицу, — сказал он, когда старик на мгновение умолк, согревая над очагом полотенце. — Она говорила на нашем языке. Цитировала... Закон. Выходит, здесь поблизости живут... живет кто-то, кто обучает зверей и птиц человеческому языку?

Даже вымывшись в лохани, Фальк не расслабился настолько, чтобы произнести имя Врага... особенно после урока, преподанного ему в Доме Страха.

Вместо ответа старик впервые задал ему вопрос:

— Ты съел эту курицу?

— Нет, — ответил Фальк, растирая себя полотенцем так, что кожа его покраснела. — Не стал после того, как она заговорила. Вместо этого я подстрелил кроликов.

— Убил ее и не съел? Стыдно, стыдно, парень.

Старик заверещал, словно дикий петух.

— Испытываешь ли ты благоговение перед жизнью? Ты должен понимать Закон. Он гласит, что нельзя убивать, если ты не вынужден убивать. Помни об этом в Эс Тохе. Уже вытерся? Прикрой свою наготу, Адам из Канона Яхве. Нет, завернись... Конечно, это не ровня твоей одежде, а всего лишь оленья шкура, выдубленная в моче, но, по крайней мере, она чистая.

— Откуда вы знаете, что я направляюсь в Эс Тох? — спросил Фальк.

Он закутался в мягкий кожаный балахон как в тогу.

— Потому что ты не человек, — ответил старик. — И не забывай о том, что я — Слухач. Хочу я этого или нет, мне известна направленность твоих мыслей, чужестранец. Север и юг — скрыты в тумане; далеко на востоке — утраченный свет; на западе лежит тьма, гнетущая тьма. Мне знакома эта тьма. Слушай меня, потому что я не хочу слушать тебя, дорогой гость, бредущий на ощупь. Если бы я хотел выслушивать людскую болтовню, я бы не

жил здесь среди диких свиней, словно кабан. Я должен поведать тебе кое-что, прежде чем пойду спать. Итак, слушай...

Сингов совсем немного. Это одновременно великая новость, мудрость и совет. Помни об этом, когда ступишь в ужасающую темноту ярких огней Эс Тоба. Случайные обрывки знаний всегда могут пригодиться. А теперь забудь о востоке и западе и ложись-ка спать. Можешь занять кровать. Хотя я и противник показной роскоши, я не чужд таким простым радостям жизни, как кровать для сна. Во всяком случае, время от времени. И я даже рад компании разок-другой в году. Хотя и не могу сказать, что мне так не хватает людского общества, как тебе. Я хоть и один, но не одинок...

И сооружая себе спальное место на полу, он процитировал Новый Канон:

«Я одинок не более, чем флюгер или ручей у мельницы, или полярная звезда, или южный ветер, или апрельский дождь, или январская оттепель, или первый паучок в новом доме... Я одинок не более, чем утка в пруду, что смеется так громко, или чем сам Уолденский пруд...»

Здесь старик сказал «спокойной ночи» и умолк.

В эту ночь Фальк спал так крепко и долго, как еще никогда с начала своего путешествия.

В хижине у реки он пробыл еще два дня и две ночи, поскольку ее хозяин принимал его очень радушно; ему оказалось нелегко покинуть эту крохотную обитель тепла и дружеского общения. Старик редко прислушивался к словам Фалька и никогда не отвечал на вопросы, но среди его непрерывной болтовни проскальзывали определенные факты и намеки. Фальк узнал, что может ему повстречаться на пути отсюда на запад, хотя где именно находится то или иное место, он так и не смог разобрать. Судя по всему, до Эс Тоба путь был свободен; а дальше? И что находилось за Эс Тобом?

Сам Фальк не имел об этом ни малейшего представления. Он знал лишь, что в конце концов можно выйти к Западному морю, за которым лежал Великий Континент, а затем можно опять попасть в Восточное море и в Лес. Людям было известно, что мир имеет форму шара, но у них не осталось ни единой карты. Фальку казалось, что старик, возможно, в состоянии нарисовать карту. С чего он так решил, он и сам не понимал, поскольку его хозяин никогда впрямую не рассказывал о том, что видел за пределами этой крохотной прогалины на берегу реки.

— Приглядывайся к курам, — как бы между прочим произнес за завтраком старик ранним утром того дня, когда Фальк собирался в дорогу. — Некоторые из них умеют говорить, а другие умеют слушать. Совсем как мы, а? Я говорю, а ты слушаешь, поэтому я — Слухач, а ты — Вестник. Чертова логика. Помни о курах и не

доверяй тем, что поют. Петухам можно доверять больше — они слишком заняты своим кукареканьем. Иди один. Вреда тебе от этого не будет. Передавай от меня привет всем Предводителям Странников, которых ты встретишь, особенно Хенстрелле. Кстати, прошлой ночью, в промежутке между твоими и моими снами, мне пришла в голову мысль, что ты достаточно поупражнялся в ходьбе и мог бы взять мой слайдер. Я и забыл о том, что он у меня есть. Мне он не нужен — я не собираюсь покидать эти места, кроме как после смерти. Надеюсь, кто-нибудь забредет сюда и похоронит меня или хотя бы вытащит мое тело наружу на поживу крысам и муравьям, раз уж я умер. Меня не прельщает перспектива сгнить здесь, в этом доме, который я столько лет содержал в такой чистоте. В лесу пользоваться слайдером ты, конечно, не сможешь, так как там уже не осталось ничего, достойного именовать дорогами, но, если захочешь спуститься по реке, он вполне может содиться. А переправиться через Внутреннюю реку в тепле без него сможет разве что рыба. Если надумаете взять слайдер, то он — в сарайчике.

Сходной философии придерживались обитатели Дома Катола, ближайшего к Дому Зоува поселения. Фальк знал, что одним из их принципов было жить, стараясь по возможности — не переходя грань разумного и не опускаясь до фанатизма — не пользоваться механическими приспособлениями. То, что этот живший куда аскетичнее, чем они, старик, который разводил птицу и выращивал овощи, поскольку у него не было даже ружья для охоты, обладал таким продуктом сложной технологии, как слайдер, показалось Фальку очень странным и заставило его впервые взглянуть на хозяина дома с некоторым сомнением.

Слухач цыкнул зубом и захихикал.

— У тебя никогда не было оснований доверять мне, парнишка-чужестранец. А у меня — тебе. Ведь, в конце концов, многое можно утаить даже от самого чуткого Слухача. Человек способен не признаваться в чем-то даже самому себе, не так ли? Возьми слайдер. Я свое уже отпутешествовал. Слайдер рассчитан только на одного, да тебе никто больше и не нужен. Думаю, впереди у тебя еще долгий путь, который пешком не одолеть. А может, даже и на слайдере.

Фальк промолчал, но старик ответил и на незаданный вопрос:

— Возможно, тебе придется вернуться домой, — сказал он.

Расставаясь с ним промозглым, туманным утром под припорошенными инеем елями, Фальк с сожалением и благодарностью пожал старику руку, как Главе Дома — так его учили поступать в подобных случаях. Затем он едва слышно прошептал:

— Тиокиой.

— Как ты назвал меня, Вестник?

— Это означает... Я думаю, что это означает «отец»...

Слово это вырвалось из уст Фалька нечаянно, непроизвольно. Он не имел ни малейшего представления о том, к какому языку оно принадлежало.

— Прощай, бедный, доверчивый дурачок! Говори всегда правду и знай, что в правде твое спасение. А может, и нет, все дело случая. Иди один, дорогой мой дурачок! Так, наверное, лучше для тебя. Мне будет не доставать твоих мыслей. Прощай. Рыба и гости начинают пованивать на четвертый день. Прощай!

Фальк склонился над слайдером, изящным маленьким летательным аппаратом. Внутренняя поверхность кабины была украшена причудливым объемным орнаментом из платиновой проволоки. Фальк забавлялся с аппаратом подобного типа в Доме Зоува; после беглого изучения приборов он прикоснулся к левой шкале, переместил свой палец вдоль нее, и слайдер бесшумно поднялся примерно фута на два. Прикосновение к правой шкале заставило его заскользить над двором к берегу реки, пока маленький аппарат не завис над ледяной крошкой заводи, у которой стояла хижина.

Фальк оглянулся, чтобы попрощаться, но старик уже скрылся в хижине, прикрыв за собой дверь. Когда Фальк вышел на своем бесшумном челне на простор темной магистрали реки, над ним вновь сомкнулась величественная тишина.

Густой ледяной туман арками повисал впереди и позади, а также клубился среди серых деревьев по обоим берегам реки. Земля, деревья и небо — все было серым ото льда и тумана. Только воды, неторопливое течение которых слегка опережал летательный аппарат, были темными. Когда на следующий день пошел снег, снежинки, казавшиеся черными на фоне неба и становившиеся белыми над водой за миг до исчезновения, падали не переставая, чтобы раствориться в бесконечном потоке.

Данный способ передвижения был вдвое быстрее, а также безопаснее и легче, чем ходьба. Его излишняя легкость и однообразие гипнотизировали. Фальк с удовольствием сходил на берег, когда наставала пора поохотиться или разбить лагерь. Водоплавающие птицы чуть ли не сами летели ему в руки, а животные, спускавшиеся на водопой, смотрели на человека так, словно он, скользящий мимо них на слайдере, был чем-то вроде журавля или цапли, и подставляли свои незащищенные бока и грудь под дуло его пистолета. Потом ему оставалось только освежевать добычу, разделить ее на куски, приготовить, съесть и соорудить себе небольшой шалаш из веток и коры на случай снега или дождя, используя перевернутый слайдер вместо крыши. Фальк спал, на заре доедал оставшееся с вечера мясо, пил воду из реки и отправлялся дальше. И дальше. И дальше.

Он забавлялся со слайдером, чтобы скоротать бесконечные часы: поднимал его футов на пятнадцать вверх, где ветер и завихрения

делали воздушную подушку ненадежной и норовили опрокинуть машину, пока Фальк не компенсировал крен собственным весом; или глубоко зарывал аппарат в воду, поднимая фонтаны пены и брызг, так что слайдер неся вперед, то и дело чиркая по поверхности реки и становясь на дыбы, как норовистый жеребец.

Парочка падений не отбили у Фалька охоту к подобным забавам. Потеряв управление, слайдер зависал на высоте одного фута; оставалось лишь вскарабкаться назад, добраться до берега и развести костер, а если сильно не продрог, то и сразу продолжить свой путь как ни в чем не бывало. Одежда Фалька была водонепроницаемой и от купания в реке промокала не больше, чем от дождя. Зимняя одежда не давала ему замерзнуть, хотя до конца согреться он тоже никогда не мог — походные костерки годились разве что для приготовления пищи. После бесконечной череды дней с дождем, туманом и мокрым снегом во всем Восточном Лесу, вероятно, не нашлось бы сухих дров для настоящего костра.

Фальк занимал себя тем, что заставлял слайдер двигаться вниз по реке длинными, лихими рыбьими прыжками, сопровождаемыми громкими всплесками и фонтанами брызг. Производимый при этом шум давал ему желанную передышку от монотонности гладкого бесшумного скольжения над водой между деревьями и холмов.

Вот и следующий поворот. Фальк с плеском свернул, повторив изгиб реки осторожными прикосновениями к шкалам управления, — и вдруг резко затормозил, беззвучно зависнув в воздухе. Из серебристых речных далей ему навстречу плыла лодка.

Оба судна были друг у друга как на ладони — не проскользнешь незамеченным в тень прибрежных деревьев. Сжимая пистолет в руке, Фальк распростерся на дне слайдера и направил машину к правому берегу, подняв ее до десяти футов, чтобы иметь преимущество по высоте перед людьми в лодке.

Они неторопливо приближались, влекомые одним небольшим треугольным парусом. Когда расстояние между лодками сократилось, до Фалька донеслись отголоски пения.

Продолжая петь, люди подплыли еще ближе, не обращая на незнакомца ни малейшего внимания.

Насколько простирались его недалекие воспоминания, музыка всегда одновременно привлекала и пугала Фалька, вызывая у него чувство какого-то мучительного восторга, доставляя наслаждение, близкое к пытке. При звуках пения он с особой силой ощущал, что он — не человек, что эта игра ритма, тона и такта абсолютно чужда ему, он не просто позабыл ее, а действительно слышал впервые. Но именно необычность музыки всегда привлекала его, и теперь Фальк бессознательно снизил скорость слайдера, чтобы послушать.

Пели четыре или пять голосов, сливаясь, разделяясь и переплетаясь в столь совершенной гармонии, какой ему никогда еще

не доводилось слышать. Слов он не понимал. Казалось, весь лес, а также бессчетные мили серой воды и тусклого неба слушают вместе с ним, погрузившись в почтительное молчание.

Песня стихла, ее сменили тихий смех и веселая болтовня. Теперь лодка и слайдер были почти на одной линии, разделенные лишь сотней ярдов воды.

Высокий, очень стройный мужчина, стоявший у руля, окликнул Фалька — его чистый голос далеко разнесся над водой. Фальк опять не понял ни единого слова. В серо-стальном свете зимнего дня волосы рулевого и его спутников отливали червонным золотом, словно все они были близкими родственниками или соплеменниками. Фальк никак не мог толком разглядеть их лица — только наклоненные вперед стройные тела и золотисто-рыжие волосы. Он даже не мог сказать, сколько людей смеялось и перешучивалось там, в лодке. На какой-то миг черты одного из лиц, лица женщины, наблюдавшей за ним через пропасть движущейся воды, обрели четкость. Фальк замедлил ход слайдера и наконец завис над поверхностью реки. Лодка, казалось, тоже замерла в воде.

— Следуй за нами, — снова позвал мужчина, и на этот раз Фальк, узнав язык, понял его. Это был старый язык Лиги — галакт. Как и все обитатели Леса, Фальк выучил его с помощью магнитных лент и книг, поскольку все документы, сохранившиеся со времен Великой Эры, были написаны на галакте. На нем общались друг с другом люди, говорившие на разных языках. От него произошли все диалекты обитателей Леса, хотя за тысячи лет они порядком ушли друг от друга. Как-то раз Дом Зоува посетили выходцы с берегов Восточного моря, говорившие на столь странном диалекте, что с ними проще было объясняться на галакте. Тогда Фальк впервые услышал, как на нем говорят вживую. Обычно это был голос звуковых книг или шепот гипнотической ленты у его уха темным зимним утром. Призрачно и архаично звучал этот язык в звонком голосе рулевого:

— Следуй за нами, мы направляемся в город.

— В какой город?

— В наш собственный, — ответил рулевой и рассмеялся.

— В город, который радушно встречает путешественников, — добавил пассажир лодки.

Его поддержал тот самый высокий голос, что пел так сладко в общем хоре:

— Тем, кто не замышляет против нас зла, нечего бояться!

Женщина крикнула, словно едва сдерживая смех:

— Выбирайся из чащи, путешественник, и слушай наши песни всю ночь напролет.

Имя, которым они называли его, означало путешественник или вестник.

— Кто вы? — спросил Фальк.

Дул ветер, широкая река катила свои воды. Лодка и слайдер застыли на месте, наперекор ветру и течению, такие близкие и такие далекие, будто зачарованные кем-то.

— Мы — люди!

С этим ответом исчезло все очарование, как уносит мелодию или сладкое благоухание легкий порыв ветерка с востока. У Фалька будто вновь забилась в руках подраненная птица, выкрикивая человеческие слова пронзительным нечеловеческим голосом. Его пронзил холод; без лишних колебаний он прикоснулся к серебрястой шкале и послал слайдер на полной скорости вперед.

Ни единого звука не донеслось оттуда, где находилась лодка, и через несколько мгновений, когда его решимость растаяла, Фальк замедлил ход и оглянулся. Лодки нигде не было видно. Широкая темная гладь реки была пуста вплоть до далекого теперь поворота.

После этого Фальк больше не предавался шумным играм, а летел вперед как можно быстрее и тише. Всю ночь он не разводил костра, и сон его был тревожным. Но все-таки то очарование не испарилось без следа. Сладкие голоса рассказывали о городе, «Элонее» на древнем языке, и, скользя вниз по реке один среди пустынных берегов над темной водой, Фальк вслух шептал это слово: «Элонее», Людская Обитель.

Там жили вместе мириады людей, не в одном доме, а в тысячах домов, с просторными жилыми помещениями, башнями, стенами и окнами. Там были улицы и большие открытые места, где встречались улицы; в домах для торговли, о которых говорилось в книгах, продавались все мыслимые творения рук человеческих. Там возвышались правительственные дворцы, где сильные мира сего обсуждали свои великие деяния. Там существовали огромные поля, откуда могучие корабли стартовали к иным мирам... Разве есть на Земле что-либо более замечательное, чем эти Людские Обители?

Теперь они все исчезли. Остался только Эс Тох, Обитель Лжи. Во всем Восточном Лесу не было ни единого города с набитыми живыми душами башнями из бетона, стали и стекла, что вздымались бы над болотами и зарослями ольхи, над кроличьими норами и оленьими тропами, над заброшенными дорогами и погребенными в земле развалинами.

И все же видение города неотступно преследовало Фалька, словно смутное воспоминание о чем-то таком, что он некогда видел. Об этом можно было судить по силе того наваждения, той иллюзии, которой он чудом сумел не поддаться. Фальк гадал, не встретятся ли ему еще подобные трюки и искушения по мере продвижения на запад — к их источнику.

Шли дни, река продолжала катить свои воды, и в один из серых дней перед ним медленно раскрылся во всю внушавшую благоговение ширь новый мир — необозримая гладь вод под необозримым небом: место слияния Лесной реки с Внутренней ре-

кой. Не удивительно, что в Домах Восточного Леса слышали о Внутренней реке, несмотря на глубокое невежество, порожденное огромным расстоянием. Река была столь величественной, что даже Синги не смогли утаить ее. Гигантский сверкающий поток желтовато-серых вод катился от последних островков затопленного леса на запад, к далекой гряде холмов.

Фальк высадился на западном берегу и впервые на своей памяти очутился вне Леса.

К северу, западу и югу простиралась холмистая равнина, поросшая многочисленными деревьями и густым кустарником в низинах; тем не менее это было открытое пространство и весьма обширное. Напрягая глаза, Фальк вглядывался на запад, пытаясь уверить себя, что сможет разглядеть там горы. Считалось, что эта открытая местность, прерии, простирается на тысячи миль, но точно в Доме Зоува никто ничего о ней не знал.

Гор видно не было. Зато вечером Фальк увидел край мира, где тот соприкасался со звездным небом. Фальк никогда раньше не видел горизонта — на его памяти все было окружено переплетением ветвей и листьев. Но здесь ничто не скрывало звезды, которые огненным узором горели на скроенном из тьмы куполе, накрывавшем Землю. А под ногами круг замыкался; час шел за часом, и из-за горизонта на востоке всходили все новые великолепные созвездия. Фальк провел без сна половину долгой зимней ночи и вновь проснулся на заре, когда восточный край мира озабрили первые лучи солнца, и из открытого космоса на поля и веси полился свет.

Теперь Фальк взял направление по компасу строго на запад. Не сдерживаемый более изгибами реки, он двигался быстро и напрямик. Управление слайдером перестало быть скучной забавой; над пересеченной местностью аппарат часто бросало из стороны в сторону, что не позволяло ни на секунду отвлекаться от панели управления. Фальку нравились необъятная ширь неба и прерий, а пребывание в одиночестве в столь обширных владениях доставляло ему удовольствие. Погода держалась вполне сносная, похоже, что зима уже была на исходе.

Мысленно возвращаясь в Лес, Фальк ощущал себя как бы вышедшим из душливой потаенной тьмы на свет и воздух, и прерия казалась ему одной огромной Поляной. Дикий бурый скот стадами в десятки тысяч голов, похожими на тени от облаков, покрывал просторы прерий. На темной почве местами пробивались первые зеленые побеги самых стойких трав. И повсюду — на земле и под землею — сновали и рылись всевозможные зверьки: кролики, барсуки, зайцы, мыши, дикие коты, кроты, антилопы, койоты — бывшие паразиты и любимцы исчезнувшей цивилизации. В необъятных просторах неба хлопали тысячи крыльев. Вдоль различных водоемов располагались на ночлег стаи белых журавлей,

и в воде среди ряски и водорослей отражались их длинные ноги и вытянутые распахнутые крылья.

Почему люди больше не путешествуют ради того, чтобы взглянуть на мир, в котором живут?.. Фальк раздумывал над этим, сидя у костра, мерцавшего крохотным опалом среди голубого океана сумерек прерии. Почему такие люди, как Зоув и Меток, хоронятся в лесах, почему их не тянет увидеть чарующие просторы Земли?.. Теперь Фальку было известно кое-что из того, чего те, кто научил его всему, не знали — человек мог видеть, как его планета вращается среди звезд.

На следующий день он продолжил свой путь сквозь холодный северный ветер, управляя слайдером с мастерством, вошедшим уже в привычку. Стадо диких коров покрывало добрую половину прерий к югу от курса, которого придерживался Фальк, и каждое из тысяч и тысяч животных стояло по ветру, низко опустив белую морду. Путника отделяла от первых особей стада примерно миля гнувшейся на ветру серой длинной травы. И тут он увидел, что какая-то серая птица внезапно устремилась ему наперерез, изменив курс без единого биения крыльев. Она летела очень быстро.

Фалька охватила тревога, он принялся махать рукой, чтобы отпугнуть животное, а затем упал на дно слайдера и попытался заложить вираж, но было уже слишком поздно. За миг до столкновения Фальк разглядел слепую, лишенную всяких черт голову.

Последовал удар, скрежет раздираемого металла и выворачивающее наизнанку падение, которому не было конца.

— С таруха Кесснокати говорит, что должен пойти снег, — раздался тихий голос его приятельницы. — Мы должны быть готовы, вдруг нам представится шанс сбежать.

Фальк продолжал молча сидеть, напряженно вслушиваясь в гомон стойбища — доносившиеся издалека голоса, переговаривавшиеся на чужом языке; сухой скрежет скребка о шкуру; тоненький крик ребенка; потрескивание огня в шатре.

— Хоррессинс!

Кто-то снаружи позвал его, и он поспешно встал. Женщина поспешно схватила Фалька за руку и повела туда, откуда его позвали. У большого общего костра в центре круга, образованного шатрами, праздновали удачную охоту — поджаривали быка. Фальку сунули в руку кусок мяса. Сок и растаявший жир бежали по его подбородку, но он не обращал внимания на подобные мелочи, дабы не уронить достоинства охотника общины Мзурра племени Баснаска.

Люди, среди которых он оказался, шли очень узким, извилистым и тернистым Путем по необъятным равнинам прерий, и Фальк должен был в точности следовать всем изгибам этого пути. Племя Баснаска питалось исключительно свежим полупрожаренным мясом, сырым луком и кровью. Дикие погонщики дикого скота, они, подобно волкам, избавляли многочисленные стада от слабых, ленивых или увечных животных. Вся их жизнь, не знавшая покоя, была заиклена на мясе. Они охотились с ручными лазерами и обороняли свою территорию от чужаков с помощью устройств в виде птиц, одно из которых и уничтожило слайдер Фалька. Эти устройства представляли собой небольшие ракеты, автоматически наводившиеся на все объекты, что использовали энергию ядерного распада.

Люди племени Баснаска сами не делали и не ремонтировали свое оружие. Они и пользовались-то им только после обрядов очищения и многочисленных заклинаний. Где они его брали, Фальк выяснить не сумел, хотя краем уха слышал об ежегодных паломничествах, которые могли быть связаны с добыванием оружия. Люди племени не знали земледелия и не держали домашних животных. Неграмотные и знакомые с историей человечества лишь по мифам и легендам о героях, они уверяли Фалька, что он не мог выйти из Леса, так как в Лесу живут только огромные белые змеи. В племени царила монотеистическая религия, обряды которой включали в себя нанесение увечий, кастрацию и человеческие жертвоприношения.

Именно одно из суеверий этой сложной религии заставило дикарей оставить Фалька в живых — при нем был лазер, следовательно, его статус был выше статуса раба. Обычно таким пленникам вырезали желудок и печень для обряда гадания, а тело отдавали на растерзание женщинам. Однако за пару недель до рокового столкновения летательного устройства со слайдером в общине Мзурра умер один из стариков. Поскольку в племени не нашлось еще не получившего имени младенца, которому можно было бы передать имя усопшего, им нарекли пленника. Хотя тот и был слеп, изуродован и только временами приходил в сознание, это все же было лучше, чем ничего. Пока старый Хоррессинс сохранял свое имя, его призрак, злобный, как все призраки, мог вернуться и причинить беспокойство живым. Поэтому у призрака отобрали имя и передали его Фальку.

Заодно был произведен и обряд посвящения новичка в Охотники. Церемония эта включала в себя бичевание, вызывание рвоты, танцы, пересказывание снов, выкалывание татуировок, обильное поглощение пищи, совокупление всех мужчин по очереди с одной и той же женщиной и, наконец, всенощные призывы к Богу, чтобы тот хранил нового Хоррессинса от всяческих бед. Затем Фалька оставили без всякого присмотра, мятущегося в бреду, на лошадиной шкуре в шатре из коровьих шкур. Он должен был умереть или выздороветь, а призрак прежнего Хоррессинса, лишенный имени и силы, в это время уходил по ветру в прерии.

Девушка, которая меняла повязку на глазах раненого и обрабатывала его раны, старалась приходить к нему почаще. Фальк мог видеть ее только мельком, приподняв в зыбком уединении шатра повязку — девушка поспешно наложила ее на глаза пленника, как только его приволокли. Если бы Баснаски увидели глаза Фалька, они тут же отрезали бы ему язык, чтобы он не мог назвать своего имени, а затем сожгли бы его живьем.

Сердобольная девушка поведала ему об этом и о многом другом, что полагалось знать, живя в общине Баснаска, но практически ничего не рассказала о себе. По-видимому, она была в племени ненамного дольше, чем сам Фальк. Насколько он понял,

бедняга потерялась в прерии и решила, что лучше присоединиться к племени, чем умереть с голоду. Баснасски с удовольствием принимали рабынь для ублажения мужчин, к тому же она знала толк во врачевании, поэтому ее оставили в живых. У нее были рыжеватые волосы и очень тихий голос. Звали ее Эстрел. Вот и все, что Фальк знал о ней, а сама она никогда не расспрашивала его, кто он и откуда.

Хорошенько поразмыслив, он понял, что легко отделался. Топливо, продукт древней сетианской технологии, не взрывалось и не горело, так что слайдер не разлетелся на клочки. Мелкие осколки взорвавшейся ракеты нащипгивали левый бок и щеку Фалька, но мастерство Эстрел и кое-какие имевшиеся у нее медикаменты сыграли свою роль. Заражения удалось избежать, и он быстро выздоравливал. Уже через несколько дней после своего кровавого крещения в Хоррессинса Фальк начал планировать побег.

Однако дни сменялись днями, а благоприятной возможности все не представлялось. Жизнь общины, состоявшей из осторожных, ревностных людей, жестко регламентировалась различными обрядами, обычаями и табу. Хотя у каждого Охотника имелся свой шатер, женщин держали всех вместе, и все дела мужчины вершили также совместно. Это была скорее не община, а некий клуб или стадо — его члены составляли единое целое. В таких условиях любая попытка добиться независимости или уединения, разумеется, сразу же вызывала подозрение. Фальку и Эстрел приходилось ловить любую возможность перемолвиться хоть парой слов. Девушка не знала диалекта Леса, но они могли общаться на галакте, на котором Баснасски говорили с жутким акцентом.

— Лучше всего, — сказала она однажды, — попытаться бежать, когда начнется метель. Тогда снег скроет нас и наши следы. Но как далеко мы сможем уйти пешком в пургу? Правда, у тебя есть компас, но стужа...

Зимнюю одежду у Фалька отобрали вместе с остальными его пожитками, включая золотое кольцо, которое он раньше никогда не снимал. Ему оставили только пистолет — обязательную часть экипировки охотника, не подлежащую конфискации. Одежда, которую Фальк носил так долго, теперь прикрывала торчащие мослы Старого Охотника Кесснокати, а компас у новенького не отобрали только потому, что Эстрел выкрала и припрятала устройство до того, как перерыли его мешок. Они оба были одеты в куртки и штаны из оленьих шкур, а также парки и сапоги из красноватой бычьей кожи, но, чтобы спастись в метель в прериях, когда пронизывающий ветер сбивал с ног, нужны были стены, крыша над головой и очаг.

— Если мы доберемся до владений Самситов, всего лишь в нескольких милях к западу отсюда, то спрячемся в одном известном мне Старом Месте и будем сидеть там, пока не прекратят поиски. Я подумывала об этом еще давно, до твоего появления.

Но у меня не было компаса, и я наверняка заблудилась бы в пургу. Имея компас и пистолет, можно рискнуть... Хотя не исключена и неудача.

— Если это наш единственный шанс, — сказал Фальк, — то мы обязаны воспользоваться им.

Он не был уже тем наивным, полным надежд и легко подверженным чужому влиянию человеком, каким был до пленения, стал более стойким и непоколебимым. Хотя Фальк сильно страдал, находясь в заточении, он не испытывал особой неприязни к Баснаскам. Они заклеили пленника раз и навсегда, покрыв его руки синим узором татуировки — отличительным знаком варвара, но все же человека! В этом не было ничего дурного. Просто у них свои дела, а у него — свои. Суровый характер, воспитанный жизнью в Лесном Доме, требовал, чтобы Фальк бежал и продолжил путешествие, которое Зоув называл «мужской работой». Эти же люди никуда не стремились и пришли неизвестно откуда, поскольку они обрубали все корни, связывавшие их с прошлым человечества. Фальку не терпелось выбраться из общины не только в связи с тем чрезвычайным риском, которому он подвергал себя, живя среди Баснассков. Помимо всего прочего, Фальк ощущал себя беспомощным, пойманным в ловушку, страдающим от удушья. Смириться с этим было куда труднее, чем с повязкой, что скрывала от него окружающий мир.

В этот вечер Эстрел остановилась у его шатра, чтобы сообщить, что начинается снегопад. Они шепотом строили планы побега, когда у полога шатра внезапно раздался чей-то голос.

Эстрел тихо перевела сказанное:

— Он спрашивает: «Слепой Охотник, хочешь ли ты Рыжую сегодня на ночь?»

Она не стала ничего разъяснять. Фальк уже знал правила и этикет дежества женщин, принятые в племени, но как назло в этот момент он не мог думать ни о чем, кроме предмета их разговора, и поэтому машинально произнес в ответ самое полезное слово из своего куцега запаса слов Баснассков: «Миег!» — «Нет».

Мужской голос возле шатра добавил что-то более нетерпеливым тоном.

— Если снегопад не прекратится, — прошептала Эстрел на галакте, — то, возможно, завтра ночью мы сможем осуществить задуманное.

Все еще размышляя о будущем побеге, Фальк ничего не ответил. Затем он вдруг понял, что девушка поднялась и ушла. Только тогда до него дошло, что Рыжею была именно она и что тот мужчина хотел провести с нею ночь.

Фальк мог бы просто сказать «да» вместо «нет». И когда он вспомнил ее тактичность и нежность по отношению к нему, мягкость ее прикосновения и голоса, ту молчаливость, за которой она скрывала уязвленную гордость или стыд, то вдруг почувствовал

себя униженным, как товарищ и как мужчина, поскольку не удостоился защитить ее.

— Мы уйдем сегодня, — сказал он на следующий день, стоя на ветру перед Женским Шатром. — Приходи ко мне. Переждем часть ночи, а потом двинемся в путь.

— Коктеки велел мне сегодня прийти к нему в шатер.

— Ты сможешь улизнуть?

— Наверное.

— Где его шатер?

— Позади Шатра Общины Мзурра и чуть левее. С заплатой на пологе.

— Если ты не появишься, я приду туда сам, чтобы увести тебя.

— Может, в другой вечер будет не так опасно...

— И не так много снега? Зима кончается. Возможно, это последняя выюга. Мы должны бежать завтра.

— Я приду в твой шатер, — покорно сказала Эстрел.

Утром Фальк сделал небольшую щелку в своей повязке, чтобы хоть как-то наблюдать за происходящим вокруг, и сейчас он попытался разглядеть девушку; но при тусклом свете раннего утра она была лишь серым пятном на сером фоне.

Она пришла поздно вечером, бесшумно, как хлопья снега, бросаемые ветром на шатер. Каждый приготовил то, что следовало взять с собой. Никто не проронил ни слова. Фальк надел куртку из бычьей кожи, натянул на голову капюшон и плотно завязал его. Он наклонился, чтобы откинуть полог шатра, но тут же отскочил в сторону, поскольку в шатер снаружи начал протискиваться, согнувшись вдвое из-за узости лаза, Коктеки, широкоплечий бритоголовый Охотник, который ревниво относился к своему статусу и к своим мужским способностям.

— Хоррессин! Эта Рыжая... — начал он и тут заметил ее в тени при слабом свете угольков. В то же мгновение Охотник увидел, как одеты женщина и Фальк, и разгадал их намерения.

Он отпрянул назад, ко входу в шатер, и открыл было рот, чтобы закричать. Без лишних раздумий Фальк быстро и решительно нажал на спуск своего пистолета, и смертоносная вспышка света не дала крику сорваться с уст Коктеки. В мгновение ока бесшумный лазерный луч выжег ему рот, мозг и саму жизнь.

Фальк потянулся через догоравшие угли, схватил девушку за руку и помог ей переступить через тело только что убитого им мужчины.

Снаружи всюду валил снег. Слабый ветерок кружил снежинки. Холод перехватывал дыхание. Эстрел тихо всхлипывала. Стиснув в левой руке запястье женщины, а в правой — лазер, Фальк двинулся на запад, осторожно пробираясь среди разбитых где попало шатров, которые казались тусклыми желтыми тенями. Через пару

минут исчезли и они, и Фальк с Эстрел окружали только ночь и снег.

Ручные лазеры Восточного Леса могли выполнять несколько функций: рукоятка служила зажигалкой, а ствол мог быть превращен в не слишком яркий фонарик. Фальк настроил свой пистолет так, чтобы луч высвечивал стрелку компаса и окружающее пространство не более чем на несколько шагов, и они двинулись в путь.

С пологого склона, где разбило зимнее стойбище племя Баснасса, ветер сдул практически весь снег. Но, продвигаясь по компасу на запад через метель, смешавшую воздух и землю в одну вихрившуюся массу, путники постепенно добрались до низины. Стали попадаться четырех-пятифутовые сугробы, через которые Эстрел пробивалась, хватая ртом воздух, словно выдохшийся пловец на исходе марафонского заплыва. Фальк вытащил из своего капюшона ремень из сыромятной кожи и, намотав один конец себе на руку, дал ей другой, чтобы она держала его в руке. Затем двинулся вперед, прокладывая путь.

Однажды Эстрел упала, и рывок натянувшегося ремня едва не сбил его с ног. Обернувшись, Фальк вынужден был некоторое время шарить по сторонам фонариком, прежде чем увидел, что она лежит почти что у самых его ног. Он встал на колени и в тусклом, испещренном снежинками круге света впервые отчетливо увидел ее лицо. Она прошептала:

— Такого я не ожидала...

— Попробуй немного отдышаться. В этой впадине мы защищены от ветра.

Они прижались друг к другу в крохотном островке света, и на сотни миль вокруг них во тьме, окутавшей равнину, завывала вьюга.

Эстрел что-то прошептала, и он не сразу разобрал слова.

— Зачем ты убил этого человека?

Фальк расслабился, его чувства притупились, он набирался сил для следующей стадии их мучительно медленного побега и поэтому ответил не сразу. В конце концов, выдавив из себя некое подобие улыбки, он пробормотал:

— А что еще мне?..

— Не знаю. Тебя вынудили.

Лицо ее было бледным и искаженным от болезненного напряжения. Фальк не обратил внимания на последние слова девушки. Она слишком замерзла, чтобы долго отдыхать здесь, и поэтому он поднялся, потянув спутницу за собой.

— Идем. До реки уже рукой подать.

Но до нее оказалось гораздо дальше, чем он думал. Эстрел пришла в шатер к Фальку, насколько он понял, через несколько часов после наступления темноты. В языке Леса имелось слово «час», но измерение времени было неточным и скорее оценоч-

ным, поскольку людям, не занимавшимся бизнесом и не общавшимся друг с другом через пространство и время, точное время-исчисление было ни к чему. И все же Фальк чувствовал, что до рассвета еще далеко. Они продолжали брести вперед, и ночь шла вместе с ними.

Когда первые серые блики начали пробиваться сквозь черноту вьюги, путники с трудом спускались по склону, покрытому мерзлой спутанной травой и низким кустарником. Прямо перед Фальком обрисовалась огромная мычащая туша и снова легла в снег. Где-то неподалеку замычала еще одна корова или бык, и через минуту они были окружены огромными мычавшими созданиями с белыми мордами и испуганными влажными глазами, ходячими сугробами с мохнатыми боками и плечами. Пробравшись сквозь стадо, мужчина и женщина вышли на берег небольшой речки, которая отделяла территорию Баснасков от земель Самситов.

Быстрая, неглубокая речка не замерзала даже в сильные морозы. Пришлось преодолевать ее вброд. Течение и скользкие камни пытались сбить путников с ног, ледяная вода постепенно дошла им до пояса, обжигающий холод пронизывал все тело. В конце пути ноги отказались служить Эстрел, и Фальк буквально выволок ее из воды на промерзший камыш. А затем вновь в полном изнеможении прижался к ней среди укрытых снегом кустов обрывистого берега.

Фальк выключил фонарик лазера. Постепенно набирал силу ненастный, снежный день.

— Надо идти дальше. Нужно развести костер.

Эстрел не ответила.

Фальк прижал ее к себе. Их сапоги, штаны и куртки от плеч и ниже замерзли и превратились в камень. Лицо девушки, безвольно склонившей голову ему на плечо, было смертельно бледным.

Он назвал ее по имени, пытаясь расшевелить ее.

— Эстрел! Эстрел, приди в себя. Мы не можем здесь больше оставаться. Осталось пройти совсем немного. Все трудности уже позади. Ну же, просыпайся, малышка, просыпайся...

От усталости он повторял те же слова, что когда-то, давным-давно говорил на рассвете Парт.

Наконец она вняла его мольбам, с его помощью с трудом поднялась, поправила замерзшие перчатки и поплелась за Фальком по обрывистому берегу через снежную круговерт.

Они шли на юг вдоль русла реки, как и было запланировано при обсуждении деталей побега. Фальк особенно и не надеялся, что им удастся что-либо разглядеть в этой белой пелене, которая была ничуть не лучше ночного бурана. Вскоре путники вышли к ручью, притоку реки, через которую они перебрались утром, и поплелись вверх по течению, что было нелегко из-за ставшей пересеченной местности.

Силы иссякли. Фальку казалось, что наилучшим выходом было бы упасть и забыться. Его останавливало лишь то, что кто-то рассчитывал на него, кто-то далекий, тот, кто давным-давно отправил его в это путешествие. Он не мог просто лечь и сдаться, поскольку был в ответе перед кем-то...

Тут послышался хриплый шепот Эстрел. Впереди сквозь буран проступали, подобно зловеющим призракам, несколько высоких тополей, и девушка потянула Фалька за руку. Они, спотыкаясь, начали прочесывать северный берег застывшего ручья сразу за тополями в поисках чего-то.

— Камень, — не переставая шептала Эстрел. — Камень...

И хотя Фальк не знал, зачем ей понадобился камень, он внимательно ощупывал снег. Они долго ползали на четвереньках, пока наконец девушка не наткнулась на отметку, которую искала, — запорошенную снегом каменную глыбу высотой около полуметра.

Своими смерзшимися перчатками Эстрел стала отгребать снег с восточной стороны глыбы. Остывший от усталости Фальк помогал ей. Они расчистили металлический прямоугольник, сидевший заподлицо с удивительно ровной поверхностью земли. Эстрел попыталась нажать на него — щелкнул потайной замок, но края прямоугольника намертво вмерзли в землю. Фальк наконец обрел способность трезво мыслить и с помощью теплового луча, исходящего из рукоятки лазера, отогрел замерзший металл люка. Подняв его, они увидели уходившую вниз узкую крутую лестницу.

— Все в порядке. — Эстрел сошла по ступенькам задом наперед, поскольку ноги уже не держали ее, распахнула дверь и подняла глаза на Фалька. — Заходи!

Он спустился, прикрыв за собой крышку люка. Сразу стало совершенно темно, и, прижавшись к ступенькам, Фальк поспешно включил луч лазера. Внизу тускло светилось бледное лицо Эстрел. Он спустился ниже и проследовал за девушкой в дверь, которая вела в очень темное, просторное помещение, просторное настолько, что фонарик высвечивал лишь потолок и ближайшие стены. Стояла мертвая тишина, воздух был затхлым, но не застоявшимся — чувствовалась легкая постоянная тяга.

— Здесь должны быть дрова, — донесся откуда-то слева тихий, хриплый от усталости голос девушки. — Вот. Нам необходимо разжечь костер. Помогите мне...

Сухие дрова были сложены в высокие штабеля в углу поближе к входу. Пока Фальк разжигал костер внутри крута почерневших камней практически в центре пещеры, Эстрел сходила куда-то в дальний угол и приволокла пару теплых одеял. Путники разделись и вытерлись насухо, а затем завернулись в одеяла и свои спальные мешки и подвелись поближе к огню. Огонь разгорался хорошо, словно в камине, благодаря сильной тяге, которая также уносила

дым. Конечно, обогреть всю эту огромную пещеру было невозможно, но свет и тепло костра ободряли и снимали напряжение. Эстрел вынула из своей сумки сушеное мясо, и они принялись его жевать, хотя и слишком устали, чтобы испытывать голод. Постепенно тепло костра стало отогревать их кости.

— Кто еще пользуется этим убежищем?

— Я думаю, любой, кто о нем знает.

— Здесь некогда стоял могущественный Дом, если это помещение — его подвал, — задумчиво заметил Фальк, глядя на игру теней, что на некотором удалении от костра постепенно сливались в непроницаемую тьму, и вспоминая обширные подвалы под Домом Страха.

— Говорят, здесь когда-то стоял целый город, который занимал большую площадь. Так ли это, я не знаю.

— А как ты провела об этом месте? Разве ты из племени Самситов?

— Нет.

Фальк прекратил расспросы, вспомнив обычай. Однако вскоре девушка сама начала рассказывать обычным покорным тоном:

— Я из Странников. Нам известно о многих подобных тайных убежищах. Полагаю, ты слышал о Странниках?

— Кое-что, — кивнул Фальк и, выпрямившись, взглянул на свою спутницу, сидевшую по другую сторону костра. Завитки рыжих волос падали Эстрел на лицо, когда она сидела сторбившись в бесформенном спальном мешке, и светлый нефритовый амулет у нее на шее отбрасывал блики при свете костра...

— В Лесу о нас знают совсем немного.

— Ни один Странник не забирался так далеко на восток. То, что рассказывают о них у нас в Доме, больше подходит, пожалуй, к Баснасскам — дикари, кочевники, охотники...

Он говорил, превозмогая сон, положив голову на руки.

— Некоторых Странников можно назвать дикарями, некоторых — нет. Все Охотники — дикари, не высовывающие носа за пределы собственной территории. Таковы Баснасски, Самситы или Аркса. Мы же, Странники, заходим на восток до самого Леса, на юг — до устья Внутренней реки, на запад — за Великие Горы, а затем — за Западные Горы и вплоть до самого моря. Я сама воочию наблюдала, как солнце садится в пучину вод за цепью аквамариновых островов, что лежат вдалеке от берега, за пределами затонувших после землетрясения долин Калифорнии...

Тихий голос девушки постепенно сбился на ритмичный напев какого-то древнего псалма.

— Продолжай, — попросил Фальк, но Эстрел молчала, и вскоре он уснул.

Некоторое время она изучала лицо спящего, затем сгребла угли вместе, прошептала, словно молясь, несколько слов в висевший у

нее на шее амулет и свернулась клубочком по другую сторону от костра.

Когда Фальк проснулся, она уже сооружала из камней подставку для котелка, наполненного снегом.

— Похоже, что снаружи день клонится к вечеру, — сказала Эстрел. — Но с тем же успехом сейчас может быть раннее утро или полдень. Метель разгулялась как никогда. Это не даст им выследить нас. А даже если они нас обнаружат, то все равно не смогут проникнуть внутрь... Этот котелок я нашла в тайнике вместе с одеялами. Там был и мешочек с сушеным горохом. Мы здесь неплохо устроимся.

Она повернула к нему свое обветренное тонкое лицо и едва заметно улыбнулась:

— Одна беда — темновато. Я не люблю толстые стены и темноту.

— Это все же лучше, чем завязанные глаза. Хотя твоей повязке я обязан жизнью. Слепой Хоррессинс все же лучше, чем мертвый Фальк.

Он помолчал, а затем спросил:

— Почему ты меня спасла?

Эстрел пожала плечами. На ее устах застыла все та же едва заметная улыбка.

— Ты был пленником, как и я... Бытует мнение, что Странники искусны в хитрости и притворстве. Разве ты не слышал, что они звали меня Лисою? А сейчас давай-ка я взгляну на твои раны. Я прихватила с собой сумку с лекарствами.

— Так Странники еще и искусные врачеватели?

— Мы кое-что смыслим в этом деле.

— И тебе известен Древний Язык. Вы не забыли, как жили люди в прежние времена, в отличие от Баснасков.

— Да, мы все умеем изъясняться на галакте. Посмотри-ка, ты обморозил вчера край уха, поскольку вынул завязку из своего капюшона, чтобы помочь мне в прыгу.

— Но как я могу взглянуть на собственное ухо? — рассмеялся Фальк, отдаваясь заботливым рукам девушки. — Обычно мне это ни к чему.

Заклеив пластырем еще не заживший порез на его левом виске, она пару раз искоса взглянула на лицо Фалька, пока наконец не осмелилась спросить:

— Наверное, у многих обитателей Леса такие странные глаза?

— Нет, больше ни у кого.

Повинуясь обычаю, Эстрел больше ни о чем не спрашивала, а он, решив не открываться никому, сам не стал ни о чем рассказывать. Однако его собственное любопытство все же пересилило и заставило задать вопрос:

— Но ты же не боишься этих кошачьих глаз?

— Нет, — тихо ответила девушка. — Ты напугал меня только однажды. Когда выстрелил... не раздумывая...

— Он поднял бы на ноги все стойбище.

— Я знаю, знаю. Но мы не носим оружия. Ты выстрелил так быстро, что я страшно испугалась. Мне вспомнилась ужасная сцена из детства: один мужчина в мгновение ока убил другого из пистолета, совсем как ты. Убийца был из Выскобленных.

— Выскобленных?

— О, их иногда можно встретить в наших горах.

— Я почти ничего не знаю о Горах.

Девушка без особой охоты объяснила:

— Тебе ведь известен Закон Повелителей. Они никого не убивают. Когда в их городе объявляется убийца, его не уничтожают, а превращают в Выскобленного, что-то делая с мозгом. Преступник начинает новую жизнь невинным, как младенец. Тот мужчина, о котором я упомянула, был старше тебя, но обладал разумом маленького ребенка. В его руках оказался пистолет, и его пальцы помнили, как с ним надо обращаться. Он застрелил человека в упор, точно так же, как и ты...

Задумавшись, Фальк молча смотрел сквозь огонь на пистолет — чудесное миниатюрное устройство, которое помогало разжигать огонь, добывать мясо и освещать путь в темноте на протяжении всего долгого путешествия. Его руки не помнили, как надо обращаться с оружием... разве не так? Его научил стрелять Меток. Фальк не сомневался в этом. Он никак не мог быть очередным безумцем или преступником, которому предоставили еще один шанс надменно милостивые Повелители Эс Тоха...

Тем не менее, по сравнению со смутными догадками и предположениями о собственном происхождении...

— Как они могут проделывать такое с человеческим разумом?

— Не знаю.

— Возможно, Повелители поступают так не только с преступниками, но и с бунтовщиками.

— Кто такие бунтовщики?

Эстрел говорила на галакте куда более бегло, чем Фальк, но ей никогда не приходилось слышать такого слова.

Она закончила перевязку раны и аккуратно спрятала свои многочисленные медикаменты в сумку. Вдруг Фальк повернулся к ней так резко, что девушка от испуга даже слегка подалась назад.

— Ты видела когда-нибудь такие глаза, как у меня, Эстрел?

— Нет.

— Ты знаешь... о Городе?

— Об Эс Тохе? Да, я была там.

— Значит, ты видела Сингов?

— Ты не Синг.

— Нет, но я хочу встретиться с ними, — с жаром в голосе сказал Фальк. — Только боюсь...

Он замолчал.

Эстрел закрыла сумку с медикаментами и убрала ее к себе в мешок.

— Эс Тох кажется странным местом людям из одиноких домов и дальних мест, — наконец произнесла она. — Однако я гуляла по его улицам, и ничего плохого со мной не случилось. Там живет множество людей, которые вовсе не боятся Повелителей. И тебе не нужно страшиться их. Повелители исключительно могущественны, хотя большая часть того, что болтают об Эс Тохе, не соответствует истине...

Их взгляды встретились. Внезапно Фальк решил и, призвав на помощь все свое искусство телепатии, впервые мысленно обратился к ней: «Тогда поведай мне всю правду об Эс Тохе!»

Она покачала головой и вслух произнесла:

— Я спасла тебе жизнь, а ты спас мою. Мы — товарищи и на какое-то время — попутчики. Но я не буду мысленно переговариваться ни с тобой, ни с другим случайным знакомым, ни сейчас, ни когда-либо после.

— Значит, ты все-таки думаешь, что я — Синг? — спросил он иронически и немного униженно, поскольку понимал, что Эстрел права.

— Кто может с уверенностью судить? — парировала девушка, а затем добавила с легкой улыбкой: — Хотя мне было бы трудно в это поверить... Снег в котелке уже растаял. Я поднимусь наверх и наберу еще. Надо так много снега, чтобы получить самую малость воды, а нам обоим хочется пить. Тебя ведь зовут Фальк?

Он кивнул, не отрывая от нее глаз.

— Не подозревай меня, Фальк. Дай мне показать, что я из себя представляю. Мыслеречь сама по себе ничего не доказывает. Доверие — это такая штука, которая растет, отталкиваясь от поступков, день ото дня.

— Тогда поливай его, — сказал Фальк, — и я надеюсь, что оно вырастет.

Позже, во время долгой безмолвной ночи в пещере, он пробудился ото сна и увидел, что Эстрел сидит на корточках перед тлеющими углями, уткнувшись в колени. Он тихо позвал ее по имени.

— Мне холодно, — откликнулась она. — Я ужасно озябла.

— Ложись ко мне, — улынувшись, сонно предложил Фальк.

Девушка молча поднялась и, переступив догоравший костер, подошла к нему, совершенно обнаженная, только светлый нефрит висел меж ее грудей. Худенькое тело дрожало от холода. И хотя в определенных аспектах ум его ничем не отличался от ума незрелого юнца, Фальк решил не трогать ту, что столько натерпелась от дикарей Баснаска. Но она шепнула ему:

— Согрей меня, дай мне утешение.

Он вспыхнул, как костер на ветру. Вся его решимость была сметена близостью и абсолютной покорностью ее тела.

Фальк и Эстрел провели в пещере еще три дня и три ночи, пока снаружи бушевала пурга, отсыпаясь и занимаясь любовью. Эстрел была неизменно податливой и покорной, а Фальк, сохранив в памяти только приятную и полную радости любовь, которую он разделял с Парт, был ошеломлен той ненасытностью и неистовством, которые возбуждала в нем Эстрел. Думы о Парт часто сопровождал образ чистого и быстрого родника, что бил среди валунов в тенистом уголке леса неподалеку от Поляны. Но никакие воспоминания не могли утолить его жажду, и он вновь и вновь искал удовлетворения в безграничной уступчивости Эстрел и находил, во всяком случае, изнеможение. Однажды это даже вызвало у него неожиданную вспышку гнева.

— Ты отдаешься мне лишь потому, — обвинил он ее, — что, на твой взгляд, если бы ты отказалась, я бы тебя изнасиловал.

— А ты так не поступил бы?

— Нет! — отрезал Фальк, не кривя душой. — Я не хочу, чтобы ты обслуживала меня, подчинялась мне... Разве мы оба не нуждаемся в тепле, в человеческом тепле?

— Да, — прошептала девушка.

Некоторое время Фальк держался особняком, решив, что больше не прикоснется к ней, и в одиночку отправился обследовать с фонариком то странное место, куда они попали. После нескольких сотен шагов пещера сужалась, превращаясь в широкий туннель с ровным полом и высоким потолком. Безмолвный и темный, туннель долгое время шел абсолютно прямо, затем, не сужаясь и не разветвляясь, резко повернул и вновь потянулся в бесконечность.

Шаги Фалька гулко отдавались в тишине. Ничто не отбрасывало бликов или теней от его фонарика. Он шагал до тех пор, пока не устал и не проголодался, и только тогда повернул назад. Этот безликий туннель скорее всего тянулся в никуда. Фальк вернулся к Эстрел, к ее обманчиво многообещающим объятиям.

Пурга стихла. Прошедший ночью дождь оголил черную землю, и последние рыхлые сугробы стремительно таяли, сверкая на солнце. Фальк стоял на верхней ступеньке лестницы, солнце играло в его волосах, лицо и легкие овеял свежий ветерок. Он чувствовал себя кротом после зимней спячки или крысой, вылезшей из своей норы.

— Пойдем, — крикнул Фальк и опять спустился в пещеру, чтобы помочь девушке быстро уложить вещи и прибрать помещение.

Он спросил у Эстрел, знает ли она, где сейчас ее соплеменники, и она ответила:

— Теперь, вероятно, они далеко на западе.

— Знали ли они, что ты в одиночку пересекала территорию Баснаска?

— В одиночку? Это только в сказках времен Эры Городов женщины ходили куда хотели в одиночку. Со мной был мужчина. Баснасски убили его.

На ее нежном лице застыла ничего не выражающая маска.

Фальк решил, что именно этим объяснялись удивительная пассивность Эстрел, скудость ответных порывов, что казалось ему едва ли не предательством его сильных чувств. Она столько перенесла, что была больше не способна сопереживать. Кем был тот ее спутник, которого убили Баснасски? Это Фалька не касалось, пока она сама не захочет об этом рассказать. Но весь его гнев исчез без следа, и с этого момента он обращался с Эстрел с участием и терпением.

— Могу ли я помочь тебе в поисках твоих соплеменников?

Девушка тихо ответила:

— Ты добрый человек, Фальк, но они порядком опередили нас, и мы не в силах прочесать в их поисках все Западные прерии...

Последняя, стоическая нота в ее голосе тронула его.

— Тогда иди со мной на запад, пока не услышишь какие-либо вести о соплеменниках. Ты ведь знаешь, куда я направляюсь.

Фальку до сих пор было трудно произнести название «Эс Тох» — в языке Леса ему придавался непристойный, вызывавший отвращение оттенок. Он еще не привык к той легкости, с какой Эстрел говорила о городе Сингов, как об обычном месте обитания людей.

Девушка некоторое время колебалась, однако когда Фальк стал настаивать, согласилась идти вместе с ним. Это доставило ему удовольствие, поскольку он одновременно желал и жалел ее, а еще потому, что познал одиночество и не хотел столкнуться с ним еще раз.

Они вместе вышли навстречу негреющему солнцу и ветру. На душе у Фалька было легко и спокойно. В тот день цель его путешествия не довлекла над ним. День выдался ясный, вверху проплывали кустистые белые облака, и цель пути заключалась в самом продвижении вперед. Фальк шел на запад, а рядом с ним шагала нежная, послушная, не знавшая усталости женщина.

Глава 5

Путники пересекли Великие прерии пешком, о чем легко сказать, но трудно сделать. Дни стали длиннее, чем ночи, и весенний ветер все теплел. Наконец они впервые хотя бы издали увидели цель своего путешествия — барьер, от обилия снега и от расстояния казавшийся белым, стену, пересекавшую материк с севера на юг. Фальк долго стоял неподвижно, глядя на эти горы.

— Эс Тох стоит высоко в горах, — сказала Эстрел. — Там, я надеюсь, каждый из нас найдет то, что ищет.

— Зачастую я скорее боюсь этого, чем на это надеюсь. И все же я рад, что увидел горы.

— Нам пора идти дальше.

— Я спрошу Герцога, не возражает ли он, если мы отправимся в путь завтра.

Прежде чем уединиться, Фальк обернулся и посмотрел на восток, на раскинувшуюся за садами Герцога пустыню, словно окидывая взором весь пройденный ими совместно путь.

Теперь он лучше представлял себе, каким большим и таинственным был мир времен заката человеческой истории. Фальк и его спутница могли долгие дни не встречать никаких следов присутствия людей.

В начале своего путешествия они передвигались с повышенной осторожностью, пересекая территории Самситов и других охотничьих племен, которые, по сведениям Эстрел, были такими же дикарями, как и Баснаски. Затем, в более засушливой местности, им приходилось держаться хоженных троп, чтобы находить воду. Однако, наткнувшись на следы недавно прошедших людей или признаки того, что где-то поблизости есть селение, Эстрел удваивала бдительность и порою меняла направление их движения, чтобы избежать риска быть замеченными. Девушка имела общее, а временами и на редкость точное представление о тех

обширных пространствах, которые они пересекали. В тех же случаях, когда местность становилась практически непроходимой и у них возникали сомнения, какое направление избрать, Эстрел говорила: «Подождем до зари» — и отходила на минуту в сторону, чтобы помолиться своему амулету. Затем возвращалась, заворачивалась в спальный мешок и безмятежно засыпала. Путь же, который она избирала на заре, неизменно оказывался правильным.

— Инстинкт Странника, — говорила она, когда Фальк восхищался ее интуицией. — В любом случае, пока мы держимся поближе к воде и подальше от людей, мы в безопасности.

Но однажды, во многих днях пути на запад от пещеры, огибая глубокую промоину, они неожиданно вышли к селению, и кольцо вооруженных стражей сомкнулось вокруг путников прежде, чем они сумели скрыться. Сильный дождь помешал им увидеть или услышать что-либо до того, как они буквально наткнулись на поселок. Однако местные жители не проявили враждебности и даже предложили путешественникам остановиться у них на пару дней. Фальк только обрадовался, поскольку идти или разбивать лагерь под таким дождем было делом крайне неблагодарным.

Этот народ называл себя Пчеловодами. Станные люди, грамотные и вооруженные лазерами, все они, и мужчины, и женщины, были одеты в совершенно одинаковые длинные желтые балахоны из теплой ткани с вышитым коричневым крестом на груди. Они оказались гостеприимны, но не общительны. Устроили путешественников на ночлег в своих домах-бараках — длинных, низких, непрочных зданиях из дерева и глины — и обильно кормили их за общим столом, но разговаривали крайне мало как с незнакомцами, так и друг с другом, будто община немых.

— Они дали обет молчания. У них много всевозможных клятв, обетов и ритуалов, и никто не знает, для чего все это, — сказала Эстрел с тем спокойным безразличным презрением, с которым она, казалось, относилась к большинству людей.

«Странники, должно быть, гордый народ», — подумал Фальк.

Пчеловодов нисколько не трогало очевидное презрение девушки, они вообще не перемолвились с ней ни словом. Лишь спросили у Фалька:

— Твоей женщине нужна пара новых башмаков?

Как будто она была его лошадью и ее следовало подковать.

Их собственные женщины носили мужские имена, и с ними обращались, как с мужчинами. Степенные молчаливые девы с ясными глазами жили и работали наравне со столь же уравновешенными и спокойными мужчинами. Немногим из Пчеловодов перевалило за сорок, и не было никого моложе двенадцати. Странная община: словно здесь, среди полного запустения, разбил лагерь на зиму армия во время перемирия в какой-то непонятной войне. Необычные, печальные и восхитительные люди. Упорядоченность и аскетизм их жизни напоминали Фальку его

лесной дом, а ощущение их тайной, но безраздельной преданности друг другу действовало на него удивительно успокаивающе. Эти прекрасные бесполое воители неистово верили, но они ни за что не сказали бы чужаку, во что именно.

— Они пополняют свои ряды за счет того, что разводят женщин-дикарок, как свиноматок, и воспитывают приплод единой группой. Поклоняются какому-то Мертвому богу и задабривают его жертвоприношениями, притом человеческими. Они — не что иное, как пережиток древнего суеверия, — сказала Эстрел, когда Фальк однажды с похвалой отозвался о Пчеловодах.

Несмотря на всю свою уступчивость, девушка, по-видимому, терпеть не могла, когда с ней обращались, будто с существом низшего порядка. Высокомерие, крывшееся в столь пассивной натуре, одновременно трогало и веселило Фалька, и он позволил себе слегка подколоть ее:

— Я вот видел, что ты по ночам что-то шепчешь своему амулету. Религии, конечно, отличаются...

— Они действительно отличаются, — оборвала его Эстрел, но без особого пыла.

— Интересен, для чего им оружие?

— Чтобы обратиться против Врага, несомненно. Словно им по силам сразаться с Сингами. Словно Синги удосужились бы сразаться с ними!..

— Ты хочешь идти дальше, не так ли?

— Да. Я не доверяю этим людям. Они очень многое прячут от посторонних.

В тот вечер Фальк пошел за пропуском к главе общины, сероглазому мужчине по имени Хиардан, который был, возможно, даже моложе его. Хиардан спокойно выслушал изъясления благодарности, а затем сказал без всяких обиняков, как это было принято у Пчеловодов:

— Я думаю, что ты говорил нам одну только правду. За это я благодарен тебе. Мы бы приняли тебя теплее и поведали бы тебе о многом из того, что нам известно, если бы ты пришел один.

Фальк помедлил, прежде чем ответить.

— Я сожалею об этом. Но я никогда не добрался бы сюда, если бы не моя подруга и проводник. И... вы живете здесь все вместе, Владыка Хиардан. Вы бываете когда-нибудь наедине с собою?

— Редко, — ответил тот. — Одиночество — смерть для души, поскольку человек — существо социальное. Так гласит наша поговорка. Но мы также говорим: «Не доверяй никому, кроме своих братьев и сородичей, которых ты знаешь с детства». Вот наше правило, залог нашей безопасности.

— Но у меня нет сородичей и нет безопасности, Владыка, — сказал Фальк и, по-солдатски, на манер Пчеловодов, склонив голову, взял из рук вождя свой пропуск. На следующее утро они с Эстрел вновь двинулись на запад.

Время от времени по дороге попадались и другие селения или стойбища, все небольшие и разбросанные по обширной территории — их было всего пять-шесть на триста—четыре ста пройденных миль. Возле некоторых из них Фальк отваживался останавливаться. Он был вооружен, а поселения выглядели безобидными: пара шатров кочевников у полузамерзшего ручья или маленький одинокий пастушонок на огромном холме, присматривавший за полудикими бурыми волами, или же просто голубоватый дымок на фоне бездонного серого неба. Фальк покинул Лес ради того, чтобы отыскать какую-либо информацию о себе, какие-нибудь намеки на то, кем он был на протяжении тех лет, которых не помнил. Как он узнает об этом, если бояться спрашивать? Но Эстрел не хотела задерживаться даже возле самых крохотных и бедных поселений в прерии.

— Они недолголюбивают Странников и вообще всех чужаков. Те, кто живет так долго в одиночестве, полны страха. Из страха дикари приняли бы нас и дали бы нам пищу и кров, но затем под покровом темноты пришли бы, связали нас и убили. К ним нельзя прийти и сказать: «Я ваш друг»... Они знают, что мы здесь. Они наблюдают за нами. Если они увидят, что мы тронемся завтра дальше, то нас не потревожат. Но если мы не сдвинемся с места или же попытаемся приблизиться к ним, они начнут нас бояться. Именно страх вынуждает убивать.

Обветренный и измотанный дорогой, Фальк сидел, откинув назад капюшон и скрестив руки на коленях, у костра с подветренной стороны небольшого холма. Порывы ветра с залитого багрянцем запада шевелили его волосы.

— Пожалуй, ты права, — задумчиво произнес он, глядя на далекий дымок.

— Вероятно, по этой самой причине Синги никого не убивают.

Эстрел чувствовала, в каком настроении товарищ, и пыталась утешить его, изменить ход мыслей.

— По какой такой причине? — спросил Фальк, понимая намерения девушки, но не откликаясь на ее попытки.

— Потому что они не боятся.

— Возможно...

Она заставила его задуматься. Вскоре Фальк сказал:

— Что ж, судя по всему, мне следует пойти прямо к ним и задать свои вопросы. Если они убьют меня, я получу удовлетворение хотя бы от того, что испугаю их...

Эстрел покачала головой:

— Они не испугаются. И они не убивают.

— Даже тараканов? — спросил Фальк, вымещая на ней свое плохое настроение, вызванное усталостью. — Как они там поступают с тараканами в своем Городе... обезвреживают их, а затем снова выпускают на свободу, как Выскобленных, о которых ты мне говорила?

— Не знаю, — ответила Эстрел.

Она всегда серьезно воспринимала его вопросы.

— Я знаю только, что их Закон требует почитать жизнь, и они строго его придерживаются.

— Но почему Синги должны почитать человеческую жизнь, ведь они не люди?

— Именно поэтому их правила требуют почитать все формы жизни, разве не так? И меня учили, что, с тех пор как пришли Синги, больше не было войн ни на Земле, ни между планетами. Именно люди убивают друг друга!

— Нет таких людей, которые смогли бы сотворить со мной то, что сделали Синги. Я чту жизнь, поскольку она куда сложнее и неопределеннее, чем смерть. Самым сложным и самым неопределенным свойством ее является разум. Следуя своему закону, Синги сохранили мне жизнь, но они убили мой разум. Разве это не убийство? Они убили того мужчину, которым я некогда был. Они убили того ребенка, которым я некогда был. Какое тут благоговение перед жизнью, когда так забавляются с человеческим разумом? Их Закон лжив, а их благоговение притворно.

Ошеломленная этой вспышкой гнева, Эстрел встала на колени перед костром и стала разделять кролика, которого подстрелил Фальк. Пропитавшиеся пылью рыжеватые волосы завитками спадали со склоненной головы. Лицо девушки было терпеливым и отрешенным. Как всегда, Фальк влекли к ней сострадание и желание, но хоть они и были близки, он все никак не мог ее понять. Неужели все женщины таковы? Эстрел походила на заброшенную комнату в огромном доме, на шкатулку, от которой потерян ключ. Она ничего не таила, и все же покров окутывавшей ее тайны оставался нетронутым.

Величественный вечер опустился на исхлестанные дождем просторы земли и травы. Язычки пламени походного костерка червонным золотом горели в прозрачных голубых сумерках.

— Готово, — раздался ее тихий голос.

Фальк поднялся и встал рядом с девушкой у костра.

— Друг мой, любовь моя, — сказал он, на мгновение взяв ее за руку.

Они сели рядом и разделили друг с другом сперва трапезу, а затем и сон.

Чем дальше продвигались они на запад, тем суше становилась земля и прозрачнее воздух. Несколько дней Эстрел вела его на юг, чтобы обогнуть территорию, которая принадлежала племени крайних диких кочевников — Наездников. Фальк доверял суждениям подруги, не имея ни малейшего желания повторить печальный опыт встречи с Баснасками.

На шестой день их путешествия к югу они пересекли холмистую местность и вышли на сухое возвышенное плато, ровное и

голое, а оттого постоянно продуваемое ветрами. Во время дождя овраги наполнялись стремительными потоками, но на следующий день снова высыхали. В летнюю пору это место, должно быть, превращалось в полупустыню, но даже весной оно навевало уныние.

Путники дважды проходили мимо древних развалин, неприметных курганов и возвышенностей, объединенных, однако, пространственной геометрией улиц и площадей. Вокруг в рыхлом грунте было полно черепков посуды, осколков цветного стекла и пластика. С тех пор как здесь жили люди, прошло, вероятно, два-три тысячелетия. Эта обширная степь, годная только на пастбище для скота, больше никогда не осваивалась после переселения людей к звездам, точная дата которого не поддавалась точному вычислению из-за отрывочности и ненадежности сохранившихся записей.

— Трудно представить себе, — заметил Фальк, — что здесь когда-то играли дети... и женщины развешивали выстиранное белье. Все это было так давно, в другую эпоху... гораздо дальше от нас, чем планеты, вращающиеся вокруг далеких звезд.

— Эпоха Городов, — подхватила Эстрел. — Эпоха Войн... Мне не доводилось слышать об этих местах ни от кого из моих соплеменников. Наверное, мы зашли слишком далеко на юг и направляемся к Южным Пустыням.

Поэтому они сменили курс и пошли теперь на северо-запад и на следующее утро вышли к большой, бурной оранжевой от ила реке. Она была неглубокой, но переходить ее было опасно. Целый день ушел на поиски брода.

Местность на западном берегу была еще более засушливой. Путники наполнили фляги водой из реки, и поскольку воды всегда было скорее слишком много, чем слишком мало, то Фальк почти не обратил на это внимания. Небо теперь было ясным, и солнце сияло весь день. Впервые за сотни пройденных миль не приходилось бороться с холодным ветром, и можно было спать в сухости и тепле. Весна быстро и явственно наступала на эту безводную землю. Перед зарей ярко блестела утренняя звезда и прямо у ног путников распускались дикие цветы. Но минуло уже три дня, как они пересекли реку, а им не повстречался еще ни один родник или ручей.

Борясь с бурным потоком реки, Эстрел подхватила простуду. Девушка ни на что не жаловалась, но уже была не в состоянии поддерживать прежний высокий темп, и лицо ее как-то осунулось. Затем у нее началась дизентерия.

В этот день они рано разбили лагерь. Лежа вечером у костра, Эстрел вдруг заплакала. Она выдавила из себя едва ли пару еле слышных всхлипываний, но и этого было более чем достаточно для той, что никогда не показывала свои чувства.

Фальк неловко пытался утешить подругу, взяв ее за руки. Девушка вся горела от лихорадки.

— Не прикасайся ко мне, — прошептала она. — Не надо, не надо. Я потеряла его, потеряла... Что же мне теперь делать?

Только теперь он заметил, что на ее шее нет цепочки с амулетом из белого нефрита.

— Я, должно быть, потеряла его, когда мы переходили реку, — немного успокоившись, произнесла Эстрел.

— Почему ты не сказала об этом раньше?

— А что толку?

На это ответить ему было нечего.

Эстрел вновь взяла себя в руки, но он все равно чувствовал ее подавленное лихорадочное беспокойство. Ночью ей стало хуже, а к утру она совсем разболелась. Девушка не могла есть, и, несмотря на муки жажды, ее желудок не принимал крови кролика. Однако больше пить было нечего. Фальк уложил ее по возможности удобнее, а затем взял пустые фляги и направился на поиски воды.

Вокруг на много миль вплоть до самого подернутого маревом горизонта простиралась холмистая равнина, заросшая жесткой травой, полевыми цветами и чахлым кустарником. Солнце жарило всюду; в небесной вышине заливались степные жаворонки. Фальк шел быстрым ровным шагом, сначала уверенным, затем вымученным. Он прочесал местность к северу и к востоку от их стоянки. Влага от прошедших на той неделе дождей ушла глубоко в почву, и нигде не было видно ни ручейка. Следовало продолжить поиски к западу от лагеря...

Возвращаясь назад, Фальк с беспокойством искал глазами стоянку и неожиданно с пологого невысокого холма заметил в нескольких милях к западу неясное темное пятно, которое могло оказаться рощей деревьев. Мгновением позже он увидел дым от костра и, несмотря на усталость, бегом бросился к нему. Заходящее солнце слепило глаза, во рту совершенно пересохло.

Эстрел не давала костру погаснуть, чтобы дать Фальку ориентир. Она лежала у огня в своем изношенном спальном мешке и не подняла головы, когда он подошел к ней.

— На западе, неподалеку отсюда, видны деревья; возможно, там есть вода. Сегодня утром я выбрал неправильное направление, — сказал Фальк, собирая вещи и укладывая их в свой мешок.

Ему пришлось помочь Эстрел встать на ноги; он взял ее за руку, и они двинулись в путь. Пошатываясь, девушка прошла с помертвевшим лицом мимо, затем другую. Взойдя на один из пологих холмов, Фальк вытянул вперед руку и воскликнул:

— Вон там! Видишь? Это деревья... там должна быть вода.

Но Эстрел опустила на колени, затем тихо легла на бок, скорчившись от боли на траве и закрыв глаза. Идти дальше она не могла.

— Думаю, осталось самое большое две-три мили. Я разожгу здесь сигнальный костер, а пока ты будешь отдыхать, схожу и наполню фляги. Я просто уверен, что там есть вода, и это не займет много времени.

Эстрел тихо лежала, пока Фальк собирал хворост и разжигал небольшой костер. Затем он навалил рядом с девушкой зеленых веток, чтобы она могла их подбрасывать в огонь.

— Я скоро вернусь, — сказал он и собрался было уходить.

Тут она приподнялась, вся бледная и дрожащая, и крикнула:

— Нет! Не покидай меня. Ты не имеешь права оставлять меня одну... Не уходи...

В ее словах не было логики. Она была больна и напугана до предела. Фальк не мог оставить девушку здесь перед приходом ночи; ему следовало так поступить, однако у него не хватило духу. Он поднял Эстрел, закинул ее руки себе на шею и так, полуволокоча-полунеся ее, двинулся вперед.

Со следующего холма деревья тоже были видны, но до них, казалось, ближе не стало. Солнце уже садилось, заливая золотом безбрежный океан земли. Фальку пришлось нести Эстрел, и каждые несколько минут он вынужден был останавливаться и класть свою ношу на землю. Потом он падал рядом с ней, чтобы перевести дух и набраться сил. Ему казалось, что будь у него хоть немного воды, всего несколько капель, чтобы смочить рот, не было бы так тяжело.

— Там есть дом, — шепнул Фальк хриплым голесом. — Там, среди деревьев. И совсем недалеко отсюда...

На сей раз девушка услышала товарища и, бессильно изогнувшись, стала бороться с ним.

— Не ходи туда, милый, — стонала она. — Нет, только не в дома! Рамаррен не должен заходить в дома...

Эстрел стала что-то тихо шептать на языке, которого он не знал, словно моля о помощи. Фальк зашагал дальше, согнувшись под ее весом.

Поздние сумерки неожиданно рассек золотистый свет окон, лившийся из-за громад темных деревьев.

С той стороны, откуда падал свет, донесся пронзительный вой, который все нарастал, постепенно приближаясь. Фальк было рванулся, потом замер, увидев метнувшиеся к нему из темноты лаявшие и завывавшие тени. Высотой ему примерно по пояс, они окружили его, рыча и шелкая зубами. Он стоял, поддерживая обмякшее тело Эстрел, не в силах вытащить пистолет и не осмеливаясь даже шевельнуться. И лишь в нескольких сотнях ярдов от него безмятежно светились высокие окна дома.

Он закричал:

— Помогите!

Но с его губ сорвался лишь хриплый стон.

Внезапно раздалися голоса, что-то грозно кричавшие издалека. Черные звериные тени отпрянули назад и замерли в ожидании. К тому месту, где Фальк упал на колени, продолжая прижимать к себе Эстрел, подбежали люди.

— Заберите женщину, — произнес громкий мужской голос.

Другой голос отчетливо произнес:

— Что это у нас здесь? Неужели пара новых работников?

Фальку приказали встать, но он смог только прошептать:

— Не трогайте ее, она больна.

— Сейчас же встань!

Сильные руки быстро заставили его подчиниться. Он позволил им взять Эстрел. От усталости так кружилась голова, что Фальк еще долго не понимал, где он и что с ним происходит. Ему дали вдоволь напиться холодной воды, и это было единственное, что он помнил и что имело для него значение.

Его посадили. Кто-то, чью речь Фальк не понимал, попытался заставить его выпить какой-то жидкости — жгучего пойла, сильно отдававшего можжевельником. Первое, что он различил вполне отчетливо, был стакан — небольшой сосуд из мутноватого зеленого стекла. Он не пил из стаканов с тех пор, как покинул Дом Зоува. Фальк тряхнул головой, ощущая, как спиртное прочистило ему глотку и мозги, и поднял глаза.

В необъятном полу из полированного камня отражалась дальняя стена, в которой светился мягким желтоватым сиянием огромный диск. Лицо Фалька ощущало тепло, исходившее от этого диска. На полпути между ним и солнцеподобным кругом света прямо на голом полу стояло высокое массивное кресло; рядом с ним на полу обрисовывался неподвижный силуэт какого-то темного зверя.

— Кто ты?

Фальк видел контур носа и челюсти, черную руку на подлокотнике кресла. Вопрос, заданный низким и твердым, как камень, голосом, прозвучал не на галакте, а на языке Леса, хотя и на несколько непривычном диалекте.

Фальк помедлил и сказал правду:

— Я не знаю, кто я. Мою личность отобрали у меня шесть лет назад. В одном из Лесных Домов я научился обычаям людей. Я направляюсь в Эс Тох, чтобы попытаться узнать свое имя и происхождение.

— Ты идешь в Обитель Лжи, чтобы отыскать истину? Дураки и оружие мечутся по нашей уставшей Земле, но твое недомыслие не сравнится ни с чем. Что привело тебя в мое Королевство?

— Моя спутница...

— Ты хочешь сказать, что это она привела тебя сюда?

— Она заболела, и я старался найти воду. Как...

— Попридержи-ка язык. Я рад, что это не она привела тебя сюда. Тебе известно, что это за место?

— Нет.

— Это Владение Канзас, и я его Властелин. Я Повелитель, Герцог и Бог. Я несу ответственность за все, что здесь происходит. Мы тут играем в одну из самых великих игр. Она называется «Сюзерен». Ее правила стары как мир, и свободу моих действий ограничивают только законы. Все остальное — в моей власти.

Теплое прирученное светило метнулось с пола на потолок, а затем с одной стены на другую, когда незнакомец поднялся в кресле. Мягкое сияние обрисовывало контур ястребиного носа, высокого, немного скошенного лба, поджарого сильного тела с величественной осанкой и резкими движениями.

Стоило Фальку слегка пошевелиться, как мифическая тварь у трона оскалилась и зарычала.

— Значит, тебе неизвестно твое имя?

— Те, кто принял меня к себе, называли меня Фальком.

— Отправиться на поиски своего истинного имени — нет благороднее цели для мужчины! Ничего удивительного, что это привело тебя к моим вратам. Я принимаю тебя в игру в качестве игрока, — объявил Герцог Канзаса. — Не каждый день человек с глазами, похожими на опалы, стучится в мою дверь, моля о помощи. Отказать ему означало бы проявить подозрительность и нелюбезность, а что стоит королевское величие без риска и милосердия? Тебя называли Фальком... но я не буду звать тебя так. В этой игре ты — Опал. Ты свободен в своих передвижениях. Гриффон, лежать!

— Герцог, моя спутница...

— Твоя спутница — или Синг, или их орудие, или просто женщина. Кем ты ее предпочитаешь считать? Берегись, человек, не спеши отвечать королю. Я знаю, в качестве кого ты ее держишь. Но у нее нет имени, и она не участвует в игре. Женщины моих ковбоев присмотрят за ней, и довольно, покончим с этим.

Продолжая говорить, Герцог приблизился к Фальку, медленно вышагивая по голому полу.

— Имя моего спутника — Гриффон. Читал ли ты когда-нибудь в старых Канонах или легендах о таком животном, как собака? Гриффон — имя моей собаки. Как видишь, у нее мало общего с теми желтыми твякующими тварями, которые носятся по прериям, хотя они и родня ему. Род Гриффона, как и мой, королевский, угасает. Опал, чего бы ты хотел больше всего?

Герцог задал этот вопрос с неожиданной сердечностью, глядя прямо в глаза Фальку. Уставший и сбитый с толку Фальк был склонен говорить только правду и ответил:

— Попасть домой!

— Попасть домой... — задумчиво повторил Герцог Канзаса.

Он был таким же черным, как и его силуэт или тень. Старый, черный, как сажа, мужчина семи футов роста с узким острым лицом...

— Попасть домой....

Герцог отступил в сторону, чтобы взглянуть на длинный стол, стоявший возле стула Фалька. Вся крышка стола — Фальк только теперь заметил это — была утоплена на несколько дюймов и окантована рамкой. В ней помещалась сетка из золотых и серебряных проволочек, на которых были нанизаны костяшки с отверстиями такой формы, что они могли переходить с одной проволоки на другую, а в некоторых точках — и с одного уровня на другой. Тут были сотни костяшек, размером от детского кулачка до семечка яблока, — из глины, камня, дерева, металла, кости, пластика, стекла, аметиста, агата, топаза, бирюзы, опала, янтаря, берилла, хрусталя, граната, изумруда и алмаза.

Это была моделирующая система; сходные системы имели Зоув, Лупоглазая и другие обитатели родного Дома Фалька. Систему породила великая культура планеты Давенант, хотя ей издавна пользовались на Земле. Это был и оракул, и компьютер, и орудие мистических ритуалов, и игрушка. Во второй своей короткой жизни у Фалька не хватило времени, чтобы толком разобраться в принципах работы моделирующих систем. Лупоглазая как-то обмолвилась, что ей понадобилось лет сорок—пятьдесят только для того, чтобы научиться обращаться с ней, а ее моделирующая система, являвшаяся фамильной реликвией, представляла собой квадрат со стороной всего лишь в четверть метра с двадцатью—тридцатью костяшками.

Хрустальная призма ударила в железную сферу с чистым высоким звоном. Бирюза устремилась налево, а связанные между собой полированные костяшки с вкраплениями граната скользнули вправо и вниз, в то время как огненный опал вспыхнул на миг в самом центре системы. Черные, худые, сильные пальцы мелькали над проволочками, играя с самоцветами жизни и смерти.

— Значит, — сказал Повелитель, — ты хочешь домой. Но взгляни-ка! Ты умеешь читать узоры? Слоновая кость, алмаз и хрусталь, а также огненные самоцветы... и среди них мечется Опал — за Королевский Дом, за пределы Темницы с Прозрачными Стенами, за холмы и ущелья Коперника, и вот камень уже летит среди звезд. Ты выйдешь за пределы узора, узора времени. Взгляни же!

От мелькания разноцветных костяшек у Фалька зарябило в глазах. Он вцепился в край огромной системы и прошептал:

— Я не умею читать узоры...

— Ты — участник этой игры, Опал, разбираешься ты в ней или нет. Хорошо, просто отлично. Сегодня вечером мои псы лаяли на нищего бродягу, а он оказался повелителем звезд. Опал, когда я однажды приду к тебе, моля дать мне воды из твоих колодцев и приютить, ты ведь вступишь меня? Ночь тогда будет куда холоднее, чем сегодняшняя... И до той поры утечет много воды! Ты пришел в наш мир из далекого прошлого. Я стар, но ты намного старше меня. Ты должен был умереть еще лет сто назад. Вспомнишь

ли ты столетие спустя, что когда-то встретил в пустыне некоего короля? Ступай, как я уже говорил, ты свободен в своих передвижениях. Если тебе что-нибудь понадобится, мои люди будут рады услужить тебе.

Фальк пересек залу и вышел через занавешенный портал. Снаружи в вестибюле его ждал мальчик. Тот позвал своих товарищей; они, не выказывая ни удивления, ни подобострастия, вежливо выжидали, пока гость не заговорит первым. Потом отвели его в ванну, дали смену одежды, накормили ужином и уложили в чистую постель в тихой комнате.

Фальк прожил во Дворце Владыки Канзаса в общей сложности тринадцать дней, пока последний снег и редкие весенние дожди не омыли пустыню, лежавшую за пределами садов Герцога. Выздоровливавшую Эстрел держали в одном из многочисленных домиков, которые теснились за Дворцом. Фальк был свободен навещать ее, когда хотел... он мог делать все, что ему было угодно.

Герцог единолично правил своими владениями, но власть его зиждилась вовсе не на принуждении. Служить ему скорее почиталось за честь, ибо, признав врожденное величие одного человека, его подданные самоутверждались как люди. Их было не более двух сотен — ковбоев, садоводов и ремесленников, с женами и детьми. Очень маленькое королевство. Тем не менее Фальк уже через несколько дней нисколько не сомневался в том, что Герцог Канзаса не утратил бы своего величия, даже если бы он жил один. Дело было в присущих ему качествах.

Удивительная неповторимость владений Герцога настолько очаровала и поглотила Фалька, что все эти дни он практически не вспоминал о мире, что лежал за их пределами, о том разобщенном, полном насилия и неустроенности мире, по которому он так долго путешествовал. Однако, затронув на тринадцатый день в беседе с Эстрел вопрос об их уходе, он вдруг задумался о характере взаимоотношений Владения Канзас с остальным миром и спросил у нее:

— Мне показалось, что Синги не допускают зарождения феодального строя среди людей. Почему же тогда они позволили Герцогу или Королю, как бы он себя ни называл, сохранить свои владения?

— А почему бы и не позволить ему пошалить? Владение Канзас довольно обширное, но пустынное и малолюдное. К чему Повелителям Эс Тоха вмешиваться в его дела? Я думаю, что для них он просто глупый хвастливый ребенок.

— Тебе он тоже кажется таким?

— Ну... Ты видел, как вчера здесь пролетал корабль?

— Да, видел.

Летательный аппарат — первый, который видел Фальк, хотя ему было хорошо знакомо его жужжание — пролетел прямо над

домом на большой высоте. Все подданные Герцога высыпали в сад, колотя в сковородки, дети кричали, собаки завывали, а сам Владыка, стоя на верхнем балконе, с торжествующим видом запускал оглушительно рвущиеся петарды до тех пор, пока корабль не исчез в туманной дымке на западе.

— Они такие же глупые, как Баснасски, а старик — просто безумец, — усмехнулась Эстрел.

Хотя Владыка Канзаса не желал видеть женщину, его люди были к ней очень добры. Горькая нотка в смехе подружки удивила Фалька.

— Баснасски забыли, как некогда жили люди. А подданные Герцога, возможно, помнят это слишком хорошо. — Он рассмеялся. — В любом случае корабль улетел, не причинив никому вреда.

— Только не потому, что враг испугался петард, Фальк, — заметила Эстрел без тени улыбки, словно пытаясь о чем-то предупредить его.

Он мельком взглянул на девушку. Она, очевидно, не разглядела сумасшедшего, поэтического сумасбродства этого фейерверка, которое уравнивало аппарат Сингов с солнечным затмением. Но почему бы в дни сумерек человечества не устроить фейерверк? С того времени как Эстрел заболела и потеряла свой нефритовый талисман, ее не покидали печаль и тревога, а пребывание в этом месте, доставлявшее столько удовольствия Фальку, для девушки являлось сущим мучением. Пора было уходить отсюда.

— Пойду поговорю с Герцогом о нашем уходе, — нежно сказал ей Фальк и, оставив подружку в тени ив, усыпанных желто-зелеными почками, направился через сад к дворцу.

Рядом с ним трусили пять длинноногих могучих черных псов — почетный караул, которого ему скоро будет так не хватать.

Герцог Канзаса что-то читал в тронном зале. Диск, что висел на восточной стене помещения, днем светился холодным серебристым светом, словно маленькая домашняя луна, и только ночью излучал мягкое солнечное тепло. Трон, сделанный из полированного мореного дерева, росшего в южных пустынях, стоял перед диском. Фальк единственный раз видел Герцога на троне в самый первый вечер своего пребывания здесь. В эту минуту Герцог сидел на одном из стульев возле моделирующей системы, и высокие окна за его спиной, выходящие на запад, не были зашторены. За ними виднелись далекие темные горы, увенчанные ледяными шапками.

Герцог поднял лицо и выслушал Фалька. Вместо ответа он положил руку на книгу, которую читал. Это был не один из роскошно украшенных микрофильмов из его необыкновенно богатой библиотеки, а небольшая рукописная книга на обычной бумаге.

— Тебе известен этот Канон?

Фальк посмотрел туда, куда указывал Герцог, и прочел несколько певучих фраз:

Нужно бояться
Страху людского.
О горе!
Ты все еще
Не достигло
Своего предела!

— Мне известны эти строки, Герцог. Перед тем как я отправился в путешествие, мне подарили экземпляр этой книги. Но я не знаю языка, которым написана страница, что слева в вашем экземпляре.

— Это символы языка, на котором книга была написана первоначально, пять или шесть тысяч лет назад, — язык Желтого Императора, моего предка. Так ты потерял свою книгу по дороге? Тогда возьми мою. Но я уверен, что ты потеряешь и ее; следуя Пути, теряешь свой путь. О горе! Почему ты всегда говоришь только правду, Опал?

— Не знаю.

По сути, хотя Фальк постепенно и пришел к твердому решению, что никогда не будет лгать, независимо от того, с кем говорит или насколько невероятной может выглядеть правда, он не знал, почему именно пришел к такому решению.

— Пользоваться оружием врага означает играть по его правилам, — сказал он.

— О, враг давным-давно уже выиграл свою игру. Значит, ты уходишь? Ну что ж, иди. Сейчас самое время отправиться в путь. Но я задержу на некоторое время твою спутницу.

— Я обещал ей помочь найти соплеменников, Герцог.

— Ее соплеменников? — Суровое, испещренное морщинами лицо повернулось к гостю. — А за кого ты ее принимаешь?

— Она из Странников.

— Ну, тогда я — зеленый орех, ты — рыба, а эти горы сделаны из сушеного овечьего помета! Придерживайся и дальше своих правил, говори правду — и услышишь в ответ тоже правду. Набери фруктов из моих цветущих садов, перед тем как двинуться на запад, Опал, напейся влаги из моих бесчисленных колодцев в тени гигантских папоротников. Разве я не правлю королевством чудес? Миражи и пыль ждут тебя на западе вплоть до самой границы тьмы. Скажи, что удерживает тебя возле этой женщины — вожделение или верность?

— Мы многое пережили вместе.

— Не верь ей!

— Она помогла мне и вселила надежду. Мы — товарищи по несчастью. Мы доверяли друг другу... Как я могу разрушить это доверие?

— Вот глупец, о горе мне! — воскликнул Герцог Канзаса. — Я дам тебе десять женщин, которые будут сопровождать тебя до самой Обители Лжи — с флейтами, лютнями, тамбуринами и противозачаточными пилюлями. Я дам тебе пять дюжих молодцов, вооруженных ракетницами. Я дам тебе собаку... по правде говоря, я считаю, что только такое живое ископаемое, как собака, может стать твоим подлинным другом. Кстати, знаешь, почему вымерли собаки? Потому что они чересчур доверяли людям. Иди в одиночку, человек!

— Я не могу.

— Что ж, поступай как знаешь. Здесь игра уже закончена.

Герцог встал, подошел к трону у серебристого круга и уселся в него. Он даже не повернул головы, когда Фальк попытался произнести слова прощания.

Глава 6

Поскольку в его памяти слово «гора» ассоциировалась с образом одинокой вершины, Фальк думал, что стоит им добраться до гор, как они доберутся и до Эс Тоха; он не понимал, что им предстоит еще вскарабкаться на крышу континента.

Горы вырастали кряж за кряжем; день за днем двое путников взбирались все выше и выше в заоблачные высоты, а их цель, расположенная к юго-востоку, будто лишь отдалялась. Среди лесов, стремительных потоков, на вздымавшихся выше туч снежных или гранитных склонах им то тут, то там попадались маленькие деревеньки или стойбища. Зачастую они не могли обойти их, поскольку другой тропы не было, тогда спокойно проезжали мимо на своих мулах — щедром даре Герцога, и никто не чинил им препятствий. Эстрел сказала, что горцы, жившие на пороге владений Сингов, были людьми осторожными, предпочитавшими не досаждать незнакомцам, но и не приваживать их, по возможности уклоняясь от встреч.

Апрельские ночи в горах очень холодны, и поэтому для путешественников стало большим облегчением, когда однажды они остановились на ночлег в деревне. Деревушка была крохотная, всего четыре деревянных домика у шумного ручья, несущего свои воды по дну каньона в тени огромных иссеченных ветрами пиков, но с названием — Бесдию; Эстрел как-то останавливалась в ней много лет назад, когда была еще девочкой. Обитатели Бесдию, двое из которых были такими же рыжеволосыми и светлоскожими, как и сама Эстрел, обменялись с ней несколькими короткими фразами. Они говорили на том же языке, что и Странники. Фальк так и не научился этому языку, поскольку всегда говорил со своей спутницей на галакте. Эстрел что-то объясняла, указывая на восток и на запад; горцы сдержанно кивали, не отрывая от нее глаз, и лишь изредка искоса поглядывали на Фалька. Задав пару вопро-

сов, они накормили путников и без лишних слов пустили их переночевать, но сделали это столь холодно и безразлично, что Фальку стало немного не по себе.

Хлев, в котором им предстояло провести ночь, был, однако, теплым, согретым живым теплом скота, коз и птицы, что теснились здесь, в мирном, полном запахов и шорохов сотовариществе Эстрел осталась поболтать с жителями деревни в одном из домов, а Фальк тем временем отправился на сеновал, соорудил там роскошное двойное ложе из сена и расстелил спальные принадлежности. Когда пришла его спутница, он уже почти спал, но все-таки пробормотал сквозь полузабытье:

— Хорошо, что ты пришла. У меня какое-то смутное беспокойство.

— Здесь не только мой запах!

Эстрел впервые с момента их встречи отпустила нечто похожее на шутку, и Фальк взглянул на девушку с некоторым недоумением:

— Похоже, ты счастлива, что мы уже совсем неподалеку от Города, не так ли? Хотел бы я разделять твои чувства.

— А почему бы мне не радоваться? Там я надеюсь отыскать свое племя, Повелители мне обязательно помогут. Да и ты найдешь там то, что ищешь, и будешь восстановлен в своих правах.

— Восстановлен в правах? Мне казалось, что ты считаешь меня одним из Выскобленных.

— Тебя? Никогда! Неужели ты и впрямь веришь в то, что именно Синги влезли в твой мозг? Ты упомянул об этом как-то раз, еще в прериях, но я тогда не поняла тебя. Разве ты можешь считать себя Выскобленным или просто обычным человеком? Ты ведь родился не на Земле!

Нечасто она говорила столь убедительно. Ее слова утешали Фалька, совпадая с его собственными надеждами, и в то же время он был несколько озадачен, поскольку прежде Эстрел долгое время была подавлена и молчалива. Затем он заметил у нее на шее кожаный ремешок, с которого что-то свисало.

— Они дали мне амулет, — промолвила девушка.

Похоже, в нем и заключался источник ее оптимизма.

— Да, — подтвердила она, с удовольствием глядя на кулон. — Мы с ними одной веры. Теперь у нас все будет хорошо.

Фальк слегка улыбнулся, но был рад, что это утешило ее. Погружаясь в сон, он чувствовал, что Эстрел лежит, глядя в темноту, полную запахов и спокойного дыхания животных. Когда перед зарей прокукарекал петух, он наполовину проснулся и услышал, как девушка шепчет молитвы над своим амулетом на неизвестном ему языке.

Они вышли, избрав тропу, что вилась к югу от грозных вершин. Оставалось пересечь лишь один горный кряж, и четыре дня путники взбирались все выше и выше. Воздух становился разреженной и холодней, небеса отливали темной синевой, а кудрявые

облака, нависавшие над оставшимися далеко внизу высокогорными лугами, ярко сверкали в ослепительных лучах апрельского солнца. Когда Фальк и Эстрел наконец достигли перевала, небо потемнело, и на голые скалы и рыжевато-серые обнаженные склоны повалил снег.

На перевале стояла пустая хижина, и путники вместе со своими мулами жались в ней, пока не утих снегопад и они не смогли возобновить путь.

— Теперь идти будет легче, — заметила Эстрел, повернувшись к Фальку.

Он улыбнулся, однако страх в нем только нарастал по мере того, как приближался Эс Тох.

Тропа начала постепенно расширяться и вскоре превратилась в дорогу. На глаза стали попадаться хижины, фермы, дома. Люди встречались редко, поскольку было холодно и дождливо, и они предпочитали отсиживаться под крышами. Двое путников одиноко трусили под дождем по пустынной дороге. На третье утро после того, как они миновали перевал, небо прояснилось, и через пару часов езды Фальк остановил своего мула, вопросительно глядя на Эстрел.

— Что случилось, Фальк? — поинтересовалась она.

— Мы у цели... Это же Эс Тох, не так ли?

Вокруг простиралась ровная местность, хотя со всех сторон горизонт застилали далекие горные вершины, а пастбища и пахотные земли, мимо которых они проезжали раньше, сменились домами, множеством домов! Повсюду были разбросаны хижины, бараки, лачуги, постоянные дворы и лавки, где изготавливали и обменивали различные изделия. Везде сновали дети и кишмя кишели взрослые — на дороге, на обочинах, пешие, верхом на лошадях или мулах и проносившиеся в слайдерах. Все это производило впечатление крайней скученности, скудости, неряшливости и суетности под бездонными небесами занимавшегося в горах утра.

— До Эс Тоха еще целая миля, если не больше.

— Тогда что же это за город?

— Это лишь окрестности города.

Фальк начал взволнованно и испуганно озиаться. Дорога, по которой он шел от самого Дома в Восточном Лесу, теперь превратилась в улицу и вскоре должна была закончиться.

Люди удивленно пялились на странников и на их вышагивавших посреди улицы мулов, но никто не останавливался и не заговаривал с незнакомцами. Женщины отворачивали лица. Лишь некоторые из оборванных детишек указывали на путников пальцами, смеялись, а потом убегали, скрываясь в загаженных проулках или позади какого-нибудь барака. Вовсе не это ожидал увидеть здесь Фальк; впрочем, что он вообще ожидал увидеть?

— Я и не знал, что в мире столько людей, — наконец выдал из себя он. — Они роятся вокруг Сингов, как мухи над навозом.

— Личинки мух питаются навозом! — сухо сказала Эстрел. Затем, взглянув на Фалька, девушка протянула руку и похлопала его по плечу. — Здесь живут прихлебатели и отверженные, сброд, который не пускают в городские ворота. Давай пройдем еще немного и войдем в Город, в истинный Город! Мы проделали долгий путь, чтобы увидеть его...

Они поехали дальше и вскоре увидели возвышавшиеся над крышами убогих лачуг ярко сверкавшие на солнце стены зеленых башен без окон.

Сердце Фалька учащенно забилося; тут он заметил, что Эстрел что-то шепчет в амулет, который ей дали в Бесдио.

— Мы не можем въехать в город верхом на мулах, — заявила девушка. — Нам следует оставить их здесь.

Они остановились у ветхой общественной конюшни, и Эстрел начала что-то втолковывать на западном диалекте подбежавшему к ней слуге. Когда Фальк спросил Эстрел, о чем она его просит, та ответила:

— Взять у нас этих животных в качестве залога.

— Залога?

— Если мы потом не оплатим их содержание, он заберет их себе. Ведь у нас нет денег, не так ли?

— Нет, — робко подтвердил Фальк. У него не только не было денег, он никогда их даже не видел. И хотя в галакте имелось такое слово, в диалекте Леса аналога ему не было.

Конюшня была последним зданием на краю пустыря, усеянного бульжниками и мусором, который отделял район трущоб от высокой длинной стены из гранитных глыб. Пешие путники могли попасть в Эс Тох только одним путем. Огромные конические колонны образовывали ворота.

На левой колонне была вырезана надпись на галакте: «ПОЧИТАНИЕ ЖИЗНИ». На правой виднелась длинная фраза, написанная буквами, которых Фальк никогда прежде не видел. Не наблюдалось никакого движения через ворота и возле них не было стражи.

— Колонна Лжи и Колонна Тайны, — проходя между ними, громко сказал он, не позволяя благоговейному страху овладеть его душой. Однако, войдя в Эс Тох и увидев город, он молча замер на месте.

Город Повелителей Земли был выстроен на двух склонах каньона — грандиозного пролома в горах, узкого и фантастического. Черные стены с редкими полосками зелени обрывались вниз на добрых полмили в его тенистые глубины к серебристой полоске реки. На самых краях обращенных друг к другу отвесных утесов возвышались башни города, соединенные перекинутыми через пропасть изящными арками мостов. Затем башни, мосты и дорожки

заканчивались, и перед самым головокружительным изгибом каньона вновь возвышалась стена. Геликоптеры с прозрачными лопастями парили над бездной, а по едва различимым улицам и узким мостикам носились слайдеры. Хотя солнце еще толком и не поднялось над могучими пиками на востоке, казалось, что ничто не отбрасывает здесь теней; огромные зеленые башни сияли так, словно они впитывали солнечные лучи.

— Идем! — сказала Эстрел, устремившись вперед; ее глаза сверкали. — Здесь нам нечего бояться, Фальк.

Он последовал за подругой. Улица, что спускалась между более низкими зданиями к башням на краю обрыва, была совершенно пустынная. Однажды Фальк оглянулся на ворота и уже не смог разглядеть прохода между колоннами.

— Куда ты меня ведешь?

— Я тут знаю одно место, дом, где бывают мои соплеменники.

Эстрел взяла его за руку, впервые за все их долгое совместное путешествие, и пока они шли по длинной извилистой улице, она постоянно льнула к нему, не поднимая глаз от мостовой. По мере того как путники приближались к сердцу города, дома справа от них становились все выше, а слева, не огражденное какой-либо стенкой или парапетом, зияла головокружительная пропасть, дно которой скрывалось в густой тени — черный провал между сияющими вздымавшимися в небеса башнями.

— Но если нам понадобятся деньги...

— О нас позаботятся.

Мимо проехали на слайдерах причудливо и ярко одетые люди. На посадочных площадках зданий с отвесными стенками трепетали лопасти геликоптеров. Высоко над ущельем прожужжал набравший высоту аэрокар.

— И все эти люди — Синги?

— Некоторые из них.

Фальк инстинктивно держал свободную руку на лазере. Эстрел, не глядя на товарища, сказала с усмешкой:

— Не вздумай воспользоваться здесь оружием, Фальк. Ты пришел сюда, чтобы обрести свою память, а не потерять ее.

— Куда ты меня ведешь, Эстрел?

— Вон туда.

— Туда? В этот дворец?

Светившаяся глухая зеленоватая стена безлико вздымалась в небо. В ней отворилась квадратная дверь.

— Здесь меня знают, — сказала Эстрел. — Не бойся. Идем со мной.

Она еще крепче сжала его руку.

Фалька обуревали сомнения. Оглянувшись, он увидел на улице несколько человек — наконец-то пешком. Они не спеша шли в сторону чужаков, с любопытством поглядывая на них. Это испугало Фалька, и он вошел вместе с Эстрел внутрь здания, миновав

внутренние двери, створки которых автоматически раздвинулись. Уже внутри, снедаемый предчувствием того, что он совершает непоправимую ошибку, Фальк остановился.

— Что это за место? Эстрел...

Они находились в зале с высоким потолком, наполненным сочным зеленоватым светом, где царил полумрак, как в подводной пещере. В зал вели множество дверей и коридоров, из которых показались спешившие им навстречу люди.

Эстрел отбежала в сторону. В панике Фальк повернулся к дверям за спиной, однако те уже закрылись, а ручек у них не было. Неясные фигуры людей ворвались в зал и устремились к вошедшему, что-то крича на бегу. Фальк прижался спиной к закрытым дверям и потянулся к лазеру, но тот исчез. Оружие было в руках Эстрел. Девушка стояла за спинами людей, которые окружили Фалька, а когда он попытался пробиться к ней, его схватили и сбили с ног.

Тут краем уха Фальк услышал то, что никогда не слышал прежде, — переливы ее смеха.

В ушах звенело, во рту ощущался неприятный металлический привкус. Перед глазами все плыло, голова кружилась и что-то, казалось, ограничивало движения. Вскоре Фальк понял, что некоторое время был без сознания; очевидно, сейчас он не в силах пошевелиться из-за того, что избит или одурманен.

Затем Фальк осознал, что его запястья и лодыжки закованы в кандалы. Когда он наклонил голову, чтобы получше рассмотреть их, головокружение усилилось. В ушах возник чей-то зычный голос, раз за разом повторявший одно и то же слово: рамаррен-рамаррен-рамаррен...

Фальк напрягся и закричал что было силы, пытаясь избавиться от внушавшего ужас голоса. Перед глазами заплескали искорки, и сквозь пульсировавший в голове оглушительный рев он услышал, как кто-то кричит его собственным голосом:

— Я не...

Когда Фальк вновь пришел в себя, вокруг царила абсолютная тишина. Голова раскалывалась, и зрение восстановилось еще не полностью, но кандалы на руках и ногах исчезли, будто их никогда и не было, и он чувствовал, что за ним присмотрят, его защитят и приютят. Они знали, кто он, и радушно встретили его. За ним пришли близкие ему люди, и теперь он в безопасности: о нем заботятся, его любят, и единственное, в чем он теперь нуждается, — это во сне и отдыхе.

Однако тихий, проникновенный голос продолжал шептать у него в голове: маррен-маррен-маррен...

Фальк окончательно проснулся, хотя это стоило ему определенных усилий, и умудрился сесть. Ноющую голову пришлось стиснуть ладонями, чтобы одолеть вызванный резким движением

приступ тошноты. Сперва он понял, что сидит на полу некоей комнаты, и пол этот показался ему на удивление теплым и податливым, почти мягким, словно бок какого-то огромного животного. Затем Фальк поднял голову и осмотрелся.

Он сидел один-одинешенек посреди столь необычной комнаты, что у него снова зашумело в голове. Мебели здесь не было. Стены, пол и потолок были сделаны из одного и того же полупрозрачного материала, который казался мягким и волнистым, словно сложенным из множества плотных светло-зеленых вуалей, но на ощупь был жестким и гладким. Странный вычурный узор покрывал все пространство пола, не прощупываясь при этом рукой — либо обман зрения, либо орнамент находился под гладкой поверхностью прозрачного пола.

С помощью перекрещивавшихся псевдопараллельных линий, использованных в качестве декоративной отделки, создавалась иллюзия кривизны углов комнаты. Чтобы убедить себя в том, что стены в действительности образуют прямой угол, требовалось усилие воли, хотя, возможно, и это являлось самообманом, поскольку углы могли и на самом деле не быть прямыми.

Но ничто из данного назойливого украшения не приводило Фалька в такое смятение, как сам факт полупрозрачности целой комнаты. Смутно, словно через толщу зеленоватых вод пруда, сквозь пол просматривалось еще одно помещение. Над головой маячило светлое пятнышко — возможно, луна, затуманенная одним или несколькими зеленоватыми потолками. Сквозь одну из стен комнаты пробивались вполне отчетливые полосы и пятна яркого света, и Фальк мог различить движение огней геликоптеров или аэрокаров. Сквозь остальные три стены уличные огни пробивались заметно менее ярко, поскольку были ослаблены другими стенами, коридорами и комнатами. Там двигались какие-то тени. Он видел их, но не мог разобрать детали; черты лиц, одежда и ее цвет — все было подернуто туманной дымкой.

Откуда-то из зеленых глубин неожиданно выплыла чья-то тень, затем стала сжиматься, становясь все более зеленой и расплывчатой, пока совсем не исчезла в туманном лабиринте. Любопытная складывалась картина: вроде бы есть видимость — но без отчетливых деталей; одиночество — но без уединения. Эта завуалированная игра света и теней сквозь зеленоватые туманные поверхности была невероятно прекрасной и в то же время чрезвычайно раздражала.

Внезапно Фальку почудилось, что яркое пятно на ближайшей стене слегка дрогнуло. Он быстро повернулся и с ужасом наконец увидел нечто живое и вполне различимое — чье-то изможденное лицо, уставившееся на него желтыми, нечеловеческими глазами.

— Синг, — прошептал он, охваченный слепым ужасом.

Словно передразнивая его, уродливые губы беззвучно произнесли то же слово — «синг», и Фальк понял, что видит отражение собственного лица.

Фальк с трудом выпрямился и, подойдя к зеркалу, коснулся его рукой, чтобы убедиться в правильности своей догадки. Это и впрямь было зеркало, наполовину утопленное в литую раму.

Внезапно послышался чей-то голос, и он обернулся. В другом конце комнаты стояла слабо различимая в тусклом свете скрытых светильников, но все же достаточно реальная фигура. Двери нигде не было видно, однако человек как-то вошел в комнату и теперь стоял, глядя на Фалька. Это был очень высокий мужчина, с широкими плеч которого ниспадала белая накидка или плащ. У него были светлые волосы и ясные темные пронизательные глаза.

Человек произнес низким и очень мягким голосом:

— Добро пожаловать, Фальк. Мы давно направляем и защищаем тебя, ожидая твоего прихода.

Комнату залил более яркий, мерцающий свет. В низком голосе появилась восторженная нотка:

— Отбрось страх и прими наше гостеприимство, о Вестник. За твоей спиной нелегкий путь, и ноги твои ступили на дорогу, что приведет тебя домой!

Сияние все разгоралось, пока не начало слепить Фалька. Пришлось непрерывно мигать, и когда он наконец, прищурившись, поднял глаза, мужчина уже исчез без следа.

Непроизвольно ему на ум пришли слова, произнесенные несколько месяцев назад старым Слухачом в лесу: «Ужасная тьма ярких огней Эс Тоха».

Больше он не позволит, чтобы его дурачили и дурманили наркотиками. Как глуп он был, что явился сюда; живым ему отсюда не выбраться, но и дурачить себя больше не позволит. Фальк уже отправился было на поиски потайной двери, чтобы последовать за тем человеком, когда голос за его спиной внезапно произнес:

— Подожди еще немного, Фальк. Иллюзии не всегда лгут. Ты ведь ищешь истину...

Небольшая складка в стене раскрылась и превратилась в дверь. В комнату вошли две фигуры. Одна, маленькая и хрупкая, ступала вполне уверенно. На ней были штаны с нарочито выступавшим вперед гульфиком, короткая кожаная куртка и туго натянутая на голову шапочка. Вторая, повыше, в тяжелой мантии, перемещалась небольшими семенящими шагами, как обычно двигаются танцоры. К талии человека — наверное, мужчины, если судить по низкому, хотя и очень тихому голосу — спадали длинные иссиня-черные волнистые волосы.

— Нас сейчас снимают, Стрелла.

— Я знаю, — ответил невысокий человек голосом Эстрел. Ни один из них не обратил ни малейшего внимания на Фалька. Они

вели себя так, словно в комнате больше никого не было. — Ну же, спрашивай, что хотел, Краджи.

— Я хотел спросить тебя: почему это отняло так много времени?

— Много? Ты несправедлив, мой Повелитель. Как я могла проследить его путь в Лесу к востоку от Хорга? Там ведь сплошная глушь. А от глупых животных помощи не добьешься — только и способны, что лепетать слова Закона. Когда вы, в конце концов, сбросили мне детектор, настроенный на людей, я находилась в двухстах милях к северу от него. Он направлялся к территории Баснаска. Тебе известно, что Совет снабдил их птицебомбами, чтобы перехватывать Странников и других бродяг. Так что мне пришлось присоединиться к этому вшивому племени. Разве ты не получал моих сообщений? Я постоянно передавала их, пока не обронила передатчик при переправе через реку к югу от Владения Канзас. И моя мать в Бесдио дала мне новый. Они же наверняка записывали мои отчеты на пленку.

— Я никогда не прослушиваю отчеты. Но в любом случае все это время потрачено напрасно — тебе так и не удалось за долгие недели научить его не бояться нас.

— Эстрел! — крикнул Фальк. — Эстрел!

Нелепая и хрупкая в своем трансвеститском костюме Эстрел не обернулась, не услышала его. Она продолжала разговаривать с мужчиной в мантии. Давясь от стыда и гнева, Фальк выкрикивал ее имя, затем бросился вперед и схватил ее за плечо... Но там не было ничего, кроме перелива разноцветных пятен в воздухе.

Складка двери в стене открывала Фальку соседнюю комнату. Человек в мантии и Эстрел стояли там спиной к нему. Он шепотом произнес ее имя. Она обернулась и взглянула на него. Она смотрела ему в глаза, и в ее зоре не было ни торжества, ни стыда. Ее взгляд оставался таким же спокойным, бесстрастным, отчужденным, как и все то время, пока они были вместе.

— Почему... почему ты лгала мне? — хрипло спросил Фальк. — Зачем ты привела меня сюда?

Он сам мог себе ответить. Он знал, кем он был и кем всегда оставался в глазах Эстрел. И этот вопрос задал не его разум, а его самоуважение и верность, которые не могли ни вынести, ни принять всю тяжесть истины в это первое мгновение.

— Меня послали, чтобы я привела тебя сюда. Они хотели, чтобы ты пришел.

Фальк попытался взять себя в руки. Застыв в неподвижности, даже не пытаясь шагнуть ей навстречу, он спросил:

— Ты — из Сингов?

— Я — Синг, — сказал мужчина в мантии, приветливо улыбаясь. — А все Синги — лжецы. И если я — Синг, который тебе лжет, в таком случае я, конечно же, не Синг, хотя и лгу, не являясь при этом Сингом. А может, все это ложь, будто все Синги — лгуны? Но я на самом деле Синг; и я воистину лгу. Животные, как изве-

стно, тоже лгут. Ящерицы меняют свой цвет, жуки имитируют кору, рыба камбала лжет тем, что, застыв в неподвижности, окрашивается в цвет песка или гальки в зависимости от характера дна... Стрелла, этот фрукт глупее всякого ребенка.

— Нет, милорд Краджи, он очень умен, — возразила Эстрел тихим бесстрастным голосом. Девушка говорила о Фальке так, как люди говорят о животных.

Она шла рядом с Фальком, ела с ним, спала с ним. Она засыпала в его объятиях... Фальк молча стоял и смотрел на нее. Эстрел и высокий мужчина тоже стояли молча, не двигаясь, словно ожидали от Фалька какого-то сигнала для продолжения своего выступления.

Он не испытывал к ней неприязни. Она не будила в нем никаких чувств. Она стала воздухом, призрачным мерцанием света. Все чувства его теперь были обращены вовнутрь, на себя. Его поташнивало от унижения.

«Иди один, Опал», — говорил ему Владыка Канзаса. «Иди один», — говорил ему Хиардан-Пчеловод. «Иди один», — говорил ему старый Слухач в Лесу. «Иди один, сынок», — говорил ему Зоув. Сколько людей смогли бы направить его, помочь ему в поисках, вооружить знанием, если бы он пересек прерии в одиночку? Сколь многому он мог бы научиться, если бы не доверился Эстрел?

Теперь же ему известно лишь то, что он неизмеримо глуп и что она лгала ему. Она не переставая лгала ему с самого начала, с того самого момента, когда сказала, что она — Страница... нет, еще раньше. С того момента, когда впервые увидела его и притворилась, будто не знает, кем и чем он является. Она давно уже знала о нем и была послана для того, чтобы противодействовать влиянию тех, кто ненавидит Сингов — виновников того, что было сделано с его мозгом, и чтобы помочь ему обязательно добраться до Эс Тоха.

«Но тогда почему, — мучительно размышлял Фальк, стоя в одной комнате и глядя на Эстрел, стоявшую в другой, — почему она теперь перестала лгать?»

— Что я теперь говорю тебе, не имеет никакого значения, — сказала она, словно прочтя его мысли.

Возможно, так оно и было. Они никогда не пользовались мыслечеречью, но если Эстрел из Сингов и имеет их ментальные способности, величину которых люди оценивали лишь по слухам и догадкам, Эстрел, возможно, подслушивала его мысли в течение всего их совместного путешествия. Как он мог судить об этом? Спрашивать же у нее не было никакого смысла...

За спиной послышался какой-то звук. Фальк обернулся и увидел двух людей, стоявших на другом конце комнаты возле зеркала. В длинных черных одеяниях с белыми капюшонами, они были вдвое выше обычных людей.

- Тебя так легко провести, — сказал один гигант.
- Ты должен понимать, что тебя дурачили, — добавил другой.
- Ты всего лишь получеловек!
- И как получеловек ты не можешь знать всей правды.
- Ты, кто ненавидит, одурачен и высмеян.
- Ты, кто убивает, выскоблен и превращен в орудие.
- Откуда ты явился, Фальк?
- Кто ты, Фальк?
- Где ты, Фальк?
- Что ты из себя представляешь, Фальк?

Оба гиганта откинули свои капюшоны, показывая, что под ними ничего нет, кроме тени, и попятились к стене. Затем прошли сквозь нее и исчезли.

Из другой комнаты в объятия Фалька бросилась Эстрел. Она прижалась к нему всем телом и стала жадно и отчаянно целовать его.

— Я люблю тебя, я влюбилась в тебя с первого же взгляда. Верь мне, Фальк, верь мне!

Затем она, по-прежнему всхлипывавшая «Верь мне!», была оторвана от него и уведена прочь, словно влекомая некоей могущественной, невидимой силой, как бы выброшенная свирепым порывом ветра сквозь некую узкую дверь, которая бесшумно закрылась за ней, как захлопнувшийся рот.

— Ты понимаешь, — спросил высокий мужчина из другой комнаты, — что находишься под воздействием галлюциногенов?

В его шепчушем, хорошо поставленном голосе сквозили нотки сарказма и внутренней опустошенности.

— Меньше всего доверяй самому себе!

Мужчина задрал свою мантию и обильно помочился. После этого он ушел, поправляя на ходу одежду и приглаживая длинные волосы.

Фальк стоял и наблюдал за тем, как зеленоватый пол дальней комнаты постепенно поглощает мочу.

Края дверного проема стали медленно смыкаться. Это был единственный выход из этой комнаты-западни. Фальк сбросил с себя оцепенение и проскочил сквозь проем до того, как он закрылся. Комната, в которой некогда стояли Эстрел и ее спутник, ничем не отличалась от той, которую он только что покинул, разве что была поменьше и похуже освещена. В дальнем конце ее виднелся узкий проем, который медленно закрывался.

Фальк поспешно пересек комнату и, пройдя сквозь проем, очутился в третьей комнате, которая ничем не отличалась от первых двух, разве что была еще меньше и хуже освещена. Щель в ее дальнем конце тоже медленно смыкалась, и он промчался сквозь нее в следующую комнату, еще меньше и темнее предыдущей, откуда он протиснулся в еще одну маленькую, совсем темную комнату, а затем вполз на маленькое тусклое зеркало и взмыл

вверх, крича от ледящего душу ужаса, по направлению к холодно взиравшей на него белой испещренной кратерами луне.

Проснулся Фальк, чувствуя себя отдохнувшим, набравшимся сил, но в состоянии некоторой прострации в удобной кровати в ярко освещенной комнате без единого окна. Он приподнялся и сел. И тут, словно по сигналу, из-за перегородки к нему поспешили двое мужчин с туповатыми лицами и немигающими глазами.

— Приветствуем тебя, лорд Агад! Приветствуем тебя, лорд Агад! — повторяли они друг за другом. — Идемте с нами, пожалуйста, идемте с нами, пожалуйста.

Фальк встал с постели, совершенно обнаженный, готовый сражаться — единственным четким воспоминанием была его схватка и поражение в холле дворца, — но здесь никто не собирался прибегать к насилию.

— Идемте, пожалуйста, — беспрестанно твердили мужчины, пока он не уступил им.

Так и не дав Фальку одеться, его вывели из комнаты, провели по плавно изгибавшемуся пустому коридору, через зал с зеркальными стенами, вверх по лестнице, которая на самом деле оказалась наклонным скатом с нарисованными ступеньками, и наконец пригласили в просторную меблированную комнату с зеленовато-голубыми стенами. Один из мужчин остался снаружи, другой вошел вместе с Фальком.

— Вот — одежда, вот — пища, вот — вода. Поешьте и попейте. Если вам что-то нужно — попросите. Хорошо?

Мужчина смотрел на Фалька, не отводя взгляда, но без особого интереса.

На столе стоял кувшин с водой, и первое, что сделал Фальк, — напился до отвала, поскольку его мучила страшная жажда. Затем он окинул взглядом странную, довольно приятную комнату с мебелью из прочного, напоминающего стекло пластика и полупрозрачными стенами без окон. Потом он стал с любопытством изучать своего то ли стража, то ли слугу — крупного мужчину с тупым невыразительным лицом и пристегнутым к поясу пистолетом.

— Что гласит Закон? — спросил Фальк, повинувшись некоему импульсу.

— Не отбирать жизнь, — охотно и без всякого удивления ответил таращившийся на него детина.

— Тогда зачем тебе пистолет?

— О, этот пистолет обездвигивает человека, а не убивает, — ответил стражник и рассмеялся. Интонации его голоса совершенно не сочетались с произносимыми словами, а между словами и смехом вклинилась небольшая пауза.

— Теперь ешьте, пейте, мойтесь. Вот хорошая одежда. Смотрите, одежда здесь.

— Ты — Выскобленный?

— Нет. Я начальник стражи Подлинных Повелителей, и я подключен к компьютеру номер восемь. Теперь ешьте, пейте, мойтесь.

— Я все это сделаю, когда ты покинешь комнату.

Последовала небольшая пауза.

— О да, конечно, лорд Агад, — ответил здоровяк и снова захихикал, словно от щекотки. Возможно, ему было щекотно, когда компьютер говорил через его мозг. Наконец мужчина вышел.

Сквозь внутреннюю стену комнаты Фальку были видны неуклюжие силуэты двух охранников. Они расположились в коридоре по обе стороны двери. Фальк нашел ванную и помылся. Чистая одежда лежала на огромной мягкой постели, что занимала один из углов комнаты. Одежда имела свободный покрой и была расшита кричащими красными и фиолетовыми узорами. Фальк неодобрительно осмотрел ее, но все же надел на себя. Его выдававший виды мешок с вещами лежал на столе из золотистого, похожего на стекло пластика. На первый взгляд все было на месте, кроме старой одежды и оружия.

Тут же на столе была разложена еда, и Фальк почувствовал зверский голод. Он понятия не имел, сколько времени прошло с тех пор, как двери этого дворца сомкнулись за ним, но, судя по голоду, немало. Пища оказалась весьма необычной, очень острой, с большим количеством приправ и малопривлекательной на вкус, однако он съел все, что ему дали, и не отказался бы от добавки. Поскольку еды больше не было и он сделал все, о чем его просили, Фальк более внимательно осмотрел комнату. Неясные силуэты стражников за полупрозрачной зеленовато-голубоватой стеной куда-то пропали, и он собрался было выяснить, в чем, собственно, дело, но тут заметил, что едва различимая вертикальная прорезь двери начала расширяться, а за ней маячила чья-то тень. Постепенно в стене возник высокий овальный проем, через который в комнату вошел какой-то человек.

Фальк сперва подумал, что это девушка, но затем понял, что перед ним паренек лет шестнадцати, одетый в такие же свободные одежды, как и он сам. Не приближаясь к Фальку, паренек остановился, вытянул вперед руки и стал скороговоркой нести какую-то тарабарщину.

— Кто ты?

— Орри, — ответил юноша и выдал новую порцию тарабарщины.

Он выглядел хрупким и возбужденным, его голос дрожал от переполнявших чувств. Затем юноша упал на колени и низко склонил голову.

Такой позы Фальку раньше видеть не приходилось, хотя ее значение было вполне понятно. Аналоги данной позы совершеннейшего почтения и преданности встречались ему среди Пчеловодов и подданных Повелителя Канзаса.

— Говори на галакте, — приказал слегка шокированный и чувствующий себя неловко Фальк. — Кто ты?

— Я — Хар Орри, преч Рамаррен, — прошептал паренек.

— Встань. Поднимись с колен. Я не... Ты знаешь меня?

— Преч Рамаррен, разве вы не помните меня? Я ведь Орри, сын Хара Уэдена...

— Как меня зовут?

Мальчик поднял голову, и Фальк ошеломленно уставился на него... они смотрели друг другу прямо в глаза. Глаза юноши были серовато-янтарного цвета, с большими темными зрачками. Белков не было, радужная оболочка заполняла всю глазницу, как у кошек. Такие глаза Фальк видел разве что в зеркале прошлым вечером.

— Ваше имя Агад Рамаррен, — покорно ответил испуганный паренек.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Я... я всегда знал его, преч Рамаррен.

— Значит, ты моей расы? Значит, мы представители одного народа?

— Я сын Хара Уэдена, преч Рамаррен! Клянусь вам!

В серо-золотистых глазах мальчишки на мгновение блеснули слезы. Фальк и сам имел обыкновение реагировать на стрессовые ситуации кратковременным слезовыделением. Лупоглазая как-то упрекнула Фалька: мол, нельзя стыдиться скорее всего чисто физиологической реакции, присущей его расе.

Смятение и беспомощность, которые Фальк испытал в Эс Тохе, лишили его способности трезво анализировать происходящее. Часть разума твердила: «Именно этого они и добиваются. Тебя хотят сбить с толку и сделать излишне доверчивым». В настоящий момент он уже не мог разобрать, была ли Эстрел, которую он так хорошо знал и преданно любил, ему другом, или же она из Сингов, или просто орудие в руках Сингов; говорила ли она ему правду или же постоянно лгала, угодила ли она в западню вместе с ним или же сама привела его в ловушку? Он помнил ее смех; но помнил он и ее отчаянное объятие, ее шепот... Как следует поступить с этим мальчиком, с болью и ужасом глядящим на него такими же неземными глазами, как и его собственные? Будет ли юноша правдиво отвечать на вопросы или же будет лгать?

Среди всех этих иллюзий, ошибок и обманов, как показалось Фальку, существовал лишь один верный путь — тот, которому он следовал с тех пор, как покинул Дом Зоува.

Он еще раз посмотрел на паренька и сказал:

— Я не знаю тебя. Я не помню тебя, хотя, возможно, и должен помнить, потому что в моей памяти сохранились только последние четыре или пять лет моей жизни.

Фальк кашлянул, вновь отвернулся и сел в одно из высоких вертящихся кресел, пригласив мальчика последовать его примеру.

— Вы... помните Верель, преч Рамаррен?

— Что такое Верель?

— Наш дом. Наша планета.

У Фалька защемило где-то в груди, но он промолчал.

— Вы помните... путешествие сюда, преч Рамаррен? — заикась, спросил мальчик. Казалось, слова Фалька не дошли до него. В голосе пробивались гнетущие, тоскливые нотки, подкрепленные уважением и страхом.

Фальк покачал головой.

Орри повторил свой вопрос, слегка видоизменив его:

— Вы помните наше путешествие на Землю, преч Рамаррен?

— Нет. А когда оно было?

— Шесть земных лет тому назад. Простите меня, пожалуйста, преч Рамаррен. Я не знал... Я был над Калифорнийским морем, и за мной послали аэрокар, автоматический аэрокар. Мне не сообщили, для чего я понадобился. Затем лорд Краджи объяснил мне, что нашелся один из членов нашей экспедиции, и я подумал... Но он ничего не сказал о том, что случилось с вашей памятью... Значит... вы помните только Землю?

Казалось, паренек умолял Фалька, чтобы тот ответил отрицательно.

— Я помню только Землю.

Фальк кивнул, твердо решив не поддаваться чувствам мальчика, его наивности, детской искренности лица и голоса. Нельзя исключать возможность, что этот Орри на самом деле вовсе не такой, каким желает казаться.

Ну а если он не кривит душой?

«Я не позволю, чтобы меня вновь одурачили», — с горечью подумал Фальк.

«Позволишь, позволишь, — немедленно отозвалась другая часть его мозга. — Тебя одурачат, если только захотят, и ты не сможешь это предотвратить. Если ты не станешь задавать вопросы этому мальчику, дабы не выслушивать лживых ответов, то ложь возьмет верх во всем, и результатом твоего путешествия в Эс Тох будет лишь молчание, лицедейство и отвращение. Ты пришел сюда, чтобы узнать свое имя. Он дал тебе некое имя. Прими его».

— Ты мне расскажешь, кто... мы такие?

Мальчик снова перешел на тарабарщину, но тут же умолк, встретив непонимающий взгляд Фалька.

— Вы не помните, как говорить на келшаке, преч Рамаррен? — спросил он почти жалобным тоном.

Фальк покачал головой:

— Келшак — это твой родной язык?

— Да, — ответил мальчик и добавил с ноткой упрямства: — И ваш тоже, преч Рамаррен.

— Как на келшаке звучит слово «отец»?

— Хьовеч, или вава — для детей.

Неискренняя улыбка промелькнула по лицу Орри.

— А как вы называете пожилого человека, которого уважаете?

— Для этого есть много слов... Превва, киоинеп... Дайте мне подумать, пречна. Я так давно не говорил на келшаке... Пречно-вег... человека более высокого положения, если это не родственник, можно назвать тиокиой или превииотио...

— Тиокиой. Я как-то раз произнес это слово, не зная, откуда оно пришло мне на ум...

Это не было подлинной проверкой. Фальк никогда толком не рассказывал Эстрел о нескольких днях, проведенных у старого Слухача в Лесу, но за ту ночь или несколько суток, пока он находился одурманенный в их руках, они могли изучить вдоль и поперек все его воспоминания, все, что он когда-либо говорил или думал. Он даже не догадывался, что с ним сделали, и не имел ни малейшего понятия о том, что они вообще могут предпринять. Меньше всего он знал о том, чего они добиваются. Единственное, что ему оставалось делать, — продолжать в том же духе, пытаясь получить необходимые сведения.

— Ты здесь свободен в своих передвижениях?

— О да, преч Рамаррен. Повелители очень добры. Они уже давно ищут кого-нибудь... из оставшихся в живых членов экспедиции. Тебе известно, пречна, о ком-либо...

— Нет.

— Когда я несся сюда несколько минут назад, Краджи успел мне лишь сообщить, что ты жил в лесу где-то в восточной части этого материка, в каком-то диком племени.

— Я расскажу тебе об этом, если захочешь. Но сначала ты Расскажи мне кое о чем. Я не знаю, кто я, кто ты, что это была за экспедиция и что такое Верель.

— Мы — Келши, — скованно начал мальчик, очевидно, смущенный тем, что ему приходится объяснять столь элементарные вещи тому, кого он считал выше себя, причем не только в силу разницы в возрасте. — Мы из народа Келшак и живем на Вереле... сюда мы прибыли на корабле «Альтерра».

— Зачем мы прилетели сюда? — спросил, подавшись вперед, Фальк.

Медленно, часто сбиваясь, несколько раз повторяя одно и то же, прерываемый тысячами вопросов, Орри вел свое повествование, пока не устал говорить, а Фальк — слушать. К тому времени полупрозрачные стены комнаты уже озарил свет заходящего солнца.

Бессловесные слуги принесли им еду и питье. Пока они ели и пили, Фальк не переставал мысленно разглядывать бриллиант, который мог оказаться как фальшивым, так и бесценным: историю, строй, образ — подлинный или ложный — того мира, который он некогда потерял.

Вокруг желто-оранжевого, словно око дракона или огненный опал, солнца не спеша кружились по вытянутым орбитам семь планет. Год на третьей зеленой планете длился шестьдесят земных лет. «Счастлив тот, кто встретит свою вторую весну», — так перевел одну из пословиц того мира Орри. Когда планета находилась на самом дальнем от солнца участке своей орбиты, зимы в северном полушарии, благодаря сильному наклону планетарной оси к плоскости эклиптики, становились студеными, мрачными и наводящими ужас. Во время долгого, в половину человеческой жизни, лета в этом мире наблюдалось не знавшее границ пиршество жизни. Гигантская луна, цикл которой составлял четыреста дней, поднимала грандиозные приливные волны в глубоких морях планеты. А еще в список чудес входили частые землетрясения, действующие вулканы, бродячие растения, поющие животные... И люди, имевшие собственный язык и строившие города.

В этот удивительный, хотя и не столь уж необычный мир двадцать лет назад прибыл космический корабль (Орри имел в виду двадцать гигантских лет этой планеты — то есть более тысячи двухсот лет по земному летоисчислению). Прибывшие на корабле колонисты, подданные Лиги Всех Миров, посвятили свой труд и свою жизнь незадолго до того открытой планете, удаленной от древних центральных миров Лиги, в надежде в конце концов привести разумных обитателей планеты в Лигу в качестве новых союзников в Грядущей Войне. Такова была политика Лиги в течение многих поколений — со времен прихода предупреждения из-за Скопления Гиад о гигантской волне завоевателей, которая столетие за столетием перемещалась от планеты к планете, неумолимо приближаясь к обширному скоплению из восьмидесяти планет, гордо называвшему себя Лигой Всех Миров. Земля, находившаяся на самом краю ядра Лиги, ближе всех к недавно открытой

планете Верель, снарядила первый корабль с колонистами. Ожидались корабли и с других планет Лиги, однако ни один из них так и не совершил посадку на Верель. Война опередила их.

Единственной нитью, связывавшей колонистов с Землей, с главной планетой Лиги — Давенантом и со всеми остальными мирами Лиги, был ансамбль, средство мгновенной связи, установленный на борту их корабля. По словам Орри, ни один корабль не мог перемещаться быстрее скорости света...

Тут Фальк поправил юношу. В действительности существовали военные корабли, построенные на принципе ансамбля, но они были лишь смертоносными машинами, невероятно дорогими и неспособными перевозить живых существ. Скорость света, с ее эффектом замедления времени для путешественников, ограничивала быстроту перемещения людей как тогда, так и теперь. Поэтому колонисты Вереля оказались абсолютно оторванными от родного мира и все новости получали через ансамбль. Не прошло и пяти лет, как им сообщили, что нагрянул Враг, и сразу же после этого сообщения стали сбивчивыми, противоречивыми, прерывистыми и вскоре вовсе прекратились. Примерно треть из числа колонистов решила преодолеть на корабле гигантскую вековую пропасть, отделявшую их от Земли, чтобы влиться в борьбу своего народа против захватчиков. Остальные же остались на Вереле, обрекая себя на добровольное изгнание. До конца своих дней им так и не суждено было узнать, что случилось с их родной планетой и с Лигой, которой они служили, что представлял из себя Враг и удалось ли ему одолеть Лигу, или же он был разбит наголову. Колонисты остались без корабля и средств связи, в изоляции — маленькое поселение, окруженное любопытными и враждебными аборигенами, которые находились на более низкой стадии развития, но ничем не уступали людям в интеллекте.

Колонисты, а затем и их потомки ждали... но звезды, мерцавшие над их головами, хранили молчание. Больше не было ни кораблей, ни каких-либо известий. Их собственный корабль, очевидно, был уничтожен, а записи об открытии новой планеты утеряны. Все забыли о маленьком желто-оранжевом опале, затерянном среди мириадов звезд.

Колония процветала, разрастаясь все дальше в глубь материка, на живописном побережье которого был основан первый город, названный Альтеррой. Затем, через несколько лет (тут Орри запнулся и поправил себя: «То есть через шестьсот лет по земному летоисчислению. Кажется, это был десятый год с основания Колонии. Я ведь только начал изучать историю, преч Рамаррен, но мой отец и вы любили рассказывать мне о подобных вещах перед путешествием...») колония стала переживать тяжелые времена, резко уменьшилось число рождений, и еще меньше детей выживало.

Здесь Орри снова запнулся, потом наконец сказал:

— Помню, как вы говорили мне тогда, что альтерране не понимали, что с ними происходит. Они полагали, что причиной тому близкородственные браки, но на самом деле это было нечто вроде отбора. Повелители же утверждают, что такого быть не могло, поскольку независимо от того, сколько времени на планете существует колония чужаков, она продолжает оставаться чужеродной. С помощью манипуляций с генами можно получить потомство от браков с коренными жителями, однако оно будет стерильным. Так что я не знаю, что же в точности случилось с альтерранами — я был совсем ребенком, когда вы и отец пытались поведать мне об этом. Помню, как вы говорили об отборе с целью появления... жизнеспособного вида.

В общем, колонисты были на грани вымирания, когда им удалось вступить в союз с одной из туземных народностей — теварцами. Они вместе пережили зиму и, когда пришла весенняя пора размножения, вдруг обнаружили, что теварцы и альтерране могут иметь потомство. Во всяком случае, в достаточном количестве, чтобы основать гибридную расу. Повелители утверждают, что такое невозможно, но я помню: именно так вы рассказывали мне.

— И мы — потомки этой расы?

— Вы являетесь потомком Альтерра Агата, преч Рамаррен, главы колонии землян в течение всей Зимы десятого года! Мы еще в школе узнали об Агате. Ваше имя, преч Рамаррен — Агад из Шарена. У меня нет столь известных предков, но моя прабабушка родом из семьи Эсми из Кьюу. Это все альтерранские имена. Конечно, для демократического общества Земли подобные различия ничего не значат, правда?

Тут на лице Орри опять выступила печать беспокойства, как будто юношу раздирал какой-то неясный внутренний конфликт. Фальк вновь вернул его к полному домислов и догадок рассказу об истории Вереля, такой, какой ее запомнил Орри.

Новое племя теварцов-альтерран расцвело за годы, последовавшие после зловещей Десятой Зимы. Маленькие городки стали разрастаться. На единственном континенте северного полушария установилась культура торгового обмена. В течение нескольких поколений она охватила и примитивные народы южных континентов, где проблема выживания в суровую Зиму утратила былую остроту. Население выросло. Наука и техника развивались все возрастающими темпами, ведомые Книгами Альтерры — корабельной библиотекой, тайны которой становились все более объяснимыми по мере того, как отдаленные потомки колонистов восстанавливали утраченные знания. Поколение за поколением хранило и копировало эти книги, изучая язык, на котором они написаны, — им был, конечно же, галакт. В конце концов исследовали даже луну и планеты системы.

Рост городов и распри между народами контролировала и сглаживала могущественная империя Келшак, раскинувшаяся на древ-

нем северном континенте. На гребне эры мира и могущества Империя построила и отправила в космос корабль, способный двигаться со скоростью света. Этот корабль «Альтерра» покинул Верель через восемнадцать с половиной лет после того, как с Земли прибыл корабль с колонистами, то есть через тысячу двести лет по земному летоисчислению.

Экипаж судна не знал, с чем ему суждено столкнуться на Земле. На Вереле еще не разобрались в принципе работы ансибля, а радиосигналы посылать в космос не осмеливались, чтобы не выдать свое местоположение какому-нибудь враждебному миру, где правил Враг, которого так боялась Лига. Чтобы получить необходимые сведения, туда должны были отправиться живые люди, преодолев непроглядную тьму, отделявшую альтерран от их прародины.

— Сколько времени длилось путешествие?

— Более двух лет по летоисчислению Вереля, возможно, сто тридцать—сто сорок световых лет. Я тогда был совсем еще мальчишкой, преч Рамаррен, и многого не понимал, а о многом мне и не рассказывали...

Фальк не мог взять в толк, почему подобное неведение должно смущать паренька. Лично его в гораздо большей степени ошеломила тот факт, что Орри, которому на вид было лет пятнадцать—шестнадцать, прожил уже около ста пятидесяти лет. А он сам?

— «Альтерра», — продолжал Орри, — отправилась на Землю с космодрома, расположенного вблизи древнего теварского прибрежного города. На борту корабля было девятнадцать мужчин, женщин и детей, большей частью подданных империи Келшак, ведущих свой род от первых колонистов. Взрослых отбирал Совет Империи — с учетом степени подготовленности, способностей, смелости и наличия «арлеш».

— Я не могу подобрать нужного слова на галакте. Арлеш — это арлеш, — бесхитростно улыбнулся юноша. — Рэйл означает... делать правильные вещи, вроде учебы в школе, как река следует своему руслу. Арлеш, как мне кажется, происходит из рэйл.

— Тао? — спросил Фальк, но Орри никогда не слышал о Древнем Каноне Человечества. — Что случилось с кораблем? Что произошло с остальными семнадцатью членами экипажа «Альтерры»?

— У Барьера нас атаковали бунтовщики на межпланетных кораблях. Синги подросли уже после того, как «Альтерра» была уничтожена, а нападавшие скрылись. И спасли меня, захватив один из кораблей бунтовщиков. Они так и не узнали, были ли остальные члены экипажа убиты или же взяты в плен. Синги вели поиски по всей планете, и около года назад до них дошли слухи о человеке, живущем в Восточном Лесу... Похоже, что это мог быть один из нас.

— Что ты помнишь из всего этого — нападение и так далее?

— Ничего. Вы же знаете, как полет со скоростью света воздействует на психику...

— Я знаю, что для тех, кто находится внутри корабля, время как бы останавливается. Но какие при этом возникают ощущения, в книгах не описывается.

— На самом деле я практически ничего не помню. Я был тогда совсем мальчишкой... девяти земных лет. И я не уверен, что кто-либо смог бы сохранить отчетливые воспоминания. Невозможно понять, как... события соотносятся друг с другом. Как будто и слышишь, и видишь, только все не стыкуется. Происходящее теряет всякое значение. Не могу объяснить... Это ужасно, но все происходит словно во сне. А когда происходит переход в обычное пространство — этот переход Повелители и называют Барьером, — пассажиры теряют сознание, если только специально не готовятся к нему. Наш корабль готов не был. Никто не пришел в себя, когда на нас напали — поэтому-то я помню о нападении ничуть не больше, чем вы, преч Рамаррен. Очнулся я уже на борту корабля Сингов.

— Почему тебя, мальчика, взяли в такую опасную экспедицию?

— Мой отец был ее руководителем, мать тоже находилась на корабле. Вы же знаете, преч Рамаррен: когда возвращаешься из такого путешествия, то все родные и близкие уже давно покоятся в могилах. Теперь-то это уже не имеет никакого значения — мои родители погибли или, быть может, с ними поступили точно так же, как с вами. И они даже не узнали бы меня, если бы мы встретились...

— Какова была моя роль в этой экспедиции?

— Вы были нашим навигатором.

Ирония этих слов заставила Фалька поморщиться, но Орри продолжал повествование в своей уважительной, наивной манере:

— Естественно, вы прокладывали курс корабля, определяли его координаты в космосе. Из всех Келшей вы были самым великим «простени» — математиком-астрономом. Вы были «пречно-ва» для всех членов экипажа, кроме моего отца Хара Уэдена. У вас была Восьмая Ступень, преч Рамаррен! Вы... помните что-нибудь об этом?

Фальк покачал головой.

Мальчик вдруг сник, а затем наконец произнес:

— Не могу до конца верить в то, что вы ничего не помните. Разве что, когда вы делаете нечто подобное...

— Качаю головой?

— На Вереле в знак отрицания мыжимаем плечами. Вот так.

Простодушие мальчика было неотразимым. Фальк попытался пожать плечами, и ему показалось, что в этом есть какая-то правильность, привычность, которые способны были убедить его в

том, что жест этот ему давно и прекрасно знаком. Он улыбнулся, и Орри тут же повеселел.

— Вы так похожи на себя прежнего, преч Рамаррен, и вместе с тем совсем другой! Простите меня. Но что же с вами такое сделали, чтобы заставить вас столько забыть?

— Они уничтожили меня. Конечно же, я похож на себя. Я таков, какой я есть. Я — Фальк...

Он спрятал лицо в ладонях.

Ошеломленный Орри молчал. Неподвижный, прохладный воздух комнаты светился подобно иссиня-зеленому драгоценному камню вокруг них; западная стена играла в лучах заходящего солнца.

— Насколько пристально здесь за тобой следят?

— Повелители считают, что мне лучше иметь при себе коммуникатор, особенно когда я улетаю куда-нибудь на авиетке. — Орри притронулся к браслету на левом запястье, напоминавшему обыкновенную золотую цепочку. — Это опасно — оказаться среди туземцев.

— Но ты волен ходить, куда тебе заблагорассудится?

— Да, конечно. Моя комната, преч Рамаррен, точно такая же, как эта, ваша, только расположена по другую сторону каньона.

Орри снова смутился.

— Здесь у нас нет врагов, поймите, преч Рамаррен.

— Нет? Тогда где же они?

— Ну... снаружи, там, откуда вы пришли...

Они уставились друг на друга, чувствуя обоюдное непонимание.

— Ты думаешь, что люди, земляне — наши враги? Ты думаешь, что это они уничтожили мой разум?

— А кто же еще? — прошептал, тяжело дыша, перепуганный Орри.

— Пришельцы... Синги!

— Но никакого Врага не было, — мягко возразил мальчик, словно понимая, насколько его бывший учитель и повелитель невежественен и дик. — Как, впрочем, и Войны.

В комнате раздался приглушенный дребезжащий звук, похожий на удар гонга, и через мгновение бестелесный голос произнес:

— Собирается Совет.

Скользнула в сторону дверь, и в комнату ступила высокая фигура в длинной белой мантии и вычурном черном парике. Брови на лице вошедшего были сбриты и нарисованы высоко на лбу. Лицо, превращенное наложенным гримом в безжизненную маску, было лицом уверенного в себе человека среднего возраста.

Орри пулей выскочил из-за стола и поклонился, прошептав:

— Добро пожаловать, лорд Абандибот!

— Хар Орри, — отозвался мужчина приглушенным до уровня скрипучего шепота голосом, — приветствую тебя, малыш!

Затем он повернулся к Фальку:

— И вас тоже, Агад Рамаррен. Добро пожаловать к нам. Совет Земли собирается, чтобы ответить на ваши вопросы и удовлетворить ваши просьбы. Смотрите...

Он лишь мельком взглянул на Фалька и ни на шаг не приблизился ни к одному из верелиан. Этого человека окружала какая-то странная атмосфера власти, а также полной самодостаточности, поглощенности самим собой. Абандибот держался особняком, недостижимый ни для кого. Все трое на мгновение замерли.

Фальк, проследив за взглядами остальных, увидел, что внутренняя стена комнаты потускнела и преобразилась, превратившись в нечто напоминавшее прозрачный сероватый студень, в котором двигались и трепетали линии и формы. Затем изображение прояснилось, и Фальк затаил дыхание. Возникло лицо Эстрел, только увеличенное раз в десять. Ее глаза смотрели на Фалька с отрешенным спокойствием портрета.

— Я — Стрелла Зиобельбель.

Губы изображения шевелились, но откуда исходил голос, определить было невозможно — холодный отстраненный шепот трепетал в воздухе комнаты.

— Меня послали доставить в Город в целости и сохранности участника экспедиции с планеты Верель, проживавшего, по слухам, на востоке Континента Номер Один. Я думаю, это именно тот человек, который нам нужен.

Ее лицо растворилось. Его сменило изображение лица Фалька.

Бестелесный шипящий голос спросил:

— Узнает ли Хар Орри этого человека?

Как только юноша заговорил, на экране появилось его лицо.

— Это Агад Рамаррен, Повелители, навигатор «Альтерры».

Лицо мальчика поблекло, и мерцавший экран опустел. Шепот множества голосов зашелестел в воздухе, будто совещались между собой духи, разговаривавшие на неизвестном языке. Значит, Синги во время заседания Совета сидели каждый в своей комнате, в окружении одних лишь шепчущих голосов.

Пока шла вся эта абракадабра вопросов и ответов, Фальк шепнул Орри:

— Ты знаешь этот язык?

— Нет, преч Рамаррен. Со мной они всегда говорят только на галакте.

— Почему они общаются таким способом, а не лицом к лицу?

— Их слишком много. Лорд Абандибот говорил мне, что на Совете Земли присутствуют тысячи и тысячи Сингов. Они рассеяны по всей планете, хотя Эс Тох является единственным городом.

Жужжание бесплотных голосов стихло, и на экране появилось новое лицо — лицо мужчины с мертвенно бледной кожей, черными волосами и блеклыми глазами.

— Кен Кениек, — шепнул Орри.

Мужчина заговорил:

— Агад Рамаррен, мы собрались на этот Совет для того, чтобы вы могли завершить свою миссию на Земле и, если пожелаете, вернуться затем на свою родную планету. Сейчас лорд Пелле Абандибот передаст вам мысленное послание.

Стена тут же погасла, вновь обретя полупрозрачный зеленоватый оттенок. Высокий человек в дальнем конце комнаты пристально посмотрел на Фалька. Губы его не шевелились, но Фальк слышал его речь, не приглушенную, а четкую и необычайно отчетливую. С трудом верилось, что это мыслеречь, и в то же время это не могло быть ничем иным. Лишенная характерных особенностей и тембра, освобожденная от всего наносного, она была абсолютно понятной и простой. Один разум напрямую обращался к другому.

— Мы пользуемся мыслеречью, чтобы донести до вас правду и только правду, поскольку ни мы, называющие себя Сингами, ни какие-либо другие люди не в силах исказить или утаить истину при мыслеречи. Ложь, которую люди приписывают нам, сама по себе является ложью. Но если вы предпочитаете говорить вслух, то так и поступайте, тогда и мы последуем вашему примеру.

— Я не владею искусством мыслеречи, — громко произнес Фальк после некоторой паузы.

Его живой голос резанул по ушам после этого яркого, бессловесного контакта разумов.

— Хотя слышу вас достаточно хорошо. И не прошу у вас правды. Кто я такой, чтобы требовать истину? Но мне хотелось бы узнать то, что вы считаете необходимым сообщить.

Юный Орри выглядел потрясенным. На лице Абандибота не отразилось абсолютно никаких эмоций. Очевидно, он был настроен одновременно на мозг как Фалька, так и мальчика, что само по себе являлось редчайшим достижением, насколько мог судить Фальк, поскольку Орри вслушивался в телепатическую речь с явным напряжением.

— Люди стерли содержимое вашего мозга и научили вас тому, что они пожелали... тому, во что сами хотят верить. Поэтому вы и не доверяете нам. Именно этого мы и боялись. Спрашивайте нас о чем хотите, Агад Рамаррен с Вереля. Мы будем говорить только правду.

— Как долго я нахожусь здесь, в Эс Тохе?

— Шесть дней.

— Почему меня сперва накачали наркотиками и пытались одурачить?

— Мы пытались восстановить вашу память, однако нам не удалось этого сделать.

«Не верь ему, не верь ему!» — убеждал себя Фальк с такой неистовостью, что Синг, обладай он хоть зачатками дара эмпатии, без всяких сомнений вполне отчетливо воспринял бы эту мысль. Но это не имело никакого значения. Игру надлежало сыграть так, как того хотят Повелители, несмотря на то что они устанавливали ее правила и были весьма сведущи в подобных играх. Неведенье Фалька не играло никакой роли. Его главным козырем была честность. Он все поставил на одну старую истину — нельзя надуть честного человека. Правда, если довести игру до конца, приведет только к правде.

— Объясните мне, почему я должен вам доверять?

Зазвучала мыслеречь, ясная и отчетливая, словно сыгранная на электронном синтезаторе мелодия, в то время как ее передатчики, Абандибот, а также Фальк и Орри стояли неподвижно, будто фигуры на шахматной доске.

— Мы — те, кого вы зовете Сингами, — являемся людьми. Мы — земляне. Мы родились на Земле от обычных людей, так же как и ваш предок Джекоб Агат, житель Первой Колонии на Вереле. Люди научили вас тому, что, по их мнению, являлось историей Земли тех двенадцати веков, которые прошли со времен основания Колонии на Вереле. Теперь мы — тоже люди — научим вас тому, что известно нам.

Не было никакого Врага, что обрушился с далеких звезд на Лигу Всех Миров. Лигу уничтожили революция, гражданская война, собственная коррупция, милитаризм, деспотизм. По всем планетам Лиги прокатились волны переворотов. С Главного Мира были посланы карательные экспедиции, превращавшие поверхность восставших планет в расплавленный песок. Навстречу неизвестности в космос больше не отправлялись межзвездные корабли; он кишел кораблями-снарядами, разрушителями миров. Земля не подверглась полному уничтожению, хотя погибла половина ее населения вместе со всеми городами, кораблями и ансиблями, архивами и культурой. Все это произошло за два ужасных года гражданской войны между Повстанцами и Сторонниками Лиги, причем обе стороны были вооружены невообразимо мощным оружием, разработанным Лигой для борьбы с враждебными пришельцами.

Некоторые отчаявшиеся земляне, на какой-то миг одержавшие верх в борьбе, но знавшие, что скорый контрпереворот и разруха неизбежны, применили новое оружие. Они стали лгать. Они сами придумали себе имя, выдумали новый язык и невнятные предания о далекой планете-прародине, с которой якобы явились сюда. Затем они распространили по всей Земле слух — как среди собственных приверженцев, так и среди Сторонников

Лиги, — будто с далеких звезд пришел Враг. Именно он развязал гражданскую войну, проник во все эшелоны власти, развалил Лигу и захватил власть на Земле. Теперь Враг собирался покончить с войной. А добился он всего этого с помощью невиданной, жуткой, присущей только ему одному способности — лгать в мыслеречи.

Люди поверили в эти сказки. Они были созвучны их панике, их отчаянию, их усталости. Мир вокруг лежал в руинах, и они покорились Врагу, который, как им хотелось верить, имел над ними сверхъестественную власть и потому был несокрушим. Они проглотили эту наживку ради установления мира.

С тех пор они и живут в мире. Мы, обитатели Эс Тоха, рассказываем миф: мол, в начале всех начал Создатель произнес Великую Ложь. Тогда не существовало абсолютно ничего, но Создатель сказал: «Она существует!», и вот, для того чтобы эта божественная ложь могла стать божественной истиной, тут же начала свое существование наша Вселенная.

Если мир среди людей зависит от лжи, найдутся те, кто пожелает подкрепить эту ложь. Поскольку люди упорно верили в то, что явился Враг и овладел Землей, мы сами назвали себя Врагом и стали править. Никто не пришел, чтобы оспорить нашу ложь или нарушить установившийся мир; планеты Лиги разобщены, век межзвездных перелетов миновал. Возможно, раз в столетие какой-нибудь корабль с далекой планеты, вроде вашего, и забредает сюда. Но противники нашего правления, вроде тех, что напали на ваш корабль у Барьера, по-прежнему существуют. Мы пытаемся взять их под свой контроль, поскольку, правы мы или нет, но вот уже больше тысячелетия мы несли и продолжаем нести бремя мира между людьми. За то, что мы сказали Великую Ложь, мы обречены теперь поддерживать Великий Закон. Вам известен этот Закон, который мы — люди среди людей — навязываем каждому индивидууму: единственный Закон, которому мы научились в самую ужасную для человечества годину.

Ослепительно яркая мыслеречь прекратилась; впечатление было такое, словно в комнате неожиданно погас свет. В наступившей подобно тьме тишине юный Орри прошептал вслух:

— Почтение перед Жизнью!

Вновь наступила тишина. Фальк стоял неподвижно, стараясь ни выражением лица, ни даже мыслями, которые могли быть подслушаны, не выдать охватившие его смятение и нерешительность. Неужели все, что он знал раньше, не соответствует истине? Неужели у человечества действительно не было Врага?

— Но если эта история правдива, — наконец вымолвил он, — почему вы не поведаете об этом и не докажете свою правоту людям?

— Мы — люди, — пришел телепатический ответ. — Многие тысячи знают эту горькую правду. Мы — те, кто обладает властью и знаниями и пользуется ими во имя мира. Наступили темные века, и сейчас длится один из них, один из многих, когда люди считали, что миром правят демоны. Мы играем роль демонов в их мифологии. Когда вместо мифов они начнут пользоваться логикой и разумом, мы придем им на помощь. Тогда-то они и узнают правду.

— А зачем вы рассказали обо всем этом мне?

— Ради истины как таковой и ради вас самих.

— Кто я такой, чтобы заслужить такую честь? — холодно повторил Фальк, всматриваясь через пространство комнаты в похожее на маску лицо Абандибота.

— Вы — посланец затерянной в космосе планеты, колонии, все записи о которой были утеряны в эпоху Смуты. Вы прибыли на Землю, и мы, Повелители Земли, не смогли оградить вас от опасности. В этом наш позор и наша горе. Именно люди Земли напали на вас, перебив или подвергнув лоботомии весь ваш экипаж, — люди Земли, планеты, на которую вы вернулись спустя много столетий. Ими оказались повстанцы с Континента Номер Три, более развитого и густо населенного по сравнению с данным Континентом Номер Один. Повстанцы используют украденные межпланетные корабли; они считают, что корабли, приходящие с околосветовой скоростью, могут принадлежать только «Сингам», и нападают на них без предупреждения. Будь мы более бдительны, это можно было бы предотвратить. Мы готовы возместить вам ущерб любым доступным нам образом.

— Они искали вас и остальных все эти годы, — вмешался в разговор Орри. В голосе юноши читались искренность и нотка мольбы; очевидно, ему очень хотелось, чтобы Фальк поверил данной истории, принял ее и... сделал что?

— Вы пытались восстановить мою память? — спросил Фальк. — Зачем?

— А разве не за этим вы пришли сюда, разве не за своей утерянной личностью?

— Да, это так, но я...

Фальк даже не знал, какие вопросы ему следует задать; он никак не мог решить: верить или не верить в то, о чем только что поведали Синги. У него не было критериев, опираясь на которые он мог бы вынести свое суждение. Едва ли Зоув и все остальные лгали ему в глаза, но нельзя было исключать возможность, что их самих обманули, или они просто пребывали в неведении.

И все же инстинктивно Фальк с недоверием относился ко всему тому, в чем его только что уверял Абандибот.

С другой стороны, тот объяснялся посредством вполне отчетливой и недвусмысленной мыслеречи, где ложь невозможна... Или все же возможна? Если лжец утверждает, будто он не лжет...

Оторвавшись от всех этих мыслей, Фальк еще раз взглянул на Абандибота и сказал:

— Пожалуйста, больше не пользуйтесь мыслеречью. Я... я хотел бы слышать ваш голос. Итак, вы обнаружили, что не в силах восстановить мою память?

После плавности мыслеречи шепот Абандибота показался сбивчивым и скрипучим:

— По крайней мере теми средствами, которыми мы пользовались.

— А другими средствами?

— Не исключено. Мы считали, что в вашем мозгу установлена парагипнотическая блокировка, но выяснилось, что содержимое вашего мозга было просто стерто. Нам неизвестно, как повстанцы смогли узнать технику этого процесса, которую мы держим в стражайшей тайне. Но еще большей тайной является то, что даже стертый мозг можно восстановить.

На суровом, похожем на маску лице Синга на миг появилась улыбка и тут же исчезла без следа.

— Да, с помощью психокомпьютерной техники мы способны восстановить ваш прежний разум. Однако это связано с безвозвратной полной блокировкой замещающей личности. Поскольку таковая имеется, мы не сочли возможным продолжать работу без вашего согласия.

Замещающая личность... Что, собственно, значили эти обтекаемые слова?

Фальк почувствовал, как по его телу пробежали мурашки. Он осторожно спросил:

— То есть для того, чтобы вспомнить, кем я был когда-то, я должен... забыть, кем я являюсь сейчас?

— К несчастью, именно так обстоят дела. Конечно, потеря новой личности, которой лишь несколько лет от роду, заслуживает всяческого сожаления, но, вероятно, это не слишком высокая плата за восстановление прежнего, вне всяких сомнений, недюжинного разума, а также за реальную возможность завершить великую космическую миссию и возвратиться на родную планету обогащенным знаниями, ради которых вы и отправились в путь.

Несмотря на свой хриплый, странно звучащий шепот, Абандибот и в обычной речи был столь же красноречив, как и в мысленной. Его слова текли нескончаемым потоком, и Фальк уловил, если уловил, их смысл только с третьей-четвертой попытки...

— Возможность... завершить?.. — повторил он, чувствуя себя полным идиотом и глядя на Орри, словно в поисках поддержки с

его стороны. — Вы имеете в виду, что могли бы послать меня — нас — назад на... ту планету, с которой, как вы полагаете, я прибыл сюда?

— Мы почли бы за честь предоставить вам в качестве частичного возмещения нанесенного ущерба околосветовой корабль для обратного путешествия на Верель.

— Мой дом — Земля! — с неожиданной яростью воскликнул Фальк.

Абандибот промолчал. Через минуту заговорил Орри.

— А мой — Верель, преч Рамаррен, — жалобно произнес мальчик. — И я никогда не смогу вернуться туда без вас.

— Почему?

— Я не знаю, где он расположен. Я был ребенком, когда уничтожили наш корабль со всеми его навигационными компьютерами. Я не в состоянии рассчитать курс!

— Но у этих людей есть околосветовые корабли и навигационные компьютеры! Тебе нужно лишь знать, вокруг какой звезды вращается Верель, и дело с концом!

— Как раз этого я и не знаю, преч Рамаррен.

— Что за чепуха... — заговорил было Фальк. Его недоверчивость начала перерастать в гнев.

Абандибот поднял руку.

— Пусть мальчик все объяснит, Агад Рамаррен, — прошептал он.

— Объяснит, почему он не знает названия солнца своей родной планеты?

— Это правда, преч Рамаррен, — дрожащим голосом произнес Орри. Его лицо залила краска. — Если... если бы вы были самим собою, вы не задали бы такого вопроса. На девятом лунокруте дальше Первой Ступени не продвнешься. Ступени... Да, наша цивилизация, полагая, очень сильно отличается от земной. Теперь я вижу — в свете того, что Повелители пытаются здесь делать, и в свете демократических идеалов Земли, — что данная система во многом является крайне отсталой. Но тем не менее у нас существуют Ступени, которые не зависят от ранга и происхождения и являются базисом Фундаментальной Гармонии... Я находился на Первой Ступени, а у вас, преч Рамаррен, была Восьмая. И для каждой Ступени имеются... вещи, которым вас не будут учить, о которых вам не должны и не будут рассказывать, которые вы не в силах понять, пока полностью не взойдете на эту Ступень. И, насколько мне известно, Истинное Имя Планеты или ее Светила можно узнать не раньше, чем на Седьмой Ступени... до того они просто мир — Верель, и солнце — прахан. Истинные Имена — древние названия — приведены в восьмом томе Книг Альтерры, книг Колонии. Эти названия написаны на галакте и потому могут значить что-то для живущих на Земле Повелителей. Но я не в состоянии перечислить их, так как они мне неизвестны; я называю их просто «солнце» и «планета». Мне

не попасть домой до тех пор, пока вы не вспомните то, что некогда знали! Какое солнце? Какая планета? О, вы должны разрешить им, преч Рамаррен, вернуть вам память! Неужели вы не видите?

— Смутно, — ответил Фальк, — как сквозь тусклое стекло.

И когда прозвучали эти слова из Канона Яхве, Фальк вдруг отчетливо представил себе сиявшее над Поляной солнце. Он словно вновь стоял на продуваемом ветрами, утонувшем в ветвях деревьев балконе Лесного Дома. И понял, что не за своим именем пришел он в Эс Тох, но за именем солнца, за подлинным названием светила родной планеты.

Глава 8

Странное заседание невидимого Совета Повелителей Земли завершилось. Уходя, Абандибот сказал:

— Выбор за вами, Агад Рамаррен. Вы можете остаться Фальком, нашим гостем на Земле, или вступить во владение памятью и выполнить свое предназначение в качестве Агада Рамаррена с Вереля. Мы хотим, чтобы вы сделали свой выбор сознательно и тогда, когда сами сочтете нужным. Мы ожидаем вашего разрешения и будем терпеливы.

Затем, обернувшись к Орри, он добавил:

— Сделай так, чтобы твой соплеменник чувствовал себя в городе как дома, Хар Орри, и давай нам знать о всех своих и его пожеланиях.

Дверь отъехала в сторону перед Абандиботом, и тот вышел из комнаты. Высокая величественная фигура исчезла из виду так стремительно, словно ее сдуло ветром. Находился ли Абандибот здесь на самом деле, во плоти, или это была своего рода проекция? Фальк не мог бы ответить однозначно. Да и видел ли он хоть раз живого Синга или сталкивался лишь с тенями и движущимися образами?

— Мы можем где-нибудь прогуляться... на воздухе? — резко спросил Фальк у мальчика, устав от бесплотных и вычурных способов общения и стен этого дома, одновременно интересуясь, насколько далеко простирается их свобода.

— Где уютно, преч Рамаррен. Мы можем пройти по улице... или возьмем слайдер? Или пойдем в дворцовый сад.

— В сад.

Орри повел его вниз по огромному радужному коридору через тамбур-шлюз в какую-то небольшую комнатку.

— Сад, — громко произнес мальчик, и двери плавно закрылись.

Движения не чувствовалось, но, когда двери открылись, люди вышли прямо в сад. Вряд ли он находился снаружи дворца: через полупрозрачные стены далеко внизу мерцали огни города. Полная луна призрачно сияла сквозь стеклянный потолок. Сад был полон бликов приглушенного света и теней, повсюду росли тропические кустарники и лианы, вившиеся вокруг шпалер и свисавшие с беседок, гирлянды кремовых и багряных цветов наполняли полный испарений воздух сладкими ароматами, густые листья не позволяли видеть дальше чем на несколько футов.

Фальк резко обернулся, чтобы удостовериться, не перекрыта ли позади него дорога к выходу. Знойная, душливая, полная запахов тишина казалась сверхъестественной. Ему на миг почудилось, что обманчивые тени этого сада хранят воспоминания о какой-то невообразимо далекой, ныне утраченной планете, чуждой всему земному, мире запахов и иллюзий, болот и неожиданных превращений...

На тропинке меж застилавших обзор цветов Орри остановился, взял из висевшей на столбе корзины маленькую белую трубочку и, сунув ее кончик себе в рот, принялся жадно сосать. Фальку доставало других впечатлений, и он не обратил бы на действия Орри особого внимания, но юноша, как бы слегка смутившись, сам начал объяснять:

— Это парифа, транквилизатор... Все Повелители прибегают к нему. Он стимулирует работу мозга. Может, хотите...

— Нет, спасибо. Мне вот что интересно...

Фальк ненадолго задумался. Просящиеся на язык вопросы не стоило задавать напрямую. Все время, пока шел «Совет» и Абандибот давал объяснения, Фалька не покидало странное, сбивавшее с толку ощущение, что все это было представлением... «пьесой», подобной той, которую он видел на древних магнитных лентах в библиотеке Владыки Канзаса: старый безумный король Лир рыщет в бурю по вересковым зарослям. Но самое забавное, что у Фалька к тому же возникло смутное ощущение, что эта пьеса разыгрывалась не столько для него, сколько для Орри. Он не слишком понимал подоплеку дела, но у него вновь и вновь возникало ощущение, что все слова, обращенные к нему, были на самом деле призваны доказать что-то мальчику.

И мальчик верил в реальность происходящего. Для него это не было пьесой. Или же он сам был актером и участвовал в постановке.

— Меня смущает вот что, — осторожно начал Фальк. — По твоим словам, Верель находится на расстоянии ста тридцати—ста сорока световых лет от Земли. Именно на таком расстоянии вряд ли так уж много звезд.

— Повелители говорят, что на расстоянии ста пятнадцати—ста пятидесяти световых лет есть всего четыре звезды с планетами, среди которых может оказаться и наша. Но они расположены в четырех различных направлениях, и если Синги пошлют корабль

на поиски нашей родины, то на облет всех четырех звезд уйдет около тысячи трехсот лет реального времени.

— Хотя ты был всего лишь ребенком, все же, пожалуй, странно, что ты не помнишь, сколько времени требовалось на путешествие и сколько лет тебе должно было исполниться по возвращении домой.

— Речь шла о «двух годах», преч Рамаррен, то есть, грубо говоря, о ста двадцати земных годах... но мне казалось ясным, что это примерная цифра и что мне не следует уточнять.

На какой-то момент, возвратившись мыслями опять на Верель, мальчик вдруг заговорил с трезвой рассудительностью, какой он раньше не выделялся.

— Полагаю, — сказал он, — не зная, кого или что они обнаружат на Земле, взрослые члены экспедиции хотели быть уверенными в том, что мы, дети, незнакомые с техникой блокирования мозга, не в состоянии выдать местонахождения Вереля противнику. Для нас самих было безопаснее оставаться в полном неведении.

— А ты помнишь, как выглядит звездное небо Вереля, какие там созвездия?

Орри пожал плечами в знак отрицания и улыбнулся:

— Повелители тоже спрашивали меня об этом. Я был зимне-рожденным, преч Рамаррен. Весна только началась, когда мы покинули Верель. Мне нечасто приходилось видеть безоблачное небо.

Судя по всему, и впрямь только он — точнее, его подавленная личность, Рамаррен — мог бы сказать, откуда прилетела экспедиция. Объясняло ли это главную загадку — тот интерес, который Синги проявляли к нему, причину, по которой он был доставлен сюда под присмотром Эстрел, их предложение восстановить его память?

Итак, существовала планета, которая не находилась под их контролем; на ней вновь открыли околосветовой полет. Синги хотят узнать ее местонахождение. Если они восстановят его память, он сможет поведать им об этом. Если только память восстановить удастся. И если хоть что-то из того, что они наговорили, являлось правдой.

Фальк вздохнул. Он устал от этой круговерти подозрений, от изобилия иллюзорных чудес. Иногда даже мелькала мысль, а не находится ли он до сих пор под воздействием какого-нибудь наркотика. Фальк чувствовал, что не в состоянии судить о том, как следует поступить. Он и, вероятно, этот мальчик были игрушками в руках страшных, ни во что не веривших игроков.

— Человек по имени Абандибот... он тогда находился в комнате, или это была какая-то проекция, иллюзия?

— Я не знаю, преч Рамаррен, — ответил Орри.

Вещество, которым мальчик надышался из трубки, казалось, подбодрило и успокоило его. Всегда отличавшийся некоторой инфантильностью, сейчас он говорил с веселой непринужденностью.

— Думаю, что Абандибот все же был там. Но они никогда не приближаются ко мне. Честно говоря, за все то время, которое я провел здесь, за все шесть лет я ни к кому из этих людей еще ни разу не прикоснулся. Они стараются держаться особняком, всегда поодиночке. Нет, я вовсе не желаю сказать, что они плохо ко мне относятся, — поспешно добавил Орри, чтобы у Фалька не сложилось превратное впечатление о Повелителях. — Они добрые. Я очень люблю и лорда Абандибота, и Кен Кениека, и Парлу. Но они так далеки... всегда далеки от меня. Они несут слишком тяжелое бремя: сохраняют знания и поддерживают мир. Они выполняют множество других обязанностей и делают это в течение вот уже тысячи лет, тогда как остальные люди Земли не несут никакой ответственности и ведут жизнь диких зверей на воле. Их соплеменники — люди ненавидят Повелителей и не хотят знать правду, которую им предлагают. Вот Повелителям и приходится всегда держаться порознь, оставаться одинокими — ради сохранения мира. Ведь если бы их не было, умения и знания были бы утрачены в течение нескольких лет воинственными племенами: всякими там Домами, Странниками и рышущими по планете людоедами.

— Далеко не все они людоеды, — сухо заметил Фальк.

Казалось, что Орри уже выложил весь заученный урок.

— Да, — согласился юноша. — Возможно, и не все.

— По мнению «дикарей», они пали так низко именно потому, что Синги не дают им поднять головы. Что, если они попытаются искать новые знания, Синги воспрепятствуют им, а если они попытаются построить свой собственный город, то Синги уничтожат его вместе со всем населением.

Наступила пауза. Орри закончил обсасывать трубочку с парифой и аккуратно зарыл ее среди корней кустарника с вытянутыми висячими кроваво-красными цветами. Фальк терпеливо ждал ответа мальчика и только спустя некоторое время понял, что ответа не будет. Его слова просто не дошли до сознания Орри, поскольку не несли для него никакого смысла.

Они продолжали молча идти в глубь сада.

— Ты знаешь ту, чье изображение появилось вначале? — спросил Фальк.

— Стреллу Зиобельбель? — с готовностью отозвался Орри. — Да, я видел ее и раньше на заседаниях Совета.

— Она из Сингов?

— Нет. Она не принадлежит к Повелителям. Я думаю, что она из горцев, просто была воспитана в Эс Тохе. Многие люди приводят или присылают сюда своих детей, чтобы их воспитывали для службы у Повелителей. А детей с недоразвитым умом приводят

сюда и подключают к психокомпьютерам для того, чтобы даже они могли внести свой посильный вклад в великое дело. Именно их невежественные люди называют «людьми-орудиями». Ты пришел сюда со Стреллой Зиобельбель, преч Рамаррен?

— Да, и кроме того, я странствовал с ней, делился с ней пищей и спал с ней. Она называла себя Эстрел, Страницей.

— Тогда вы сами должны были догадаться, что она не Синг! — вырвалось у мальчика. Он тут же покраснел, замолчал и, вытащив еще одну белую трубочку, принялся ее сосать.

— Будь Эстрел Сингом, она не стала бы спать со мной? — настойчиво поинтересовался Фальк.

Мальчик, все еще красный от смущения, пожал плечами, выразив отрицание на верелианский манер. Затем наркотик все же придал ему смелости, и Орри произнес:

— Они не вступают в физический контакт с обычными людьми, преч Рамаррен. Они словно боги — холодные, добрые и умные... всегда держатся особняком...

Речь мальчика была сбивчивой, многословной, по-детски наивной. Осознавал ли Орри свое одиночество в этом чуждом ему мире, где он прожил детство и вступил в годы отрочества среди людей, которые всегда держались отстраненно, которые никогда не прикасались к нему, которые пичкали его словами, но настолько оторвали от реальности, что уже в пятнадцать лет он стал искать удовлетворения в наркотиках?

Орри определенно не осознавал своей изоляции как таковой. Казалось, он не имел сколь-либо четких представлений о многих вещах. Однако порой в его глазах читалась такая тоска... У мальчика был взгляд человека, погибавшего от жажды в солончаках, перед которым вдруг возник мираж.

Фальку хотелось еще о многом расспросить его, но от подобных расспросов толку было мало. Преисполненный жалости, Фальк положил руку на худенькое плечо Орри. Мальчик вздрогнул от прикосновения, застенчиво улыбнулся и вновь принялся сосать наркотик.

Позже, вернувшись в свою комнату, обставленную со всей возможной роскошью для его удобства — или с целью произвести впечатление на Орри? — Фальк долго шагал взад-вперед, как волк в клетке, пока наконец не улегся спать. Ему снился дом, похожий на Лесной Дом, только населенный людьми с глазами цвета янтаря и агата. Фальк старался убедить местных обитателей, что он — их соплеменник, но они не понимали его языка и как-то странно смотрели на него, пока он, запинаясь, искал нужные слова, слова истины, слова правды... истинное имя.

Когда он проснулся, ожидавшие люди-орудия были готовы исполнить любое его желание. Фальк отпустил их и сам вышел в коридор. По дороге ему никто не встретился. Длинные, подернутые дымкой коридоры казались совершенно пустынными, как и

комнаты с полупрозрачными стенами без каких-либо признаков дверей. Однако его ни на секунду не покидало чувство, что за ним наблюдают, отслеживают каждое движение.

Когда Фальк вернулся к себе в комнату, там уже поджидал Орри, который горел желанием показать ему город. Весь день напролет они колесили по городу, пешком или на слайдере, по улицам и висячим садам, по мостам, дворцам и общественным зданиям Эс Тоха. Орри был щедро снабжен полосками иридия, служившими здесь деньгами, и когда Фальк заметил, что ему не нравится вычурная одежда, в которую его облачили хозяева дворца, то Орри настоял, чтобы они зашли в лавку торговца одеждой и там купили все необходимое.

Фальк стоял среди стеллажей и прилавков с пышными одеяниями, тканными и пластифицированными, сиявшими яркими цветными узорами. Он вспомнил о Парт, которая ткала на своей маленькой прялке белых журавлей на сером фоне.

— Я сотку черную одежду, — сказала девушка в момент прощания, — и буду ходить в ней.

Вспомнив об этом, Фальк предпочел всей радуге материй и накидок простые черные штаны, темную рубашку и короткую черную куртку из теплой ткани.

— Эта одежда немного напоминает мне ту, что носят у нас дома, на Вереле, — сказал Орри, с легким недоумением взирая на свое собственное огненно-красное одеяние. — Только у нас там не было зимней одежды из такой ткани. О, сколько мы могли бы взять с собой на Верель, о скольком рассказать и сколькому научить, если бы сумели отправиться туда!

Они зашли в столовую, выстроенную на прозрачном уступе прямо над ущельем. По мере того как холодный ясный вечер высокогорья наполнял темнотой бездну под ними, дома, выраставшие из склонов ущелья, начали переливаться всеми цветами радуги, а улицы и висячие мосты засверкали огнями. Пока Фальк с Орри ели остро приправленную пищу, они как бы плавали в волнах окутывавшей их тихой музыки и наблюдали за многочисленными обитателями города.

Некоторые из людей, передвигавшихся по улицам Эс Тоха, были одеты бедно, некоторые — роскошно. Многие носили безвкусно эпатажную одежду лиц противоположного пола, и это смутно напоминало Фальку одежду Эстрел. Среди жителей Эс Тоха были люди различных рас, причем некоторые из них Фальку никогда раньше не встречались. Один из типов людей отличался очень белой кожей, голубыми глазами и волосами цвета соломы. Орри объяснил, что это представители племени, живущего на Континенте Номер Два, чья культура поощрялась Сингами — те даже привозили сюда их вождей и молодых людей на авиетках, дабы показать Эс Тох и научить его законам.

— Как видите, преч Рамаррен, неправда, что Повелители отказываются учить туземцев. Как раз напротив, это туземцы отказываются учиться. Вот с этими белыми людьми Повелители щедро делятся своими знаниями.

— От чего же им пришлось отказаться, что им пришлось забыть ради такой награды? — спросил Фальк, но Орри не уловил подоплеку вопроса.

Мальчик практически ничего не мог рассказать о так называемых туземцах, о том, как они живут и какими знаниями обладают. К владельцам лавок и официанткам он был снисходителен, но вел себя приветливо, как человек, общающийся с домашними животными. Это высокомерие Орри скорее всего привез с Вереля; судя по его описаниям, общество Империи Келшак имело иерархическое устройство, где каждый четко знал свое место, но кто устанавливал ступени или уровни, какие именно достоинства лежали в основе данного деления, Фальк так и не смог понять. Похоже, ранг человека зависел не только от его происхождения, однако детских воспоминаний Орри не хватало для составления четкой и цельной картины. Кроме того, Фальку не слишком нравилось, каким тоном Орри произносил слово «туземцы», и он, не выдержав, спросил с оттенком иронии:

— Откуда тебе известно, кому следует кланяться и кто должен кланяться тебе? Я не в состоянии отличить Повелителей от туземцев. Да Повелители и есть туземцы... разве не так?

— О да. Туземцы называют себя так сами, потому что они упорствуют в своих представлениях о Повелителях, как о завоевателях-пришельцах. Я сам не всегда способен их различать.

Мальчик улыбнулся искренней, обезоруживающей улыбкой.

— Большинство людей на улицах — Синги?

— Думаю, да. Хотя, разумеется, я знаю в лицо лишь некоторых.

— Не понимаю, что удерживает Повелителей, Сингов, от контактов с туземцами, если и те и другие — земляне?

— Ну, знания, власть... Ведь Повелители уже правят Землей дольше, чем ачиновало — Келши.

— Но почему они держатся обособленной кастой? Ты как-то сказал, что Повелители верят в идеалы демократии.

Это было некое древнее слово, которое он услышал из уст Орри. Фальк не был уверен, что до конца понимает его значение, хотя знал, что оно имеет какое-то отношение к участию общественности в управлении государством.

— Да, конечно, преч Рамаррен. Совет правит демократически, для всеобщего блага, здесь нет ни королей, ни диктаторов. Может быть, сходим в парифа-холл? Если вам не по душе парифа, там есть другие стимулирующие средства, а также танцовщицы и мастера игры на теамбе...

— Тебе нравится музыка?

— Нет, — чистосердечно признался мальчик слегка извиняющимся тоном. — Она вызывает у меня желание плакать или кричать. Конечно, на Вереле тоже поют, но только маленькие дети и животные. То, что здесь поют взрослые люди, кажется мне... неправильным. Однако Повелители поощряют туземное искусство. А танцы... иногда они очень красивы.

— Нет, в парифа-холл не пойдем. — Фальк становился все более неугомонным. Ему не терпелось во всем поскорее разобраться. — У меня есть вопрос к тому, кого зовут Абандибот, если он пожелает с нами встретиться.

— Пожалуйста. Абандибот был моим учителем в течение долгого времени. Я могу связаться с ним с помощью вот этого.

Орри приблизил к губам золотой браслет, охватывавший его запястье. Пока мальчик что-то бормотал в него, Фальк тихо сидел, вспоминая, как Эстрел шептала слова молитвы в свой амулет, и удивлялся собственной редкостной тупости. Любой дурак мог бы догадаться, что это передатчик; любой дурак, кроме него самого...

— Лорд Абандибот говорит, что готов принять нас в любое время. Он в Восточном Дворце, — объявил Орри, и они покинули столовую. По пути мальчик швырнул полоску денег кланявшемуся официанту, увидевшему, что гости уходят.

Весенние грозовые тучи скрыли звезды и луну, но улицы были залиты светом. Фальк шел с тяжелым сердцем. Несмотря на все свои страхи, он страстно желал увидеть город, «элонае», Людскую Обитель; но тот лишь тревожил и выматывал его. И не толпы людей беспокоили его, хотя он никогда на своей памяти не видел больше десятка домов и сотни людей зараз; не реалии города выбивали его из колеи, а нереальность. Это место отнюдь не было Людской Обителью. В Эс Тохе не ощущалось дыхания истории, преемственности поколений, хотя отсюда уже в течение тысячелетия правили миром. Здесь не было ни библиотек, ни школ, ни музеев, искать глазами которые заставляли его телевизионные ленты, хранившиеся в доме Зоува; здесь не было памятников и каких-либо иных напоминаний о Великой Эре Человечества, не наблюдалось круговорота знаний и товаров. Ходящие в обращении деньги были просто подачкой Сингов, поскольку не существовало экономики, способной вдохнуть в них жизненную силу. Хотя утверждалось, что на Земле живет множество Повелителей, они основали почему-то только один город, оторванный от остального мира — подобно самой Земле, которая держалась в стороне от других планет, что некогда образовывали Лигу.

Эс Тох был замкнутым на себя, самодостаточным городом без истории. Все его великолепие, мелькание огней, машин и лиц, мельтешение чужаков, роскошь улиц и зданий — все располагалось над глубокой трещиной в земле, над пустотой. Это была Обитель Лжи. И тем не менее город был великолепен. Он напоминал

гигантский бриллиант, упавший с неба на дикие просторы Земли: гордый, чуждый и вечный.

Слайдер перенес их через изящную арку моста без перил к ярко освещенной башне. Далеко внизу во тьме бежала невидимая река. Горы скрылись за грозowymi облаками и в сиянии города. Слуги, встречавшие у входа в башню, провели Фалька и Орри к лифту, а затем и в комнату, стены которой, как всегда полупрозрачные и глухие, были словно сделаны из голубоватого искрящегося тумана. Гостей попросили присесть и поднесли высокие серебряные кубки. Фальк осторожно отхлебнул и с удивлением узнал тот самый пахнувший можжевельником напиток, что ему некогда предложили во Владении Канзас. Он знал, насколько тот крепок, и не выпил больше ни капли. Орри же с наслаждением осушил свой кубок.

Вошел Абандибот — высокий, в белой мантии. С похожим на маску лицом, он едва заметным жестом отпустил слуг и встал на некотором отдалении от Фалька и Орри. Слуги оставили третий кубок на маленьком столике. Абандибот поднял его, как бы салютуя, выпил до дна и затем произнес хриплым шипящим шепотом:

— Вы не осушили свой кубок, лорд Рамаррен. Есть одна старая-престарая земная поговорка: «Истина в вине».

Он улыбнулся и тут же снова стал серьезным.

— Но, вероятно, вас мучает жажда, которая утоляется не вином, а истиной.

— Я хочу задать вам один вопрос.

— Всего один?

Насмешливая нотка, сквозившая в этих словах, показалась Фальку настолько отчетливой что он даже взглянул на Орри, надеясь, что и тот тоже уловил ее, но мальчик, опустив серовато-золотистые глаза, посасывал очередную трубочку парифы и явно ничего не заметил.

— Я бы предпочел переговорить с вами наедине, — решительно сказал Фальк.

Услышав эти слова, Орри удивленно поднял глаза.

— Разумеется, я готов, — кивнул Синг. — Однако мой ответ не изменится, если Хар Орри уйдет отсюда. Нет ничего, что мы предпочли бы поведать вам, утаив при этом от него; равно как нет ничего, что мы предпочли бы поведать ему, утаив от вас. Но если вам угодно, чтобы он вышел, пусть будет по-вашему.

— Подожди меня в холле, Орри, — сказал Фальк.

Мальчик кивнул и покорно вышел из комнаты.

Когда вертикальные створки двери закрылись за ним, Фальк произнес, вернее, прошептал, потому что все здесь не столько говорили, сколько шептали:

— Я хотел бы повторить свой прежний вопрос. Я не уверен, что правильно вас понял. Вы в состоянии восстановить мою прежнюю память только за счет моей нынешней личности, не так ли?

— Почему вы спрашиваете меня, правда ли это? Поверите ли вы моему ответу?

— А почему я не должен верить ему? — поинтересовался Фальк, но у него вдруг засосало под ложечкой — он почувствовал, что Синг играет с ним как кошка с мышкой.

— Разве мы не Лжецы? Вы не обязаны верить всему, что мы говорим. Разве не этому учили вас в Доме Зоува? Мы же знаем, что вы о нас думаете.

— Ответьте на мой вопрос, — попросил Фальк, сознавая всю тщетность своего упорства.

— Я скажу вам лишь то, что уже говорил раньше, только немного подробнее, хотя Кен Кениек лучше меня разбирается во всем этом. Никто из нас не знает человеческий мозг лучше, чем он. Хотите, я позову его? Не сомневаюсь, что он не будет возражать против присутствия своей проекции здесь, среди нас. Нет? В общем, это неважно. Грубо говоря, ответ на вопрос таков: содержимое вашего мозга стерто. Выскабливание мозга — это некая операция, разумеется не хирургическая, а параментальная, которая производится с помощью психоэлектрического оборудования. Ее последствия куда серьезнее, чем обычное гипнотическое блокирование. Восстановление стертой памяти возможно, но это более сложный процесс, чем, соответственно, снятие гипнотической блокировки. То, что вас волнует в данный момент, — это вторичная, добавочная, неполная память — структура личности, которую вы сейчас считаете собственным «Я». Но это, конечно же, не так. Если взглянуть на дело беспристрастно, то ваше вторичное «Я» — просто рудимент, эмоционально чахлая и интеллектуально неполноценная по сравнению с истинной личностью, которая упрятана в потаенных глубинах вашей психики.

Поскольку было бы наивно ожидать от вас беспристрастного взгляда на данную проблему, мог возникнуть соблазн обмануть вас: уверить в том, что восстановление личности Рамаррена не мешает продолжению существования личности Фалька; соблазн солгать, чтобы рассеять все ваши страхи и сомнения и тем самым сделать ваш выбор не столь мучительным. Но лучше вам знать правду, иначе ни вы, ни мы не придем к истине. А истина заключена в следующем: когда мы восстановим синаптические способности вашего мозга в их первоначальном состоянии, если вы позволите мне столь упрощенно описать немыслимо сложную и опасную операцию, которую готов провести с помощью своих психокомпьютеров Кен Кениек, то такое восстановление повлечет за собой тотальную блокировку вторичной синаптической плоскости. Эта вторичная сущность будет безвозвратно подавлена, то есть, в свою очередь, стерта.

— Итак, чтобы оживить Рамаррена, вы должны убить Фалька?

— Мы никого не убиваем, — раздался в ответ хриплый шепот Синга. Затем он повторил те же слова мысленно с ослепляющей интенсивностью: — Мы никого не убиваем!

Последовала недолгая пауза, после чего Абандибот прошептал:

— Чтобы добиться великого, следует отказаться от малого. Так было всегда.

— Чтобы жить, нужно смириться со смертью, — сказал Фальк и увидел, как лицо-маска поморщилось. — Хорошо. Я согласен: убивайте. Хотя мое согласие не играет особой роли, не так ли? И все же вы хотите получить его.

— Мы не уьем вас. — Шепот стал громче. — Мы никого не убиваем. Мы не забираем ничьей жизни. Мы собираемся восстановить вашу истинную память и сущность. Только вам придется кое о чем забыть — такова цена. Здесь не может быть ни выбора, ни сомнений. Чтобы стать Рамарреном, необходимо забыть Фалька.

— Дайте мне еще один день, — произнес Фальк и встал, тем самым давая понять, что разговор закончен.

Он проиграл; он был беспомощен. И все же он заставил эту маску поморщиться, в какой-то миг он задел ложь за самое болезненное место. И в это мгновение он чувствовал, что истина совсем близко, но у него не хватило сил или умения, чтобы дотянуться до нее.

Фальк покинул башню вместе с Орри и, когда они оказались на улице, предложил:

— Давай немного пройдемся. Я хотел бы поговорить с тобой за пределами этих стен.

Они пересекли ярко освещенную улицу и вышли на край обрыва. Овеваемые холодным ночным ветром, мужчина и мальчик стояли там плечом к плечу. Огни моста отбрасывали на них свет, который рассеивался в черной бездне, обрывавшейся вниз прямо с обочины улицы.

— Когда я был Рамарреном, — медленно произнес Фальк, — имел ли я право попросить тебя оказать мне услугу?

— Какую угодно, — ответил Орри с рассудительной готовностью, базировавшейся, судя по всему, на том, что ему внушили в детстве на Вереле.

Фальк посмотрел мальчику прямо в глаза, указал на золотой браслет на руке Орри и жестом показал, что его необходимо снять и бросить в ущелье.

Орри попытался было что-то сказать, однако Фальк приложил палец к губам.

Глаза мальчика вспыхнули, он немного поколебался, затем все же снял браслет и швырнул его в темноту пропасти. Потом вновь

повернулся к Фальку со страхом и смятением на лице, но было ясно видно, что он всей душой хочет заслужить одобрение Фалька.

Впервые за все время общения с Орри Фальк мысленно обратился к нему:

— Есть у тебя другое такое устройство?

Сначала мальчик ничего не понял. Мыслеречь Фалька была неумелой и слабой по сравнению с тем, как умели «говорить» Синги. Когда же до Орри, наконец, дошел смысл слов, он также мысленно ответил:

— Нет. У меня был только этот коммуникатор. Зачем вы приказали мне его выбросить, преч Рамаррен?

— Я хочу побеседовать с тобой так, чтобы нас никто не подслушал.

Мальчик выглядел испуганным.

— Повелители могут услышать нас, — пробормотал он вслух. — Они могут подслушать мыслеречь где угодно, преч Рамаррен... а я только начинаю упражняться в защите своего мозга...

— Тогда мы будем говорить вслух, — сказал Фальк, хотя он и сомневался в том, что Синги могут прослушивать мыслеречь «где угодно» без помощи каких-либо технических средств. — Судя по всему, Повелители Эс Тоха привели меня сюда, чтобы восстановить мою память, память Рамаррена. Но они могут или решили восстановить мою прежнюю личность только ценой моей нынешней памяти, ценою всего того, что я узнал на Земле. Они настаивают именно на этом. Я же не хочу, чтобы так случилось. Я не хочу забыть все, что знаю и о чем догадываюсь. Я не хочу стать невежественным орудием в руках этих людей. Я не хочу вновь умирать прежде своей окончательной смерти! Я не рассчитываю на то, что мне удастся воспротивиться им, но я хочу попытаться, и услуга, о которой я хотел бы тебя попросить, заключается в том...

Фальк замолчал, колеблясь в выборе возможностей, поскольку четкого плана он пока что не выработал.

Лицо Орри, покрасневшее сначала от возбуждения, теперь снова потускнело от охватившего его смятения, и в конце концов мальчик спросил:

— Но почему...

— Ну? — резко сказал Фальк, видя, что власть, которую он на короткое время обрел над мальчиком, начала улетучиваться. Однако этим своим нетерпеливым «ну» Фальку все же удалось немного растормошить Орри, и если ему суждено было достучаться до разума мальчика, это должно произойти именно сейчас.

— Почему вы не доверяете Повелителям, преч Рамаррен? Зачем им нужно подавлять ваши воспоминания о Земле?

— Потому что Рамаррен не знает того, что знаю я. И ты тоже этого не знаешь. А наше неведение может поставить под удар родную планету.

— Но вы... вы ведь даже не помните нашу планету...

— Ты прав. Однако я не намерен служить Лжецам, которые распоряжаются здесь. Слушай меня внимательно. Насколько я могу судить, в их намерения входит следующее. Они восстановят мой прежний разум для того, чтобы узнать подлинное название и местонахождение нашей родной планеты. Если они узнают об этом, пока будут возиться с моим мозгом, то тут же убьют меня, а тебе скажут, что операция потерпела неудачу. Если же нет, они оставят мне жизнь, по крайней мере, до тех пор, пока я не скажу им того, что они хотят узнать. А я, как Рамаррен, не буду знать достаточно, чтобы утаить от них правду.

Затем нас отправят назад, на Верель, как единственных выживших после великого путешествия. Вернувшись на родную планету после векового отсутствия, мы поведаем соплеменникам о том, что на варварской Земле люди-Синги высоко держат факел цивилизации. Что Синги вовсе не являются Врагами, а совсем напротив, они — жертвующие собой владыки, мудрые Повелители, не какие-то там чужаки-завоеватели из глубин Вселенной, а самые что ни на есть обыкновенные люди. Мы расскажем на Вереле о том, как дружелюбны Синги. И нам охотно поверят. Поверят той же лжи, в которую будем верить мы сами. Так что дома не будут бояться нападения со стороны Сингов и не придут на помощь людям Земли, истинным ее обитателям, которые так ждут избавления от Лжи.

— Но, преч Рамаррен, в этом нет никакой лжи, — сказал Орри.

Фальк долго смотрел на мальчика в рассеянном колеблющемся свете. На сердце у него было тяжело, но он в конце концов спросил:

— Так ты сделаешь для меня то, о чем я тебя попрошу?

— Да, — прошептал мальчик.

— Все очень просто. Когда ты впервые встретишься со мной как с Рамарреном — если вообще встретишься, — то скажи мне следующие слова: «Прочитайте первую страницу книги».

— Прочитайте первую страницу книги, — покорно повторил мальчик.

Наступило молчание. Фалька все больше охватывала безысходность. Он чувствовал себя мухой, попавшей в паутину.

— И это все, о чем вы хотели меня попросить, преч Рамаррен?

— Да, все.

Мальчик склонил голову и пробормотал какую-то фразу на своем родном языке, очевидно, некую формулу обещания. Затем спросил:

— А что мне следует сказать о браслете-коммуникаторе Повелителям, преч Рамаррен?

— Скажи им правду... Это не имеет никакого значения, если ты сохранишь другую тайну, — произнес Фальк. Судя по всему,

они хотя бы не научили мальчишку лгать. Но не научили его и отличать правду от лжи.

Орри провел Фалька назад через мост к своему слайдеру, и они вернулись в сиявший дворец с полупрозрачными стенами. Оставшись в комнате наедине с собой, Фальк дал выход страху и ярости, понимая, что его обвели вокруг пальца и лишили свободы выбора. Даже когда ему удалось укротить свой гнев, он все равно продолжал метаться по комнате, как волк по клетке, борясь со страхом смерти.

Если он откажет им, позволят ли ему жить, как Фальку, пусть и бесполезному для них, однако в то же время безвредному?

Нет, не позволят. Это было ясно как день, и только трусость заставила его рассматривать этот вариант. Тут надежды нет.

Можно ли сбежать от них?

Не исключено. Пустота этого здания могла быть обманчивой, иллюзорной, как и многое здесь, — или предательской. Фальк чувствовал и догадывался, что за ним неотступно следят, подслушивают и подглядывают из потайных помещений или с помощью скрытых автоматических устройств. Все двери здесь охранялись слугами или электронными мониторами. Но даже если ему удастся сбежать из Эс Тоха, что тогда?

Сумеет ли он совершить обратный переход через горы и равнины, через реки и леса, чтобы вернуться в конце концов на Поляну, где Парт... Нет! Фальк гневно остановил ход своих мыслей. Он не может повернуть назад. Он уже так далеко зашел, что теперь просто обязан идти до самого конца: через смерть, если ее не удастся миновать, ко второму рождению — к рождению незнакомого ему человека с чужой душой.

И никто не поведает незнакомцу и чужаку всей правды. Мало того, что придется умереть, так смерть его еще и сыграет на руку Врагу. Именно это и бесило Фалька, заставляло его мерить шагами тихий зеленоватый полумрак комнаты. Ему не следовало плясать под дудку Лжецов, нельзя выдать им то, что они хотели узнать. И вовсе не судьба Вереля беспокоила Фалька... исходя из того что он знал, из всех тех догадок, что только сбивали с толку, сам Верель был одной большой ложью, а Орри — усовершенствованным вариантом Эстрел. Но Фальк любил Землю, хотя и был чужаком на ней. Земля для него ассоциировалась с Домом в Лесу, с залитой солнцем Поляной, с девушкой по имени Парт. Вот их-то он и не имел права предать.

Снова и снова он пытался представить себе, каким образом он, как Фальк, мог бы оставить послание самому себе, но уже как Рамаррену. Проблема эта сама по себе была столь нелепой, что притупляла воображение и казалась неразрешимой. Синги контролируют каждый его шаг; послание не дойдет до адресата.

Сначала Фальк думал воспользоваться Орри как посредником, приказав ему сказать Рамаррену: «Не отвечайте на вопросы

Сингов»... но он не был уверен в преданности Орри, в том, что мальчик сохранит приказ в тайне от захватчиков. После всех манипуляций Сингов над сознанием бедного ребенка он теперь фактически был их орудием; даже то лишенное смысла сообщение, которое Фальк передал Орри, могло уже стать достоянием Повелителей.

И нет никакого устройства или уловки, никакого средства или способа, чтобы предпринять обходной маневр и выйти с честью из создавшейся ситуации. Одна лишь совсем призрачная надежда на то, что он выстоит, что бы с ним ни сделали, что он сможет остаться самим собой и откажется забыть, откажется умереть. Единственное, что давало ему основание надеяться на подобный исход, — уверения Сингов, будто это невозможно.

Они хотели, чтобы он поверил в то, что это невозможно.

Все те иллюзии и галлюцинации первых часов или дней Фалька в Эс Тохе, по всей видимости, имели целью привести его в состояние смятения, сбить с толку, подорвать веру в самого себя, в свои убеждения, знания, в свои силы. Вот чего добивались Синги. Тогда все их разглагольствования о стирании содержимого мозга являются в равной степени запугиванием и шантажом с целью убедить его, что он не в силах противостоять парагипнотическим операциям.

Но Рамаррен и не выдержал...

Однако у Рамаррена не было подозрений и предубеждений насчет способностей Сингов и насчет того, что они пытаются сделать с ним, в то время как у Фалька были. В этом и состояла разница. Но даже с учетом всего вышесказанного память Рамаррена не была уничтожена полностью, что, по их уверениям, ожидало память Фалька. Если же удача от него отвернется...

Надежда — вещь более хрупкая и ненадежная, чем сама вера, подумал он, шагая по комнате под беззвучные отблески молний бушевавшей над его головой грозы. Хорошие времена наполнены верой в жизнь; в плохие времена остается только надеяться на лучшее. Но сама суть от этого не меняется: каждый разум образует неразрывные связи с другими разумами, а также с окружающим миром и со временем. Без веры человек живет, но нечеловеческой жизнью; без надежды он погибает. Когда нет места дружбе, когда люди не прикасаются друг к другу, чувства неизбежно атрофируются, разум становится холодным и одержимым. Единственно возможными отношениями между людьми становятся отношения хозяина и раба, убийцы и жертвы.

Законы существуют для того, чтобы подавлять те побуждения, которых люди сами боятся в себе больше всего. «Не убий!» — единственный Закон, превозносимый Сингами. Все остальное дозволено. По всей видимости, это значит, что ничто другое их, в общем-то, и не интересует... Страшась своего собственного тща-

тельно скрываемого влечения к смерти, они проповедуют почтение к жизни, в конечном счете дурача ложью и самих себя.

У Фалька не было бы ни единого шанса одолеть противника, если бы не качество, с которым не в силах справиться ни один лжец, — человеческая честность. Возможно, им даже не приходило в голову, что человек способен так сильно жаждать остаться самим собой, жить собственной жизнью, что он находит в себе силы сопротивляться, даже не имея ни малейшего шанса на успех.

Все возможно...

Успокоив наконец разбушевавшиеся мысли, Фальк взял книгу, что подарил ему Владыка Канзаса, и какое-то время внимательно читал, пока его не сморил сон.

На следующее утро — возможно, последнее в этой его жизни — Орри предложил ему продолжить осмотр достопримечательностей города с аэрокара. Фальк согласился, заметив, что хотел бы взглянуть на Западный океан. Двое Сингов, Абандибот и Кен Кениек, вежливо спросили, можно ли им сопровождать их почетного гостя и постараться ответить на все возникающие вопросы о Земле или о ходе предстоящей операции.

По правде говоря, Фальк в глубине души надеялся побольше узнать о том, что они собираются сделать с его мозгом, и тем самым подготовиться к сопротивлению. Но ничего хорошего из этого не вышло. Кен Кениек сыпал бесконечным потоком терминов, разглагольствуя о нейронах и синапсах, блокировании и разблокировании, о наркотиках, гипнозе, парагипнозе и подключенных к мозгу компьютерах... Все это было для Фалька бессвязным набором слов, причем слов устрашающих, и вскоре он прекратил всякие попытки вникнуть в смысл речей Синга.

Аэрокар, пилотируемый бессловесным слугой, который казался всего лишь придатком органов управления, поднялся над горами и устремился на запад над яркой в краткую пору весеннего цветения пустыней. Через несколько минут машина приблизилась к гранитной глыбе Западного Хребта. Несущие на себе суровую печать катаклизмов двухтысячелетней давности, горы Сьерры вздымались в небо свои зазубренные пики, выраставшие из заснеженных ущелий. За горными кряжами лежал залитый солнечным светом океан, под его волнами темными пятнами проступали затонувшие участки суши.

Давным-давно там стояли забытые ныне города — подобно тому как в голове Фалька таились позабытые города, имена и лица. Когда аэрокар развернулся, чтобы лететь обратно на восток, Фальк сказал:

— Завтра будет землетрясение — и Фальк скроется в пучине...

— Мне очень жаль, но это неизбежно, лорд Рамаррен, — с удовлетворением в голосе произнес Абандибот.

А может, Фальку только почудилось, будто в его голосе промелькнула нотка удовлетворения? Всякий раз, когда Абандибот выражал свои чувства словами, это звучало настолько фальшиво, что, казалось, подразумевало прямо противоположные эмоции; но, возможно, Абандибот вообще не испытывая каких-либо чувств или душевных волнений. Кен Кениек, с водянистыми глазами и бледным лицом, чьи правильные черты не были отмечены печатью возраста, никогда и не пытался изобразить те или иные эмоции. Дело было не в его флегматичности или безмятежности, но в полной закрытости, самодостаточности и отрешенности.

Аэрокар стрелой мчался над пустынями, отделявшими Эс Тох от моря. На их обширные пространства явно давно не ступала нога человека. Машина совершила посадку на крыше здания, где находилась комната Фалька. После нескольких тягостных часов, проведенных в обществе холодных, бесстрастных Сингов, он страстно мечтал даже об этом призрачном уединении. И ему не стали чинить препятствий. Остаток дня Фальк провел в своей комнате с полупрозрачными стенами, опасаясь, что Синги вновь одурмянят его или навеют какие-нибудь иллюзии, пытаясь привести в смятение или ослабить волю «почетного гостя». Однако, по всей видимости, они чувствовали, что нет особой необходимости предпринимать дополнительные меры предосторожности. Его оставили в покое — пусть себе шагает по полупрозрачному полу, сидит или читает свою книгу. Что, в конце-то концов, он может предпринять против их воли?

Снова и снова в течение долгих часов ожидания Фальк возвращался к книге. Он не осмеливался делать на ней никаких отметок, даже ногтем, только читал страницу за страницей, хотя и без того практически знал содержание наизусть, полностью поглощенный данным занятием, вникая в смысл, повторяя каждое слово про себя, что бы он ни делал — расхаживал по комнате, сидел или лежал. Вновь и вновь мысли его возвращались к самому началу книги, к самым первым словам на самой первой странице:

Путь, который может быть пройден,
Это не вечный Путь.
Имя, которое можно назвать,
Это не вечное Имя.

Поздно ночью, под гнетом усталости и голода, под напором мыслей, которые Фальк непрерывно гнал от себя, и страха перед смертью, которому он не позволял овладеть собой, разум его наконец пришел к тому состоянию, которое он так долго искал. Стены пали, душа отделилась от брэнного тела, и он превратился в слова. Он стал тем самым словом, что было произнесено во тьме в самом начале времен, словом, которое некому услышать. Он стал первой страницей времени.

Постепенно чувство времени вернулось к нему, и вещи вновь получили имена, а стены заняли свои места. Фальк прочел первую страницу книги еще раз, а затем лег и постарался уснуть.

Восточная стена комнаты приобрела изумрудный оттенок в лучах восходящего солнца, когда за ним пришли двое слуг. Фалька повели вниз через призрачный коридор и этажи здания на улицу, усадили в слайдер и повезли по тенистым улицам и через ущелье в другую башню. Эти двое были не обычными слугами, что предугадывали все его желания, а тренированными, безмолвными стражниками. Помня методичную жестокость избиения, которому его подвергли, когда он впервые очутился в Эс Тохе — первый урок неверия в себя, что преподали Синги, — Фальк предположил, что они боятся — вдруг в самую последнюю минуту он попытается скрыться? — и приставили к нему стражников, дабы пресечь любой подобный порыв.

Его провели через лабиринт комнат в ярко освещенные подземные покои, стены которых представляли собой экраны и блоки какого-то огромного вычислительного комплекса. Навстречу вышел Кен Кениек. Он был один. У Фалька мелькнула мысль, что ему ни разу не доводилось видеть больше двух Сингов одновременно. И вообще он видел очень немногих. Но сейчас было не время размышлять над подобной проблемой, хотя где-то в закоулках мозга промелькнуло некое смутное воспоминание, объяснение...

— Вы не пытались прошлой ночью совершить самоубийство, — сказал Кен Кениек своим безразличным шепотом.

Такой выход из положения даже не приходил Фальку в голову.

— Я решил позволить вам проделать это, — с вызовом ответил Фальк.

Кен Кениек не обратил никакого внимания на выпад, хотя, судя по всему, не пропустил ни единого слова.

— Все готово, — сказал он. — Это в точности те же блоки памяти и соединения между ними, что были использованы для блокировки вашей первоначальной структуры сознания шесть лет тому назад. Если вы согласны на данный опыт, то устранение блокировок не будет сопряжено с какими-либо затруднениями или нанесением повреждений. Согласие очень существенно для восстановления сознания, но не для его подавления. Вы готовы?

Практически одновременно с произнесенными вслух словами он обратился к Фальку при помощи отчетливой мыслеречи: «Вы готовы?»

Синг напряженно вслушивался, пока Фальк едва слышно не пробормотал:

— Да.

Словно удовлетворившись данным ответом или сопровождающими его эмоциональными обертонами, Синг кивнул и произнес монотонным шепотом:

— Я начну прямо сейчас, без применения наркоза. Наркотики нарушают чистоту парагипнотического процесса; без них мне легче работать. Садитесь вот сюда.

Фальк молча подчинился, стараясь изгнать из мозга все мысли.

По какому-то неслышному сигналу в комнату вошел ассистент и наклонился над Фальком, в то время как сам Кен Кениек уселся перед одним из компьютерных терминалов, словно музыкант за свой инструмент. На мгновение Фальк вспомнил огромную систему Узора в тронном зале Властителя Канзаса, быстрые черные пальцы, парившие над ней... Непроницаемая тьма черной портьерой опустилась на глаза и разум. Он сознавал, что к его черепу прилаживают нечто вроде капюшона или колпака; затем он перестал что-либо ощущать, кроме черноты, бесконечной черноты, кроме крошечной тьмы. В этой тьме чей-то голос произнес некое слово в его мозгу, слово, которое он почти что понял. Снова и снова голос повторял это слово, чье-то имя... Подобно языку пламени, востребовалась его воля к жизни, и он вопреки всему провозгласил, собрав в кулак все свои силы, в мертвой тишине:

— Я — Фальк!

Затем опустилась тьма.

Глава 9

Место было темным и тихим, словно лесная чаща. Обессиленный, он долгое время пребывал в полудремоте. Ему часто снились или вспоминались какие-то фрагменты из ранее виденных снов. Затем он вновь крепко уснул и опять проснулся посреди зеленоватого полумрака и тишины.

Кто-то шевельнулся рядом с ним. Повернув голову, он увидел какого-то юношу, совершенно ему незнакомого.

— Кто ты?

— Я — Хар Орри.

Имя это словно камень погрузилось в сонную трясину мозга и исчезло. Только круги от него расходились все шире и шире, медленно и неторопливо, пока внешнее кольцо не коснулось берега и не исчезло. Орри, сын Хара Уэдена, один из членов экипажа, мальчик, ребенок, зимнерожденный.

По тихой заводи сна пробежала легкая рябь. Он прикрыл глаза и попытался нырнуть поглубже.

— Мне снилось, — пробормотал он с закрытыми глазами, — множество снов...

Он снова открыл глаза и взглянул в испуганное, отмеченное печатью сомнений лицо юноши.

О чем же он позабыл?

— Что это за место?

— Пожалуйста, лежите спокойно, преч Рамаррен. Вам еще нельзя разговаривать. Пожалуйста, лежите спокойно.

— Что со мной случилось?

Головокружение заставило его послушаться мальчика и снова откинуться назад. Тело его, даже мускулы губ и языка, когда он произносил слова, не повиновались ему должным образом. Это была не слабость, а странная потеря контроля. Рука поднималась

лишь усилием воли, словно он поднимал не свою, а чью-то чужую руку.

Чью-то чужую руку... Он недоуменно уставился на свою руку, которая была покрыта на удивление темным, как выдубленная кожа ханна, загаром. От локтя до запястья следовала череда голубоватых параллельных шрамов, слегка прерывистых, словно образованных повторяющимися стежками иглы. Кожа на ладони огрубела и обветрилась, как будто он долгое время провел на открытом воздухе, а не в лабораториях, вычислительном центре управления полетом, в Залах Совета и местах Молчания в Вегесте...

Внезапно что-то заставило его оглядеться по сторонам. Комната, в которой он находился, не имела окон, но сквозь зеленые стены пробивался солнечный свет.

— Произошла авария, — наконец вымолвил он. — При запуске или когда... Но мы же совершили полет... Или мне все это приснилось?

— Нет, преч Рамаррен, мы действительно совершили полет.

В комнате вновь воцарилась тишина.

— Я помню полет так, словно он длился одну только ночь, одну долгую ночь, недавнюю ночь... Но она превратила тебя из ребенка почти что в мужчину. Значит, мы в чем-то ошиблись.

— Нет. Полет здесь ни при чем...

Орри загнулся.

— Где все остальные?

— Пропали без вести.

— Погибли? Говори прямо, вопреки Орри.

— Скорее всего погибли, преч Рамаррен.

— Где мы сейчас находимся?

— Пожалуйста, успокойтесь...

— Отвечай.

— Эта комната находится в городе, который называется Эс Тох, на планете Земля, — без запинки ответил мальчик и жалобно всхлипнул. — Вам ничего об этом неизвестно? Вы ничего не помните? Совсем ничего? Значит, сейчас дела еще хуже, чем были прежде...

— Откуда мне помнить Землю? — прошептал Рамаррен.

— Я... я должен был сказать вам следующее: «Прочтите первую страницу книги».

Рамаррен не обратил внимания на невнятное бормотание мальчика. Теперь он знал, что все пошло вкривь и вкось, что существовал период времени, о котором он ничего не помнил. Но пока ему не удастся побороть эту необычную слабость своего тела, он не в силах что-либо предпринять. И он лежал неподвижно, пока не прошло головокружение. Затем, отгородив свой разум от внешнего мира, Рамаррен начал повторять про себя Монологи Пятой

Ступени. Когда они наконец успокоили его разум, он заставил себя уснуть.

Ему снова снились сны, запутанные и пугающие, с редкими вкраплениями приятных эпизодов, которые напоминали лучики солнца, пробивавшиеся сквозь тьму дремучего леса. Когда он погрузился в более крепкий сон, эти фантастические видения исчезли, и во сне всплыло единственное простое и отчетливое воспоминание: он стоит рядом с каким-то крылатым аппаратом, поджидая отца, чтобы вместе с ним отправиться в город. Вплоть до самого подножия горы Чарны леса уже сбросили свои листья, хотя воздух по-прежнему был теплым, чистым и спокойным. Его отец, Агад Карсен, худощавый подвижный немолодой уже человек, облаченный в церемониальные одежды и головной убор, с олицетворявшим власть жезлом в руках, медленно идет по лужайке рядом со своей дочерью, и оба они смеются, когда он поддразнивает девушку, обсуждая ее первого поклонника.

— Гляди в оба за этим парнем, Парт, он будет докучать тебе вне всякой меры, стоит только дать повод.

Он вновь слышит эти слова, легкомысленно брошенные давным-давно, в яркий солнечный день длинной золотой осени его молодости, а им вторит девичий смех. Сестра, сестренка, любимая Арнан... Каким это именем отец назвал ее? Не настоящим именем, а как-то иначе...

Рамаррен проснулся. Он сел на кровати, с определенным усилием заставив свое тело подчиниться... и хотя оно по-прежнему не отличалось послушанием, это определенно было его тело. На какое-то мгновение при пробуждении ему почудилось, будто он призрак, оказавшийся в чужой плоти.

Теперь он был в полном порядке. Он — Агад Рамаррен, рожденный в доме из серебристого камня среди широких лугов, раскинувшихся у седой вершины Чарны — Одинокой Горы. Он был наследником Агада, рожденным осенью и потому обреченным всю свою жизнь прожить осенью и зимой. Весны он никогда не видел и, вероятно, не увидит, так как корабль «Альтерра» начал полет к Земле в первый день весны. Но долгие осень и зима, пора его детства, юности и зрелости, ярко и живо развернулись перед ним подобно реке, по которой можно было подняться до самого истока.

Орри в комнате не было.

— Орри!

Теперь он пришел в себя и был настроен наконец узнать, что же все-таки случилось с ним, с его спутниками, с «Альтеррой» и ее миссией.

На оклик никто не отозвался. В комнате, казалось, не было не только окон, но и дверей. Рамаррен сдержал свой порыв мысленно обратиться к мальчику; он не знал, настроен ли до сих пор на него мозг Орри. К тому же его собственный мозг, очевидно, перенес

какое-то повреждение или вмешательство, лучше действовать с осторожностью. Не стоит вступать в контакт с посторонним, пока не станет ясно, не угрожает ли ему утрата контроля над собой или потеря чувства времени.

Рамаррен встал, испытав приступ головокружения и болезненное покалывание в области затылка, и пару раз прошелся по комнате, чтобы немного размяться. Заодно он рассмотрел диковинную одежду, что была на нем, и странную комнату, заставленную мебелью на длинных тонких ножках. Полупрозрачные темно-зеленые стены были покрыты причудливыми чередующимися узорами, в одном из которых скрывалась дверь-диафрагма, а в другом — зеркало в половину человеческого роста.

Перед зеркалом Рамаррен остановился. Он показался себе похудевшим, обветренным и, вероятно, постаревшим; насколько, сейчас трудно было сказать. Глядя на себя, он испытывал определенную неловкость. Чем вызвана странная неуверенность в своих силах? Что с ним случилось, что было утеряно?

Рамаррен повернулся и заставил себя внимательно осмотреть комнату. В ней было много загадочных предметов, и только два имели относительно привычный, хотя и несколько чужеродный облик — чашка для питья на столе и книга рядом с ней. Он подошел и взял в руки книгу. Что-то, о чем говорил ему Орри, мелькнуло в голове и вновь исчезло.

Рамаррен не смог прочитать название книги, хотя отдельные буквы напоминали буквы алфавита Языка Книг. Он открыл ее и принялся перелистывать страницы. Листы слева были заполнены — судя по всему, от руки — столбцами причудливых, сложных узоров: религиозные символы, иероглифы, стенографическая скоропись? Листы справа были также исписаны от руки, но буквы там напоминали буквы Книг, буквы Галактического Алфавита. Книга кодов? Однако не успел он толком поломать голову над первыми словами, как дверь бесшумно скользнула в сторону и в комнату вошла женщина.

Рамаррен смотрел на нее с нескрываемым любопытством, беспечно и без страха; чувствуя себя слегка уязвимым, он сделал свой взгляд несколько более твердым и властным, чтобы соответствовать происхождению, достигнутой им Ступени и высокому положению.

Нисколько не смущенная, женщина наградила его ответным взглядом. Некоторое время они стояли, молча глядя друг на друга.

Она была красивой и стройной, одетой в фантастические одежды. Ее волосы то ли выгорели, то ли были подкрашены. Глаза женщины являли собой темные кружочки, обрамленные белым овалом. Такие глаза были у фигур на фресках Зала Лиги в Старом Городе; фрески изображали темнокожих высоких людей, строивших город, воевавших с Кочевниками, наблюдавших за звездами — Первых Колонистов, землян Альтерры...

Теперь у Рамаррена не осталось ни малейших сомнений в том, что он на самом деле находится на Земле, что он совершил полет. Он отбросил гордыню и инстинкт самозащиты и встал перед женщиной на колени. Для него, как и для всех людей, что послали его в это путешествие через восемьсот двадцать пять триллионов миль пустоты, эта женщина была представительницей расы, которую время и память наделили божественными качествами. Женщина, отдельный индивидуум... однако она принадлежала Человеческой Расе Людей и смотрела на него глазами этой расы, и Рамаррен отдал должное истории, легендам и долговому изгнанию своих предков, встав перед ней на колени и склонив голову.

Затем он поднялся и простер к ней раскрытые ладони в келшакском знаке приветствия.

Она начала что-то говорить. Хотя ему никогда не доводилось видеть эту женщину прежде, ее голос казался бесконечно знакомым; Рамаррен не знал этого языка, однако все же понял сначала одно слово, затем — другое. На мгновение данный факт испугал его своей сверхъестественностью, пробудил опасения, что она пользуется какой-то формой мыслеречи, способной проникнуть даже через барьер несинхронизированного мышления. В следующее мгновение он осознал, что понимает женщину, потому что она говорит на Языке Книг, на галакте, и только ее акцент и безлость речи помешали ему сразу осознать это.

Она уже произнесла несколько фраз, удивительно быстро, бесстрастно и как-то безжизненно:

— ...не знают, что я здесь. Теперь скажи мне, кто из нас лжец, ты, не верящий никому. Я прошла вместе с тобой весь бесконечный путь, я спала с тобой добрую сотню ночей, а теперь ты даже не припоминаешь моего имени. Не так ли, Фальк? Тебе известно мое имя? Помнишь ли ты свое собственное имя?

— Меня зовут Агад Рамаррен, — ответил он, и его собственное имя, произнесенное его собственным голосом, прозвучало как-то странно.

— Кто тебе это сказал? Ты — Фальк! Разве тебе не известен человек по имени Фальк?.. Он прежде был облечен в твою плоть. Кен Кениек и Краджи запретили мне произносить при тебе это имя, но мне надоело переступать через себя и играть по их правилам; я предпочитаю играть по собственным. Неужели ты не помнишь свое имя, Фальк? Ах, ты так и не поумнел и по-прежнему тарачишься на меня, словно выброшенная на берег рыба.

Он сразу же опустил глаза. Смотреть человеку прямо в глаза на Вереле считалось невежливым, и данный вопрос строго регламентировался различными табу и предписаниями.

Такова была его единственная внешняя реакция на ее слова; а вот внутренний отклик оказался куда более живым и разнообразным. С одной стороны, женщина находилась под воздействием малой дозы наркотика, скорее всего галлюциногена — его

тренированная восприимчивость поведала ему об этом со всей определенностью. С другой стороны, хотя Рамаррен не до конца понимал все, что она говорила, и определенно не мог вникнуть в смысл ее речей, намерения гости по природе своей были агрессивными и направленными на разрушение. И эта агрессивность была действенной. Несмотря на неполноту понимания, странные нападки женщины и произносимое раз за разом имя затронули в нем какую-то струну, потрясли и смутили его разум.

Рамаррен слегка повернулся в сторону, давая понять, что не станет встречаться с ней взглядом, если она сама того не захочет, и произнес на архаичном языке, который его народ знал только по древним книгам Колонии:

— Вы из расы людей или из расы Врага?

Женщина натужно рассмеялась:

— Из обоих, Фальк. Здесь нет Врага, и я работаю на Сингов. Слушай, скажи Абандиботу, что тебя зовут Фальк. Скажи Кен Кениеку! Скажи всем Повелителям, что тебя зовут Фальк... это заставит их немного побеспокоиться! Фальк...

— Достаточно.

Рамаррен ни на йоту не повысил голос, но теперь вложил в него всю свою властность; женщина замолкла на полуслове, тяжело дыша открытым ртом. Заговорив вновь, она смогла только повторить то имя, которым его называла, дрожащим и почти умоляющим голосом.

Вид у странной посетительницы был очень жалкий, однако он так и не ответил ей. Она находилась в состоянии временного или даже постоянного душевного расстройства, а Рамаррен ощущал себя порядком потрясенным и отгородился от нее ментальным барьером, отслеживая присутствие и голос женщины лишь частицей своего разума. Ему требовалось собраться с мыслями; с ним происходило что-то очень странное.

Дело было не в наркотиках, по крайней мере, не в известных ему наркотиках. Испытываемые им сейчас глубокое душевное потрясение и дискомфорт превышали любое из наведенных безумий ментальной дисциплины Седьмой Ступени.

Однако на раздумья времени не оставалось.

Голос поднялся в пронзительный вой, затем перешел на злобный визг, и тут Рамаррен почувствовал, что в комнате присутствует кто-то еще. Он стремительно обернулся: женщина начала было вытаскивать из своих странных одежд незнакомый предмет, по всей видимости оружие, но тут же замерла, уставившись не на него, а на высокого человека, стоявшего в дверях.

Не было произнесено ни слова, но вновь прибывший обрушил на женщину телепатический сигнал столь ошеломляющей силы, что Рамаррен вздрогнул. Оружие упало на пол, а женщина, жалобно вереща, выбежала из комнаты, стремясь скрыться от уни-

чтожающей настойчивости мысленного приказа. Ее призрачная тень мелькнула за стеной и исчезла.

Высокий человек перевел взгляд и телепатически обратился к нему:

— Кто вы?

Рамаррен спокойно ответил:

— Агад Рамаррен.

Но он ничего больше не добавил и не поклонился. Дела обстояли даже хуже, чем он первоначально себе представлял. Что это за люди? В противоборстве, свидетелем которого он только что стал, читались безумие, жестокость и ничего больше; определенно, здесь не было ничего, что могло бы вызвать чувство почтительности или доверия.

Высокий человек подошел немного ближе и с улыбкой на суровом, напряженном лице вежливо произнес на Языке Книг:

— Я Пелле Абандибот, и я сердечно приветствую вас на Земле, как нашего соплеменника, сына долгого изгнания, посланца Затерянной Колонии.

Рамаррен, услышав эти слова, отвесил сдержанный поклон и только спустя довольно продолжительное время промолвил:

— Похоже, я уже провел на Земле некоторое время и обрел себе врага в лице этой женщины, а также заработал несколько шрамов. Не расскажете ли мне, как это произошло и что случилось с остальными членами экспедиции? Если хотите, обращайтесь ко мне мысленно; я не говорю на галакте столь же свободно, как вы.

— Преч Рамаррен, — начал высокий мужчина. Очевидно, он перенял данное обращение от Орри, словно оно являлось лишь уважительным обращением, не имея представления о том, что в действительности кроется за ним. — Сперва простите меня за то, что я не сразу заговорил вслух. Мы пользуемся мыслеречью только в самых неотложных случаях или общаясь с низшими по положению. Кроме того, извините нас за вторжение этого создания, служанки, которую безумие побудило преступить Закон. Мы позаботимся о ее рассудке. Больше она вам докучать не будет. Что же касается ваших вопросов, то на все будет дан ответ. Если говорить коротко, вам предстоит услышать грустную историю, которая, вопреки всему, сейчас близка к счастливой развязке.

Корабль «Альтерра» в околоземном пространстве подвергся нападению со стороны наших врагов, поставивших себя вне Закона. Они успели перенести по меньшей мере двух членов вашего экипажа в свои катера, прежде чем прибыли наш патрульный корабль. Завидев его, враги уничтожили «Альтерру» вместе со всеми, кто находился на ее борту, и рассыпались в разные стороны на маленьких планетарных катерах.

Мы перехватили один из них и обнаружили юношу, Хар Орри; вас увезли на другом — не знаю, с какой целью. Они не убили вас,

но стерли всю вашу память, вплоть до младенческого периода, а затем бросили в глухом лесу, где вас ждала неминуемая смерть. Однако вы выжили и обрели кров среди лесных варваров. В конце концов наша поисковая группа обнаружила вас, привезла сюда, и с помощью парагипнотической техники нам удалось восстановить вашу память. Вот и все, что мы могли сделать.

Рамаррен слушал незнакомца очень внимательно. Рассказ ошеломил его, и он не делал попыток скрыть свои чувства; но он ощутил также определенную тревогу и подозрения, и их-то не стал выставлять напоказ.

Высокий мужчина сперва обратился к нему с телепатическим обращением, хотя и с очень кратким, и таким образом дал Рамаррену настроиться на свой мозг. Затем Абандибот прекратил использовать мыслеречь и установил эмпатическую защиту. Однако она не была совершенной. Рамаррен, прекрасно тренированный и обладавший высокой чувствительностью, уловил смутные эмпатические образы, резко противоречащие тому, что говорил Абандибот вслух. Это свидетельствовало либо о его безумии, либо о лживости.

Но не исключена была и возможность того, что он сам настолько выбит из колеи — вероятно, вследствие перенесенного им парагипноза, — что на его чувственное восприятие просто нельзя положить.

— Как давно?.. — спросил он наконец и на мгновение взглянул прямо в странные, обведенные белым глаза.

— Шесть лет по земному летоисчислению, преч Рамаррен.

Длительность земного года была приблизительно равна длительности одного лунокруга.

— Как долго, — прошептал он. Его друзья, его соратники по полету, выходит, давно-давно мертвы, а он в одиночку провел на Земле...

— Шесть лет?

— Вы ничего не помните об этих годах?

— Ничего.

— Нам пришлось стереть рудиментарную память, которая образовалась в течение этого времени, чтобы восстановить вашу первоначальную память и истинную личность. Мы очень сожалеем о потере шести лет вашей жизни, но воспоминания о них не были ни нормальными, ни приятными. Преступные злодеи превратили вас в создание еще более жестокое, чем они сами. Я рад, что вы ничего не помните, преч Рамаррен.

Абандибот был не просто рад, а полон ликования. Этот человек, видимо, обладал очень ограниченными эмпатическими способностями либо не был достаточно тренирован. В противном случае он возвел бы защиту получше.

Собственная телепатическая блокировка Рамаррена была бесполезна. Все больше и больше отвлекаясь на подслушивание

обертонов разума Абандибота, которые свидетельствовали о фальши или неискренности произносимых речей, и продолжая страдать из-за путаницы в мыслях, Рамаррен вынужден был мобилизовать все свои силы, чтобы обрести способность рассуждать трезво.

Как могли шесть лет жизни пройти, не оставив ни единого воспоминания? Вместе с тем сто сорок лет полета их околосветового корабля от Вереля до Земли слились в памяти в одно бесконечное, леденящее душу мгновение... Как обращалась к нему та сумасшедшая, какое имя она выкрикивала в припадке безумного гнева?

— Как меня звали все эти шесть лет?

— Звали? Вы имеете в виду — среди туземцев, преч Рамаррен? Я не помню, как именно вас звали, если они вообще дали вам какое-либо имя.

Фальк, она звала меня Фальком, вспомнил Рамаррен.

— Коллега, — неожиданно сказал он, переведя на галакт-келшакскую форму обращения. — Если не возражаете, я хотел бы продолжить наш разговор немного позднее. То, о чем вы мне рассказали, встревожило меня. Позвольте мне немного побыть одному.

— Конечно, конечно, преч Рамаррен. Ваш юный друг Орри с нетерпением ожидает встречи с вами... Прислать его сюда?

Но Рамаррен, высказав свое пожелание и услышав, что оно будет исполнено, перешел на другую ступень восприятия и отключился от Абандибота, воспринимая любые его слова просто как шум.

— Нам тоже не терпится узнать о вас побольше, когда вы почувствуете себя вполне поправившимся.

Тишина. Затем шум возобновился:

— Слуги будут рады исполнить любое ваше желание. Если захотите поесть или пообщаться с кем-нибудь, вам нужно только подойти к двери и сказать об этом.

Снова наступила тишина, и наконец назойливое присутствие Абандибота перестало мучить Рамаррена.

Но он едва обратил на это внимание. Рамаррен был слишком поглощен самим собой, чтобы беспокоиться о странных манерах своих хозяев. Сумятица внутри мозга нарастала с каждым мгновением, приближаясь к некоей критической точке, словно его волокли на встречу с кем-то или чем-то, кого он боится и в то же самое время страстно желает увидеть. Самые тяжкие дни тренинга Седьмой Ступени были лишь бледной тенью испытываемого им сейчас разлада чувств и индивидуальности, напоминавшего наведенный, тщательно контролируемый психоз. Или же... он сам вел себя к этому, подталкивая свой разум к критической отметке? Но кто же этот «он», который принуждал сам и которого принуждали? Его убили и возвратили к жизни. Была ли смертью та смерть, которую он не в состоянии вспомнить?

Чтобы окончательно не впасть в панику, Рамаррен стал осматриваться в поисках предмета, глядя на который он смог бы сосредоточиться и, впад в транс, применить отработанную технику Выхода, позволявшую вернуть ясность мышления. Но все вокруг казалось чужим, незнакомым и обманчивым. Даже пол под ногами был тусклой завесой тумана. Перед тем как вошла та женщина, что называла его незнакомым именем, он просматривал некую книгу. Книга... Он держал ее в своих руках, и она была реальной.

Рамаррен опять осторожно взял ее в руки и взглянул на раскрытую страницу. Столбцы красивых, бессмысленных значков, строчки едва разборчивого письма, буквы — производные тех букв, которые он изучал когда-то давным-давно по Первому Сборнику Текстов. Он смотрел на эти значки и не мог прочитать. И вдруг из них сложилось значение слова, написанного на неизвестном языке.

Путь...

Рамаррен перевел взгляд со страницы на собственную руку, державшую книгу. Чья это была рука, покрытая шрамами и загоревшая под лучами чужого солнца? Чья?

Путь, который может быть пройден,
Это не вечный Путь.
Имя...

Он не мог вспомнить это имя; не мог прочесть его. Он прочел эти слова во время сна, долгого сна, сна, овеянного смертью.

Имя, которое можно назвать,
Это не вечное Имя.

В нем поднялась какая-то гигантская волна, захлестнула его и тут же отхлынула.

Он стал Фальком, но продолжал быть и Рамарреном. Он был и глупцом и мудрецом одновременно: единый человек, рожденный дважды.

В эти первые, полные страха часы он молился о том, чтобы его избавили то от одного «я», то от другого. Однажды он в муке выкрикнул что-то на своем родном языке и не понял произнесенных им же самим слов. Это было настолько ужасно, что он даже заплакал, совершенно отчаявшись; произнесенных слов не понял Фальк, а заплакал затем — Рамаррен.

В тот самый миг полного отчаяния он впервые на мгновение нащупал некую точку равновесия, центр, на секунду став «самим собой»; и вновь упустил его. Однако этого оказалось достаточно, чтобы родилась надежда на возвращение краткого мига гармо-

нии. Гармония: становясь Рамарреном, он цеплялся за данное понятие, и, возможно, только мастерское владение краеугольной келшакской доктриной удерживало его от падения в бездну безумия. Но те два разума, что делили его черепную коробку, пока что не пришли к воссоединению или равновесию; приходилось метаться между ними, попеременно вытесняя одну личность другой для ее же собственного блага. Он не отваживался спать, хотя и был на грани изнеможения, поскольку крайне боялся пробуждения.

Стояла ночь, и он был предоставлен самому себе. «Самим себе», — заметил Фальк. Поначалу он оказался сильнее, поскольку был некоторым образом подготовлен к данному испытанию. Именно Фальк первым вступил в диалог с Рамарреном.

«Мне нужно хотя бы немного поспать, Рамаррен», — сказал он.

Рамаррен воспринял его слова как чью-то мыслеречь и без какого-либо предварительного раздумья искренне ответил: «Я боюсь уснуть». Затем он некоторое время бодрствовал и воспринимал сны Фалька как тени и отзвуки в своем мозгу.

Он пережил эти первые, самые тяжелые часы. К тому времени когда тусклые лучи солнца пробились сквозь зеленоватую завесу стен комнаты, страхи прошли, и он начал обретать контроль над мыслями и действиями обоих заключенных в нем личностей.

Естественно, два комплекта воспоминаний фактически не перекрывались. Сознание Фалька зародилось в тех многочисленных нейронах, что оставались незадействованными даже при высоко-развитом интеллекте — на невспаханных полях разума Рамаррена. Основные моторные и сенсорные каналы никогда не были заблокированы и в определенном смысле использовались обоими разумами, хотя и возникали трудности, обусловленные двойным набором манер передвигаться и режимов восприятия.

Любой предмет сейчас представлялся по-разному, в зависимости от того, осматривал ли его Фальк или Рамаррен. И хотя в долгосрочной перспективе данная раздвоенность могла привести к увеличению интеллектуальной мощи и восприимчивости, в настоящее время голова шла кругом от подобной неразберихи. Кроме того, ощутимая разница в эмоциональном отклике во многих случаях приводила к тому, что «он» и впрямь испытывал противоречивые чувства. Поскольку воспоминания Фалька и Рамаррена относились только к принадлежавшим им частям совместной жизни, то эти два набора воспоминаний никак не хотели выстраиваться в надлежащей последовательности и имели склонность проявляться одновременно.

Личности Рамаррена было трудно смириться с тем, что он потерял где-то существенный отрезок своей жизни. Где он был, скажем, десять дней назад? Путешествовал на спине мула по заснеженным горам Земли. Фальку об этом было известно. Но Рамаррен помнил, что как раз в это же время он прощался со своей женой в доме на покрытом травой высокогорном плато Вереля...

К тому же догадки Рамаррена относительно Земли часто вступали в противоречие с тем, что знал Фальк. Одновременно невежество последнего в отношении всего, что касалось Вереля, накладывало странный отпечаток сказочности на собственное прошлое Рамаррена. Но даже в этой путанице все же присутствовали зачатки взаимосогласованности. Факт оставался фактом — «он» был, телесно и хронологически, одним человеком. Подлинной проблемой являлось не воссоздание единства, но постижение его.

Однако до согласованности было еще очень далеко. Если «он» желал мыслить и действовать хоть сколько-нибудь разумно, то по мере необходимости приходилось доминировать то одной, то другой структуре памяти. Чаще всего верх брал Рамаррен, поскольку навигатор «Альтерры» был решительным и сильным человеком. Фальк в сравнении с ним ощущал себя сущим ребенком. Он мог предложить лишь знания, которыми располагал, и потому решил положиться на силу и опыт Рамаррена, которые были так необходимы человеку с двумя разумами, попавшему в двусмысленную и весьма опасную ситуацию.

Один вопрос беспокоил его больше всех прочих — можно ли доверять Сингам или нет? Если Фальку был просто-напросто внушен беспочвенный страх перед Повелителями Земли, то все опасности не имели под собой реальной почвы. Поначалу Рамаррен думал, что, возможно, так оно и есть; но думал он так совсем недолго.

Его двойная память уже успела зафиксировать явную ложь и противоречия. Абандибот отказался мысленно говорить с Рамарреном, заявив, что Синги избегают телепатического общения. Фальк же знал, что это ложь. Почему Абандибот пошел на обман? Очевидно, потому, что он намеревался солгать — изложить версию Сингов о том, что произошло с «Альтеррой» и ее экипажем — и не хотел или не осмелился сделать это телепатически.

Но он поведал Фальку практически ту же историю посредством мыслеречи.

Если данная версия была фальшивой, значит, Синги умели лгать в мыслеречи и пользовались этим.

Рамаррен обратился к памяти Фалька. Первые попытки завершились неудачей, но когда он начал бороться, меряя шагами уединенную комнату, то связи начали налаживаться, и постепенно возникла ясность; он смог воспроизвести звенящую тишину слов Абандибота: «Мы, кого вы называете Сингами, являемся людьми...» Даже воспроизводя их по памяти, Рамаррен почувствовал, что это ложь — невероятная и несомненная. Синги умели лгать телепатически — догадки и страх униженного человечества оказались обоснованными. Синги действительно были Врагами.

Они не были людьми. Они были пришельцами, наделенными чуждым даром, и, вне всяких сомнений, именно они, пользуясь своими способностями, раскололи Лигу и добились господства

над Землей. Именно они напали на «Альтерру», когда та вошла в околоземное пространство. Все разговоры о бунтовщиках были чистым вымыслом. Синги убили или лишили разума всех членов экипажа, кроме маленького Орри. Рамаррен мог догадаться почему: потому что они обнаружили, подвергнув испытанию его или кого-либо другого тренированного телепата из состава команды, что верелиане способны распознать ложь в мыслеречи. Это устрасило Сингов, и они разделились со взрослыми, оставив в живых только безвредного ребенка в качестве источника информации.

Для Рамаррена его спутники по полету погибли только вчера, и, стараясь перенести этот удар, он пытался уверить себя, что, быть может, они остались в живых и находятся сейчас где-нибудь на Земле. Но если кто-то все-таки выжил — а ведь ему несказанно повезло, — то где же они сейчас? Судя по всему, Синги с превеликим трудом отыскиали даже одного члена экипажа, когда обнаружили, что нуждаются в нем.

Другой вопрос: для чего понадобился им Рамаррен? Почему они приложили столько усилий, чтобы разыскать его, доставить сюда и вернуть ему память, которую прежде сами же уничтожили?

Имевшиеся в его распоряжении факты не давали иного объяснения, кроме того, к которому он пришел как Фальк: Сингам надо узнать, откуда он родом.

В мысли Фалька-Рамаррена впервые закралась позитивная нота. Если на самом деле все так просто, то это даже смешно. Орри оставили в живых, потому что он был столь юн, нетренирован, не сформирован как личность, уязвим и послушен — идеальный орудие и источник информации. Мальчик был самым совершенством, вот только одного не знал — откуда он прибыл на Землю... К тому времени когда Синги обнаружили это, необходимая им информация уже начисто была стерта из сознания тех, кто располагал ею, а беспомощные члены экипажа были рассеяны по дикой, опустошенной Земле, обреченные на смерть от несчастного случая, голода, нападения диких животных или людей.

Вероятно, Кен Кениек, манипулируя вчера мозгом Рамаррена с помощью психокомпьютера, пытался заставить его выдать, как звучит название солнца планеты Верель на галакте. И логично предположить, что если бы он разгласил эти сведения, то был бы уже мертв или лишен разума. Собственно, он, Рамаррен, им не нужен, нужны только его знания. Но, похоже, враг их так и не получил.

Данный факт сам по себе должен был изрядно встревожить Сингов. Атмосфера строгой секретности вокруг содержания книг Потерянной Колонии на Келшаке соответствовала технике защиты мозга от телепатического вторжения. Эта мистическая секретность — или, вернее, ограниченность доступа — сформировалась за долгие годы на базе ревностного контроля за распространением научно-технических знаний, проводимого Первыми Колонистами и имевшего, в свою очередь, в своей основе Закон Лиги о

культурном эмбарго, который запрещал импорт достижений культуры и техники на колонизируемые планеты.

Концепция ограничения доступа к информации стала краеугольным камнем верелианской культуры, и деление верелианского общества на ранги базировалось на убеждении, что знания и техника должны оставаться под разумным контролем. Отдельные сведения, такие как Истинное Имя солнца, были формальными и символическими, но данный формализм воспринимался с беспредельной серьезностью, ибо в Келшаке знание являлось религией. Для охраны таких неосязаемых священных мест в чело-веческом разуме были выработаны неуловимые и неуязвимые средства защиты. Запрет мог быть нарушен, только если Рамаррен находился в одном из Мест Тишины и к нему обращался в определенной форме человек, достигший такой же Ступени. В иных обстоятельствах он был просто не способен открыть на словах, письменно или телепатически Истинное Имя солнца родной планеты.

Разумеется, Рамаррен располагал эквивалентными комплексами сведений — набором навыков из области астрономии, которые давали ему возможность прокладывать курс «Альтерры» от Вереля к Земле; знанием точного расстояния между солнцами двух планет; отпечатавшейся в его памяти астронома четкой картиной звездного неба, каким оно видится с Вереля. Синги до сих пор не получили от пленника подобную информацию — скорее всего вследствие того, что его мозг находился в слишком хаотичном состоянии в первые часы после того, как он был восстановлен посредством манипуляций Кен Кениека, а может, и потому, что продолжали функционировать усиленный парагипнотический защитный блок и особые преграды. Зная, что на Земле все еще может находиться Враг, экипаж «Альтерры» отбыл подготовленным. Синги могли бы заставить пленника раскрыть информацию только в том случае, если бы они добились существенно больших успехов в деле изучения мозга, чем верелиане. Им оставалось лишь пытаться сбить его с толку, убедить по-хорошему. Так что в настоящее время он мог не опасаться, по крайней мере, физических мер воздействия.

...До тех пор, пока врагу не станет известно, что он сохранил память Фалька.

Впервые осознав это, он невольно поежился. Раньше подобное как-то не приходило ему в голову. Как Фальк, он был для Сингов бесполезен, но и безвреден. Как Рамаррен, он был им полезен и тоже безвреден. Но как Фальк-Рамаррен, он представлял из себя угрозу, и они этого не потерпят: просто не смогут позволить себе мириться с подобной угрозой.

Кроме того, необходимо было ответить еще на один вопрос — почему они так стремятся узнать, где находится Верель? Какое им дело до Вереля?

И снова память Фалька воззвала к разуму Рамаррена, на сей раз спокойным, жизнерадостным и ироничным голосом. Старый Слухач в дремучем лесу, человек, чувствовавший себя на Земле еще более одиноким, чем Фальк, как-то сказал: «Сингов совсем немного...»

Он назвал это великой новостью, мудростью и советом; и то была чистая правда. Согласно старинным преданиям, с которыми Фальк познакомился в Доме Зоува, Синги были пришельцами из очень отдаленного сектора Галактики, расположенного за скоплением Гиад. Если дело действительно обстояло так, столь невообразимую бездну пространства-времени вряд ли пересекло великое множество Сингов. Их число оказалось достаточным, чтобы внедриться в Лигу и уничтожить ее посредством телепатической лжи, а также других способностей или оружия, которыми враги, возможно, располагали. Но было ли их достаточно много, чтобы править всеми теми планетами, которые они разъединили и завоевали? Планеты невелики только по сравнению с разделяющей их бездной. Сингам, должно быть, пришлось рассеяться по покоренным планетам и всеми силами удерживать их от восстания.

Орри сказал как-то Фальку, что Синги вряд ли много путешествуют или торгуют, используя околосветовые корабли; за все время своего пребывания на Земле он ни разу не видел такого корабля. Было ли это следствием того, что они боялись своих собственных соплеменников на других планетах, которые могли во многом превзойти их за прошедшие столетия? Или, возможно, Земля — единственная планета, которой они все еще правили, ограждая ее от любых попыток исследования со стороны других планет? Точных сведений не было; но скорее всего на Земле Сингов действительно немного.

Они отказывались верить рассказу Орри о том, что земляне на Вереле видоизменились, генетически сблизившись с местной формой жизни, и в конце концов смогли получать плодовитое потомство от браков с туземными гуманоидами. Синги утверждали, что это невозможно; значит, с ними такого не произошло, они оказались не способны образовывать полноценные семьи с землянами. Они и по прошествии двенадцати столетий были чужими на Земле, оставаясь в изоляции. Неужели Синги и в самом деле правили человечеством из одного-единственного Города?

Рамаррен вновь обратился за советом к Фальку и получил отрицательный ответ. Враг манипулировал людьми с помощью хитрости, страха и оружия, быстро предотвращая чрезмерное усиление какого-либо племени или накопление знаний, которые могли бы представлять из себя угрозу. Синги не давали человечеству возможности что-либо сделать, но и сами ничего не делали. Они не правили, а только вредили.

Теперь было ясно, почему Верель представлял для них смертельную опасность. До сих пор им удавалось сохранять невидимую,

но разрушительную власть над человеческой культурой, которую они давным-давно сломали и направили в иное русло. Однако сильная, многочисленная, технологически развитая раса, воспитанная на легендах о своем кровном родстве с землянами, располагавшая познаниями о принципах работы мозга и оружием, не уступавшим их собственному, могла сокрушить Сингов одним ударом и освободить людей от их власти.

Если они узнают от него, где находится Верель, вышлют ли они туда околосветовой корабль-бомбу, как огонек, бегущий по сверхдлинному бикфордову шнуру, что протянулся через световые годы для уничтожения планеты?

Да, такая возможность казалась более чем реальной. И все же два факта говорили против нее: тщательная подготовка юного Орри как бы к роли посланника, а также — единственный Закон Сингов.

Фальк-Рамаррен был не в состоянии решить, являлось ли правило Уважения к Жизни единственной подлинной верой врага, единственным мостиком над пропастью самоуничтожения, которая таилась в поведении Сингов подобно черному каньону, над которым выстроен их город, или же это было величайшей ложью из всего нагромождения лжи. Они действительно старались избегать убийства разумных существ. Они оставили его и, возможно, других членов экипажа в живых; их тщательно приготовленная пища была растительного происхождения; для того чтобы сдерживать рост населения, Синги натравливали племена друг на друга, развязывали войны, оставляя людям право убивать; согласно легендам, в первые годы своего правления они прибегали к евгенике и переселению народов, а не к геноциду. Значит, они следовали букве собственного Закона, только на особый лад.

В таком случае их забота об юном Орри свидетельствовала о том, что ему и предстояло исполнить роль их посланника. Ему, единственному спасшемуся участнику полета, предстояло вернуться через бездну космического пространства на Верель и рассказать соотечественникам то, что Синги поведали ему о Земле — чирик, чирик, подобно птицам, что чирикали «нельзя отнимать жизнь» высокоморальному борову, или попискивавшим мышам в подвалах Дома Страха... Недалекий, честный, одурманенный Орри принесет Великую Ложь на Верель.

Честь и память о Колонии были сильными движущими силами на Вереле, и зов о помощи с Земли мог бы получить на нем отклик; но если верелианам расскажут, что нет и никогда не было Врага, что Земля является древним райским садом, им вряд ли захочется совершать столь длительное путешествие. Если же они все-таки решатся это сделать, то отправятся в путь невооруженными, подобно Рамаррену и его товарищам.

Еще один голос всплыл в его памяти, услышанный еще раньше в глубинах Леса: «Мы не можем жить так вечно. Должна быть какая-то надежда, некое знамение».

Зоув полагал, что Фальк прибыл сюда с посланием к человечеству. Увы, надежда оказалась еще более непрочной, знамение — еще более неясным. Наоборот, ему предстояло переправить послание человечества, по существу, мольбу о помощи, об избавлении.

«Я должен отправиться домой. Я должен рассказать им всю правду», — подумал Рамаррен, зная, что Синги любой ценой не допустят этого, что будет послан только Орри, а его задержат здесь или убьют.

Совершенно измотанный долгими попытками думать последовательно и связно, он наконец расслабился, перестав жестко контролировать свой измученный сомнениями двойной разум, и в изнеможении упал на кушетку, спрятав лицо в ладонях. «Если б я только мог отправиться домой. Если б я только смог еще раз пройтись вместе с Парт по поляне...»

Так оплакивал свою незавидную долю мечтатель Фальк. Рамаррен же пытался уйти от безысходной тоски, думая о своей жене Адрис — темноволосой золотоглазой женщине в платье, расшитом тысячью крохотных серебряных цепочек. Но его обручальное кольцо пропало, а Адрис была мертва. Она умерла давным-давно. Девушка выходила замуж за Рамаррена, зная, что вместе они будут немногим более одного лунокруга, так как он уже готовился к полету на Землю. Во время единственного, ужасного мгновения полета она прожила всю свою жизнь, состарилась и умерла. Со дня ее смерти скорее всего прошло не менее сотни земных лет... Где теперь тот мечтатель, где его мечта?

«Тебе следовало умереть столетием раньше», — сказал как-то Властитель Канзаса ничего не понимавшему Фальку, видя, чувствуя или зная, что внутри него кроется человек, рожденный давным-давно. Теперь, если Рамаррену суждено вернуться на Верель, он попадет в далекое будущее. Около трех столетий, почти пять верелианских долгих лет пройдет с тех пор, как он покинул родную планету. Все изменится настолько, что на Вереле он будет таким же чужаком, каким был на Земле.

Оставалось только одно место, куда он действительно мог вернуться как к себе домой и быть с радостью встреченным теми, кто любил его: Дом Зоува. Но он никогда больше его не увидит. Если и вела его куда-то судьба, так только прочь от Земли. Он вынужден полагаться только на самого себя и должен пройти свой путь до конца.

День давно уже наступил. Осознав, что очень голоден, Рамаррен подошел к скрытой двери и громко попросил на галакте принести ему еды. Ответа не последовало, однако вскоре слуга принес еду и сервировал стол. Когда Рамаррен заканчивал трапезу, за дверью прозвучал слабый сигнал зуммера.

— Войдите, — сказал Рамаррен на языке Келшак, и в комнату вошли Хар Орри, высокий Синг Абандибот и двое других, которых Рамаррен раньше не видел, и все же их имена всплыли у него в голове: Кен Кениек и Краджи. Их представили ему с предельной вежливостью.

Рамаррен обнаружил, что в состоянии вполне прилично владеть собой. Необходимость держать личность Фалька тщательно скрытой и подавленной фактически пошла ему только на пользу, позволив вести себя легко и непринужденно. Он чувствовал, что психолог Кен Кениек пытается настроиться на его мозг, причем с недюжинным искусством и напором, но это ничуть не беспокоило Рамаррена. Если его барьеры выдержали даже под парагипнотическим колпаком, они, безусловно, не подведут и сейчас.

Никто из Сингов не обращался к нему телепатически. Они стояли поодаль в странных напряженных позах, как бы опасаясь чьего-либо прикосновения, и говорили исключительно шепотом. Рамаррен задал несколько вполне естественных вопросов о Земле, человечестве и Сингах, с серьезным видом выслушивая каждый ответ. Раз он попытался настроиться на мозг юного Орри... Не удалось. Мальчик не имел никакой видимой защиты, но, вероятно, подвергся некой ментальной обработке, которая свела на нет то небольшое искусство фазовой настройки, которому он научился еще будучи ребенком. Кроме того, мальчик находился под воздействием наркотика, к употреблению которого его приучили. Даже когда Рамаррен послал ему незаметный, традиционный сиг-

нал их родства по пречное, Орри продолжал сосать трубочку с наркотиком. Погружение в яркий, притягивающий мир наркотического полусна притупило восприятие мальчика, и он не реагировал ни на какие сигналы.

— Вы пока что не видели на Земле ничего, кроме этой комнаты, — хриплым шепотом сказал одетый как женщина Синг по имени Карджи. Рамаррен остерегался всех Сингов, но Карджи возбуждал в нем особый, инстинктивный страх и антипатию. Было что-то омерзительное в этом тучном теле под ниспадавшими одеждами, в длинных иссиня-черных волосах, в хриплом выверенном шепоте.

— Разумеется, мне хотелось бы увидеть больше.

— Мы обязательно покажем вам все, что вы пожелаете увидеть. Земля открыта для своего почетного гостя.

— Я не помню, видел ли я Землю с борта «Альтерры», — задумчиво произнес Рамаррен на галакте с сильным верелианским акцентом. — Не помню я и нападения на корабль. Не могли бы вы объяснить мне, чем это вызвано?

Возможно, рискованный вопрос, но уж очень хотелось получить ответ, заполнить единственный пробел в двойной памяти.

— Вы находились в состоянии, которое мы называем ахронией, — сказал Кен Кениек. — Выход из полета со скоростью света произошел мгновенно, непосредственно у Барьера, поскольку ваш корабль не оборудован устройством для синхронизации состояния с различной скоростью течения времени. На тот момент и в течение последующих нескольких минут или часов вы были либо без сознания, либо безумны.

— Мы не сталкивались с данной проблемой во время коротких перелетов со скоростью света.

— Чем дольше полет, тем сильнее Барьер.

— Полет на сто двадцать пять световых лет на едва апробированном корабле, — добавил Абандибот своим скрипучим шепотом и с присущей ему напыщенностью, — был очень храбрым поступком!

Рамаррен принял комплимент, не поправив цифры.

— Давайте, милорды, покажем нашему гостю Столицу Земли.

Одновременно со словами Абандибота Рамаррен перехватил обрывок телепатического разговора между Краджи и Кен Кениеком, хотя не уловил его смысла. Он был слишком поглощен подержанием собственной защиты, чтобы отвлекаться на подслушивание мыслеречи или даже на прощупывание чужих эмоций.

— Корабль, на котором вы возвратитесь на Верель, — сказал Кен Кениек, — будет, конечно же, оснащен ретемпорализатором, и вы не испытаете расстройств психики при входе в околопланетное пространство родной планеты.

Рамаррен поднялся, причем весьма неуклюже — в отличие от Фалька, он не привык к стульям и ощущал неудобство от сидения

будто бы на насесте — но, оказавшись на ногах, тут же переспросил:

— Корабль, на котором мы вернемся?..

В затуманенном зоре Орри блеснула искра. Краджи зевнул, показав крепкие желтые зубы.

— Когда вы увидите все, что хотели бы посмотреть на Земле, — сказал Абандибот, — и узнаете все, что вы хотели бы узнать, мы предоставим вам околосветовой корабль, на котором вы, лорд Агад и Хар Орри, сможете вернуться домой. Сами мы путешествуем крайне мало. Войн больше нет; нет и необходимости торговать с другими планетами, и мы не хотим вновь взваливать на нашу бедную Землю бремя гигантских расходов на постройку околосветовых кораблей только ради утоления собственного любопытства. Мы, люди Земли, теперь относимся к старым расам; мы сидим дома, ухаживаем за своим садом и не лезем в чужие дела. Но ваш полет должен быть завершен, ваша миссия должна быть выполнена. «Новая Альтерра» ждет вас в космопорту, и Верель ждет вашего возвращения. Очень жаль, что вашей цивилизации не удалось заново открыть принципы связи с помощью ансибля, и мы поэтому не в состоянии прямо сейчас наладить контакт. К настоящему времени на Вереле, возможно, и появилось устройство мгновенной связи, однако мы не можем послать сообщение, не располагая координатами Вереля.

— Верно, — вежливо заметил Рамаррен.

Возникла небольшая напряженная пауза.

— Не думаю, что я понял... — первый начал Рамаррен.

— Ансибль — это...

— Я знаю, что такое ансибль, хотя и не понимаю, как он работает. Действительно, к тому времени как я покинул Верель, мы еще не открыли повторно принципа мгновенной связи. Но что помешало вам наладить контакт с Верелем?

Он встал на скользкую дорожку и сейчас, полностью владея собой, находился в центре внимания, являясь равноправным игроком, а не пешкой в чужой игре. Застывшие лица его собеседников излучали почти физически ощутимое напряжение.

— Преч Рамаррен, — сказал Абандибот, — мы никогда не имели чести знать, где в точности находится Верель, поскольку Хар Орри слишком молод, чтобы помнить точное расстояние до планеты, хотя, конечно же, приближительная цифра нам известна. Так как его практически не учили галакту, мальчик не смог назвать на нем и имя солнца Вереля. Поэтому мы вынуждены ждать помощи от вас, прежде чем предпринять попытку установить ансибль-контакт с Верелем, а также ввести координаты вашей родной планеты в компьютер приготовленного для вас корабля.

— Итак, вы не знаете имени звезды, вокруг которой вращается Верель?

— К несчастью, в этом-то и заключается вся проблема. Если вас не затруднит...

— Я не могу сказать его вам.

Это не удивило Сингов. Они были слишком погружены в себя, слишком эгоцентричны.

Абандибот и Кен Кениек никак не отреагировали на слова Рамаррена. Карджи же промолвил странным, леденящим душу выверенным шепотом:

— Вы хотите сказать, лорд Агад, что тоже его не знаете?

— Я не могу назвать вам Истинное Имя Нашего Солнца, — торжественно произнес Рамаррен.

На этот раз он уловил мысленный посыл, обращенный Кен Кениеком к Абандиботу: «Ну, что я тебе говорил!»

— Преч Рамаррен, прошу извинить мое невежество. Я не знал, что задавать подобные вопросы запрещено. Вы же простите меня, не так ли? В свое оправдание могу лишь сказать, что мы не знакомы с вашими обычаями, и хотя невежество является плохим извинением, это все, на что я могу уповать, — прохрипел Абандибот.

Тут его неожиданно перебил словно очнувшийся от испуга Орри:

— Преч Рамаррен, но вы... вы же сумеете задать кораблю координаты? Вы же должны помнить то... что вам было известно как навигатору?

Рамаррен повернулся к мальчику и тихо спросил:

— Ты хочешь вернуться домой, вesppeчa?

— Да!

— Через двадцать или тридцать дней, если это подходит лордам, что предложили нам столь щедрый дар, мы отправимся на их корабле к Верелю.

Он снова повернулся к Сингам:

— Прошу простить меня за то, что мои уста и мой разум закрыты в ответ на ваш вопрос. Мое молчание плохо смотрится на фоне вашей невиданной искренности.

«Если бы мы пользовались мыслеречью, — подумал Рамаррен, — данный обмен репликами был бы куда менее вежливым». В отличие от Сингов, он не умел мысленно лгать и, следовательно, не смог бы произнести ни единого слова из своих последних вежливых речей.

— Ничего страшного, лорд Агад! Для нас важны не столько ответы на наши вопросы, сколько ваше благополучное возвращение! Главное, чтобы вы были в состоянии запрограммировать корабль — а все наши записи и компьютеры в вашем распоряжении, стоит только попросить.

Да, если Синги захотят узнать, где расположен Верель, им понадобится всего лишь проверить, какой курс был введен в бортовой компьютер. После чего они повторно сотрут содержимое мозга Рамаррена, объяснив Орри, что восстановление памяти в

конце концов привело к полному расстройству его психики; а затем отправят Орри с посланием на Верель. Если и существовал какой-то выход из этой западни, то он его пока что не отыскал.

Они все вместе прошли через призрачные коридоры, спустились по лестницам и лифтам и вышли из дворца на улицу. Та часть его мозга, что являлась Фальком, была практически подавлена, и Рамаррен двигался, думал и говорил совершенно свободно — так, как и следовало ожидать от Рамаррена. Он ощущал постоянную настороженную готовность разумов Сингов, в особенности Кен Кениека, поймать верелианина на малейшей ошибке или проскользнуть в самую узкую щелочку в его защите. Напряжение заставило Рамаррена быть бдительным вдвойне. Поэтому именно он, чужак, взглянул вверх на предполуденное небо и увидел там желтое солнце Земли.

Рамаррен остановился, охваченный внезапной радостью, поскольку это действительно было событие, независимо от того, что произошло раньше и что ждало его в будущем. Событие — увидеть на протяжении одной жизни сияние двух светил: свет оранжево-золотого солнца Вереля и светло-золотого — Земли. Теперь он мог сопоставить их, как человек, державший в руках два самоцвета и сравнивавший их красоту ради того, чтобы воздать еще большую хвалу каждому в отдельности.

Мальчик стоял рядом. Рамаррен начал бормотать первые слова приветствия, которому учат детишек народа Келшак, чтобы те произносили его при виде восходящего солнца или после затяжных зимних бурь:

— Добро пожаловать, животворная звезда, средоточение жизни...

Орри подхватил слова гимна и стал нараспев вторить старшему. Впервые между ними возникло согласие, и Рамаррен был рад, поскольку Орри еще предстояло сыграть свою роль.

Вызвали слайдер, и они поехали по улицам города. Рамаррен задавал соответствующие вопросы, Синги отвечали на них так, как считали нужным. Абандибот стал подробно описывать, как все башни, мосты, улицы и дворцы Эс Тоха были возведены тысячелетие назад за одну ночь на речном острове на другой стороне планеты и как из века в век, едва только у них возникало такое желание, Повелители Земли призывали на помощь свои удивительные машины и перемещали весь город на новое, удовлетворявшее их прихотям место.

Орри был так оглушен наркотиками и сладкими речами, что верил всему напропалую, а верил ли этим рассказам Рамаррен, Сингов интересовало мало. Абандибот, очевидно, порою лгал просто для собственного удовольствия; возможно, иных удовольствий у него и не было.

Затем последовали подробные описания того, как многие Синги смешались с простыми людьми, замаскировавшись под «туземцев» и реализуя единый план, исходивший из Эс Тоха; какой беззаботной и полнокровной жизнью живет большая часть человечества, зная, что Синги поддерживают мир и несут на своих плечах бремя власти; как чутко опекаются наука и искусство, как гуманно относятся к бунтовщикам и преступным элементам. Планета смиренных людей, живущих в скромных маленьких домиках, планета миролюбивых племен и стойбищ, планета, где нет войн, убийств и перенаселенности, где позабыты прежние достижения и амбиции. Земля — обитель сущих детей под неусыпным отеческим руководством Сингов...

Утешающий и ободряющий рассказ все продолжался и продолжался, повествуя об одном и том же с различными вариациями. Неудивительно, что бедный малыш Орри верил всем этим рассказам. Рамаррен тоже поверил бы практически всему, не будь у него воспоминаний Фалька о лесе и о равнинах; Фальк жил на Земле совсем не среди детей, но среди людей ожесточившихся, страдавших и полных страстей.

В тот день Рамаррена водили по всему Эс Тоху, и ему, жившему среди старинных улиц Вегеста и в гигантских Зимних Домах Каспула, Эс Тох показался призрачным городом, ненастоящим и скучным, поражающим лишь фантастической красотой окружающей природы. Затем Рамаррену и Орри начали показывать Землю с борта аэрокара и с межпланетных кораблей во время однодневных поездок под присмотром Абандибота или Кен Кениека. Они совершили вылазки на каждый из материков Земли и даже на пустынную, давным-давно покинутую Луну.

Дни сменялись днями; Синги продолжали вести свою игру в расчете на Орри и готовы были обхаживать Рамаррена до тех пор, пока им не удастся вытянуть из него желаемую информацию. Хотя за ним постоянно наблюдали — непосредственно или с помощью электронных устройств, визуально или телепатически, — его ни в чем не ограничивали. Очевидно, Синги почувствовали, что им нечего бояться гостя.

Возможно, они даже собирались отпустить его домой вместе с Орри, считая Рамаррена достаточно безвредным в своем неведении. Но он мог получить обратный билет с Земли только в обмен на необходимую Сингам информацию, выдав месторасположение Вереля. Пока что он не сказал им об этом ни слова, они же ничего и не спрашивали.

Ну а узнай Синги в конце концов, где находится Верель... Так ли это важно?

Очень важно. Даже если в их планы и не входит немедленное нападение на потенциального противника, они в состоянии выслать вслед за «Новой Альтеррой» робота-шпиона с ансамбль-передатчи-

ком на борту, чтобы тот передавал в режиме реального времени сообщения на Землю о любых приготовлениях к новому межзвездному полету. Ансибль предупредит об экспедиции на Землю еще до ее отбытия. Единственным тактическим преимуществом Вере-ля перед Сингами было то, что Синги не знали точных координат планеты, а на поиски требовалось несколько столетий. Рамаррен мог купить себе шанс на освобождение, только подставив под удар родной дом.

Стараясь разрешить вставшую перед ним дилемму, он откровенно тянул время, посещая вместе с Орри и тем или иным из приставленных к нему Сингов самые различные места. Земля простиралась под крыльями их воздушных кораблей подобно гигантскому прекрасному саду, пришедшему в запустение и отданному на откуп сорнякам. Всем своим натренированным разумом Рамаррен искал какой-нибудь трюк, который позволил бы кардинально изменить расстановку сил и превратить его из марионетки в кукловода: так, во всяком случае, ситуация виделась его келшакскому складу ума. Если взглянуть на проблему под нужным углом, то можно найти единственно правильный выход из любой ситуации, будь то хаос или западня, поскольку в долгосрочной перспективе в основе всего лежит не дисгармония, но отсутствие взаимопонимания, не удача или неудача, но невежество. Вот об этом размышлял Рамаррен, в то время как его второе «я», Фальк, не только не высказывал своих предложений, но даже не тратил времени на всестороннее обдумывание ситуации.

Фальку, который видел, как дымчатые и яркие камни скользят по проволочкам Узора, который жил среди людей в их разоренных поселениях и общался с королями в изгнании, казалось, что ни одному человеку не дано управлять своей судьбой либо изменить ход игры. Единственное, что ему оставалось, — это ждать, когда сверкающий бриллиант удачи соскользнет на подходящий виток времени. Гармония существует, однако не существует способа постичь ее; Путь не может быть пройден. Поэтому, пока Рамаррен изнурял размышлениями свой разум, Фальк залег где-то в глубинах мозга и выжидал. Когда представится шанс, он его не упустит.

Или может случиться, что шанс сам найдет его.

Но пока ничего особенного не происходило. Они находились вместе с Кен Кениеком на борту маленького аэрокара, оборудованного автопилотом — одной из умных машин, что позволяли Сингам столь эффективно контролировать и умирять целую планету. Они возвращались в Эс Тох из продолжительного путешествия к островам Западного океана, на одном из которых совершили посадку. Местную деревушку на берегу лазурного теплого моря населяли красивые, уверенные в себе люди, всецело поглощенные хождением под парусом, плаванием и сексом — великолеп-

ный образчик человеческого счастья и возврата к природе, словно нарочно созданный для показа верелианам. Здесь не о чем было беспокоиться, нечего было бояться.

Орри дремал, не выпуская из пальцев трубочку с парифой. Кен Кениек включил автопилот и вместе с Рамарреном — но сидя в трех-четыре футах от него, поскольку Синги никогда ни к кому не приближались вплотную — смотрел через стеклянный колпак кабины аэрокара на спокойное голубое море. Рамаррен устал и позволил себе немного расслабиться в эти приятные мгновения праздности, висая в стеклянном шарике посреди синевато-золотистой сферы.

— Очаровательная планета, — заметил Синг.

— Да.

— Прекраснейший из всех миров. Хотя, возможно, Верель красивее?

— Нет, он куда суровее.

— Да, таким его делает весьма продолжительный год. Сколько он длится? Шестьдесят земных лет?

— Да.

— Вы родились осенью, не так ли? Значит, так ни разу и не видели планету летом?

— Всего один раз, когда я летал в южное полушарие. Но лето там холоднее, а зима теплее, чем в Лекши. Мне так и не довелось увидеть Великое Северное Лето.

— Вам еще может представиться такая возможность. Если вы вернетесь через несколько месяцев, какое время года будет на Вереле?

Рамаррен прикинул в уме и через пару секунд ответил:

— Позднее лето. Что-то около двенадцатого лунокруга лета.

— По моим подсчетам должна была бы быть осень... сколько времени длится полет?

— Сто сорок два земных года, — ответил Рамаррен, и когда он произнес эти слова, легкий порыв паники пронесся по его рассудку и тут же утих. Он почувствовал присутствие сознания Синга в своем мозгу; отвлекая внимание Рамаррена разговорами, Синг ментально потянулся к его рассудку, обнаружил, что защита ослабла, и установил полномасштабный контроль. Это свидетельствовало о невероятной терпеливости и недюжинном мастерстве Синга в области телепатии. Раньше Рамаррен боялся возникновения подобной ситуации, но сейчас, когда это все-таки случилось, тревоги не испытывал.

Теперь Кен Кениек общался с ним мысленно, с помощью прекрасно воспринимаемой, отчетливой мыслеречи, а не посредством присущего Сингам хриплого тихого шепота.

— Все в порядке, все очень даже неплохо. Разве вам не приятно, что мы наконец настроились друг на друга?

— Очень приятно, — согласился Рамаррен.

— Действительно. Теперь, когда мы находимся в созвучии друг с другом, все наши волнения позади. Итак, сто сорок два световых года... Выходит, ваше солнце находится в созвездии Дракона. Как оно зовется на галакте? Нет, все правильно, вы не можете произнести его ни вслух, ни мысленно. Эльтанин — таково название вашего солнца, не так ли?

Рамаррен не отреагировал на его слова.

— Эльтанин — Око Дракона. Очень хорошо. Другие звезды, которые мы рассматривали как вариант, находятся несколько ближе. Теперь мы сэкономим уйму времени. Мы уже почти...

Быстрая, отчетливая, убаюкивающая мысль-речь внезапно оборвалась, и Кен Кениек конвульсивно дернулся; то же самое произошло и с Рамарреном. Синг резко рванулся к органам управления аэрокаром, но мгновенно отпрянул. Он как-то странно, излишне сильно наклонился вперед, словно небрежно управляемая марионетка. Затем осел на пол кабины и так и остался там лежать, белым застывшим лицом вверх.

Орри, внезапно пробудился от своей наркотической дремоты и усталился на Рамаррена:

— Что случилось? Что-то не так?

Ответа он не услышал. Рамаррен стоял так же неподвижно, как лежал Синг, глаза его впились в глаза Кен Кениека двойным невидящим взором. Когда он наконец зашевелился, с его губ сорвалось несколько слов на непонятном для Орри языке. Через мгновение он с трудом произнес на галакте:

— Сделай так, чтобы корабль завис.

Теперь он говорил без верелианского акцента, на искаженном диалекте галакта, употребляемом обитателями Земли. Несмотря на корявость речи, настойчивые и властные интонации прозвучали предельно ясно. Орри подчинился приказу. Маленький стеклянный шарик завис над центром чаши океана к востоку от солнца.

— Преч, что...

— Молчи!

Наступила тишина. Кен Кениек неподвижно лежал на полу кабины. Жуткое напряжение, охватившее Рамаррена, начало постепенно ослабевать.

Схватка на ментальном уровне между ним и Кен Кениеком свелась к череде засад и ответных ловушек. В физических терминах, Синг внезапно бросился на Рамаррена, полагая, что захватил в плен одного человека, однако на него самого неожиданно напал

другой человек, точнее, разум, притаившийся в засаде, — Фальк. Он был в силах лишь на краткий миг взять под контроль сознание Синга, да и то лишь благодаря внезапности нападения, но этого мгновения вполне хватило, чтобы освободить Рамаррена. Итак, Рамаррен на мгновение вышел на свободу, а разум Синга по-прежнему оставался синхронизированным с ним. Следовательно, он был уязвим, и Рамаррену удалось взять под контроль сознание Кен Кениека. Потребовались все искусство и вся мощь разума, чтобы держать мозг Синга в узде, делая врага таким же беспомощным и покорным, каким секундой раньше был его собственный мозг. Но у него по-прежнему имелось большое преимущество: он являлся человеком с двумя разумами, и пока Рамаррен удерживал Синга в беспомощном состоянии, Фальк был свободен в своих мыслях и поступках.

Именно сейчас выдался тот случай, тот шанс, которого он так ждал. Второй такой возможности может и не представиться.

Фальк вслух спросил:

— Где находится приготовленный к полету околосветовой космический корабль?

Было забавно слышать, как Синг отвечает на вопрос своим хриплым шепотом, и впервые не сомневаться в том, что он лжет.

— В пустыне к северо-западу от Эс Тоха.

— Охраняется?

— Да.

— Людьми?

— Нет.

— Вы отвезете нас туда.

— Я отвезу вас туда.

— Веди корабль туда, куда он тебе скажет, Орри.

— Я ничего не понимаю, преч Рамаррен. Разве мы не...

— Мы собираемся покинуть Землю прямо сейчас. Займись управлением.

— Займись управлением, — тихо повторил Кен Кениек.

Орри повиновался, следуя указаниям Синга относительно курса полета. На полной скорости аэрокар понесся в восточном направлении, и все же казалось, что он продолжает висеть над безмятежным центром океана, к кромке которого за их спинами медленно клонилось солнце. Западные острова будто плыли навстречу по испещренному морщинками волн изгибу сверкающей поверхности воды; потом впереди выросли остроконечные белые вершины прибрежных хребтов, которые мгновение спустя замаскировали под брюхом аэрокара. И вот они уже над мрачной пустыней, взрезанной обезвоженными извилистыми цепями гор.

Продолжая следовать едва слышным указаниям Кен Кениека, Орри снизил скорость аэрокара, сделал круг над одним из горных кряжей, затем переключил управление на посадочный маяк. Вы-

сокие безжизненные горы вздымались над ними, окружая их стеной, когда аэрокар сажился на выжженное, тенистое плато.

Не было видно ни космопорта, ни посадочного поля, ни дорог, ни зданий, но какие-то неясные, гигантские тени, словно миражи, дрожали над песком и зарослями полыни на фоне темных склонов гор. Фальк смотрел на них, безуспешно пытаясь сфокусировать зрение, и Орри первым удивленно выдохнул:

— Корабли!

Это был флот межзвездных кораблей Сингов, замаскированный светоотражающими сетками. Первыми Фальку на глаза попались небольшие корабли, но были и другие, которые он сперва принял за холмы...

Аэрокар изящно приземлился рядом с маленьким полуразрушенным бараком без крыши, чьи доски побелели и потрескались на ветру пустыни.

— Что это за барак?

— Вход в подземные помещения находится у одной из его стен.

— Там внизу стационарные компьютеры?

— Да.

— Готов ли какой-нибудь из малых кораблей к полету?

— Они все готовы. В большинстве своем, это полностью автоматизированные корабли-защитники.

— Есть ли среди них хотя бы один, который может пилотироваться людьми?

— Да. Тот, который предназначался для Хара Орри.

Рамаррен удерживал телепатическую хватку на разуме Синга, в то время как Фальк приказал тому отвести их на корабль и показать бортовые компьютеры. Кен Кениек тут же повиновался, хотя Фальк-Рамаррен, в общем-то, не ожидал столкнуться с подобной покорностью: как и в случае обыкновенного гипнотического внушения, существовали пределы управления разумом. Инстинкт самосохранения зачастую противился даже самому сильному внушению и мог даже нарушить ментальную настройку.

Однако измена, которую вынужден был сейчас совершить Синг, по-видимому, не вызывала в нем инстинктивного сопротивления; он провел их к звездолету и послушно ответил на все вопросы Фалька-Рамаррена, затем отвел назад к полуразрушенному барaku и отдал команду, открывшую потайной люк, что скрывался в песке рядом с дверью в хижину. Они ступили в открывшийся туннель. У каждой подземной двери или защитного устройства Кен Кениек произносил соответствующий сигнал или пароль, и в конце концов они попали в защищенные от нападения, катаклизмов и грабителей помещения глубоко под землей, где находились устройства автоматического управления и компьютеры для прокладки курса.

Со времени инцидента в аэрокаре прошло уже больше часа. Кен Кениек, покорный и подобострастный, напоминавший временами Фальку бедняжку Эстрел, стоял рядом, не способный причинить вред... пока Рамаррен полностью контролировал его мозг. Стоило его хватке ослабнуть, как Синг тут же отправил бы мысленный призыв о помощи в Эс Тох, если найдет на это силы, либо активизирует какую-либо систему сигнализации, и Синги с их вооруженными слугами придут сюда буквально через пару минут. Но Рамаррену все же придется ослабить этот контроль, ибо в дальнейшем для оценки ситуации требовался именно его мозг. Фальк не знал, как ввести в компьютер данные для расчета курса на Верель, планету системы звезды Эльтанин. Это мог сделать только Рамаррен.

Однако у Фалька имелись свои способы решения данной проблемы.

— Дайте мне ваш пистолет.

Кен Кениек тут же вручил ему миниатюрное оружие, которое прятал под ниспадающими одеждами. Орри с ужасом наблюдал за происходящим. Фальк не собирался смягчать шок мальчика; фактически он даже усугубил его.

— Почтение к Жизни? — холодно осведомился он, осматривая оружие.

И действительно, это был не пистолет и не лазер, а лишь парализатор, причем маломощный. Из него нельзя было убить человека. Фальк направил оружие на Кен Кениека, жалкого в его полной беззащитности, и выстрелил. Тут Орри вскрикнул и рванулся вперед, однако Фальк направил парализатор и на него. Затем, с трясущимися руками, он отвернулся от двух распростертых на полу парализованных тел и отдал бразды правления Рамаррену. На данный момент он свое дело сделал.

У Рамаррена не было времени волноваться или мучиться угрызениями совести. Он сразу же направился к компьютерам и принялся за работу. Из осмотра бортовых устройств корабля стало ясно, что в них применялась не обычная сетианская математика, которую по-прежнему использовали земляне и из которой выросла верелианская математика — некоторые операции Сингов были абсолютно чужды сетианской логике. Ничто другое не могло столь твердо убедить Рамаррена в том, что Синги действительно являлись завоевателями с какой-то очень далекой планеты, чужаками для Земли и для всех планет древней Лиги. Он никогда до конца не верил в то, что старые земные легенды не искажают в данном вопросе истину, теперь же ему пришлось воочию в этом убедиться.

И хорошо, что Рамаррен был профессиональным математиком, иначе он быстро бы опустил руки, отчаявшись ввести координаты Вереля в работавшие на неведомых принципах компьютеры Сингов. Ему потребовалось пять часов...

Пока Рамаррен работал, Фальк не мог занимать глазные рецепторы, но он прислушивался к малейшему шороху и ни на секунду не забывал о распростертых неподалеку двух бесчувственных телах. А еще он думал об Эстрел, гадая, где она сейчас и что с ней стало. Держат ли ее под стражей, а может, стерли ей память или убили? Нет, Синги не убивают. Они боятся убивать и боятся умирать, а потому назвали свой страх Почтением к Жизни.

Синги, Враги, Лжецы... Лгали ли они на самом деле? Возможно, дело обстоит не совсем так; возможно, в основе их лжи лежит глубокое, не поправимое отсутствие взаимопонимания. Они оказались не способны вступить в контакт с людьми и использовали ложь в корыстных целях, выковав из нее великое оружие — лживую мыслеречь. Но, в конце концов, стоила ли овчинка выделки? Двадцать столетий лжи минуло с тех пор, как враги впервые появились на Земле... Изгнанники или пираты, а может быть, просто авантюристы, мечтавшие о создании собственной империи. Выходцы с невообразимо далекой планеты, чья плоть навечно осталась стерильной. Изолированные, глухонемые, правившие такими же глухонемыми в мире иллюзий. Как они были одиноки...

Рамаррен завершил свой труд. После пяти часов изнурительной подготовительной работы и восьми секунд вычислений компьютера в его руку скользнула крохотная иридиевая полоска, необходимая для программирования бортового компьютера.

Он обернулся и уставился затуманенным взором на Орри и Кен Кениека. Как с ними поступить? Очевидно, им придется отправиться в полет.

«Сотри записи расчетов в компьютере», — пронесся в голове знакомый голос, его собственный голос — голос Фалька. У Рамаррена от усталости в глазах стояли пятна, но постепенно до него дошел смысл требования Фалька, и он молча повиновался. После чего он не в силах был сообразить, что же нужно делать дальше. И тут в конце концов впервые сдался, не делая больше попыток доминировать, и позволил себе раствориться в... самом себе.

Фальк-Рамаррен тут же принялся за работу. Он энергично выволок Кен Кениека на поверхность и протаскил Синга по залитому лунным светом песку в корабль, едва различимые очертания которого дрожали в ночном воздухе пустыни; он устроил неподвижное тело в анатомическом кресле, всади в него дополнительную дозу парализующего облучения и вернулся за Орри.

По дороге к кораблю мальчик начал приходить в себя и ухитрился забраться внутрь без посторонней помощи.

— Преч Рамаррен, — хрипло спросил он, вцепившись в руку Фалька-Рамаррена, — куда мы направляемся?

— На Верель.

— Кен Кениек тоже летит с нами?

— Да. Он сможет рассказать на Вереле свою версию происходящего на Земле, ты — свою, а я — свою... Всегда существует более чем один путь к истине. Пристегнись-ка. Вот так.

Фальк-Рамаррен вставил маленькую металлическую полоску в считывающее устройство корабельного компьютера и задал трехминутную готовность к старту. Последний раз взглянув на пустыню и звезды, он задраил все люки и поспешил, дрожа от усталости и напряжения, пристегнуться рядом с Орри и Сингом.

Взлет обеспечивали обычные ракетные двигатели; околосветовой привод начинал действовать только в космосе. Корабль мягко оторвался от земли и через несколько секунд вышел за пределы атмосферы. Автоматически включились видеосcreens, и Фальк-Рамаррен увидел, как быстро уменьшается в размерах Земля — голубоватая, затянутая облаками сфера со светлым ободком. Затем корабль окунулся в бездонный океан солнечного света.

Покидает ли он свой дом или же направляется домой?

На обращенном вниз экране секундно вспыхнул золотистым полумесяцем Восточный океан, подобно драгоценному камню на гигантской решетке Узора. Затем узор и решетка разлетелись вдребезги, Барьер был преодолен, маленький корабль вырвался за пределы времени и помчался сквозь тьму космоса.

Содержание

От издательства	5
Роканнон, роман, <i>перевод И. Тогоевой</i>	7
Планета изгнания, роман, <i>перевод И. Гуровой</i>	123
Город иллюзий, роман, <i>перевод С. Славгородского</i>	225

МИРЫ УРСУЛЫ ЛЕ ГУИН
Собрание фантастических произведений

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

Составитель *Д. Смушкович*
Редактор *В. Баканов*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Ж. Голубева,*
А. Хиришфелде, Т. Ярославцева
Оператор компьютерной верстки *В. Рихтер*
Оформление шмуцтитолов: *В. Ковалев*

ЛР № 065224 от 17.06.97.
Подписано в печать 23.07.97. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура Таймс. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 1044.

ООО издательство «Полярис»
101000, Москва, Главпочтамт а/я 900

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Государственного Комитета Российской Федерации по печати
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН

РОКАННОН

Когда этнограф Роканнон оказывается затерян на незнакомой планете, его единственной надеждой становится поиск инопланетных убийц и единственной защитой — ожерелье «Глаз моря»...

ПЛАНЕТА ИЗГНАНИЯ

В мире, где год длится целую жизнь, два народа — аборигены-теварцы и пришельцы-земляне — должны объединиться, прежде чем и тем и другим принесет гибель великая Зима.

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

Прежде чем открыть зловещую тайну захватчиков-Сингов, потерявший память золотоглазый Фальк должен вначале узнать свое прошлое.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»

1997

ГОРОД ИЛЛЮЗИЙ

МИРЫ УРСУЛЫ ДЕ ГУИН